

ТАНЕЦ 17 ЖИЗНЕЙ

THE DANCE OF 17 LIVES

THE INCREDIBLE TRUE STORY OF
TIBET'S 17TH KARMAPA

Mick Brown

BLOOMSBURY

ТАНЕЦ 17 ЖИЗНЕЙ

НЕВЕРОЯТНАЯ И ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
17-ГО КАРМАПЫ ТИБЕТА

Мик Браун

Перевод с английского
Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова

Под общей редакцией *А. Нариньяни*

МОСКВА, 2008

УДК 294.321
ББК 86.35
Б87

By arrangement with
Bloomsbury Publishing Plc,
38 Soho Square, London, W1D 3NB
Great Britain

Публикуется по согласованию с издательством «Блумсбери»,
Лондон, Великобритания,
и литературным агентством «Синописис», Москва

Издательство «Открытый Мир» выражает глубокую признательность
Илье Дуровику и Маркусу Куперу
за их бескорыстную помощь в издании этой книги

OM Publishers expresses its deepest gratitude to Ilia Durovic
and Marcus Cooper for their generous support in the publication of this book

Перевод с английского Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова.

Б87 Браун М.

Танец 17 жизней. Невероятная и правдивая история 17-го Кармапы Тибета / Перевод с английского Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова. — М.: Открытый Мир, 2008. — 432 с. — (Самадхи).

ISBN 978-5-9743-0124-7

Необыкновенная история поисков и обнаружения реинкарнации 17-го Кармапы Тибета, полная жизни и драматизма, написанная совершенно беспристрастно, в жанре журналистского расследования. Мик Браун проехал тысячи километров, взял интервью у сотен людей, чтобы по кусочкам собрать эту увлекательную историю, показывающую, что политика всегда остаётся политикой, независимо от того, где разворачивается действие, и поведать о всепобеждающей силе подлинной духовности, которая выше любых политических игр. Автор даёт равные шансы обеим сторонам давнего спора о том, является ли общепризнанный Кармапа истинным перевоплощением своего предшественника, ясно и подробно излагая все аргументы за и против».

УДК 294.321
ББК 86.35

© Mick Brown, 2004
© Н. Афанасьева, Л. Ефимовских,
Е. Маслова, перевод 2007
© ООО «Открытый Мир», 2008

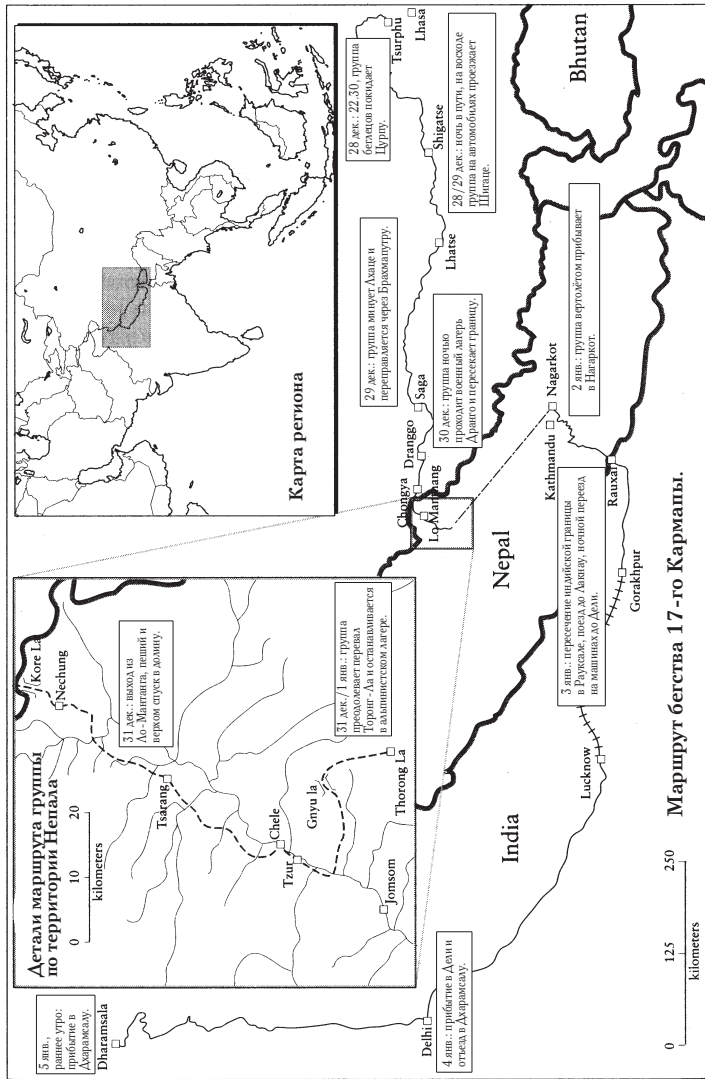
ISBN 978-5-9743-0124-7

«...Из вещества того же, как и сон, мы созданы,
И жизнь на сон похожа...»

Шекспир. Буря

СОДЕРЖАНИЕ

Маршрут бегства 17-го Кармапы	9
Основные действующие лица	11
Глава 1 Убедитесь в том, что у вас правильная мотивация	13
Глава 2 Знаки и чудеса	38
Глава 3 Львиный рык	66
Глава 4 «Вы никогда больше не сможете вновь быть эгоистом»	89
ГЛАВА 5 Золотые чётки	135
ГЛАВА 6 Мёд на лезвии бритвы	161
ГЛАВА 7 Письмо	185
ГЛАВА 8 Пение раковины	218
ГЛАВА 9 Лиса кричит	234
ГЛАВА 10 Трудно, но возможно	264
ГЛАВА 11 «Кандидат от оппозиции»	296
ГЛАВА 12 Согнутый клинок	318
ГЛАВА 13 Аудиенция у Далай-ламы	338
ГЛАВА 14 Любовь к «большой семье народов»	349
ГЛАВА 15 Побег	360
ГЛАВА 16 Пустота есть наполненность	387
Эпилог	407
Хронология событий	412
Библиография	415
Глоссарий	419
Благодарности	426
Краткая информация об авторе	430

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Его Святейшество 16-й Гьялва Кармапа Рангджунг Дордже (1923—1981)

Духовный лидер традиции карма-кагью тибетского буддизма со дня своего восшествия на трон в 1931 году и до своей кончины.

Его Святейшество 17-й Гьялва Кармапа Ургьен Тинлей Дордже (1985)

Нынешний духовный лидер традиции карма-кагью, который был возведён на трон в 1992 году, а в январе 2000 года бежал из Тибета в Индию.

Четыре духовных сына

Ближайшие, или «сердечные», ученики 16-го Кармапы и основные регенты—держатели линии учений махамудры в школе карма-кагью. После смерти 16-го Кармапы в 1981 году четыре духовных сына взяли на себя ответственность за обнаружение его реинкарнации. Их имена:

14-й Кунзиг Шамар Ринпоче, также известный как Шамарпа (1952)

12-й Тай Ситу Ринпоче, также известный как Тай Ситупа (1954)

12-й Гошир Гьялцаб Ринпоче (1954)

3-й Джамгон Конгтрул Ринпоче (1954—1992)

Его Святейшество 14-й Далай-лама Тибета (1935)

Духовный и светский лидер Тибета, вплоть до бегства в 1959 году в изгнание в Индию, после народного восстания против оккупации Тибета китайской армией. Ныне лидер тибетцев в изгнании.

Дамчо Йонгду

Секретарь по общим вопросам у 16-го Кармапы в его администрации (лабранге), сначала в монастыре Цурпу, а затем, вплоть до своей смерти в 1982 году, и в Румтеке (Сикким).

Топга Юлгьял

Племянник 16-го Кармапы и двоюродный брат Шамара Ринпоче, был с 1983 по 1992 год в лабранге Кармапы в Румтеке секретарём по общим вопросам.

Тензин Намгьял

С 1992 года секретарь по общим вопросам в лабранге 17-го Кармапы в Румтеке.

Тинлей Тхайе Дордже

Поддерживаемый Шамаром Ринпоче претендент на трон Кармапы.

Аконг Ринпоче

Один из двух основателей монастыря Самье Линг в Шотландии.

Друпон Дечен Ринпоче

Аббат монастыря Цурпу в Тибете, с 1984 года и до своей смерти в 1997 году.

Оле и Ханна Нидал

Датские последователи 16-го Кармапы, основавшие целый ряд буддийских центров во всём мире под эгидой собственной организации, известной как «Алмазный путь».

ГЛАВА 1

Убедитесь в том, что у вас правильная мотивация

Его первое воспоминание в жизни связано с лошадьми. Они мчатся по равнине, и топот их копыт, по его словам, «подобен грому», их дыхание оставляет клубы пара в морозном воздухе. Лошади украшены шарфами и шелками, все всадники — в праздничной одежде. Это свадебная процессия, его старшая сестра выходит замуж.

Апо Гага наблюдает за всеми, приоткрыв полог палатки, где он живёт вместе с родителями и восьмью братьями и сестрами. Ему три года. По понятиям кочевников этой части Восточного Тибета, их семья относительно богата. У отца Апо Гаги, Дондруба, восемь лошадей, примерно 200 овец и коз и 50—60 яков, этого достаточно как для собственных нужд семьи, так и для того, чтобы обменивать их на ячмень и другие товары, закупаемые в долине. Для их семьи як — это источник жизни и изобилия. Палатка, в которой семья живёт в те летние месяцы, когда они отводят домашних животных для выпаса на пастбища, сделана из шкур яков, мех яков используется для утепления одежды и изготовления одеял. Масло, приготовляемое из молока дри (самка яка), жирное, сладкое, обладающее специфическим вкусом, нужно для приготовления

еды, оно добавляется и в чай для придания ему вкуса. Это же масло заливается в маленькие лампы, окружающие алтарь, стоящий в углу палатки. Навоз используется в качестве топлива для приготовления еды и отопления палатки. Зимой, когда снег толстым слоем покрывает землю и животных негде пасти, когда их передвижения затруднены, вся семья возвращается в крепкий деревянный дом, построенный отцом Апо Гаги.

Уже до своего рождения Апо Гага считался особенным существом. В течение долгих лет его родители хотели сына, но безуспешно. Наконец его мать, Лога, забеременела. Во время беременности у неё было несколько необычных переживаний, указывающих на то, что ребёнок, которого она носит, является особенным. Во сне она видела трёх белых журавлей, предлагающих ей чашу с йогуртом. На чаше покоился яркий золотой слог, извещающий о том, что у неё будет мальчик. Журавли сказали ей, что их прислал Гуру Ринпоче, учитель, принёсший буддизм в Тибет, и что её сын будет великой духовной реинкарнацией, но ей следует хранить это в тайне, пока не откроется, что пришло время рассказать об этом миру. Ещё был сон, в котором она увидела, как из её сердца, переливаясь всеми цветами радуги, исходят восемь благоприятных символов. В ночь перед рождением ребёнка Дондруб с удивлением наблюдал несколько радуг, взошедших над их палаткой, хотя солнце к тому моменту уже скрылось за горами. Ребёнок родился на рассвете на следующее утро 26 июня 1985 года. Мать его не чувствовала боли, и говорили, что в момент рождения кукушка опустила на их палатку и пропела свою песню.

Три дня спустя, к удивлению всех слышавших это, по долине разнёсся звук, издаваемый морской раковиной, что является знаком прихода в мир перерождения великого ламы. Совершенно точно, что никто из людей в тот момент не играл на раковине, и в любом случае звук этот

был столь громким, что его попросту не мог издавать человек. В течение последующих лет эти легенды о чудесных знамениях, сопровождавших рождение ребёнка, распространялись, как круги по воде. Тем не менее пока что с Апо Гагой обращаются так же, как со всеми другими детьми. Родители мальчика, понимая, что он особенный ребёнок, не давали ему имени, оставив это на усмотрение ламы. Пока его зовут просто Апо Гага, что означает «счастливый брат». Это то имя, которым, по словам его старшей сестры, мальчика назвала сорока, когда однажды они играли у реки. Ребёнок всюду следует за своими старшими сёстрами, которые присматривают за домашними животными, он играет в обычные игры, в которые играют все дети кочевников. Это очень нежный и ласковый ребёнок.

Члены его семьи, да и всех других семей, с которыми они знакомы, являются преданными буддистами. Тридцать лет китайской оккупации и «перевоспитания» Тибета не смогли подавить их веру. В дни религиозных праздников они отправляются в ближайший монастырь, делают подношения, а иногда лама приезжает в их деревню на свадьбу или на какое-либо другое торжество. В своих играх дети подражают ламам: играют в пуджи (ритуальные службы) или молитвы, строят из камней троны и по очереди сидят на них, заявляя: «Я — лама». — «А теперь моя очередь». В каждом доме в углу есть алтарь. На нём маленькая статуя Будды Шакьямуни, семь чаш для подношений, масляные лампы, а также серкьем — чаша на длинной ножке, стоящая на медной тарелочке, в которую в качестве подношения защитнику Махакале каждый день наливается крепкий чёрный чай. Ещё на алтаре стоит фотография почтенного ламы, весёлого круглолицего мужчины в блеске золотистых одежд. Это 16-й Кармапа, один из тех просветлённых учителей тибетского буддизма, которые вызывают у верующих наибольшее благоговение.

За четыре года до рождения Апо Гаги он умер в Америке, стране, о которой семья Апо Гаги едва ли слышала, не говоря уже о том, что они никогда там не бывали. У Дондруба особая связь с 16-м Кармапой. Когда Дондруб был младенцем, родители взяли его с собой посмотреть на Кармапу, посещавшего в то время Кхам, провинцию в Восточном Тибете, где они жили. И именно Кармапа дал ему имя Карма Дондруб Таши.

Плод этой связи между великим ламой и семьёй простых кочевников уже появился, и это такой плод, о котором ни Дондруб, ни Лога не смели бы и мечтать. Если Апо Гага и знает об этом, то он ничего не говорит. Впрочем, откуда ему знать, что, пока он растёт, последователи Кармапы разыскивают реинкарнацию своего учителя и что далеко от его дома уже закрутились гигантские колёса религиозно-политической машины, неумолимо втягивая маленького Апо Гагу в свою орбиту.

Хотя кажется, что к семи годам он уже действительно знает об этом. Однажды ясным холодным утром он скажет своим родителям, что скоро появится много лошадей, которые заберут его с собой. И спустя три дня они появились, и после этого события жизнь Апо Гаги изменилась до неузнаваемости.

Я спрашиваю его, помнит ли он это?

— Честно говоря, не очень, — говорит он. — Может быть, потому что я был очень маленьким тогда.

А был ли он счастлив в раннем детстве?

— Да, очень счастлив... — Его голос — почти шёпот — мелодично поднимается и опускается, он так тих, что монах, стоящий рядом и переводящий его, вынужден наклониться вперёд, чтобы расслышать его слова. Кармапа отвечает на мои вопросы вежливо, но безразлично. Подробности его детства, его личные чувства — кажется, всё это мало волнует его. Как будто его ум занят более важ-

ными вещами. Сейчас ему шестнадцать лет. Он высокого роста, у него широкая кость, кожа цвета карамели, миндалевидные глаза широко расставлены на круглом лице, чувственный рот. Он сидит на приподнятом помосте, одетый в золотистого цвета рубашку из тончайшего шёлка, украшенную замысловатой парчой, через плечо наброшена накидка из красного хлопка.

Его поза в высшей степени элегантна и благородна — вероятно, сказываются годы подготовки к проведению такого рода аудиенций, что является частью тех бесчисленных обязательств, которые возложены на него его высоким статусом. Его длинные, утончающиеся пальцы сложены на коленях и не выдают никаких признаков волнения или неловкости.

Одна из его западных последовательниц, выходя после аудиенции, явно находясь в несколько потрясённом состоянии, прошептала мне: «Определённо в нём есть что-то ослепляющее, что-то царственное, та уверенность в себе и властность, которые не присущи обычным людям, и это особенно поражает в человеке, который так молод». Время от времени он бросает взгляд в угол комнаты, где стоят двое офицеров индийских спецслужб, одетые в штатское и аккуратно записывающие наш разговор. Если их присутствие и беспокоит его, то он ничем не выдаёт этого. Кажется, что его взгляд, моментально приобретающий оттенок властности, просто «исключает» их. На первом этаже находится ещё большее количество охранников, которые обыскивают и опрашивают посетителей. И снаружи, на ступеньках монастыря, — солдаты с карабинами на плече.

Прошло девять месяцев с тех пор, как он прибыл сюда. Девять месяцев, как он содержится здесь, не имея возможности без разрешения властей даже гулять по территории монастыря — хоть формально и не именуемый «заключённым», но фактически являющийся таковым.

Появляется ещё один монах и шепчет что-то на ухо переводчику. Время обеда. Аудиенция закончена. Переводчик достаёт шёлковый шнурок-оберег и подаёт его молодому человеку. Тот приподнимается со своего места, легонько дует на него и без слов передаёт его мне, затем направляется к двери, находящейся за его спиной и ведущей в его личные апартаменты. Монах выводит меня из комнаты обратно на веранду. На жёрдочке позади двери сидит великолепный белый какаду. Это подарок одного сингапурского ученика. Цепочка, тянущаяся от одной из его лап, не позволяет птице беспокойно передвигаться более чем на пару сантиметров, когда она созерцает далёкие горы за окном монастыря, манящие и одновременно недоступные.

Утром 5 января 2000 года два такси марки «Амбассадор» медленно ползли вверх по узкой извивающейся дороге, ведущей в Дхарамсалу, город в предгорьях Северной Индии. Почти 40 лет, со дня бегства из оккупированного Тибета, Дхарамсала является домом для 14-го Далай-ламы, духовного лидера тибетского буддизма и правителя тибетского народа. Его резиденция в крошечной деревушке Маклеод Гандж, расположенной в горах выше Дхарамсалы, сделала этот регион центром для тибетских беженцев «маленьким Тибетом» — магнитом, тянущим к себе тысячи паломников и туристов со всего мира. Дорога вверх от Дхарамсалы проходит мимо небольших гостиниц, и с неё открываются завораживающие виды на расположенную внизу долину Кангра. Дорога извивается, проходя через гарнизон индийских войск, мимо старой английской викторианской церкви, уютно устроившейся среди вековых сосен. На вершине холма дорога вливается в крохотную городскую площадь, переполненную в это утро, как, впрочем, и в любое другое. Пёстрая мешанина из местных жителей и торговцев, тибетских монахов,

праздношатающихся туристов, просто людей с рюкзаками, количество которых всё увеличивается с прибытием на площадь новых автобусов.

Пронзительно сигнала, в полном соответствии со столь характерной для Индии манерой езды, два такси осторожно продвигаются через площадь, вперёд к узкому, испещрённому выбоинами переулку, считающемуся основной артерией Маклеод Ганджа. Они прокладывают себе путь между пешеходами, проезжают мимо маленького алтаря, где паломники непрерывно вращают большие металлические молитвенные барабаны, мимо магазинов и лавочек, продающих одежду, украшения и побрякушки для туристов. Свернув на ещё не достроенную дорогу, по краям которой выстроились туристические отели, они наконец остановились у гостиницы «Бхагсу». Расположенная на некотором отдалении от своих соседей и окружённая собственным садом, эта гостиница управляется индусами, и в ней чаще останавливаются индийские или западные туристы, а не тибетцы. Приезд какой-нибудь важной персоны в такое место скорее всего пройдёт незамеченным. Невысокий коренастый мужчина лет сорока по имени Лама Тенам, одетый в бордовые одежды монаха, провёл вовнутрь гостиницы вереницу из шести человек. Комнаты были забронированы по телефону накануне вечером. В журнале регистраций отеля в графе «цель визита» Лама Тенам записал обычное сокращение «ЕСДЛ», что привычно означает «посещение Его Святейшества Далай-ламы».

Для нашей группы запись эта означала конец долгого и опасного путешествия, которое началось за восемь дней до этого в монастыре Цурпу, стоящем примерно в пятидесяти милях от столицы Тибета Лхасы. Путешествия длиной в 1400 км, через пустынные горные районы Западного Тибета в Непал и затем в Северную Индию, путешествия с риском погибнуть или быть схваченными

китайскими солдатами. В группе был высокий мальчик, выглядевший старше своих четырнадцати лет, одетый в ветровку и тяжёлые походные ботинки, замотанный шарфом, в шерстяной шапочке, натянутой на уши. Его лицо было обветренным и потрескавшимся от холода. Он выглядел осунувшимся и усталым и с трудом передвигал ноги. Пока Тенам занимался регистрацией прибывших, мальчика быстро провели наверх. Был подан чай. Из своего номера Тенам позвонил Кхедрупу, секретарю в отделе по делам религии Тибетского правительства в изгнании и своему старому другу.

«Срочно приходи», — сказал ему Тенам. Когда тот спросил зачем, Тенам просто ответил: «Приходи немедленно».

Полчаса спустя Кхедруп стучался в дверь номера друга. Тенам сказал ему сразу же: «Здесь Кармапа! Ты должен пойти и поприветствовать его». Кхедруп, потрясённый, опустился на кровать: «Кармапа?» Семь лет, с того дня как он был найден и возведён на престол, 17-й Гьялва Кармапа был самой важной фигурой в тибетском буддизме, которому был запрещён въезд в Индию. Теперь он бежал в изгнание, и Кхедрупу, простому секретарю отдела по делам религии, выпала честь официально приветствовать его. Он не может этого сделать, сказал он Тенаму. Он не одет соответственно, на нём западная рабочая одежда, а не традиционное тибетское одеяние, у него нет и хадака — церемониального шёлкового шарфа, традиционно преподносимого высокими ламам в знак уважения. Но Тенам отнёс все его возражения. «Не беспокойся об этом. Приветствовать его — твой долг». Он повёл Кхедрупа в соседний номер, где ждал мальчик. Светской одежды, в которой он приехал, уже не было. Теперь он был одет в жёлтую шёлковую рубашку и бордовое одеяние высокого ламы.

Кхедруп сделал три prostиrания перед мальчиком, запинаясь, произнёс слова приветствия и уважения и по-

спешил обратно в свой офис, чтобы как можно быстрее уведомить Его Святейшество Далай-ламу об удивительном приезде. Не прошло и часа, как из офиса Его Святейшества прибыла машина, чтобы забрать мальчика. В резиденции Далай-ламы Кармапу провели в гостиную, где его ожидал сам Далай-лама. С глубоким поклоном мальчик преподнёс ему хадак. Далай-лама принял поношение и вернул его, накрыв им шею мальчика, как того требует традиция, затем, отбросив в сторону формальности, крепко сжал руку Кармапы, лицо его заискрилось в улыбке. Сорок лет спустя после его собственного бегства из Тибета молодой Кармапа проделал тот же путь к свободе.

Дхарамсала — маленький городок, и новости там распространяются быстро. Не прошло и нескольких часов, как побег 17-го Гьялва Кармапы будет на первых страницах мировых газет. Это будет рассказ-эпопея, своего рода триллер. Ведь Кармапа проделал путь в 1400 км от своего монастыря в далёком Тибете. При этом он пересёк один из самых тяжёлых для перехода горных районов мира, пройдя по территории, наводнённой китайскими войсками, рискуя погибнуть в случае, если бы его обнаружили.

Измученный, со стёртыми ногами, четырнадцатилетний мальчик, прибывший в Дхарамсалу, нёс на своих плечах огромный груз. Глава традиции карма-кагью, одной из четырёх великих школ тибетского буддизма, до своего побега 17-й Кармапа был единственным ламой-иерархом, признанным как Далай-ламой, высшим духовным авторитетом тибетского буддизма, так и одновременно одобренным китайским правительством, видевшим в нём ценного заложника, используя которого можно навязывать тибетцам свой контроль и в то же время демонстрировать всему миру свою религиозную «толерантность».

Этот четырнадцатилетний мальчик представлял собой звено в непрерывной линии преемственности, тянущейся из XII века. Кармапы, величайшие учителя мудрости тибетского буддизма, были первыми ламами, установившими практику опознавания реинкарнаций, и это началось ещё за 400 лет до прихода Далай-лам. Они были духовными учителями ханов Монголии и императоров Китая. Благодаря своей духовной практике Кармапы стали известны своими чудесными силами, имели репутацию мастеров предсказаний и прорицаний, обладали способностями появляться одновременно в разных местах, а также управлять погодой. Их духовный авторитет нашёл своё воплощение в виде Ваджрной короны, или Чёрной шапки, — великолепной короны, датируемой XV веком и, по преданию, являющейся головным убором неземного происхождения. Она была сплетена из волос дакинй, или ангельских духов, и подарена первому Кармапе, дабы отметить достижение им просветления. (Когда говорят о том, волосы скольких дакинй использовались при плетении этого сказочного предмета, то цифры варьируются и речь идёт о 100 000, 300 000 и одном миллионе.) Сплетённая из чёрной ткани и усыпанная рубинами, сапфирами и другими драгоценными камнями, Чёрная шапка стала символом духовного авторитета Кармапы и центральным предметом в самом главном из ритуалов карма-кагью — в церемонии Ваджрной короны. Считается, что Кармапа, надевая Корону в ходе этой церемонии, становится живым воплощением Авалокитешвары (по-тибетски Чен-рези), бодхисаттвы сострадания.

Ваджрная корона была среди тех сокровищ, которые 16-й Кармапа, Ригпе Дордже, привёз в 1959 году с собой, когда бежал из Тибета, и тем самым присоединился к Далай-ламе и к более чем ста тысячам других тибетцев. Кармапа поселился в маленьком гималайском королевстве Сикким, гористой местности, вклинившейся между

соседствующими сверхдержавами — Китаем и Индией. Здесь он основал новый монастырь — Румтек. Тибетской диаспорой впервые были принесены и переданы остальному миру те глубокие буддийские учения, которые в течение более 1000 лет формировали и определяли жизнь и культуру Тибета. Подобно другим буддийским мастерам в изгнании, 16-й Кармапа путешествовал по миру, основывая монастыри и центры обучения в Европе, Америке и на Дальнем Востоке.

Прошло какое-то время, и за пределами Тибета школа карма-кагью стала самой распространённой и популярной из четырёх буддийских традиций.

В 1981 году Ригпе Дордже скончался от рака в больнице в Иллинойсе. Ему было 58 лет. Исторически сложилось так, что все Кармапы перед смертью предсказывают обстоятельства своего следующего перерождения, оставляя соответствующее письмо или подробные инструкции своему близкому ученику. Но на этот раз прошло долгих 11 лет, прежде чем мальчик по имени Апо Гага был признан преемником 16-го Кармапы. Он родился в 1985 году в семье кочевников в отдалённом и гористом районе Кхама, обширной области Восточного Тибета. Детство он провёл со своей семьёй, пас яков, потом был послушником в монастыре, и так до тех пор, пока в 1992 году, в возрасте семи лет, он не был опознан и возведён на трон как 17-й Кармапа. Ему было дано монашеское имя Ургьен Тинлей Дордже. В течение последующих семи лет Кармапа жил в монастыре Цурпу под пристальным наблюдением китайцев, возвращавших его для исполнения роли «патриотического ламы». А потом, в самый канун наступления нового тысячелетия, — бежал в Индию.

Его поражающий воображение побег, в ходе которого он рисковал не только быть пойманным, но и просто погибнуть в суровых условиях гималайской зимы, мог бы оказаться концом его жизненных испытаний, но факти-

чески он оказался лишь их началом. Его приезд, ставший поводом для праздника среди всех тибетцев и сотен тысяч последователей традиции кагью во всём мире, поставил индийскую сторону в весьма сложную ситуацию. Гостеприимство, оказываемое в течение более сорока лет Далай-ламе и его тибетскому правительству в изгнании индийскими властями, было источником непрекращающихся трений и разногласий с китайским соседом. Неожиданное появление такого привлекающего внимание беженца, как Кармапа, привело к трудноразрешимой политической дилемме. Для Кармапы желанной целью его побега был Сикким, где он должен был занять трон своего предшественника и снова надеть легендарную Чёрную шапку, являющуюся в его линии символом восшествия на престол. Но прежде автономное королевство Сикким стало теперь ареной политических баталий и разногласий.

В 1973 году Сикким был аннексирован Индией и два года спустя объявлен двадцать вторым штатом страны. Однако Китай никогда не признавал претензии Индии на эту территорию. Не прошло и несколько часов с момента прибытия Кармапы в Дхарамсалу, как начали просачиваться слухи о том, что его побег был вовсе не смелой попыткой получить свободу, а тщательно спланированным китайским заговором, имевшим своей целью разжигание недовольства на этой спорной территории. Осторожность Индии в отношении ситуации в Сиккиме и планы Кармапы на будущее были осложнены ещё одной, на этот раз более деликатной проблемой: расколом внутри самой традиции Кармапы — карма-кагью, раскола, который в течение предшествовавших десяти лет, взорвав видимость буддийского покоя и гармонии, обнажил бушующую под его покровом яростную междоусобную войну.

Смерть 16-го Кармапы в 1981 году оставила после себя глубокую трещину в иерархии кагью. В течение де-

сяти лет четыре высоких ламы-регента, призванные заниматься делами карма-кагью до перерождения нового Кармапы, не могли обнаружить его письмо с предсказанием или любой другой знак, могущий указать на то, где надлежит искать его следующую инкарнацию. Наконец, в 1992 году один из них, Тай Ситу Ринпоче, объявил, что он обнаружил такой документ, в результате чего Ургьен Тинлей Дордже был опознан как 17-й Кармапа. Однако заявление Тай Ситу Ринпоче было оспорено соперничающим с ним ламой, Шамарпой, который в 1994 году выдвинул своего собственного кандидата, мальчика по имени Тхайе Дордже. Этот спор привёл к вражде, сравнимой по своей запутанности с интригами византийского двора. Вражде, где переплетаются рассказы о чудесах с голословными обвинениями в убийстве. Эта сага о политических интригах и сведении счетов уходит своими корнями вглубь более чем на два столетия.

Впервые я услышал о Кармапе в 1990 году. Однажды, путешествуя по Америке, я очутился в тибетско-буддийском ретрите в Вудстоке, недалеко от Нью-Йорка, где молодой лама Дзогчен Понлоп Ринпоче, приехавший из Сиккима с визитом, давал учение. Мне сказали, что он принадлежит к новому поколению тибетских учителей, поколению, обогащённому связями с западными учениками и поездками на Запад. Среди десятка других людей я устроился на подушке в алтарной комнате. Понлопу Ринпоче было примерно 25 лет. Хрупкий, улыбающийся, в очках в металлической оправе и с огромными цифровыми наручными часами, он рассказывал о «Размышлении и медитации». Говорил быстро и методично, приправляя свою речь американизмами. Говорил о «духовной наличности, или кредите духовности», «аудио Дхарме» и «визуальной Дхарме», об «использовании карты, на которой указан маршрут к просветлению». Он играл терминами, как

ребёнок играет игрушками, загораясь от нескрываемого удовольствия, когда какая-нибудь особенно удачная фраза срывалась у него с языка. Постигание воззрения пустотности, сказал он, есть первый шаг к достижению просветления. «Вопрос заключается в том, как достичь просветления, при этом не «улетев» неизвестно куда!»

Аудитория слушала его очень внимательно, серьёзные люди сражались с тончайшими и сложнейшими понятиями буддийской философии. Потом все разбились на группы по двое или по трое, чтобы обсудить свои собственные успехи на духовном пути. «Хорошо, я понимаю, что мы должны двигаться от пустотности к просветлению, — сказала одна женщина своей подруге. — Но я не могу понять, как тебе удалось отказаться от кофе и сигарет?»

На следующий день я вернулся, чтобы познакомиться с этим ретритным центром поближе. Секретарь — высокий худой мужчина в очках, лет сорока, по имени Майлз — показал мне всю территорию с тем слегка мечтательным видом, который так свойствен западным буддистам. Ретрит проходил в красивом здании деревянной постройки, которое когда-то было гостиницей для летних посетителей Вудстока. Вудсток с 1978 года являлся американской резиденцией Кармапы. Постоянно там проживало лишь несколько тибетцев и западных учеников, но при этом всё время прибывали посетители на всевозможные учебные курсы, лекции и семинары. Рядом строился храм в традиционном тибетском стиле, к нему добавлялись другие здания, а также ряд хижин, разбросанных в соседнем лесу, где монахи и просто практикующие проходили свои личные медитативные ретриты-затворничества. Как объяснил Майлз, в одной из таких хижин 12 лет провела в одиночестве и молчании, предаваясь созерцанию, монахиня из Феникса по имени Ани Вангмо (Ани по-тибетски означает «сестра»). Майлз провёл меня вниз по заросшей тропе к её хижине. Жилище было маленьким и изрядно

обветшавшим. На первом этаже находились ванная и печь, топившаяся дровами. Шаткая лестница вела наверх в комнату не более 10 квадратных метров, единственной мебелью в которой были стул, стол и тибетский ящик — что-то среднее между креслом и укороченной кроватью — для сна и медитации. Всё время, которое Ани Вангмо провела здесь, она медитировала по 16 часов в сутки. её присутствие в доме ощущалось не менее явственно, чем присутствие скудной мебели, окружавшей её. Я был поражён глубиной той преданности, которая привела сюда эту стопроцентно американскую девушку из Феникса, заставив провести 12 лет жизни в столь суровом и нелёгком одиночестве, в поисках духовного просветления.

Майлз пояснил, что именно такую преданность вызывал в учениках 16-й Кармапа. Кармапа, объяснил он, умер в 1981 году и его реинкарнация ещё не найдена. «Но мы надеемся и ждём», — добавил он.

И тогда я, который в то время имел весьма скудное представление о том, насколько сложным является процесс идентификации реинкарнации, и ничего не знал об исключительно запутанных обстоятельствах, окружающих поиски и признание нового перевоплощения Кармапы, спросил: «А когда может случиться такое опознание?»

Майлз наградил меня слабой улыбкой: «Такие вещи не случаются по расписанию».

После моего визита в Вудсток я больше не думал о Кармапе. И вдруг, восемь лет спустя, оказался в ещё одном тибетском буддийском монастыре. В то время я писал книгу о духовных исканиях и одновременно присматривал спокойное место для своей работы, когда один из моих друзей посоветовал мне поехать в Шотландию в Самье Линг.

Самье Линг был основан в 1967 году двумя ламами линии карма-кагью, бежавшими в своё время из Тибета. Их звали Чогьям Трунгпа и Аконг Ринпоче. Это был

первый тибетский буддийский центр, появившийся на Западе. В течение нескольких лет он разросся и превратился в процветающее монашеское сообщество, состоявшее примерно из 60 монахов и монахинь, большинство из которых — западные буддисты, и примерно такого же количества мирян. 16-й Кармапа посещал Самье Линг дважды, в 1974 и 1976 годах. В то время монастырский ретритный центр — комплекс из нескольких маленьких одноэтажных домов приблизительно в полутора километрах от главного здания монастыря — был ещё только в стадии планирования, и Кармапа предложил благословить его. Он поставил ногу на огромный гранитный валун, который предполагалось разместить в саду. И только спустя какое-то время заметили, что там, где он поставил ногу, появился отпечаток его ступни, как бы выжженный в камне, отпечаток ясный и отчётливый, который нельзя ни с чем спутать.

Ко времени моего визита в Самье Линг 17-й Кармапа уже был опознан и жил в Тибете в монастыре Цурпу. Его фотографии были в Самье Линге повсюду — и на всех он выглядел одинаково: лама, смотрящий прямо в объектив фотоаппарата, очень молодой, с ярким румянцем на щеках, столь присущим тибетцам, ведущим кочевой образ жизни. На фотографии ему было лет 7—8. Но странным образом в выражении его глаз было что-то особенное: они не имели возраста.

Именно эта фотография изменила жизнь Ани Чодрон, одной из монахинь Самье Линга. Однажды утром в столовой, когда мы стояли в ожидании, пока антикварный тостер завершит свою бесконечную, надрывную работу, у нас завязался разговор. Раньше её звали Бекки Эдам и она была тележурналистом в автомобильной программе Top gear. Но однажды, почувствовав, что в жизни есть нечто большее, чем прославление быстрых и дорогих автомобилей, она ушла с работы и уехала в путешествие в Непал.

Бекки ничего не знала о тибетском буддизме, но как-то в одном из монастырей монах подарил ей фотографию Кармапы, ту самую, что украшает алтари и все доски объявлений в Самье Линге. Что-то в этом мальчишке затронуло глубинные внутренние струны её души. Вернувшись в Великобританию, она не могла забыть тот образ. Прошло какое-то время, и она узнала, что в Великобритании есть центр, связанный с Кармапой, — Самье Линг. Бекки поехала посмотреть это место и... осталась. Спустя год после своего приезда в Самье Линг она отказалась от прежней жизни и приняла обеты буддийской монахини.

Эта история, странная и завораживающая, неправдоподобная и явно намекающая на руку судьбы, не является такой уж необычной среди монахов и монахинь Самье Линга. Истории многих из них похожи на эту, это истории о случайных встречах, случайном разговоре с незнакомцем, о поезде, на который случайно опоздал, о каких-то переплетениях случайностей и судеб, которые, как оказалось, изменили всю их жизнь. Мне сказали, что в буддизме считается, что случайных совпадений не бывает. Эти истории интриговали и забавляли меня. А потом пришло время случайности произойти и со мной самим.

В тот момент, когда в январе 2000 года Кармапа въехал в Дхарамсалу, он был самым знаменитым беженцем в мире. Месяцем позже я приехал в Дхарамсалу, чтобы написать для одного журнала историю его побега. Пребывание Кармапы в гостинице «Бхагсу» стало очень кратковременным. Не прошло и нескольких часов, как он и его сопровождение переехали в другую гостиницу, «Чонор Хаус», которой владеет и управляет Институт Норбулингка, являющийся частью тибетского правительства в изгнании. Там Кармапа остался на три дня, спрятанный за защитным кордоном из индийских солдат и тибетско-индийских охранников, в то время как представители

средств массовой информации ломались в дверь, а индийское правительство и секретариат Далай-ламы совещались, что делать дальше. Затем его перевезли опять, на этот раз в маленький монастырь Гьютю, в деревне Сидбхари, расположенной в десяти километрах от Дхарамсалы. Монастырь принадлежал другой школе тибетского буддизма — гелуг, и всё ещё находился в процессе строительства. Основное его здание, трёхэтажный храм с маленькими перенаселёнными комнатами, было уже достроено. Остальные же постройки и то, что позднее примет очертания жилищ для монахов, были не более чем грудями кирпича и песка. Этот монастырь никак не подходил для самого выдающегося ламы традиции кармакагью, но тогда предполагалось, что он будет всего лишь временным пристанищем для этого именитого беженца. Мало кто мог себе представить в то время, что и спустя три года Кармапа по-прежнему будет проживать там.

Дхарамсала — это рассадник сплетен и слухов. В её небольших кафе, чайных и ресторанах толпятся монахи, служащие тибетского правительства в изгнании, только что прибывшие из Тибета беженцы; а также молодые и горячие тибетцы, выросшие в изгнании, но готовые, кажется, завтра же штурмовать границу и потребовать у китайцев обратно свою страну, там же бывают сотрудники западных гуманитарных служб и различных негосударственных организаций, учителя, около-дхармовые бродяги-тусовщики и просто туристы с рюкзаками. Слухи циркулировали не переставая. Говорили, что Кармапа бежал из Тибета, так как опасался, что китайцы арестуют его или подстроят его убийство. Говорили, что он — настоящий тибетский патриот, который больше не мог выносить разлуки с высшим духовным авторитетом для всякого тибетца — Далай-ламой. Нет, возражали другие, всё это было спланировано ЦРУ. Нет, перебивали их третьи, он — китайский шпион, которого перебросили через гра-

ницу, устроив ему «побег», с тем, чтобы он сеял семена раздора в тибетском сообществе и подрывал авторитет Далай-ламы. Однако это не могло быть правдой, потому что китайцы были вне себя от ярости, узнав, что их самый важный буддийский заложник перешёл на сторону противника. Его побег был ударом по их престижу, поэтому они попросили Интерпол выследить Кармапу и выдать его Китаю. Слухи, слухи, слухи...

Я пил чай с младшим братом Далай-ламы Тензином Чогьялом, или с Ти-Си, как его называют все в Дхарамсале, человеком очень простым, доступным и дружелюбным. Ти-Си — пожалуй, наиболее достоверный из всех источников сплетен и суждений, что особенно приятно для пытающихся разобраться в происходящем журналистов. Приезд Кармапы, сказал он мне, буквально поверг всех в изумление. Сам он услышал эту новость в день приезда Кармапы, после обеда, от медиума, оракула Гадонг — одного из ясновидящих оракулов, с которыми Далай-лама, правительство и старшие ламы консультируются по животрепещущим государственным и духовным делам. «Медиум пошёл и получил у него благословение, а потом позвонил мне, — сказал Ти-Си. — Обычно он находится в несколько подавленном настроении, но тогда он был очень счастлив».

В своём офисе в секретариате правительства в изгнании Таши Вангди, министр по делам религии и культуры, приветствовал меня улыбкой, предложил чаю и спросил, чем может мне помочь. На следующий день после приезда Кармапы в Дхарамсалу, Синьхуа, официальное новостное агентство КНР, распространило краткий бюллетень, где цитировало главу информационного отдела при китайском госсовете. В бюллетене говорилось, что Кармапа оставил в Цурпу записку, в которой сообщал, что он покинул Тибет, «чтобы забрать буддистские музыкальные инструменты и чёрные шапки, которые использовались

предыдущими Живыми Буддами Кармапами». При этом мальчик, как было сообщено, добавил, что он не собирается «предавать государство, нацию, монастырь или руководство страны», сообщило Синьхуа. Подразумевалось, что китайцы ожидают скорого возвращения Кармапы.

Таши Вангди всячески пытался скрыть своё веселье по этому поводу: «Ну, им же надо было что-то говорить, правда?» Позади него булавками была приколота карикатура, изображавшая Кармапу в виде бабочки, ускользающей от сетки, натянутой китайским премьер-министром Цзян Цзэмином. Сопроводительная надпись гласила: «Ха! Ха! Я вернусь, когда получу обратно свои религиозные атрибуты и свою свободу!»

«Могу ли я встретиться с Кармапой?» — спросил я. Лицо министра выразило неизбежное в данном случае сожаление. Увы, это невозможно. Кармапа не может встречаться с журналистами и вообще с людьми с Запада. Только с тибетскими последователями, которым он даёт аудиенции и благословение. Вот если он может помочь мне в чем-нибудь другом...

Перед отъездом из Лондона мне назвали имя одного ламы, который, как мне сказали, близок к Кармапе и мог бы оказать мне содействие. На следующее утро я сел в такси и по извилистой дороге выехал из Дхарамсалы. В Сид-бхари такси свернуло на просёлочную дорогу. Монастырь стоял на равнине, вдали за ним возвышались горы, их вершины были покрыты снегом. Флаг с сине-золотым гербом Кармапы развевался на крыше. Индийские солдаты патрулировали ступени храма, отгоняя прочь всех, кто приближался. Переодетые в штатское индийские и тибетские охранники, подпирая стену и лениво перебрасываясь словами, стояли в бледном солнечном свете. Охранник остановил меня ещё до того, как я занёс ногу на нижнюю ступень лестницы. Я сказал ему имя того ламы, к которому мне посоветовали обратиться, а также отдал

ему свою визитную карточку и сел ждать на клочок травы у подножия лестницы. Воздух был заполнен шумом строительных работ. По обе стороны храма сновали женщины, переносившие кирпичи и вёдра с цементом, в то время как их маленькие дети путались у них под ногами или играли на кучах песка. Молодой монах в бордовой одежде и жёлтой рубашке лёгким шагом спускался по ступенькам, шумно — в соответствии с характерной тибетской манерой — отхаркиваясь и сплёвывая.

На некотором расстоянии от него очень проворно сбегал вниз ещё один монах Одежды на нём элегантно развевались, а шёлковая рубашка выдавала его высокое положение. Он помахал рукой и направился ко мне. Я не помнил его имени, поэтому никак не ожидал, что это будет именно он, но, увидев, сразу же узнал его. Дзогчен Понлоп Ринпоче, тот самый лама, которого я встретил десять лет назад в центре в Вудстоке, где он рассказывал американским ученикам о разнице между пустотностью и ощущением «улёта». Он остался в точности таким, каким я его запомнил: очки в металлической оправе, широкая мальчишеская ухмылка и обезоруживающее чувство юмора: «Значит, вы — Мик. Как Мик Джаггер, да? Рок-н-ролл!»

Я сказал, что видел его столько-то лет назад в Вудстоке. Он радостно рассмеялся. Это очень хорошо, сказал он, очень благоприятно! Мы определённо связаны общей кармой. Затем очень терпеливо он объяснил мне ситуацию. Я не смогу увидеться с Его Святейшеством. Только тибетцам разрешено видеться с ним и исключительно для получения благословения. С этим ничего нельзя поделать. Это приказ индийского правительства. «Может быть, позже...» — улыбнулся он.

Пока мы разговаривали, перед храмом остановилась колонна микроавтобусов и извергла из своего чрева пассажиров — тибетских паломников, приехавших засвиде-

тельствовать своё почтение Кармапе. Перебирая пальцами чётки, они с молитвой опустили на колени, обратившись лицом к храму. Спустя какое-то время на крыше появились три фигуры. Среди них выделялся высокий мальчик, одетый в золотую парчовую куртку, стоявший рядом с ним монах держал над его головой жёлтый зонт. Понлоп Ринпоче молитвенно сложил руки, приветствуя далёкую фигуру на крыше. Увидев толпу стоящих внизу на коленях людей, мальчик, радостно просияв, помахал им рукой. Подобно электрическому заряду, по толпе пронеслось: «Кармапа...»

Прошло шесть месяцев, и я вернулся в Дхарамсалу. Был август, сезон дождей. Низкие облака как саваном укутывали горы. Вода рекой струилась по улицам и переулкам, превращая их в бурлящие потоки грязи. Мало что изменилось в монастыре Гьюто. Кармапа всё ещё оставался здесь. Те же полицейские в плохо сшитой форме — на ступенях, и те же охранники в штатском — у двери. Кармапе всё ещё было запрещено разговаривать с журналистами. Но в этот раз я приехал как паломник, с собственной просьбой. У входа в монастырь меня обыскали, внесли в регистрационную книгу мои паспортные данные, и я присоединился к группе, ожидавшей утренней личной аудиенции. Американцы, принёсшие в подарок компьютерное оборудование, две тибетские монахини, семья из Малайзии, две француженки, приехавшие обсудить образовательный проект и попросить Кармапу благословить его. Нас провели сквозь лабиринт коридоров, через кухню, где на столе горой лежали овощи, потом — вверх на три пролёта лестницы. Объявление на стене извещало посетителей о том, что не следует просить Кармапу об автографах или подписях на каких-либо документах. Лестница вела на террасу. У двери в комнату аудиенций виднелся монах, державший папку с зажимом. В ожидании своей очереди

я стоял в косо струящихся лучах солнечного света, падавших на террасу. Сначала ввели монахинь, они появились несколько минут спустя, сжимая в руках благословлённые шнуры, их морщинистые лица сияли счастливыми улыбками. Затем прошли американцы. Потом семья. Остались только француженки и я. Я жестом показал им, что прошу их быть первыми, но, когда они прошли в комнату, монах вдруг сделал мне знак следовать за ними. Так неожиданно для себя я стал членом их делегации.

Кармапа сидел у дальней стены комнаты, рядом с ним — переводчик. В стороне, как бы в тени, стояли ещё один монах и индийский офицер-охранник в штатском. Неожиданно я понял, что ступил на минное поле ритуала и протокола. В руке у меня был обязательный для такого случая хадак, предписанным образом сложенный для подношения. Также полагалось сделать три земных поклона, или простирания. И никогда голова твоя не должна была возвышаться над головой Кармапы. Обе женщины быстро шагнули вперёд и простёрлись перед ним три раза. Неуверенный в том, что мне сделать, я неожиданно почувствовал неловкость от того, что должен преклонить колени перед 15-летним мальчиком. Поспешно я изобрёл своего рода компромисс, сложив ладони в жесте уважения и резко наклонив голову. Если этого и было недостаточно, выражение его лица ничем этого не выдало. Жестом он предложил сесть перед собой на ковёр и выжидательно посмотрел на нас.

Француженки кратко обрисовали свою просьбу о благословении их проекта. Они говорили на ломаном английском неуверенно и запинаясь, и переводчику было нелегко понять их и донести до слушающего то, что они хотели. Мальчик внимательно изучил своих посетителей, и потом, пока переводчик говорил, он вдруг в какой-то момент отвлёкся, позволив своему взгляду путешествовать по комнате. Случайно наши глаза встретились, и

он улыбнулся мне почти заговорщицки. Наконец они закончили. На ломаном английском мальчик произнёс: «Хорошо, хорошо» — и улыбнулся. Француженки встали, подали ему для благословения клубок ярких защитных шнурков и потом, пятась и кланяясь, пошли к выходу. А я остался сидеть на полу со скрещёнными ногами, ожидая своей очереди и думая о том, большим ли нарушением протокола было, что я не встал, когда он уже поднялся.

Теперь и он заметил, что я всё ещё сижу. Его глаза расширились от удивления. Хотя я ничего не сказал, определённо он предположил, что я был с француженками. Его лицо словно вспыхнуло — что я тут себе воображаю?! — и потом... произошло что-то ещё. Часто, характеризуя Кармапу, его последователи употребляют слово «гневный». При этом подразумевается не столько гнев, сколько какая-то присущая ему изначальная властная сила. То, что сверкнуло в тот момент в глазах мальчика, было — и, кажется, что никак по-другому этого не описать, — подобно стихии: нечто столь же спонтанное и яростное, как вспышка молнии или удар грома. Это вызывало шок и чувство тревоги.

Его переводчик наклонился, чтобы объяснить моё присутствие. Мальчик кивнул, и молния, блеснувшая в его глазах, исчезла так же быстро, как появилась, лицо осветилось тёплой улыбкой.

Я сказал, что для меня большая честь встретиться с ним, и поздравил его с побегом из Китая, затем объяснил, что хочу написать книгу о его жизни и о жизнях предыдущих Кармап. Он кивал, поощряя меня продолжать. Я немного рассказал о том, какой я бы хотел видеть эту книгу и кому я хотел бы адресовать её. Я не буддист, сказал я, и не являюсь его последователем. Но я хочу написать книгу, которая была бы интересна таким же людям, как я. Людям, которые мало знакомы с жизнью и учением Кармап,

но в то же время знают о них достаточно, чтобы быть очарованными ими.

По выражению его лица было невозможно понять, как он относится к моей идее. Он просто кивал, принимая моё объяснение, затем прошептал что-то своему переводчику. «Его Святейшество говорит: “Убедитесь, что у вас правильная мотивация”». Кармапа внимательно следил, как яотреагирую на его слова, и затем снова шёпотом сказал что-то переводчику. «И он говорит, что вы встретитесь с ним снова». Затем он поднялся и пошёл к двери. Моя первая аудиенция у Кармапы закончилась.

ГЛАВА 2

Знаки и чудеса

Большинство учёных признают, что Сиддхартха Гаутама, наследный принц, который впоследствии стал известен как Будда (в Тибете чаще упоминается просто как Шакьямуни), родился ближе к концу 6 века до нашей эры на территории, которую сейчас занимает королевство Непал, но при этом мало что известно о конкретных обстоятельствах его жизни. В буддизме нет аналогов христианских Евангелий от Матфея, Марка, Луки или Иоанна. Учения Будды передавались устно, что исключало возможность индивидуального авторства. Обстоятельства его жизни считались значимыми лишь в той степени, в какой они служили иллюстрацией его учений. Поэтому есть рассказы — зачастую фантастически расцвеченные — о том, как он родился, как отрёкся от обычной мирской жизни, как достиг просветления и как покинул этот мир, но почти ничего не известно о его детстве или о тех сорока пяти годах, которые он посвятил исполнению своей духовной миссии после достижения просветления.

Ключевым моментом Дхармы, или учения Будды, является отсутствие каких-либо претензий на то, что его учение является откровением или пророчеством. Оно целиком и полностью основано на его собственном человеческом опыте. В каком-то смысле величие Будды и

заключается в том, что он не был уникальным сверхсуществом. Будда учил тому, что все обретенные им постижения и духовные реализации могут быть в полной мере обретенны всеми живущими, обладающими совершенно идентичным внутренним потенциалом. Просветление, или нирвана, — это состояние, которое является совершенно естественным для человеческих существ, и оно может быть пережито любым человеком, ищущим истину.

Ранние биографические тексты красочно описывают те обстоятельства, которые привели принца Гаутаму к отречению от мирских утех. Его отец был царём — владыкой региона, известного как Капилавасту, и окружил своего сына всеми удовольствиями, которые только возможно представить себе в этой жизни, сделав его при этом фактически заключённым в царском дворце, пленником в золотой клетке. Но принц Гаутама стремился к существованию, которое было бы «широко открытым», «полным и чистым, подобно отполированной раковине». Боги, очевидно, почувствовав, что он достаточно долго жил в «рае для глупцов», составили заговор с тем, чтобы принц отважился покинуть пределы дворца. В первый его выход в «реальный мир» четыре события поразили воображение молодого принца: Гаутама увидел старика, больного человека, труп умершего и монаха — и это убедило его отречься от комфорта жизни во дворце и «пойти дальше» в поисках истины. Это очень мощная метафора. Одураченные удовольствиями и развлечениями, мы отрицаем эти неоспоримые истины, присущие нашему существованию, но рано или поздно мы вынуждены будем встретиться с ними лицом к лицу.

Сначала Гаутама с головой погрузился в аскетическую практику отречённого самоумерщвления, и это длилось до тех пор, пока в конечном итоге он не осознал, что, вместо того чтобы самоистязанием «вымучивать» столь желанное просветление, он может достичь того же

самого спонтанно. Подобно ребёнку, испытывающему радость естественно и не задумываясь об этом, мы можем в полной мере реализовать нашу внутреннюю пробуждённость посредством культивации состояний сознания, наиболее благоприятных для достижения просветления. Таким образом, Гаутама пришёл к пониманию «Срединного пути», свободного от двух крайностей: чувственных удовольствий и чрезмерного самоистязания. В конечном итоге он достиг просветления, медитируя под деревом Бодхи, и стал Буддой, или Просветленным. Духовные искания Гаутамы начались с осознания того, что жизнь — это «дукха», т. е. наполнена скорбью и страданиями и неумолимо ведёт к старению, болезням и смерти. Подлинная зрелость произрастает из понимания неизбежности этих страданий и использования обретённого понимания для внутренней трансформации. Дхарма Будды — это не утешительное вероучение, обещающее нам райское существование на небесах по завершении этой земной жизни, но весьма практичная психологическая система, освобождающая человека из плена страстных влечений, привязанности, алчности и эгоизма, ввергающих его в бесконечный круговорот рождений и смертей, имя которому — сансара.

Каждого человека, согласно учению Будды, следует рассматривать как процесс, а не как некую неизменную и статичную сущность. Живые существа подобны бегущему водному потоку, который изменяется от мгновения к мгновению, от одной жизни к другой. Разве пламя одной свечи, переданное другой свече, это одно и то же пламя? Но если освобождение заключается в выходе за пределы иллюзии нашей «самости», то что же тогда остаётся? Если развеять невежество, страх и цепкую привязанность к собственной индивидуальности, тогда то, что остаётся, учил Будда, не будет неким аморфным «ничто», но проявится как умиротворённость, покой, равенность и

сострадание. Венцом просветления, логически вытекающим из него следствием, является то, что в буддизме принято называть «любящей добротой», т. е. пониманием жизни нравственной как жизни, которую мы посвящаем благу других.

Буддизм, появившийся в Тибете в VIII веке — примерно через 1300 лет после достижения Гаутамой просветления под деревом Бодхи, — включает в себя три последовательные стадии, или «Три колесницы», буддийского учения: хинаяну, махаяну и ваджраяну.

Первая стадия — хинаяна — была основополагающим учением о природе «самости» личности и внешнего мира и нашла своё воплощение в Четырёх благородных истинах, гласящих, что всё вокруг является страданием, или «духой», что существует причина этого страдания, а именно: сильные желания, или привязанности; существует альтернатива страданию — просветление, и есть Путь, ведущий к этой благой цели.

Хинаяна указывает путь к личному освобождению от страданий сансары. Махаяна же идёт ещё дальше, утверждая, что вся наша духовная практика должна быть посвящена делу всеобщего освобождения, так как, по сути, все живущие неразрывно связаны друг с другом. Именно из этого учения выросло понятие «бодхисаттва». Это санскритский термин, дословно обозначающий «существо, которое пробудилось», но, достигнув просветления, взяло на себя обязательство (вследствие своего безграничного сострадания) отказаться от погружения в вечное блаженство нирваны и переродиться в этом мире страданий, чтобы вести к просветлению других живых существ.

Ваджраяна была открыта лишь наиболее продвинутым йогинам и духовным практикующим. Её основополагающим положением является утверждение, что просветление может быть достигнуто в течение одной жизни и что нирвана находится здесь и сейчас. Роль учителя,

передающего эти сокровенные знания и помогающего ученику достичь освобождения, вскрывающего его веру в иллюзорное «я», подобно хирургу, использующему острый скальпель, становится центральной на тантрическом пути Ваджраяны.

Первый буддийский монастырь в Тибете был основан в Самье индийским сиддхой Падмасамбхавой, более известным под именем Гуру Ринпоче. Падмасамбхава — возможно, наиболее важная и значимая фигура в истории развития тибетского буддизма, и, по сути, может быть назван, в христианских терминах, святым покровителем Тибета. В соответствии с легендой, родился он через 35 лет после смерти Будды в долине Сват, которая сейчас находится в Пакистане. Родился не обычным образом, свойственным представителям рода человеческого, из чрева, а проявился восседающим на лотосе посреди озера. Не выказывая никакого интереса к мирским делам, он предавался медитации в течение бесчисленного количества лет, приобретая необыкновенные способности, в числе которых и сиддхи (сверхсилы) бессмертия. Позже, в VIII веке, о нём услышали в Тибете. В то время распространению буддизма в Тибете, похоже, оказывалось определённое сопротивление со стороны местных божеств анимистической религии Бон. Узнав о возможностях Падмасамбхавы, правящий тогда царь пригласил его в Тибет, чтобы тот покорил несговорчивых духов. История гласит, что, используя собственные магические силы и убедительную логику буддийских учений, Падмасамбхава смог обратить этих духов в буддийскую Дхарму, или поставить их на Путь, превратив многих из них в тех «защитников Учения», которых мы теперь в таком изобилии находим в пантеоне тибетского буддизма.

Падмасамбхава заложил прочный фундамент буддийского учения, которое в течение последующих трёхсот

лет распространилось по всему Тибету, укоренившись в четырёх главных школах—традициях тибетского буддизма: школе нингма, или «древней школе», школах кагью, сакья и образовавшейся позднее гелуг. Со временем из монастыря Самье выросла самая обширная монашеская система из когда-либо существовавших в истории человечества. Ко времени китайского вторжения в 1950 году в Тибете насчитывалось более 6000 монастырей. Подсчёты свидетельствовали о том, что более 30% мужского населения Тибета были монахами.

Но Падмасамбхавя являет собой также великий архетип мудрости Ваджраяны — пример йогина-скитальца, отвергнувшего блага мирской жизни и странствующего в диких местах в поисках просветления. Своеобразным стержнем тибетского буддийского учения являются так называемые Восемьдесят четыре махасиддхи, или Великих адепта. Это индийские тантрические мастера — духовные скитальцы и нонконформисты, бросившие вызов обществу, — которые отвергли монастырские ритуалы и схоластику ради жизни в отшельничестве, медитаций в удалённых горных пещёрах, на берегах рек и на кладбищенских землях.

Индийский йогин Наропа, живший в XI веке, был одним из таких адептов. Он получил образование на севере Индии в крупнейшем буддийском монастыре Наланда, а затем отринул монашескую жизнь и отправился на поиски Тилопы, Учителя, который мог привести его к достижению просветления. Тем самым Наропа инициировал череду событий, в конечном итоге приведших к появлению школы карма-кагью и линии Кармап. От Тилопы Наропа получил учение Махамудры, или Великой печати, наивысшее наставление по природе реальности и пути духовной реализации. Наропа в свою очередь передал эти учения своему тибетскому ученику Марпе. Марпа передал их Миларепа, а Миларепа — Гампопе, ко-

торый впоследствии оставил их Первому Кармапе, Дусум Къхенпе. Таким образом было положено начало великой традиции карма-кагью, линии передачи учения, известной как Золотые чётки, а вместе с ней и практике опознаваемых реинкарнаций, ставшей позднее краеугольным камнем тибетского буддизма.

Буддизм учит, что все мы обладаем потенциалом для достижения просветления, но этот потенциал скрыт от нас мирскими привязанностями, произрастающими из нашего эго. Нам предначертан бесконечный круг смертей и перерождений, в который нас вновь и вновь вовлекают наши стереотипы поведения и мышления, привычки, желания и привязанности к иллюзорному чувству обособленной индивидуальной «самости». В соответствии с тибетским буддийским учением, Будда, по сути, является абсолютно необусловленным сознанием, находящимся вне времени и пространства, существующим в форме абсолютной реальности, известной как дхармакайя, или «тело реальности». Это сам просветлённый ум, сутью которого является безграничное сострадание, или бодхичитта, которая существует в сердце каждого живого существа. Но для того, чтобы вести к просветлению других существ, Будда может принимать и иные формы, например, некоего архетипа благого качества, в сияющей форме самбхогакайи, тела совершенного блаженства, или, в материальном мире, в котором живём мы, — в качестве проявленного тела нирманакайи, в переводе на тибетский звучащего как тулку. Тулку — это нечто большее, чем просто средоточие вдохновения, учитель, живой пример для подражания. Он (или гораздо реже она) — это живое воплощение идеала бодхисаттвы. Ваджраяна учит, что бодхисаттвы продвигаются через различные уровни духовной реализации, чаще всего подразделяемые на «десять земель-бхуми», или прогрессивных стадий просветления.

На самом высоком из этих уровней бодхисаттва приобретает различные сверхспособности, или сиддхи, самой важной из которых является возможность сознательного выбора обстоятельств своего следующего перерождения, с целью получения наилучшей возможности вести других существ по пути к просветлению. В тибетском буддийском учении вера в то, что в силу принятого на себя обязательства проявлять безграничное сострадание бодхисаттва во все времена возвращается, чтобы помогать другим, занимает центральное место.

Источники возникновения такого явления, как тулку, в его тибетской интерпретации, можно обнаружить в раннем палийском каноне, описывающем жизнь и учения Будды, или Шакьямуни, как его называют в Тибете. В этих учениях рассказывается, как на своём Пути к просветлению Шакьямуни перерождался бесчисленное количество раз, намеренно выбирая обстоятельства каждого своего рождения, с тем, чтобы помогать другим существам, указывая им Путь. В сутрах говорится, что Шакьямуни мог ясно вспомнить конкретных людей, места и события из своих прошлых жизней. Не подвергается сомнению, что Восемьдесят четыре махасиддхи, заложившие фундамент буддийской практики в Тибете, также были бодхисаттвами наивысшего уровня и перерождались в различных формах на протяжении всей истории тибетского буддизма. Однако практика формального и повсеместного распознавания реинкарнаций умерших учителей возникла лишь с приходом Кармап, в XII веке.

Известно, что Первый Кармапа, Дусум Кхьенпа, родившийся в 1110 году в провинции Кхам в Восточном Тибете, достиг просветления в возрасте 50 лет, постигнув, как гласит предание, «что день и ночь, сны и пробуждённое состояние, медитация и обычная жизнь по сути своей — одно и то же». Говорят, что его духовная реализация и обрётённые благодаря ей сиддхи были столь

впечатляюще, что он мог проходить сквозь скалы и горы и, будучи всевидящим существом, мог знать прошлое, настоящее и будущее. Так случилось, что весть о его способностях распространилась далеко за пределы Центрального Тибета и он стал известен под именем «тот, которому ведомы три времени» (*dus gsum mkhyen pa*), т. е. Дусум Кхьенпа.

Учёный из Кашмира Шакьяшри, приглашённый в Тибет установить новую линию монашеского посвящения, опознал Дусум Кхьенпу как «одно из проявлений просветлённой активности Будды», или как Кармапу, чьё появление было предсказано Буддой Шакьямуни за 1600 лет до этого. (Слово «Кармапа» происходит от санскритского «карма ка», что в буквальном переводе означает «движение кармы».) Одновременно он был опознан как воплощение Авалокитешвары, или Ченрези, бодхисаттвы сострадания. В 1193 году Дусум Кхьенпа покинул этот мир в монастыре Цурпу, который он основал за десять лет до своей кончины и которому суждено было стать резиденцией всех последующих Кармап. Говорят, что монахи, совершавшие обряд сожжения тела, могли наблюдать, как в дыму погребального костра его тело поднялось, а также они видели на небе много солнц и танцующих дакинь. Когда пламя угасло, сердце Дусум Кхьенпы, символизирующее его мудрость, и его язык, символизирующий его просветлённую речь, были найдены в пепле в целостности и сохранности, сплетённые в одно целое.

Дусум Кхьенпа доверил свои книги, реликвии и монастырь Цурпу своему главному ученику Дрогон Ринчену. Ему же было оставлено и письмо с описанием обстоятельств его следующего перерождения. В письме также объявлялось, что в будущем будет рождаться много Кармап. Именно Дрогон Ринчену Дусум Кхьенпа передал учения линии карма-кагью, а Дрогон Ринчен в свою очередь передал их своему ученику Помдракпе. У Помдрак-

пы был молодой ученик Чодзин, родившийся через девять лет после смерти Дусум Кхьенпы. Развитый не по годам, этот ребёнок в шестилетнем возрасте умел превосходно читать и писать и овладел сутью буддийского учения ещё до того, как ему исполнилось десять. У Помдракпы было несколько видений, которые подтвердили, что Чодзин был той реинкарнацией Дусум Кхьенпы, о которой говорилось в письме, оставленном Дрогому Ринчену. Он посвятил мальчика в монашеский сан, даровав ему духовное имя Карма Пакши.

Однако формальное признание линия инкарнаций Кармап получила лишь в следующем поколении. Третий Кармапа, Рангджунг Дордже, родился в 1284 году. Он тоже был не по возрасту одаренным ребёнком. Когда ему было три года, играя с друзьями, он потребовал, чтобы они сделали ему трон, сел на него и объявил, что он — Кармапа. Известие об этом ребёнке дошло до ламы по имени Ургьенпа — главного ученика Карма Пакши. Применяя свой дар провидения, Ургьенпа опознал в ребёнке реинкарнацию своего учителя. Так Рангджунг Дордже стал Третьим Кармапой. Карма Пакши был задним числом признан Вторым, а Дусум Кхьенпа — Первым.

Эта необычная последовательность предсказаний, пророчеств и самопровозглашений создала прецедент для традиции поиска и опознания Кармап, которая продолжается и по сей день. Говорят, что некоторые Кармапы в раннем возрасте недвусмысленно заявляли о том, кем они являются, после чего их близкий помощник или ученик, переживший Учителя, используя провидческие способности, подтверждал это. Но, кажется, гораздо чаще Кармапы заранее рассказывали об обстоятельствах своего перерождения в письмах-предсказаниях, обычно написанных незадолго до смерти и доверенных близкому ученику или держателю линии. Этот своего рода «последний завет» сообщал специфические подробности относитель-

но будущей реинкарнации Кармапы, включая имена его родителей, время и место рождения.

Практика поиска реинкарнаций быстро распространилась по всей школе карма-кагью, укрепив её благодаря опознаванию и других тулку, или ринпоче («ринпоче» в буквальном переводе с тибетского означает «драгоценный»), таких как: Шамарпа, Тай Ситупа, Гьялцаб Ринпоче, Паво Ринпоче, Джамгон Конгтрул Ринпоче, и других. Со временем эта практика была перенята и другими школами тибетского буддизма. В монашеском сообществе, где обет безбрачия является нормой, опознавание реинкарнаций служило не только живым подтверждением и воплощением на практике альтруистического идеала бодхисаттвы, оно также обеспечивало преємственность духовной и политической иерархии. Как указывал видный учёный-буддолог Реджиналд Рей, развитие системы тулку было решающим фактором в укреплении монашества в Тибете. На ранней стадии распространения буддизма монастыри, чтобы выжить, должны были сосуществовать в союзе с царским двором или землевладельцами-аристократами и вследствие этого были подвержены вмешательству в их дела извне. Система тулку изменила баланс сил, предоставив монастырям возможность выбора своих лидеров. Она использовала ясновидческие способности реализованных мастеров и в каком-то смысле апеллировала к силе, стоящей выше силы мирской власти царей или феодалов. Таким образом, тулку-перерожденцы постепенно стали воплощениями общественного, политического, а также духовного авторитета.

Выйдя за рамки простых религиозных институтов, монастыри, по сути, стали занимать доминирующее положение в обществе, определяя и регулируя все аспекты жизни тибетских крестьян. Они управляли землями, обеспечивали проведение общественных работ, предоставляли молодому монашеству образовательный минимум, который

был доступен в то время, а также являлись той несущей осью, вокруг которой вращался бесконечный круговорот религиозных церемоний и обрядов, — сама основа жизни тибетского социума. Тулку восседали на вершине этой религиозной пирамиды, венчая, словно драгоценные самоцветы, богато украшенную корону тибетского буддизма.

Идентификация тулку всегда была наукой неточной и в разных школах производилась по-разному. Кармапы в этом смысле были уникальны потому, что их опознавали либо исходя из их «самообъявлений», либо по тем письмам, в которых они предсказывали обстоятельства своего будущего перерождения. Чаще всего случалось, что после смерти великого практикующего его последователи выжидали два-три года, прежде чем обратиться к какому-нибудь ламе, известному своей духовной реализацией и провидческими способностями, который бы мог обнаружить указания на то, что новая реинкарнация уже явилась в этот мир, и направить учеников на её поиски. Эти указания могли принимать форму снов, видений и предсказаний оракулов или же проявляться в виде особых благоприятных знаков, которые можно наблюдать в природе.

Говорят, что зачатие и рождение тулку часто сопровождаются необычными явлениями, указывающими на неординарность и особый статус ребёнка. 11-й Чогьям Трунгпа, один из выдающихся учителей школы кармакагью, в своей автобиографии «Рождённый в Тибете» рассказывает, что в ночь его зачатия «матери приснился знаменательный сон, как какое-то существо вошло в её тело вместе со вспышкой света. В тот год, ко всеобщему удивлению, цветы в окрестностях распустились ещё до окончания зимы». Далее Трунгпа повествует о подробностях своего рождения в феврале 1939 года. «Родился я в хлеву, и роды прошли очень легко. В тот день в деревне была видна радуга. В ведре, в котором должна была быть вода, необъяснимым образом оказалось молоко. Не-

сколько моих родственников во сне видели, как какой-то лама заходил к ним в палатку». Рассказы о таких знаменательных событиях являются обычным делом в Тибете. В некоторых случаях воспоминания новорождённого о предыдущей инкарнации могут казаться очень чёткими. Есть много историй о том, как маленькие дети делали свои первые нетвёрдые шаги в направлении монастыря своего предшественника, читали мантры, едва появившись на свет, или опознавали своих прежних друзей и учеников.

Кармапы не только оставляют письма, в которых детально описывают обстоятельства своего следующего перерождения, но кажется, что они также весьма искусны в использовании этого метода для идентификации других инкарнаций, обычно тех, что связаны со школой карма-кагью. Чогьям Трунгпа рассказывает, что именно так произошло его опознание. После смерти его предшественника, 10-го Трунгпы, в 1938 году, аббат монастыря Сурманг, в котором он жил, обратился к 16-му Кармапе с просьбой найти указания относительно того, где может быть найдена новая инкарнация. На основе видения Кармапа продиктовал письмо, в котором говорилось, что переродившегося ламу следует искать в деревне в пяти днях езды к северу от монастыря Сурманг. «Его имя похоже на Ге или Де. В семье двое детей, и сын — реинкарнация ламы». Как лаконично заметил Трунгпа: «Это всё было весьма расплывчато». Однако когда монахи из Сурманга уже отправлялись на поиски, прибыло ещё одно, уточняющее письмо. В нём говорилось, что у Гьялвы Кармапы было второе и гораздо более чёткое видение: «Дверь жилища, в котором живёт семья, выходит на юг. У них есть огромная рыжая собака. Отца ребёнка зовут Еше Даргье, а мать — Чунг. Их сын, по имени Цо, которому сейчас около года, и есть Трунгпа Тулку». Спустя какое-то время поисковая партия нашла мальчика, обстоятельства жизни которого соответствовали указанным в письме Кармапы

полностью. Все, кроме одного: у отца ребёнка было другое имя. Тругпа пишет, что его матери пришлось рассказать монахам, что на самом деле отцом ребёнка был её первый муж, которого и звали Еше Даргье. Когда даются такие точные инструкции, как в этом случае, то сомнений в подлинности новой инкарнации почти не возникает. Но так бывает далеко не всегда. Предсказания и знамения могут быть неясными, а описание местонахождения — весьма расплывчатым. В некоторых случаях ситуация складывается таким образом, что имеется несколько мальчиков примерно одного возраста, родившихся в данной местности, и все они являются потенциальными претендентами на роль тулку.

Теоретически обозначение «тулку» предполагает, что кто-то был опознан как прямая инкарнация конкретного духовного наставника. Однако на деле термин этот уместно применять лишь к сравнительно небольшому числу именитых лам-перерожденцев: тех, кто, по общему мнению, достиг в прошлой жизни самых высоких бхуми, или стадий на Пути к пробуждению.

Были также и другого рода инкарнации, которые Чогьям Тругпа описывает как «тулку благословения». В таких случаях, как утверждает теория, ушедший мастер, вместо того чтобы реинкарнировать себя в отдельного индивида, передаёт свою «духовную энергию» выбранному им преемнику, который уже далеко продвинулся на духовном пути. Этот «избранник» будет впоследствии опознан близким учеником умершего мастера с тем, чтобы продолжить его учение, в каком-то смысле став живым воплощением живой духовной силы и влияния мастера, но не собственно реинкарнацией его сознания.

Также имеют место случаи, когда ребёнок, в котором окружающие усмотрели некие особые многообещающие качества, может быть назван «тулку» для того, чтобы он занял определённое религиозное или общественное по-

ложение, то есть «предназначить» ему какую-то роль, которой он мог бы соответствовать. Рингу Тулку, один из лам традиции карма-кагью, опознанный 16-м Кармапой в трёхлетнем возрасте, рассказывает об этом в характерной для него скромной манере человека, предпочитающего держаться в тени. Он говорит: «Всё произошло очень просто. Кармапа увидел меня в монастыре и сказал моим родителям, что они могут назвать своего сына Рингу Тулку. В общем, это было не очень интересно. До меня был один Рингу Тулку, но я не помню, был ли я этим человеком. Скорее всего, нет, потому что я совсем ничего такого не помню! По сути, это можно назвать неким благословением, а также можно сказать, что на меня попросту возложили большую ответственность. При этом возникает такое чувство, что ты должен сделать что-то, если сможешь».

Система тулку в высшей степени элитарна. Процедура опознания в основе своей является тайной и основывается на доверии к мудрости и суждениям тех лам, которые делают выбор. Но в конечном итоге законность только что опознанной инкарнации зависит от общественного консенсуса. Слухи о знамениях и чудесах, сопровождавших рождение особенного ребёнка, духовная зрелость его родителей и того ламы, который опознал инкарнацию, распространяются очень быстро. И потом, в конечном счете авторитет тулку будет зависеть от уровня его духовной практики. Тот, кто не сумел реализовать свой потенциал, кто показал себя жадным, своекорыстным, безнравственным, быстро теряет своё положение и вес в обществе. Маленький тулку после формального опознания обычно передаётся родителями под опеку монастыря, к которому, как они верят, ребёнок изначально принадлежал. В культуре, где авторитет тулку исключительно высок, считается большой честью иметь сына, признанного перерождением именитого ламы, и очень редко случается, чтобы его

семья возражала против того, чтобы отдать ребёнка в монастырь. Обычно ребёнку сначала разрешается регулярно видеться с семьёй, но постепенно эти контакты прекращаются, и воспитание мальчика целиком отдаётся в руки монахов и служителей монастыря.

С точки зрения западной цивилизации такое внезапное разлучение с семьёй и домом может показаться практикой негуманной (что, возможно, знакомо тем из вас, кто испытал на себе превратности английской системы частных школ). Однако теория о существах-бодхисаттвах приводит весомые аргументы против такого видения ситуации. Так, считается, что молодой лама-перерожденец, будучи реализованным существом, на протяжении многих жизней воспитывал в себе равнозначность и непривязанность, и вследствие этого он менее подвержен сильной эмоциональной зависимости от родных, в отличие от обычного ребёнка, который очень привязан к матери. Но, по-видимому, это не всегда так. Далай-лама очень трогательно написал о том остром чувстве одиночества, которое он испытывал, когда маленьким ребёнком был вынужден жить во дворце Потала, оторванный от своей семьи, когда единственными его друзьями были уборщики и прислужники. И Чогьям Трунгпа, размышляя о своей разлуке с матерью (ему было тогда пять лет), писал: «Я скучал по ней так сильно, как может скучать только маленький ребёнок».

В то время как большинство монахов изучают лишь основы буддийской философии и практики, тулку воспитываются так, чтобы они смогли в полной мере развить свой потенциал бодхисаттвы. В раннем возрасте их жизнь состоит из длительных периодов интенсивного обучения. Они учатся читать, писать, изучают каллиграфию, буддийскую философию и специфические учения своей традиции. От них ожидают, что они в совершенстве овладеют умением проводить различные ритуалы и выучат наизусть

бесчисленное множество текстов. Их жизнь регулируется строгими дисциплинарными нормами (их учителя обязаны делать перед ними простирания, прежде чем они подвергнут их какому-либо наказанию). Им прививают хорошие манеры и умение держаться сообразно своему статусу. Их учат принимать посетителей и давать им благословения, проводить в подобающей манере религиозные церемонии, которые любому другому ребёнку показались бы бесконечно скучными. Живут они в отдельных комнатах, окружённые свитой из слуг, которые их кормят и заботятся о них. Им отказано в свободе, которой обычно наслаждаются дети, они не могут общаться и играть с другими молодыми монахами. Прививаемая таким воспитанием манера поведения может произвести очень сильное впечатление на тех, кто впервые встречается с такими детьми. Английский исследователь Томас Маннинг, добравшийся в 1812 году до Лхасы, восторженно описывал свою встречу с 9-м Далай-ламой. «Красивое и интересное лицо ламы полностью поглотило моё внимание, — пишет Маннинг. — У него были очень простые и безыскусные манеры хорошо воспитанного ребёнка из благородной семьи. Его чудесное лицо трогало до слёз. В нём явственно проявлялась предрасположенность к радостному и оптимистическому настрою. Аудиенция, дарованная мне молодым Далай-ламой, произвела на меня очень глубокое впечатление. Я был готов расплакаться от необычности переживаемого».

Вся собственность и владения тулку объединены в так называемый лабранг, или административную единицу его монастыря. В монастыре обычно работают светские люди, и руководит им менеджер, или секретарь по общим вопросам. Лабранг предназначен для того, чтобы оградить тулку от мирских обязанностей. Лабранг принимает решения по светским и политическим вопросам, он же заботится об обеспечении ежедневной жизни тулку. Вся

собственность, принадлежавшая предыдущим воплощениям, так же как и вновь приобретённая, является собственностью лабранга. Когда лама умирает, лабранг наследуется его преемником. Подобно молодому монарху, тулку всегда находился в центре детально продуманной и отрегулированной финансово-административной структуры, состоящей из служащих, учителей, распорядителей. Множество людей инвестируют силы, время и средства в воспитание и образование молодого тулку, становящегося объектом их неусыпной заботы и внимания, и польза от подобных «инвестиций» ощущается на протяжении многих десятилетий.

Как указывает Реджинальд Рей в своей книге «Тайны ваджрного мира», подобное внимание в обычных условиях вскружило бы голову любому ребёнку. Но учения, даваемые маленькому тулку, специально направлены на то, чтобы противостоять этому и развивать в нём такие качества, как смирение, скромность, непритязательность и отстранённость от желаний мирской власти и богатства, окружающих его. Считается, что само по себе рождение тулку не является доказательством его совершенства. Тулку — это, скорее, семя, из которого может вырасти совершенство, семя, попавшее в плодородную землю в данном сообществе благодаря прошлым достижениям практикующего, а также благодаря карме его последователей. Но для того чтобы оно проросло и дало всходы, это семя необходимо лелеять, поливая, удобряя, обеспечивая ему солнечный свет и все прочие необходимые условия. Интенсивное обучение, которое проходит тулку, построено так, чтобы пробудить в нём врождённую глубокую способность проникновения в суть вещей и великое сострадание, а также развить в нём способность использовать искусные средства для оказания помощи другим существам. Считается, что лишь после долгих лет такого обучения он способен в полной мере исполнять роль духовного наставника.

Рингу Тулку рассказывает: «Далай-лама всегда говорит, что здесь может быть четыре варианта. Вы можете быть тулку, но не быть ламой. Вы можете быть ламой, но не быть тулку. Вы можете быть и ламой, и тулку. Или вы можете быть никем. Иными словами, то, что кто-то является тулку, ещё ничего не означает. Тулку, говорит Далай-лама, подобен необработанному алмазу, который сам по себе не так уж дорого стоит. Его необходимо огранить и отполировать, превратив в сияющий бриллиант. Вам нужно учиться и заниматься практикой. Если вас признали тулку, то это лишь начало процесса, а вовсе не его завершение».

«С буддийской точки зрения, — говорит Понлоп Ринпоче, — каждый из нас — тулку. Потому что каждый из нас — чья-то реинкарнация. И тогда получается, что в том, что вы тулку, нет ничего особенного. Если смотреть на это с исторической точки зрения, то единственным подлинным тулку является Кармапа. Он основал эту традицию. Он является полностью реализованным существом — бодхисаттвой десятого уровня. Но есть и много других тулку, которые также стоят на этом Пути. Когда мы видим тулку, мы видим лишь огромный духовный потенциал, который можно развить. И в то же время, если над этим потенциалом должным образом не работать, то тулку ничем не будет отличаться от любого другого живого существа. У тибетцев есть поговорка: они говорят, что тулку обладают огромной силой. Если они сделают что-то хорошее, то это принесёт огромную пользу другим и окажет существенное положительное влияние на их жизни. Но если они сделают что-то плохое, то вред тоже будет огромным, и в этом заключена серьёзная опасность. Если тулку не станет развивать данную ему силу в положительном направлении, то это может иметь весьма негативные последствия для многих людей и привести его к саморазрушению».

Сам Понлоп Ринпоче был признан 16-м Кармапой. Его отец, Дамчо Йонгду, был секретарём 16-го Кармапы по общим вопросам. 6-й Понлоп Ринпоче был младшим братом Кармапы и умер в 1962 году. Нынешний Понлоп Ринпоче был признан его реинкарнацией шестью годами позже. Он говорит: «Мой отец встречался по делам с Его Святейшеством каждый день. И однажды Его Святейшество спросил его, не ждут ли они ребёнка. Мой отец был в полном шоке и сказал, что он не знает. Он пошёл домой и спросил мою мать об этом. Она ответила: “Ребёнка? Нет, не может быть”. Тогда отец вернулся к Его Святейшеству и сказал ему об этом. Кармапа ответил, что у них будет сын и он будет Понлопом Ринпоче. Он даже назвал дату рождения ребёнка — пятнадцатый день четвёртого тибетского месяца. Кармапа сказал моей матери, что не надо есть некоторые продукты, и это важно. Но она совсем забыла об этом и съела одно из запрещённых блюд. Чуть позже она это поняла и забеспокоилась, подумав, что это может убить её ребёнка. Она пошла к Его Святейшеству и спросила, что ей теперь делать. Он посмотрел на небо и ответил: “Не волнуйся. Просто роды случатся на десять дней позже”. И он был прав. Я родился на двадцать пятый день».

Подобная замысловатая паутина духовных и семейных отношений встречается часто, и вообще тибетская генеалогия может привести в смятение любого непосвящённого человека. Часто случалось, что реинкарнацию находили в семье, которая была особенно тесно связана с покойным ламой. В этом есть определённая логика, если принять теорию «направленного и намеренного» перерождения. В конце концов, где, как не в том сообществе, к которому тулку когда-то принадлежал, может он найти наилучшие условия как для того, чтобы его безошибочно опознали, так и для того, чтобы его потенциал был развит наиболее эффективным для него образом?

Рассуждая более прагматически, можно прийти к выводу, что подобная система также способствует тому, чтобы религиозная иерархия концентрировалась в ограниченном круге семей, с тем, чтобы соблюсти привычную схему преемственности иерархов. За вуалью мистицизма лежит принцип реальной политики. Настолько, насколько тулку воплощают в себе духовный стержень монастырской жизни, настолько же они являются движущей силой политической и экономической власти в Тибете. Известный учитель получает покровительство местных состоятельных семей и притягивает большее количество паломников в монастырь.

Мистическая закрытость системы распознавания тулку создавала простор для всевозможных манипуляций. Период между смертью великого практикующего и его перерождением являлся критическим и зачастую оборачивался временем баталий и споров между регентами тулку и лицами, занимающими высокие посты в монастырской иерархии, которые не стеснялись в выборе средств в борьбе за власть.

Богатые семьи также часто пытались влиять на процесс опознания, так как в случае, если бы их сыновья были опознаны как тулку, это принесло бы всему роду престиж и существенные привилегии. Просто удивительно, сколь часто тулку рождались именно в семьях, занимающих высокое положение, или при обстоятельствах, которые, казалось, более всего благоприятствовали чьим-то политическим интересам.

Нередкими были споры по поводу подлинности какого-либо кандидата и случаи предъявления его оппонентами другого претендента. Тибетская буддийская философия предлагала удачное решение этой проблемы: особо выдающийся практикующий может быть идентифицирован в более чем одной реинкарнации, возможны «эманации» его ума, тела, речи и действий.

Данная теория множественной инкарнации служила не только для того, чтобы демонстрировать действенность учения и духовные достижения какого-либо конкретного реализованного мастера, она также представляла собой довольно практичный способ разрешения споров относительно идентификации переродившегося ламы. Вместо того чтобы пререкаться по поводу аутентичности того или иного тулку, сообщество могло считать себя осчастливленным, когда в силу своего безграничного сострадания и мудрости Великий учитель проявился во множестве форм.

Здание тибетского буддизма было выстроено именно на этом весьма своеобразном, если не сказать уникальном фундаменте, где тесно переплелись политика и магия. Однако какова бы ни была правда об этой теории идентифицируемых реинкарнаций, каковы бы ни были её несовершенства и история злоупотреблений оной, тем не менее система тулку сформировала определённую устойчивую структуру, при которой духовно одарённые дети могли быть признаны и воспитаны так, что со временем они становились выдающимися духовными учителями. И именно она стала главной опорой для самой обширной и развитой из всех когда-либо виданных в мире монашеских систем.

Монастырский комплекс Цурпу был основной резиденцией Кармап в Центральном Тибете. Он был основан 1-м Кармапой, Дусум Кхьенпой, и расширен его преемником Карма Пакши. На протяжении веков монастырь бесчисленное количество раз разрушался землетрясениями и завоевателями, и все для того, чтобы подниматься вновь и вновь, в полном соответствии с предсказаниями 5-го Кармапы Дешин Шегпы, который предвидел, что, подвергаясь разрушениям и восстанавливаясь вновь, «этот монастырь всё же будет существовать до скончания веков». И в самом деле, Цурпу был подобием совершенно

автономного города-поселения, в котором всегда кипела жизнь. В нем проживало более 1000 монахов, и внутри его стен размещались четыре отдельных монастыря.

Хотя Кармапа был неоспоримым духовным лидером школы карма-кагью, каждый ринпоче обеспечивал себя сам и отвечал за свой собственный монастырь, являясь во всех смыслах автономным и независимым настоятелем. Кармапы традиционно были путешествующими учителями. Традиция эта восходит ко временам 2-го Кармапы, Карма Пакши, который много путешествовал по территориям, ныне входящим в состав Монголии и Китая. И 3-й, и 4-й, и 5-й Кармапы ездили в Китай, где императоры становились их учениками. 9-й Кармапа, Вангчук Дордже, посетил Монголию и Бутан. Он же послал своих представителей в Сикким, и в этом королевстве они основали три монастыря школы карма-кагью, в том числе один монастырь в Румтеке, монастырь, в котором примерно 400 лет спустя поселится 16-й Кармапа, бежавший из Тибета. Кармапы были не просто духовными учителями. Они были общественно-политическими фигурами первой величины и видными реформаторами: как известно, 5-й Кармапа впервые учредил заповедники для диких животных, он же ввёл платные дороги. 7-й Кармапа строил чугунные мосты и помечал животных, не подлежащих забою.

В Тибете Кармапы славились и как великие чудотворцы. Имеются свидетельства их способностей исцелять больных, читать мысли, в засушливое время вызывать дожди, оставлять отпечатки своих следов на камнях и на воде, ваять статуи, которые начинали говорить, предсказывать будущее, летать по небу, подобно птицам. На самом деле подобные сверхсилы, или сиддхи, описывались в тибетской истории задолго до появления там буддизма.

В жизнеописаниях Будды Шакьямуни говорится о его способности «считывать» свои прошлые жизни, предви-

деть собственную кончину и видеть обстоятельства жизни существ, населяющих иные планы бытия. То, что нами на Западе рассматривалось бы как «относящееся к магии и колдовству», в Тибете было совершенно обычным, повседневым явлением. Как описывает это Реджинальд Рей: «В тибетской буддийской традиции магия — это служанка просветления». Способности высокорезализованных лам управлять стихиями, предсказывать будущее, их возможность знать прошлые и будущие жизни, никогда не считались «чудесными» в том смысле, как мы это понимаем. Скорее они рассматривались как доказательство духовной чистоты и ясности их ума. Убрав «омрачения», присущие эго, эти великие мастера стали способны переживать реальность в её чистой и безусловной форме, свободной от иллюзии двойственности, иллюзии нашей отделённости от окружающего нас мира.

Из всех историй о чудесах, сотворённых Кармапами, самой невероятной и яркой, безусловно, является история о 5-м Кармапе, Дешин Шегпе, который в 1405 году получил от императора Тай Минг Юнг-Ло приглашение посетить Китай. Когда Кармапа въехал в город Нанкинг верхом на слоне, его приветствовали десять тысяч монахов. Во дворце император преподнёс ему шарф и драгоценную раковину, закручивающуюся по спирали в правую сторону, — это была своего рода проверка для Кармапы. Юнг-Ло слышал о телепатических способностях Кармапы и его даре ясновидения. Он хотел проверить, правда ли это: если правда, то Кармапа будет знать, что в ответ император хотел бы получить такие же подарки. Не успел император подумать об этом, как Дешин Шегпа извлёк из складок платья шарф и аналогичную раковину, завитую вправо, и подал их Юнг-Ло. В течение следующих двух недель Кармапа даровал императору и его жене целую серию тантрических посвящений. Одновременно, как это описывает Карма Тинлей в своей книге «История 16 Кар-

мап Тибета», он продемонстрировал ряд чудес, раскрывая тем самым «природу просветлённой энергии». Эти чудеса включали в себя проявление переливающегося всеми великолепными цветами огненного облака, которое увеличивалось и уменьшалось различными способами и «сияло подобно жемчужине, исполняющей желания». Затем появились другие облака «формой напоминающие чаши для подаяния», с неба сыпались цветы, некоторые были распутившиеся, другие же в бутонах, а «их стебли казались хрустальными». Появились небесные существа, держащие чаши для подаяний и посохи паломников, «некоторые из них были в шапках, у других были бороды, напоминавшие хвосты яков». Говорят, что на восемнадцатую ночь явились два небесных ламы, окружённые огнями, освещающими весь небосвод. Вдали можно было видеть скачущих на синих львах и белых слонах богов, чьи одежды были расшиты драгоценными камнями. На Юнг-Ло всё это произвело должное впечатление. Он подарил Кармапе 700 серебряных даров, наградил его титулами Драгоценный Король Дхармы, Великий Любящий, Пришедший с Запада, Могущественный Будда Мира. Он повелел своим лучшим художникам отобразить эти чудесные события на шёлковом свитке, который после этого был послан в монастырь Цурпу (где он и провисел следующие 500 лет в Большом молитвенном зале). Он также выразил своё мнение по поводу того, что в Тибете слишком многочисленны буддийские секты, и предложил направить туда свои армии, чтобы подчинить и объединить их все под руководством Кармапы силой (предложение, которое, возможно, намекает на то, что он не совсем уловил смысл буддийских учений о ненасилии и любящей доброте). Кармапа, как нам известно, отклонил это предложение. Именно Юнг-Ло подарил Кармапе материальное воплощение неземной Ваджрной короны, или Чёрной шапки Кармап. Со времени, когда 1-й Кармапа достиг просветления и, как

гласит легенда, получил в подарок Ваджрную корону, его преемники никогда не расставались с ней и она всегда служила материальным воплощением их запредельной мудрости. Говорят, что прежде эта корона была невидимой для глаз обычных существ и её могли узреть лишь те, кто был наиболее чист духом. Узрев её глазами преданности, император Юнг-Ло повелел, чтобы материальный символ данного небесного видения был сделан на благо всех живущих, и подарил Дешин Шегпе сшитую из Чёрной парчи и украшенную драгоценными камнями корону.

Со дня своего появления в Тибете буддизм был неотделим от политики. Его распространение зависело от покровительства местных царей и военачальников или от армий монгольских или китайских императоров. Школа ньингма, или «древняя» традиция, выросла во время так называемого первоначального распространения буддизма, под покровительством «религиозных царей», или дхармарджей Тибета. Вторая волна распространения буддизма, начавшаяся в XI веке и совпавшая с упадком буддизма в Индии под давлением исламской экспансии, привела к росту влияния школ сакья и кагью. К XIII веку благодаря покровительству монгольских императоров, и не в последнюю очередь Кублай Хана — первого, кто установил отношения «наставник — покровитель» (формат отношений, оказавшийся решающим в истории Тибета), — школа сакья заняла лидирующую позицию, превзойдя своим влиянием все остальные традиции тибетского буддизма. По мере уменьшения монгольского влияния, Тибет постепенно перешёл под управление царствующей тибетской династии Цанг, представители которой покровительствовали иерархам карма-кагью. В течение двух столетий школа кагью превосходила все другие буддийские традиции в Тибете, что привело к неслыханному росту её влияния, мощи и богатства.

Однако со временем школе кагью был брошен вызов со стороны реформаторского монашеского ордена, известного как гелуг, или гаденпа, ставшего самой сильной из четырёх основных буддийских школ Тибета. Школа гелуг была основана монахом по имени Цонкапа. Пройдя обучение у наставников школ кагью, сакья и ньингма, он разочаровался в том, что счёл проявлениями упадка и искажения учения в рядах существующих буддийских традиций. Это подвигло его на основание новой монашеской традиции, которая призвана была вернуться к «чистому буддизму», делая упор на безбрачии и философском образовании как основных предпосылках более продвинутых тантрических практик.

Уже после смерти Цонкапы основанная им традиция стала именоваться гелуг, или «добродетельная» («гелугпа» в переводе с тибетского означает «те, кто принадлежит к школе гелуг»). В качестве символа своей чистоты они ввели в обиход ношение жёлтых церемониальных шапок, чтобы отличаться от «старых» школ, носивших красные шапки. Эти шапки впоследствии станут символами сектантских споров и разногласий между «красными» и «жёлтыми», споров, которые будут доминировать в религиозной жизни Тибета на протяжении следующих 500 лет.

Неоспоримым лидером среди духовных иерархов школы гелуг являлся Далай-лама. Гелугпа обеспечила себе покровительство монголов, и постепенно её сила и влияние нарастали, вызывая зависть и сея подозрения у «старых» красношапочных школ, которые видели в этом угрозу. Гелуг заняла доминирующую позицию при 5-м Далай-ламе Нгаванге Лобсанге Гьяцо, или «Великом Пятом». Когда 10-й Кармапа, Чойинг Дордже, под покровительством царя У-Цанга попытался сопротивляться распространению учений школы гелуг, 5-й Далай-лама воззвал к своему монгольскому покровителю Гушри Хану, чтобы тот защитил его престол и объединил страну

под его правлением. Армия Гушри Хана нанесла поражение царю У-Цанга, и в 1642 году 5-й Далай-лама стал абсолютным светским и духовным правителем тибетской территории, простиравшейся от горы Кайлаш на западе до восточных границ с Китаем. Монгольская армия разграбила город Шигаце и лагерь Кармапы, сея вокруг панику и смерть. Кармапа, как об этом гласит предание, «вознёсся в пространство», чтобы найти убежище в Индии. Те, кто наблюдал его уход, видели его в разных проявлениях: некоторые — в виде летящего грифа, некоторые — в образе оленя, другие — в человеческом облике. Ему пришлось прожить в изгнании тридцать лет. 5-й Далай-лама быстро присвоил себе власть над «старыми» буддийскими школами. При его правлении по меньшей мере сорок монастырей кагью в Центральном Тибете были присвоены и обращены в гелугпинскую традицию. Цурпу, резиденции Кармап, было разрешено остаться в целостности и сохранности, но там было разрешено давать посвящение в монахи лишь троим послушникам в год. Начиная с этого времени школа гелуг, по сути, правила Тибетом под началом череды Далай-лам, вплоть до бегства в Индию 14-го Далай-ламы в 1959 году. Казалось, что Далай-лама был «абсолютным правителем, чей авторитет никем не оспаривался», но на самом деле в основном делами страны управляли его министры. Таким образом, сами Далай-ламы могли держаться на некотором расстоянии от политических интриг и удерживать своё положение в качестве духовного главы тибетского буддизма, пользующегося уважением всех школ. Однако застарелые сектантские споры между красношапочниками «старых» школ и жёлтошапочниками «новой» школы будут длиться ещё многие столетия, вплоть до катастрофы, последовавшей за китайским вторжением в Тибет в 1950 году.

ГЛАВА 3

Львиный рык

Исторические сведения о Кармапах не изобилуют тем, что у нас на Западе принято считать яркими, бросающимися в глаза подробностями личной жизни. Мы ничего не узнаем о сильных и слабых сторонах их характера, об их отличительных индивидуальных особенностях или «грешках», об их друзьях или врагах, о том, были ли они добры и щедры по своей природе, были они людьми сурового нрава, подверженными приступам плохого настроения и депрессии. О них принято говорить лишь с использованием прилагательных превосходной степени и пышных эпитетов. Истории о Кармапах не содержат описаний их индивидуальных привычек, предпочтений или слабостей, о том, например, что они любили тибетский чай с маслом или тёплые ванны. Истории эти существуют для того, чтобы восхвалять их свершения, как светские, так и духовные, с тем чтобы вдохновлять нас последовать их примеру и двигаться вперёд по пути буддийского учения, ведущему к достижению просветления. Они призваны показать нам, сколь велика была их духовная сила, заставлявшая саму природу почтительно склоняться в их присутствии. Радуги появлялись в небе, чтобы приветствовать их. Цветы падали с небес туда, где ступала их нога. Они исцеляли и излечивали болезни и недуги, переносились на огромные

расстояния по небу и оставляли следы своих ног на скалах и на воде. Это истории, в которых апокриф становится фактом.

15-й Кармапа Кхакьяб Дордже умер в 1922 году в возрасте пятидесяти одного года. За несколько лет до своей смерти он доверил подробности о своём следующем перерождении своему ближайшему слуге Джампелу Цултриму. Послание было надёжно скрыто в документе, озаглавленном «Предсмертная песнь — сокровенный смысл цветка бамбука, украшение для людей этого мира». В тексте содержались ясное указание на тот район, где следовало искать реинкарнацию, а также имена родителей и год рождения ребёнка. В соответствии с этим пророчеством 16-й Кармапа, Рангджунг Ригпе Дордже, родился в семье Алтуп, в пятнадцатый день шестого месяца, в год Дерева-Мыши (в сентябре 1923 года), в Денкоке, в местности Дерге, в Восточном Тибете. Его отец был старшим министром при царе Дерге. Ещё до рождения Кармапы было предсказано, что в семье этого министра родится бодхисаттва и что семья должна встать лагерем за пределами дворца Алтуп, чтобы рождение ребёнка не произошло в «праздном окружении».

Можно было слышать, как ребёнок, всё ещё находящийся в утробе матери, читает мантру «Ом мани падме хум». Говорят, что непосредственно перед появлением на свет ребёнок вовсе исчез из тела матери и появился вновь на следующий день. В день его рождения в небе возлила радуга, палатка сияла белым светом, а вся вода в чашах для подношений превратилась в молоко. Едва родившись, ребёнок сделал семь шагов и сказал: «Мама, мама, я ухожу». Увидев его необычные качества, семья предприняла меры для его защиты, держа младенца в безопасном месте и распространив слух о том, что якобы родилась девочка. Прошло несколько лет, прежде чем мальчик был опознан как 16-й Кармапа.

Джампел Цултрим, ученик, которому 15-й Кармапа доверил письмо-предсказание, был странствующим монахом. И как-то весьма некстати вскоре после смерти своего Мастера он исчез, унеся с собой письмо. В отсутствие столь важного документа задача найти реинкарнацию всецело легла на плечи двоих держателей линии, 11-го Тай Ситу Ринпоче и 2-го Джамгона Конгтрула Ринпоче. Следуя своим собственным предсказаниям, Тай Ситу определил местонахождение ребёнка, и во Дворец Алтуп была тайно послана группа людей, чтобы проверить подлинность перевоплощения и сделать соответствующие подношения. Теперь требовалось, чтобы 13-й Далай-лама официально подтвердил статус обнаруженной реинкарнации. Секретари по общим вопросам лабрангов Палпунг, монастыря Тай Ситу и Цурпу отправились в Лхасу, дабы содействовать скорейшему принятию решения. Однако на это ушло три года. В соответствии с традицией, были сделаны подношения, чтобы засвидетельствовать почтение Далай-ламе. Казна обеих монастырей — и Цурпу, и Палпунга — заметно оскудела. Тай Ситу запросил помощи у своего покровителя, короля Бутана, который в свою очередь тоже своевременно отправил в дар два великолепных слоновьих бивня, покрытых золотом, с вырезанными на них именами Будды. И всё же Далай-лама отказывался признать реинкарнацию до тех пор, пока ему не представят письмо с пророчеством самого 15-го Кармапы. Дело приняло ещё более запутанный оборот, когда один из министров правительства Далай-ламы, Лунгшава, начал лоббировать интересы ещё одного кандидата на трон Кармапы — своего собственного сына.

И только тогда, в последнюю минуту, вновь возник неуловимый Цултрим, неся с собой заветное письмо. Однако по неясным причинам 15-й Кармапа предпочёл записать своё послание, закодировав его в цифрах, расшифровать которые мог только один человек — извест-

ный лама Кхьенце Ринпоче. Информация, полученная в результате расшифровки письма, ко всеобщей радости, целиком и полностью совпала с видением Тай Ситу Ринпоче, в результате чего ребёнок из Алтупа был официально признан 16-м перевоплощением Кармапы.

Притязания сына Лунгшавы прекратились естественным образом ввиду его безвременной кончины. По одной версии, он упал с крыши своего дома в Лхасе, по другой — начал жаловаться на сильные боли в животе и вскоре после этого умер. Во время всех этих несколько затянувшихся событий ребёнок-тулку оставался в Алтупе на попечении своих родителей. Все сошлись во мнении, что он был исключительно одарённым ребёнком, и слава о нём стремительно распространялась по окрестным долинам. Если где-то пропадал скот, он всегда мог дать точное описание того места, где его следует искать. Один раз посетители принесли в покои молодого ламы, жившего на третьем этаже дворца, чай в глиняном кувшине. Ребёнок выбросил сосуд из окна, но тот не разбился, и из него не вылилось ни капли жидкости. Смеясь, ребёнок сжал горлышко кувшина, намертво «запечатав» его.

В 1931 году мальчик наконец покинул Алтуп, переехав в монастырь Палпунг, где и был возведён на трон в качестве 16-го Кармапы. Затем он отправился в долгое путешествие по Тибету к монастырю своих предшественников Цурпу, по пути посещая различные монастыри школы кагью и в первый раз проводя церемонию Чёрной короны для своих последователей. События эти были подобны «бальзаму для их глаз», небеса заполнялись радугами, и с небес проливался дождь из цветов. В следующем году он был принят в Лхасе Далай-ламой, который официально признал его и совершил традиционную церемонию обрезания волос, символизирующую отречение от мирской жизни. Известно, что перед церемонией на Кармапе была маленькая корона из ткани, которую

он снял с головы, прежде чем выполнить земной поклон перед Далай-ламой. Далай-лама спросил его, почему тот не пожелал снять и «другую шапку». Все присутствовавшие запротестовали, уверяя Его Святейшество, что мальчик кланялся ему с непокрытой головой. По-видимому, Далай-лама силой своего особого восприятия узрел неземную Ваджрную корону Кармап. Таким образом, была одновременно подтверждена высокая духовная реализация самого Далай-ламы и доказана аутентичность нового перерождения Кармапы.

В дальнейшем жизнь молодого Кармапы разворачивается в череду чудесных деяний и событий, волшебством своим не уступающих событиям иной сказки. В десятилетнем возрасте он впервые опознал тулку — 8-го Сурманга Ринпоче, узрев силою своего ясновидения такие подробности, как место, где будет найдена новая инкарнация, имена родителей и даже то, в каком направлении расположена дверь их дома. Взрослея, Кармапа объехал весь Тибет, являя свои чудесные способности везде, где бы он ни появлялся. Однажды в месте, где из земли бьют горячие ключи, он ринулся в гнездо змей, которые обвили всё его тело. Кармапа начал танцевать, повторяя: «Я — владыка змей!» Прислужники, опасаясь за его жизнь, умоляли его прекратить, но он лишь смеялся в ответ, а змеи падали с него, словно капли дождя, не причиняя ему никакого вреда. Когда их процессия проезжала через земли Защитника Ньенчена Танг Аха, прямо навстречу Кармапе вышел белый як, поклонился и исчез. Все видевшие это были изумлены, а он лишь сказал, что это вполне естественно и в этом нет ровным счётом ничего удивительного. В другой раз он встретил другого имени-того ламу, Другчена Палджора Ринпоче. Они начали шутить, рассказывая друг другу о том, какие чудеса им под силу свершить. Тогда Кармапа взял меч своего служителя и завязал его лезвие узлом. Вскоре после этого, перехо-

дя замёрзшую реку, он оставил следы своих ног на льду. И даже после того, как лёд растаял, следы его всё ещё ясно виднелись на поверхности воды.

История гласит, что именно в этот период Кармапа получил полную передачу тантрических учений и всю линию учения карма-кагью от Тай Ситу Ринпоче. Среди этих учений были: «Наука всех сфер знания», устная передача «Сокровищницы обширных учений», а также много других устных наставлений, включая учения Марпы, Миларепы и Гампопы; индийские тексты по Махамудре; три текста Махакалы, (Бернагчена — Носящего Чёрный Плащ); красного Авалокитешвары и Ваджраварахи; а также «Три учения», известные как «Сияние драгоценности», «Сияние солнца» и «Сияние луны». Со временем к учениям этим добавятся другие, такие как «Махамудра — океан достоверного смысла», «Махамудра, рассеивающая тьму неведения», учение 8-го Кармапа о нераздельности праны и сознания, «Махамудра — перст, указующий на дхармакайю», «Шесть учений, известные как «Сущность нектара»; «Отцовское и материнское учение тайной сути»; «Мирная и гневная гирлянды»; «Кинжал семи глубин», и многие другие. Таким образом, семя просветления великого бодхисаттвы было приведено к полному созреванию.

В 1950 году Народная освободительная армия Мао Цзэдуна смела границу тибетской восточной провинции Кхам, полная решимости навсегда решить вопрос об исторической принадлежности Тибета Китаю и «освободить» его народ от засилья церковно-феодалного уклада. В течение нескольких недель солдаты НОА взяли под свой контроль весь регион, легко сломив сопротивление малочисленной и плохо оснащённой тибетской армии под командованием генерала-аристократа Нгабо Нгаванга Джигме. Во время этого нашествия Далай-ламе, светскому и духовному лидеру Тибета, было всего лишь пятнадцат-

цать лет и страной управляли регенты. Но перед лицом нарастающего кризиса институт регентства быстро продемонстрировал свою несостоятельность. Государственный оракул Нечунг, к которому обратились за консультацией, дал недвусмысленный ответ: Далай-лама должен взять власть в свои руки.

Предпринимая отчаянную попытку предотвратить китайскую оккупацию Тибета, молодой лидер отправляет для переговоров с китайскими властями делегацию во главе с Нгабо Нгавангом Джигме. У Нгабо имелись полномочия лишь на ведение переговоров с китайской стороной, но весной 1951 года без предварительной консультации с Далай-ламой он подписывает так называемое «Соглашение из семнадцати пунктов по мирному освобождению Тибета», отказавшись от права Тибета на независимость и приняв формулировку «возвращения страны в объятия Родины-Матери» — Китая. По правде говоря, у Нгабо не было иного выбора, кроме как подписать это соглашение, однако после этого многие тибетцы сочли его предателем. В октябре того же года войска НОА вошли в Лхасу, и Тибет де-факто перешёл под контроль коммунистического Китая. «Соглашение из семнадцати пунктов» гласило, что Китай будет уважительно относиться к религиозным свободам тибетского народа, но обещания эти очень быстро растаяли в воздухе. Монастыри, особенно в восточных провинциях Тибета, были поставлены под жёсткий административный контроль. Монахов и монахинь силой заставляли отказываться от принятых обетов, всякое инакомыслие тотчас подавлялось, а диссиденты оказывались в китайских застенках.

В 1954 году молодой Далай-лама в сопровождении большой группы официальных лиц, религиозных лидеров и своей семьи прибыл в Пекин для встречи с Председателем Мао. Кармапа, которому тогда исполнился тридцать один год, был в составе делегации. В своей автобиографии

Далай-лама вспоминает, как на протяжении его двенадцати встреч с Мао тот разыгрывал из себя по-отечески мудрого и благонамеренного вождя и даже расхваливал буддизм за то, что он «против разделения на касты, против коррупции и эксплуатации простого народа». Но какие бы надежды эти слова ни вселили в душу молодого Далай-ламы, они были разбиты вдребезги на их последней встрече. «Религия — это яд, — сказал ему Мао. — Во-первых, она ведёт к уменьшению населения, потому что принявшие монашество принимают обет безбрачия, а во-вторых, она противопоставляет себя материально-техническому прогрессу и игнорирует его». Услышав это, Далай-лама, по его воспоминаниям, «очень испугался». Он понял, что Мао — «разрушитель Дхармы». С тяжёлым сердцем Далай-лама вернулся в Тибет.

К этому времени Тибет погрузился в состояние хаоса. Китайские войска были вовлечены в ожесточённые стычки с повстанцами в восточных провинциях Кхам и Амдо, и беженцы из этих районов наводнили Центральный Тибет. В 1957 году Кармапа ещё раз отправился в паломничество в Индию и Непал. Возвращался он через Сикким, королевство, исторически имевшее исключительно тесные связи с Кармапами. Во второй половине XVI века 9-й Кармапа, Вангчук Дордже, был приглашён королем Сиккима основать несколько монастырей, одним из которых стал Румтек, расположившийся в нескольких милях к югу от столицы, Гангтока. По прошествии многих лет этот монастырь пришёл в упадок. Несколько пожилых монахов, всё ещё живших там, попросили Кармапу навестить их. Он ответил, что время ещё не пришло, но обещал вскоре это сделать. Ситуация в Тибете ухудшилась к моменту его возвращения в Цурпу. Кармапа начал принимать меры, чтобы сохранить молодых тулку линии кагью. В Цурпу были привезены 9-й Сангье Ньенпа Ринпоче и 8-й Тралег Ринпоче, где они присоединились к двум са-

мым именитым молодым тулку линии — Гьялцабу Ринпоче и Шамару Ринпоче. Четырёхлетний Тай Ситу ещё раньше нашёл убежище в Цурпу, покинув свой монастырь в Палпунге буквально за три дня до того, как тот был захвачен китайскими солдатами. Ситуация в Тибете становилась всё более опасной и непредсказуемой. Лхаса была заполнена тысячами беженцев со всей страны, спасавшимися от кровопролитных столкновений между китайскими войсками и тибетскими повстанческими силами.

Наконец, в марте 1959 года вспыхнуло восстание в самой столице Лхасе, и всё шло к тому, что китайцы попытаются арестовать Далай-ламу. В ночь на 17 марта, переодетый в солдата, он был тайно вывезен из своего летнего дворца Норбулингка, и таким образом ему удалось бежать. Спустя неделю он и сопровождавшая его свита достигли Лхунце Дзонга, находившегося примерно в ста километрах от индийской границы. Там Далай-лама формально объявил об отказе от подписанного восемью годами ранее «Соглашения из семнадцати пунктов» и объявил о формировании своего собственного правительства. Две недели спустя, измученный долгой дорогой и пребывающий в подавленном состоянии, Далай-лама наконец пересёк тибетско-индийскую границу, и отныне для него началась совсем иная жизнь: жизнь «лидера нации в изгнании».

В последующие несколько месяцев десятки тысяч тибетцев вслед за ним проделают опасное путешествие через снежные Гималаи в изгнание в Индию. Кармапа будет среди них. За девятнадцать лет до этого, в 1940 году, в тихом уединении своих покоев в монастыре Цурпу, девятнадцатилетний Кармапа записал спонтанно пришедшие ему на ум стихи, в которых он словно предрёк ту беду, которая со временем опустилась на Тибет, и своё бегство, или полёт к свободе, описав китайцев как «грифа», а себя как «кукушку».

Завтра, а не сейчас, но примерно в это же время
Мне станет известно, куда отправятся гриф и я.
Гриф воспарит в простор небес,
А весной кукушка получит приглашение.
Куда она полетит — станет известно осенью,
Когда созреет урожай.
Некуда ей лететь, кроме как на Восток — в Индию.

К осени 1959 года стало ясно, что промедление смерти подобно. И Кармапа проинструктировал секретаря лабранга по общим вопросам Дамчо Йонгду относительно приготовлений к побегу. Дамчо был немного старше Кармапы. Долгие годы он был монахом в Цурпу и начинал с должности ответственного за обустройство главного алтаря (в его функции входила подготовка алтаря к различным церемониям и ритуалам). Он отвечал за изготовление сложнейших ритуальных скульптур-подношений, или торма — конусообразных изделий из теста, украшенных многослойными дисками из разноцветного масла, различных по форме и размерам, каждое из которых имело глубокое символическое значение.

Как вспоминает сын Дамчо, 7-й Понлоп Ринпоче: «Какую бы церемонию ни задумал провести Его Святейшество, моему отцу приходилось всё для этого готовить. Отец рассказывал, что Его Святейшество прекрасно знал все нюансы этого сложного процесса и подходил ко всему очень тщательно. Он мог зайти буквально перед началом пуджи, скажем, за полчаса, осмотреть алтарь, и, если видел, что какое-то торма было изготовлено с нарушением канонов, Его Святейшество указывал на него пальцем, после чего торма убирали, а моему отцу приходилось срочно делать его заново. Тотчас! Что касалось практики, Его Святейшество был очень строг и всегда требовал, чтобы всё выполнялось надлежащим образом».

Вполне очевидно, что Дамчо хорошо выполнял свои обязанности. Со временем он стал личным прислужником Кармапы и, в конце концов, его секретарём по общим вопросам. Его кандидатура на эту должность была одобрена в ходе традиционного ритуала пророчества мо. При подготовке к этой процедуре составляется окончательный список претендентов, их имена пишутся на кусочках бумаги, которые затем заворачиваются в шарики из теста. Шарик тщательно взвешивается, чтобы они были совершенно одинаковыми, и помещаются в вазу. Пока Кармапа выполняет серию ритуалов перед алтарём, ваза встряхивается до тех пор, пока из неё на стол не выпадет один из шариков. «Выпало имя моего отца», — сказал Понлоп Ринпоче.

Дамчо был высокого роста и крепкого телосложения и, как и Кармапа, во всём строго придерживался тибетских традиций. Он носил чубу, серьги-подвески и собирал волосы в длинный хвост. Дамчо был экстравертом, питая слабость к пению и различным представлениям. В дни праздников — на Лосар (тибетский Новый год) или на день рождения Кармапы — он всегда выделялся в оперной труппе монастыря, исполняя сразу несколько ролей. Но он также обладал и горячим темпераментом и имел склонность к авторитаризму. Дамчо мог быть бестактным и не всегда лёгким в общении, любил отдавать приказы и ожидал, что они будут беспрекословно выполняться. Его скорее боялись и уважали, чем любили. Люди утверждают, что Кармапа выбрал его именно из-за этих его качеств, чтобы усмирить его ум и дать ему возможность измениться к лучшему. Если бы у Дамчо не было перед глазами примера Кармапы, который был для него основным объектом почитания, веры и преданности, то со временем он создал бы для окружающих массу проблем. Однажды он даже был женат на сестре Кармапы, но она умерла совсем молодой, и через некоторое время Дамчо женился ещё раз.

«Его Святейшество наделил Дамчо всей полнотой власти, — вспоминает Нгодруб Буркхар, который позже работал в качестве переводчика Кармапы. — “Доложите секретарю, проконсультируйтесь с секретарём, не делайте этого без ведома секретаря...” — так, бывало, говорил Кармапа. Что бы Дамчо ни велел кому-либо сделать — это всегда совпадало с желаниями Его Святейшества. Я мог идеально выполнить сто поручений самого Кармапы и, вероятно, не дождался бы от него и слова благодарности. Но если я делал что-то, что нравилось его секретарю, это радовало Его Святейшество в сто раз больше. У них были действительно уникальные взаимоотношения».

Именно на плечи Дамчо легло тяжкое бремя подготовки к бегству из Цурпу и к долгому путешествию в изгнание. В крепкие ящики, опечатываясь, упаковывались сокровища монастыря. Драгоценные тексты-ксилографы извлекались из деревянных обложек, чтобы их было легче нести, и для сохранности заворачивались в обёртки из кожи. (Уже позже будет обнаружено, что в спешке и суматохе вместо нескольких текстов упаковали и забрали с собой деревянные обложки.) Ушла первая партия людей, среди которых был и маленький Тай Ситу с небольшой свитой советников и служителей, во главе каравана из пятидесяти вьючных животных, несущих на себе ящики с монастырскими текстами и святынями. И наконец, осенью 1959 года из Цурпу, направляясь в Бутан, вышел основной караван во главе с Кармапой. Он состоял примерно из 160 человек, лошадей и вьючных животных. Путешествие заняло двадцать один день.

«Китайцы буквально шли за ними по пятам, — говорит Понлоп Ринпоче. — Караван останавливался на отдых и разжигал костры. И когда китайцы находили это место, угли были ещё тёплыми, но всё же они не могли их догнать. Мой отец говорил, что их хранило благословение Кармапы».

Среди беглецов, шедших с караваном, был предшественник нынешнего Понлопа Ринпоче, 6-й Понлоп. Он был человеком гигантских размеров и невероятной силы. Говорят, что он мог, проезжая верхом на лошади через ворота, ногами обхватить её бока и, ухватившись за перекладину над головой, оторвать себя вместе с лошастью от земли. «Он был таким огромным, что ему нужны были две лошади, которые бы везли его по очереди, — смеясь, рассказывает 7-й Понлоп Ринпоче. И при этом никто не мог ехать на второй свободной лошади, потому что ей нужно было отдохнуть, чтобы снова везти Понлопа. Бывали моменты, когда они беспокоились, потому что он очень сильно отставал и его могли схватить, но ему всегда удавалось уйти от погони».

В конце концов караван добрался до Бутана, где их тепло встретил сам король. Тем временем пришло послание от махараджи Сиккима, Таши Намгьяла, который приглашал Кармапу обосноваться у него. Он предлагал на выбор несколько мест для постройки монастыря. Кармапа выбрал полузаброшенный Румтек. Обещание, данное им за два года до этого, было исполнено. Месторасположение Румтека, находившегося в десяти милях от столицы Сиккима Гангтока, обладало многими характеристиками, считающимися благоприятными для любого буддийского монастыря. Семь ручьёв текло в его направлении, семь холмов смотрели в его сторону, позади него виднелась гора, перед ним раскинулась гряда снежных вершин, а внизу — по спирали, очертаниями напоминающая раковину морского моллюска, текла вниз по холму река. Правительство Сиккима выделило в бессрочное пользование семьдесят четыре акра земли, предложило в дар необходимое количество стройматериалов и внесло пожертвования, частично покрывающие стоимость строительства монастыря. Индийский премьер-министр Джавахарлал Неру также обещал финансовую помощь,

чтобы оплатить строительные работы, накормить и одеть беженцев.

Работа по очистке площадки под строительство началась в 1962 году. Более ста рабочих трудились по двенадцать часов в сутки до тех пор, пока наконец в июне 1964 года не был заложен первый камень в фундамент будущего храма. За два года были выстроены основной храм, зал заседаний и жилые помещения для монахов. В первый день первого месяца года Огненной Лошади (март 1966 года) Кармапа во главе процессии высоких гостей вошёл в новый монастырь.

По прибытии в Индию Далай-лама был временно размещён индийским правительством в горном поселении Массури. Но не прошло и года, как премьер-министр Неру предложил ему обустроить постоянную резиденцию в Дхарамсале, в предгорьях индийских Гималаев. В мае 1960 года Далай-лама поселился в доме, некогда построенном для британского колониального офицера, занимавшего пост коменданта этого региона. Он немедленно начал выстраивать базовую инфраструктуру тибетского правительства в изгнании. Сначала оно состояло из четырёх департаментов: Совета по религиозным делам, Департамента образования, Департамента безопасности и Министерства внутренних дел, которое отвечало за размещение десятков тысяч тибетских беженцев, последовавших за своим лидером в изгнание. С помощью индийского правительства и международных благотворительных организаций беженцы были расселены по лагерям и поселениям, разбросанным по гималайским предгорьям — Далхаузи, Манали, Дерадун, Бир — и в самой Дхарамсале.

Одним из основных приоритетов нового правительства в изгнании было попытаться взрастить чувство национального единства среди людей, привыкших делить Тибет на различные полуавтономные регионы и испыты-

вать чувство лояльности и патриотизма именно по отношению к своей «малой родине». В прежнем Тибете центральная власть в столице Лхаса правила страной, скорее, номинально, а фактически государство делилось на три самоуправляемых региона: центральный район У-Цанг и две восточные провинции — Амдо и Кхам. Амдо — территория, расположенная к северу от Центрального Тибета, это обширное, лишённое лесов степное нагорье, которое французский тибетолог и путешественница Александра Давид-Неэль назвала «великой травяной пустыней». Основную часть населения Амдо составляют кочевники-скотоводы. В провинции Кхам ландшафт иной и состоит в основном из густых девственных лесов, на границе которых находятся покрытые снегом горные хребты. По сравнению с жителями центрального региона обитатели Кхама — люди жёсткие, обособленные, замкнутые, вспыльчивые, известные своей безрассудной храбростью. Как гласит старая тибетская поговорка: «В У и Цанге — лучшая Дхарма, в Амдо — лучшие кони, а в Кхаме — лучшие мужчины». Они держат себя как и подобает воинам: надменно. Их редко можно увидеть без широкого меча, болтающегося у пояса в серебряных ножнах, украшенных кораллами и бирюзой. Они великолепные наездники, славящиеся своей отвагой в бою и агрессивностью, которая была укрощена 800 годами буддизма лишь отчасти. Именно Восточный Тибет принял на себя основной удар китайского вторжения, и именно солдаты Кхама оказали наибольшее сопротивление китайским войскам.

Исторически Амдо и Кхам, как правило, лишь делали вид, что они административно подчиняются Лхасе, но на самом деле они имели вполне эффективную систему местного самоуправления во главе с локальными князьями и родовыми вождями. В этих районах, граничащих с Китаем, письменный язык и культура были тибетскими, но в расчётах использовалась китайская валюта.

Подобные географические и культурные различия также нашли своё отражение в делении на религиозные школы внутри тибетского буддизма. Если в Центральном Тибете большинство монастырей, в особенности огромные монастырские университеты Сера, Ганден и Дрепунг, принадлежали школе гелуг, то в Амдо и Кхаме лидирующее положение занимала школа кагью. Уважая духовный авторитет Далай-ламы и признавая его роль как фактического «Короля Тибета», «старые» школы кагью, ньингма и сакья всеми силами поддерживали независимость своих практик, ритуалов и линий передачи учения, с давних времён испытывая подспудное недоверие к центральному правительству в Лхасе, главой которого был Далай-лама. Застарелая вражда между красными и жёлтыми шапками всё ещё давала о себе знать.

Теоретически, во время того кризиса, в котором оказались тибетцы, бежавшие от китайской оккупации, подобные различия становились совершенно бессмысленными и второстепенными по сравнению с необходимостью напряжённой коллективной борьбы за выживание в условиях изгнания на чужбине. Но тибетцы весьма упрямы в своём цеплянии за местные и родственные связи и институт землячества. Перешедшие границу беженцы стремились расселиться в соответствии с принципом своей региональной принадлежности, и прежние ошибки стали повторяться вновь. Новоиспечённое правительство в изгнании, базирующееся в Дхарамсале, во многом отражало региональные и религиозные пристрастия старого режима Лхасы: основную его массу составляли выходцы из аристократических семей Центрального Тибета, а на духовном уровне в нём доминировала школа гелуг.

Помня о тех проблемах, которые способно породить такое положение дел, и исполненный решимости демократизировать новые правительственные учреждения, Далай-лама в 1962 году впервые назначил выходца из

Кхама на высокий пост в правительстве, сделав его министром образования. Он также пригласил представителей трёх основных религиозных школ, чтобы все они были представлены в новом Департаменте по делам религии. Однако его шаги, направленные на интеграцию и сплочение тибетского общества, в определённых кругах были истолкованы как попытка навязать религиозный авторитет гелуг другим школам, что только подлило масла в огонь старого соперничества между красными и жёлтыми шапками, длившегося в Тибете уже около 500 лет. С недоверием относясь к тибетскому правительству в изгнании, Союз выходцев из Кхама и Амдо основал свою собственную организацию — Тибетскую благотворительную ассоциацию, получившую в народе название «Группа тринадцати поселений», и начал независимо запрашивать фонды у индийского правительства и заокеанских благотворительных групп. 16-го Кармапу пригласили возглавить эту организацию. Он отказался, боясь быть втянутым в политическое противостояние с Дхарамсалой или с Далай-ламой. И в то же время он искусно избежал того, чтобы в деле борьбы за свободу Тибета его ассоциировали лишь с Дхарамсалой, отказав в финансовой поддержке издаваемому Правительством в изгнании информационному бюллетеню «Рангцен Лагдеп», призывающему к независимости. Трения между Правительством в изгнании и «Группой тринадцати поселений» в столь характерной для тибетской политики манере будут давать о себе знать вплоть до 70-х годов, но Кармапа не будет принимать в них никакого участия.

Примерно в 1300 км от Дхарамсалы Румтек функционировал практически как независимое королевство. Можно было сказать, что по сравнению с большинством тибетских монастырей, пытавшихся обосноваться на чужбине, Румтек процветал. Историческая роль Кармап как духовных учителей королевских семей Сиккима и Бу-

тана обеспечивала им постоянное покровительство. 16-й Кармапа обладал даром привлекать новых патронов, куда бы он ни отправлялся. Лама Еше Лосал, проживший несколько лет в Румтеке и работавший переводчиком Кармапы, рассказывает, как в 1956 году во время визита в Бодхгаю Его Святейшество был представлен семье Ашока, чье огромное состояние было построено на разнообразных видах бизнеса: начиная с производства всевозможных товаров и заканчивая управлением отелями.

«Они были очень богаты, но у них не было детей. Поэтому они обратились к Кармапе с просьбой о помощи. Кармапа обещал помочь. К тому моменту, когда Кармапа бежал в Индию, у них уже родился ребёнок и, начиная с этого времени, где бы Кармапа ни путешествовал, его всегда бесплатно обеспечивали машиной с шофёром, его монахам предоставлялись жильё и питание». Лама Еше рассказывает, что в 1967 году Кармапа был приглашён в Бутан в качестве почётного гостя королевской семьи. «Король был так ошарашен его благословением, что предложил ему в дар сразу несколько машин — «лендроверы», джипы и один грузовик. Машины были доставлены в Румтек, но в монастыре не было механиков, которые могли бы поддерживать их в рабочем состоянии. Тогда один индиец, отвечавший за все военные транспортные средства Индии, но не имевший детей, пришёл и сказал: «Кармапа, мы слышали, что вы можете дать всё что угодно. Дайте мне детей, и я буду служить вам верой и правдой». Кармапа ответил: «Хорошо, у тебя будет ребёнок». И у индуса родилась дочь, которой дали тибетское имя. И после этого все транспортные средства из гаража Кармапы обслуживались бесплатно!»

Из-за напряжённых отношений с Китаем в Сиккиме было дислоцировано большое количество индийских солдат. Когда в Румтеке они выстраивались в очередь за благословением Кармапы, это было привычным зрели-

щем. Приехав в монастырь в первый раз и увидев эту очередь, Нгодруб Буркхар был весьма озадачен. «Там были офицеры высокого ранга, и первое, что они спрашивали, было: “Где я могу получить красный шнурок?”, имея в виду защитную тесьму-амулет, которую Кармапа, благословляя, давал каждому посетителю во время аудиенции. Я очень заинтересовался и спросил кого-то: “Почему военные всё время просят этот шнурок?” Мне рассказали, что однажды в Румтек приехал один капитан индийской армии, и Его Святейшество подарил ему такой защитный шнурок. Капитан спросил: “А зачем он мне?”, Его Святейшество ответил: “Это для защиты, как броня. Он делает тебя пуленепробиваемым!”, — и рассмеялся, как он обычно смеялся, так что нельзя было понять, шутит он или нет. Ну, как бы то ни было, а капитан обвязал этим шнурком шею козы и выстрелил в неё. И к счастью, коза осталась невредимой. Вот почему сюда приезжает так много солдат!» Руководя Румтеком, Кармапа был более чем просто духовным лидером или настоятелем. Он был подобен благосклонному и великодушному патриарху.

Монашеская община росла и уже насчитывала более 300 монахов. Присутствие монастыря притягивало всё большее число тибетских беженцев, которые селились в непосредственной близости от его стен. Община управлялась в соответствии со строгой иерархией, в соответствии с которой ниже Кармапы стояли четверо его духовных сыновей: Шамар Ринпоче, Тай Ситу Ринпоче, Гьялцаб Ринпоче и Джамгон Конгтрул Ринпоче. В течение многих веков эти инкарнации были основными держателями линии учений карма-кагью, иногда в качестве учителей, иногда — в качестве учеников следующего Кармапы. От них ожидали, что они будут сохранять линию учения после смерти Кармапы и в нужное время возьмут на себя ответственность за обнаружение и обучение его преемника. Ниже духовных сыновей в этой иерархии находился

«второй эшелон» менее именитых тулку и ринпоче, которые тоже обучались в Румтеке под руководством Кармапы. Предполагалось, что они в конечном счёте уйдут в мир и смогут основать свои собственные монастыри и центры обучения Дхарме. Ещё ниже находились монахи Румтека, духовные «пехотинцы», которые, в свою очередь, также были организованы в группы мастеров ритуального пения, мастеров по устройству алтаря и ответственных за поддержание монашеской дисциплины.

Из четырёх духовных сыновей Кармапы Шамар, который родился в 1952 году, был старшим. Тай Ситу родился годом позже. Гьялцаб и Джамгон Конгтрул оба родились в 1954 году. Шамары Ринпоче, или Шамарпы, после Кармапы были самой старой из линий тулку карма-кагью, ведущей своё начало с XIII века. Нынешний Шамар в своей линии был четырнадцатым перевоплощением и к тому же являлся племянником Кармапы (сыном его родного брата) и, как и сам Кармапа, принадлежал к древнему аристократическому роду из Дерге. Гьялцабы Ринпоче традиционно являлись регентами при Кармапах, живя в своём собственном монастыре, но на территории Цурпу, и заменяя собой в монастыре Кармапу во время его отсутствия. 12-й Гьялцаб бежал из Тибета в 1959 году вместе с Кармапой и поселился в Румтеке. 12-й Тай Ситу Ринпоче (или Тай Ситупа), возможно, имел самую тесную духовную связь с Кармапой. Его предшественник, 11-й Тай Ситу отвечал за опознание и обучение 16-го Кармапы, который, в свою очередь, в 1954 году опознал 12-го Тай Ситу, когда тому исполнился один год. Тай Ситу покинул Цурпу в первой группе беженцев, незадолго до отъезда самого Кармапы, и нашёл убежище в Бутане. Однако вскоре после своего приезда он заболел туберкулёзом. Для лечения его перевезли в Дарджилинг в Индии, где вместе с небольшим окружением из служителей и советников он оставался до 1965 года, пока в возрасте двенадцати лет

Кармапа не забрал его под своё крыло в Румтек. Самым молодым из четырёх был Джамгон Конгтрул Ринпоче, родившийся в 1954 году и опознанный в возрасте одного года 16-м Кармапой. Люди отмечали, что к маленькому Джамгону Кармапа относился с особой нежностью, так, словно он был его собственным сыном.

Если сравнивать условия их существования с жизнью других монахов, то можно сказать, что духовные сыновья жили в монастыре как знатные особы. У каждого была комната в главном храме этажом ниже личных апартаментов Кармапы. Служители ухаживали за ними и удовлетворяли все их бытовые потребности. Но меньше всего их жизнь была похожа на жизнь избалованных лентяев. Каждый их день проходил в напряжённой учёбе под пристальным оком кхенпо, или директора по образованию, Трангу Ринпоче. Обучение включало не только чисто религиозные предметы, но и такие дисциплины, как живопись, каллиграфия, поэзия и ритуальные ламские танцы цам. Лама Еше вспоминает: «Кармапа позаботился о том, чтобы все они получили наилучшее образование. Он предоставил им всем, а также обслуживающему их персоналу отдельные комнаты. Он был им как отец родной. И они относились друг к другу как братья». Эта атмосфера братской любви и солидарности пройдёт через всё их детство, отрочество и период возмужания, пока будет жив Кармапа, но довольно быстро превратится в соперничество после его смерти.

Присутствие Кармапы в Румтеке было доминирующим и всеобъемлющим. Он был «...полон жизни», — вспоминает Нгодруб Буркхар. — Его смех напоминал львиный рык». Кармапа был тем солнцем, вокруг которого вращалась вся жизнь в Румтеке. Поднимался он рано. «Людям, которые обслуживали его, приходилось несладко, — говорит Рингу Тулку. — Им тоже приходилось вставать в четыре утра и не ложиться допоздна».

Он неизменно возглавлял ежедневные пуджи, или религиозные церемонии, давал учения и устные передачи своим духовным сыновьям и принимал бесконечные вереницы посетителей. Его секретарь по общим вопросам Дамчо Йонгду всегда был рядом. «Кармапа был чрезвычайно добрым и отзывчивым человеком, — говорит Рингу Тулку, — и всегда пребывал в весёлом расположении духа. Он сидел в комнате для аудиенций, и любой мог прийти и увидеть его и попросить совета. Одно его присутствие окрыляло людей. Рядом с ним забывались все проблемы да и вопросы, которые вы собирались задать, тоже! Иногда случалось, что люди, не бывшие до этого буддистами, приходили и, встретив его, принимали буддийское учение. Они могли ничего не знать о буддизме, но, увидев его, говорили: “Мне нужно принять прибежище”. Но он также был очень щепетилен в вопросах поддержания традиции и весьма требователен по отношению к монахам и монахиням. Я помню, как мои родители сказали ему, что в нашей семье те, кто был монахом, умирали очень рано, и они спросили Кармапу, что они могут сделать, чтобы я жил долго. А он ответил, что, если ты хороший монах, то не страшно, если ты умрёшь очень молодым, это даже к лучшему!»

Личные апартаменты Кармапы располагались в одноэтажном доме на холме над монастырём. Рядом был его вольер для птиц, в котором жили зяблики, канарейки и павлины. Птиц и животных он особенно любил. Одним из любимых его занятий было, следуя в русле традиции махаяны, покупать на рынке животных и отпускать их на волю, чтобы они не попали под топор мясника. Его Святейшество взял себе за правило, где бы он ни путешествовал, посещать людей, разводивших птиц, и покупать новых питомцев для своего вольера. При этом он часто приводил продавцов в замешательство, выбирая у них лучших птиц, предназначенных для разведения потомства.

«Когда Его Святейшество был со своими птицами, он как бы был в другом мире, — говорит Нгодруб Буркхар. — Он умел входить в контакт с глубинной природой этих существ. Они, бывало, садились ему на палец, и он дул на них, что-то сострадательно бормоча. Иногда я оставался единственным свидетелем его общения с птицами. И у меня была привилегия спрашивать Его Святейшество о каких-нибудь мелочах. Но даже в такие минуты его присутствие было всепоглощающим. Он был поистине непостижим и безграничен!» Своим последователям Кармапа говорил, что многие канарейки и зяблики — бодхисаттвы, которые сознательно не едят плоды, в которых завелись черви, «чтобы избежать причинения страданий живым существам». Посетители его вольера вспоминают, что видели птиц, которые уже умерли, но ещё сидели на своих жёрдочках в течение нескольких дней после смерти, и их тела оставались тёплыми. Очевидно, они находились в посмертном медитативном состоянии тукдам, которого некоторые высокорезализованные ламы достигают в момент смерти и в котором могут пребывать довольно продолжительное время.

Ворд Холмс, один из первых западных учеников, посетивший в начале 70-х годов Румтек, вспоминает, как он находился в одной комнате с Кармапой, когда позади него раздался громкий звук удара в оконное стекло. «Я вышел и увидел, что это был голубь, который разбился о стекло. Я внёс его в комнату, и Кармапа сказал: “А, это один из моих учеников. Он хотел умереть в моём присутствии, и теперь он сразу же переродится в человеческом облике”. Я не знал тогда, что сказать».

ГЛАВА 4

«Вы никогда больше не сможете вновь быть эгоистом»

Для потрёпанных полчищ хиппи, которые в середине 60-х наводнили Индию, этот субконтинент предлагал мириады возможностей для «внутреннего бегства» и трансформации. Наркотиков было в избытке, ещё больше было экзотических религий и верований, которые, казалось, предлагали противоядие против довлеющего догматизма материалистического западного общества. В этой утончённой атмосфере расширения сознания и поисков истины именами гуру и духовных учителей торговали и обменивались, как в молодые годы рекламными вкладышами из сигаретных пачек. Как насчёт Саи Бабы — святого из Путтапарти, который, рассказывают, чудесным образом из ничего материализовал кучку святого пепла, вибхути? А Махариши Махеш, вечно хихикающий йог, на котором помешались «Битлз»? Для западных людей, впервые встретившихся с тибетскими ламами, те были эмиссарами из Шангри-Ла, мифического королевства, подробно описанного коллективным воображением западных мечтателей, на основе книг Александры Давид-Неэль, французского тибетолога, первой из западных женщин достигшей Лхасы, «Тибетской книги мёртвых», переписанной

Тимоти Лири в качестве пособия по психоделическим путешествиям, а также исходя из причудливых повествований Лобсанга Рампы, самозваного тибетского ламы, на поверку оказавшегося Сирилом Хоскином, торговцем сантехническим оборудованием из Плимута. Для многих тибетцев их первая встреча с Западом воплотилась в образ бродяги-хиппи со спутанными волосами и расширенными от гашиша и удивления зрачками. Обе стороны взирали друг на друга через пелену непонимания, осторожного недоверия и некоторого удивления.

В Копане, близ столицы Непала Катманду, двое тибетских лам в изгнании, лама Тубтен Еше и лама Сопа, были взяты под крыло экстравагантной русско-американской принцессой, в прошлом светской особой и плейгёрл, по имени Зина Рачевская, о которой в духе того страннофантастического времени говорили, что она — первая реинкарнация другой русской особы — мадам Блаватской, весьма заметной фигуры в эзотерическом движении XIX века. Впоследствии Зина приняла посвящение в буддийские монахини. Она основала свой собственный ретрит, ставший, по воспоминаниям одного из посетителей, «магнитом для каждого духовного искателя, проезжавшего через долину Катманду». Среди первых его посетителей была племянница Олдоса Хаксли Оливия де Холлевиля и Майкл Риггз, серфингист из Лагуны Бич (Калифорния), ростом 185 см, прибывший в Индию в 1964 году, принявший имя Бхагаван Дас и живший жизнью йогина-садху. Бхагаван Дас принял на себя роль своего рода контркультурной знаменитости. Именно он представил Ричарда Алперта, коллегу Тимоти Лири, проводившего вместе с ним эксперименты с ЛСД в Стэнфордском университете, своему гуру Ним Кароли Бабе. Их встреча привела к тому, что Алперт также отказался от своей прежней персоны, приняв имя Рам Дас.

Майкл Холлингсхед, английский писатель и интеллектуал, первым познакомивший Тимоти Лири с ЛСД и ставший пламенным пропагандистом этого психоделического наркотика, был тоже одним из посетителей того ретрита. Он также стал одним из первых людей с Запада, присутствовавших в 1970 году на аудиенции у Кармапы в Катманду, что он и запечатлел очень живо и подробно в своей автобиографии «Человек, который перевернул мир». Холлингсхед пишет, как, проведя ночь в подготовке к встрече, он «делал садхану чилима и кислоты» и утром был в состоянии такого наркотического опьянения, что с трудом мог найти «Мерседес», который был прислан за ним. Когда Холлингсхеда ввели в комнату для аудиенций, он был сразу же поражён «лучом яркого света, бывшего из центра серебряной короны Кармапы, а может быть, это был преломившийся луч солнца, прошедший сквозь решётку на окне. Но эффект был вполне ошеломляющим. Действительно, казалось, что он излучал свет из «третьего глаза во лбу». Когда Кармапа спросил его, есть ли ему что сказать, Холлингсхед выразил пожелание, чтобы большее число тибетских лам приезжало на Запад и в особенности чтобы они начали диалог с индейцами племени хопи из Аризоны, которые, по мнению Холлингсхеда, могли стать «духовным хребтом для будущей, более духовной Америки». Далее Холлингсхед пишет:

«В течение всей моей речи Кармапа хранил молчание. Когда я закончил, он подозвал меня поближе, и, когда я наклонил голову, он коснулся руками моей макушки и внезапно, необъяснимым образом, как поражённый ударом молнии, я пережил состояние самадхи, одного из самых необычных состояний сознания, которые только доступны человеку. Я почувствовал себя полностью и абсолютно очищенным, как будто сквозь меня пропустили заряд в миллион

вольт... Если когда на земле и жил бог, то это был Кармапа, в этом я в высшей степени уверен».

Холлингсхед шёл по стопам одной западной четы, которая сыграет ещё более выдающуюся роль в истории Кармапы. Оле Нидал после службы в датской армии, где он преуспел в любительском боксе, затем превратился в преисполненного энтузиазма неопита наркотической культуры хиппи. В 1968 году в возрасте двадцати семи лет Нидал с женой Ханной отправились на культовом в те времена микроавтобусе фирмы «Фольксваген» на Восток, по проторенному пути через Афганистан в Индию и Непал. Парочка финансировала свои путешествия, провозя контрабандой гашиш в Европу. Одна из партий товара была отправлена в огромных латунных головах Будды. Позднее в своей автобиографии «Верхом на тигре» Оле охарактеризует себя и Ханну как «борцов за освобождение, борцов за внутреннюю свободу, помогавших людям избавиться от агрессии и алкоголя». Оле и Ханна были среди «духовных искателей», оказавшихся в Копане в ретрите Зины Рачевской. Один из посетителей вспоминает их как людей «очень высокого роста, очень светлых, громких и весьма доминирующих персонажей. Такими были они оба. Оба ходили в монашеской одежде, при этом оставаясь недвусмысленно сексуальными».

Нидалы встретили Кармапу в 1969 году в Катманду, куда он прибыл с визитом. Оле сразу же почувствовал внутреннюю убежденность в том, что между ними существует связь, «которая проходит через многие жизни». Позже в автобиографии он напишет: «Тогда обрели смысл мои повторяющиеся с раннего детства сны, как я защищаю жизни мирян и монахов, сражаясь с ордами китайских солдат среди горных вершин, так же как и спонтанные, в тибетском стиле, танцы и песни Ханной в детстве». Во время первой встречи с Кармапой Оле и Ханна подарили ему

«самые замечательные из бывших у них вещей»: датский магнит в виде подковы и промокашку — бумагу с тысячей микрограммов чистейшего ЛСД. Какое бы удивление Кармапа ни испытал от такого щедрого дара, очевидно, он очень искусно его скрыл. Как писал Оле, Кармапа «очень пристально смотрел на нас какое-то время, потом угостил нас сладостями, посмеялся и заставил повторить за ним по-тибетски цвета, ассоциируемые с пятью просветлёнными мудростями будды».

Годом позже в Румтеке Нидалы приняли буддийское прибежище у Кармапы. Оле не был ортодоксальным буддистом. Ему была свойственна манера прилюдного «бить себя в грудь», которая находилась в некотором противоречии с духом скромности и смирения, естественным образом овладевавшим в присутствии Кармапы большинством западных посетителей. Он обожал гонки на быстрых автомобилях и мощных мотоциклах. Но он также обладал недюжинной находчивостью, безграничной энергией и поистине евангелическим рвением неопита. В 1973 году Нидал основал в Дании первый буддийский центр кагью, за которым быстро последовали и другие центры в Швеции и Германии.

Ворд Холмс — ещё один представитель Запада, чей духовный путь привёл его к стопам Кармапы. Холмс вырос на Гавайях и был сыном известного хирурга-офтальмолога, являвшегося одно время председателем Всемирной организации здравоохранения. В 1969 году, закончив школу, Ворд отправился в Индию, следуя по проторенной тропе хиппи и совершая все предписанные на ней остановки. Он курил травку в Пури, посетил ашрам Саи Бабы рядом с Бангалором, потом в Дарджилинге встретил пожилого китайца по имени Йоги Чен. Йоги Чен был даосом, но изучал медитацию в Тибете и был знаком с Александрой Давид-Неэль. Йоги Чен сказал Холмсу, что судьбой ему предначертана встреча с Кармапой, однако Холмс отло-

жил эту встречу на год, путешествуя по Индии и изучая йогу, прежде чем решил, что пришло наконец время возвращаться в Дарджилинг.

«Всю ночь перед поездкой в Румтек я провёл, медитируя с Йоги Ченом. Он написал мне письмо - рекомендацию, которое я должен был отвезти Кармапе. Я сел на автобус, направлявшийся в Сикким, потом провёл ночь в Гангтоке, а на следующее утро встал и отправился в Румтек. Я уже пребывал в весьма необычном состоянии вследствие того, что Йоги Чен “дал” мне. По дороге в Румтек у меня было очень сильное духовное переживание. Мне пришлось остановиться в маленькой хижине у каких-то рисовых полей. Я услышал голос, велевший открыть написанное Йоги Ченом письмо. И тогда я понял, что, конечно же, письмо предназначалось для меня, ведь оно было написано по-английски. А Йоги Чен знал тибетский, в то время как Кармапа не говорил по-английски. Прочитав его, я понял, что наконец после многих моих жизней я иду на встречу со своим Ваджрным Учителем — Гуру, своим мастером. И в тот момент, почувствовав это, я ощутил энергию и мощь, как будто бы какая-то рука протянулась сверху и потянула меня за самое сердце. Я вскочил и буквально без остановки прошагал остававшиеся 7—10 километров до Румтека. Всё это время жгучее желание побыстрее добраться туда не оставляло меня. Пока я шёл, у меня были видения о том, что я должен действительно открыться, смирить своё эго, что, если я смогу прийти туда с совершенно открытым каналом преданности, тогда я буду в состоянии должным образом встретить своего Ваджрного гуру и получить его благословение. Потому что, если вы упорствуете в своём гипертрофированном эгоцентризме, силе Кармапы трудно достичь вашего сердца.

Итак, я добрался до Румтека, и, когда я входил во двор, четыре маленьких мальчика подошли ко мне и молитвенно сложили руки. Это выглядело так, словно они

говорили: “Добро пожаловать домой”. На следующее утро меня ввели к Кармапе. До меня были люди, которые делали ему подношения, и наконец настала моя очередь. Он сидел передо мной на невысоком троне, а я расположился на полу. Через переводчика он спросил: “Чего ты хочешь?” И я сказал: “Пожалуйста, покажите мне, как надо жить правильно”. Глаза мои наполнились слезами. Он ответил: “Приходи немного позже”. Два или три часа спустя я снова вошёл в эту комнату, где он собирался давать посвящение в практику Миларепы. Кроме меня в комнате было ещё три или четыре человека. Так я принял посвящение в эту практику. Я совсем не знал её, но мне сказали, чтобы я просто читал мантру, и это поможет. Через несколько дней истекал срок моей визы. Кармапа сам позвонил министру, отвечавшему за регистрацию иностранцев, и попросил его о продлении моей визы. Так моя виза была продлена ещё на девять дней. Потом Кармапа спросил меня, не хочу ли я принять прибежище. Я сказал, что, конечно, хочу. Так, наедине с Кармапой, я принимал прибежище, повторяя за ним то, что предписывает ритуал. И потом, когда он в третий раз щёлкнул пальцами, я получил очень мощную «передачу» — теплота и благословение, несущие счастье, прямо выстрелили в моё сердце. Это было похоже на то, как если бы сердце было пустой чашкой и он вдруг наполнил её эликсиром благословения и постижения. Я чувствовал, что и теперь, и в будущем я всегда смогу отличить истинное от ложного. Это было настолько сильно, что я с трудом мог разговаривать. Меня всего трясло. Там присутствовала западная монахиня, сестра Палмо. И я спросил её: “И что теперь? Сколько будет длиться это благословение?” Она ответила, что не только в этой, теperешней жизни, но и во всех тех грядущих жизнях, что мне предстоит прожить, до тех пор, пока я не достигну полного просветления: “Карпама найдёт тебя, в каком

бы царстве ты ни родился, и вернёт тебя на путь учения”. Это было подобно взрыву бомбы».

Как и большинство западных учеников, Холмса отправили обучаться к Калу Ринпоче, старшему ламе линии кагью. В детстве Калу Ринпоче был опознан в качестве одной из пяти реинкарнаций Джамгона Конгтрула Лодро Тайе, учителя 15-го Кармапы. Но его отец, который сам был реинкарнацией ламы, отверг предложение, чтобы его сын был возведён на трон в монастыре его предшественника. Вместо этого Калу Ринпоче последовал примеру великого йогина Тибета Миларепы и провёл двенадцать лет, скитаясь в безлюдных районах Тибета, ведя образ жизни отшельника, медитируя в пещерах и палатках, и вернулся только тогда, когда его собственный гуру сказал, что ему пора самому давать учения. Бежав после китайской оккупации в Индию, он основал в Сонаде, на севере Индии, свой ретритный центр.

Внешностью своей весьма напоминающий скелет, с глубоко впавшими щеками и огромными влажными глазами — говорят, позднее он явился прообразом инопланетянина в фильме *Extraterrestrial* Стивена Спилберга, — Калу Ринпоче казался воплощением всего самого благостного и святого в буддизме, сочетая в себе глубочайшую мудрость с поразительной детской наивностью и непосредственностью. Нгаванг Сангпо, английский ученик Калу Ринпоче, в книге «Возведение на трон» рассказывает о том, как в Ванкувере, во время первого визита Ринпоче в 1971 году, в универмаге его лама вдруг исчез:

«Сопровождавшие его люди обыскали все этажи, все отделы, разыскивая шестидесятишестилетнего не говорящего по-английски ламу в монашеском одеянии. В конце концов они нашли его сидящим на полу и играющим с детьми в отделе игрушек. Во время того визита он также был замечен играющим на

лестнице своего первого Центра медитации с “шагающей пружиной”, а в своей комнате — с коробочкой смеха. Всю жизнь он не упускал возможности позабавиться с игрушками — куклами, надевающимися на руку, заводными куклами, масками. В последние годы жизни он сильно осложнил жизнь своего личного секретаря ламы Гьялцена, когда настоял на том, чтобы собранные им в зарубежных поездках игрушки всегда сопровождали его и были добавлены к его уже и так объёмному багажу и чтобы они хранились у его секретаря дома в монастыре до тех пор, пока не будет найдена его реинкарнация».

(Следующая инкарнация оказалась сыном ламы Гьялцена. Калу Ринпоче весьма предусмотрительно оставил игрушки своему будущему отцу!)

Но, невзирая на свою детскую наивность, Калу Ринпоче мог быть весьма суровым мастером-наставником, а его бескомпромиссный подход к буддийским учениям оказался шокирующим для многих его западных учеников. Ретритный центр в Сонаде был эквивалентом «учебки» — буддийского учебного лагеря для новобранцев. Условия жизни были спартанскими, а удобства — донельзя примитивными. Лишённые всякого комфорта, ученики получали наставления по нёндро, или «предварительным практикам». Их первая ступень состоит в том, чтобы выполнить 100 000 земных поклонов, или простираний, — упражнение, заставляющее серьёзно попотеть даже самых физически подготовленных. И в учениях Калу Ринпоче нельзя было найти комфорта. Нгаванг Сангпо вспоминает, как Ринпоче получал удовольствие, разбивая надежды и ожидания своих последователей. Пуританским китайским буддистам он описывал происхождение тантрического учения Будды, бравшего своё начало от короля, который верил в Будду и его учение, но был готов

практиковать его лишь при условии, чтобы это не мешало его активной семейной жизни, которая состояла из любовных утех с пятьюстами королевами в светлое время суток и другими пятьюстами — в тёмное. «Освобождённым» американцам он внушал идею о пользе целомудрия. Но казалось, что больше всего энтузиазма он проявлял, разбивая вдребезги идеалистическое понимание его учениками путей достижения нирваны, живописуя им мириады невыносимых мучений, выпадающих на долю слабых духом вероотступников, принявших рождение в адских мирах. Дечен, одна из его первых западных учениц, вспоминает: «Я выросла в рациональной шведской культуре и была совершенно не готова к чему-то подобному. Я думала, что это просто невероятно, немыслимо!!! Потом я поняла, что он, этот милый старичок, не врал мне!»

Подобно многим другим, нашедшим в конце концов пристанище в Сонаде, Дечен и её муж приехали в Индию по протоптанной тропе хиппи, совершив положенный обход ашрамов и «разбитных отелей», прежде чем нашли дорогу в Румтек. Её муж был убеждённым поклонником марихуаны. На первой аудиенции с ними Кармапа указал на него пальцем и сказал: «Если ты не бросишь употреблять дурные снадобья, то превратишься в овощ».

«Я не знаю, как он узнал, что мой муж курил травку. Мы об этом ничего не говорили».

Через несколько недель после приезда в Румтек Дечен решила стать буддисткой и принять прибежище.

«Его Святейшество посмотрел на часы на руке и сказал, чтобы я запомнила этот момент на всю жизнь. Было двадцать пять минут одиннадцатого 10 апреля 1972 года. И после того как я приняла клятву бодхисаттвы, он сказал, что отныне я никогда больше не смогу быть эгоисткой».

В 1954 году, возвращаясь вместе с Далай-ламой из поездки в Пекин, Кармапа остановился в провинции Кхам

в монастыре Палпунг, чтобы провести церемонию возведения на трон новой инкарнации Тай Ситу. На церемонию собрались монахи, ламы и ринпоче со всего Кхама. В это же время Кармапа дал серию посвящений, включая посвящение в практику Махакалы, божества-охранителя традиции кагью. Тринадцать молодых ринпоче получили это посвящение. Все тринадцать в недалёком будущем благополучно совершат побег в Индию.

Среди них будут Чогьям Трунгпа Ринпоче и Аконг Тулку Ринпоче. 11-й Чогьям Трунгпа был одним из самых именитых лам в школе кагью. Он был настоятелем группы монастырей Сурманг в Восточном Тибете. 16-й Кармапа нашёл и возвёл его на трон в феврале 1939 года, когда тому было 18 месяцев от роду. 1-й Аконг Тулку Ринпоче был настоятелем небольшого монастыря Сова Дерма Лакум в Восточном Тибете. Когда они были детьми, их обучали вместе, и позже они стали близкими друзьями. Зимой 1959 года оба бежали из Тибета вместе с двумястами тибетцев, среди которых находился и младший брат Аконга, Джамдрак, который позднее станет ламой Еше Лосалом. Переход через Гималаи занял у группы три недели. Был момент, когда, чтобы переправиться через реку Брахмапутру, в попытке оторваться от «севших на хвост» китайских солдат им пришлось соорудить небольшие челноки, наподобие рыбацких, из ивовых прутьев и кусков кожи, используя в качестве склеивающего материала смолу деревьев. Через реку переправлялись под оружейным огнём. «Нам пришлось спрятаться на другой стороне реки за деревьями, — вспоминает Лама Еше. — Почти неделю моя одежда, как и одежда других беглецов, была обледенелая. Есть было нечего. Мы начали жевать кожаные предметы из своей одежды. Мучениям нашим не было конца, и нас постоянно преследовал страх. Но именно этот страх и желание выжить не дали нам погибнуть».

По приезде в Индию их разместили в Баксадваре (штат Ассам) в лагере беженцев. Этот лагерь тюремного типа был построен британцами во время Второй мировой войны для мятежников и подстрекателей. Теперь он был спешно переделан для того, чтобы стать домом для примерно 1500 лам и монахов из монастырей со всего Тибета. Лагерь был окружён металлической решёткой и сторожевыми башнями. Деревянных домов было мало, в основном беженцы спали в бамбуковых хижинах с крышами из травы. В переполненных жилищах, в антисанитарных условиях болезни распространялись очень быстро. Лама Еше вспоминает: «Там было много знатных ринпоче. Невозможно было найти другого пристанища, если только вы не были богаты. Жара стояла такая, что плавилась смола. Умерли сотни людей, потому что они не смогли всего этого перенести. Именно там Аконг, Трунгпа и Еше встретили Фриду Беди.

Фрида родилась в 1911 году в Дербишире в семье часовщика, изучала политику и философию в Оксфорде, там же встретила молодого студента-индуса Бава Беди. Прямой потомок Гуру Нанака, основателя религии сикхов, Беди был коммунистом и ярким индийским националистом. Они поженились, и Фрида, вдохновлённая мечтой своего мужа о независимости его родины, уехала с ним в Индию, чтобы присоединиться к борьбе против британцев. Бава Беди за политическую деятельность провёл в колониальной тюрьме почти четыре года. Фрида вовлеклась в Движение ненасильственного сопротивления, возглавляемое Ганди, и за проведение демонстраций её три раза арестовывали. В 1947 году, с приходом независимости, Бава Беди занял пост в новом правительстве Кашмира, ставшем автономным государством внутри Индийского союза. Фрида же посвятила себя оказанию помощи беженцам, появившимся в результате раздела Индии и Пакистана. К этому времени у неё уже проявился интерес к

буддизму. Чтобы изучать медитацию, она ездила в Бирму и там приняла прибежище. Когда она вернулась в Индию, премьер-министр страны Джавахарлал Неру предложил ей работу в правительственном Центральном совете по социальному обеспечению. Работая там, она соприкоснулась с первыми тибетскими беженцами, поток которых хлынул в Индию в 1959 году.

Фрида Беди проявила особый интерес к судьбе тибетских лам и ринпоче, оказавшихся в изгнании, а когда она встретила в лагере Баксадвара Аконга и Чогьяма Трунгпу, те сразу же привлекли её внимание. Тронутая их бедственным положением, она пригласила их жить в свою семью. «Трунгпа был очень ярким человеком, — вспоминает Кабир, сын Беди, который в то время был подростком, а сейчас — актёр в Голливуде. — Он был весьма словоохотлив и выразителен — по-своему очень яркий и непослушный ребёнок, но блестящий учитель. Аконг же, напротив, излучал покой и был более основателен. Он мало говорил, он просто шёл и делал, что надо».

Беди полагала, что молодым ламам, если им предстоит идти в мир и общаться с западными учёными и новыми учениками, жизненно необходимо учить английский язык, а также получить какие-то основы тех знаний, которые даются образовательной системой на Западе. Проконсультировавшись с Далай-ламой, она основала школу для молодых лам. Сначала школа располагалась в Дели, а потом переехала в Далхаузи, бывшее британское поселение у подножия Гималаев. Организованная в духе экуменизма, школа молодых лам явилась мерилом того, сколь радикально может измениться жизнь тибетцев, оказавшихся в изгнании. Десяток студентов и старший лама в качестве учителя были представителями всех четырёх основных школ тибетского буддизма. Сохраняя практики своих школ, ученики также постигали основы традиционного тибетского образования — каллиграфию, историю Тибета.

та, язык, поэзию и буддийское учение. Также их обучали английскому языку. Трунгпа стал директором школы, а Аконг — управляющим. Его младший брат Джамдрак был в школе единственным учеником-немонахом.

К этому времени Фрида Беди уже встретила и подружилась с Кармапой. А в 1964 году он посвятил её в буддийские монахини. Она взяла имя Ани Карма Кхечок Палмо. Её сын Кабир вспоминает тот шок, который он испытал, узнав о решении матери: «Она заранее нам ничего не сказала. Просто однажды пришла домой в монашеской одежде и сказала, что приняла посвящение. Она сказала: “Когда яблоку пришло время падать с дерева, у него нет выбора”. Я был страшно обижен и возмущён, хотя позже, конечно, понял, что она чувствовала, что должна была так поступить. Эта женщина обладала необычайным состраданием, и она посвятила свою жизнь тому, чтобы помогать другим людям». Ани Палмо оставила семью и переехала в Румтек, где близко работала с Кармапой. Она также продолжала строить женский буддийский монастырь Тилокпур, недалеко от Дхарамсалы. Она умерла в 1977 году в возрасте шестидесяти шести лет в Нью-Дели, где принимала участие в Международном буддийском конгрессе, являясь представителем Его Святейшества Кармапы.

Трунгпа и Аконг в 1963 году покинули Индию, отправившись в Англию. Благодаря помощи Фриды Беди Трунгпа получил Сполдингскую стипендию для изучения в Оксфорде сравнительного религиоведения и философии. Аконг, чтобы поддержать их обоих, работал санитаром в больнице. В Оксфорде к ним присоединился ещё один молодой тибетский экспатриант, Чиме Ринпоче. Впоследствии Чиме основал свой собственный центр в Саффрон Волдене, графстве Эссекс. Трунгпа быстро приспособился к новым условиям жизни. Он с головой окунулся в изучение Платона и Канта, а в выходные отправлялся в

Лондон посещать музеи и галереи. В 1966 году в Британии вышла и была хорошо встречена его автобиография «Рождённый в Тибете». Для Трунгпы всё было поводом для исследования, ничто не отвергалось, как он сам выразился: «...Всё было поводом для учения, всё фиксировалось, словно в записной книжке».

Освободившись от оков тибетской культуры, Трунгпа приступил к поиску способа демистифицировать учения тибетского буддизма и сделать их доступными для западных людей. В 1967 году вместе с Аконгом Ринпоче он приобрёл Джонстоун Хаус, собственность в южной части Шотландии недалеко от Дамфри. Этому дому на своём веку довелось пережить несколько метаморфоз. Так, раньше он был частным домом, затем домом престарелых, а после — буддийским ретритным центром традиции тхеравада. Вновь приобретённая собственность была названа Самье Линг, по имени первого буддийского монастыря, основанного в Тибете в VIII веке Падмасамбхавой. Первыми из появившихся в Самье Линге людей была горстка буддологов, попавших сюда через Английское буддийское общество, одобренная некоторым количеством неисправимых хиппи, большая часть которых была ветеранами путешествий по Индии. Впрочем, мало кто из них обладал чем-либо большим, чем простое поверхностное знакомство с тибетским буддийским учением, и подавляющее большинство из них, как позже заметит Трунгпа, «слегка упускало из виду самое главное...». Распорядок жизни в Самье Линге был любопытным: в нём сочетались строгость монастыря и либерализм общины. Утренние и дневные молитвы и медитации прерывались ленивыми прогулками по окрестным полям. Какой-то американец готовил макробиотическую еду. Над домом и над деревянными постройками, где спала большая часть посетителей, явственно ощущался висевший в воздухе аромат конопли. Жители окружающих деревень с замиранием

дыхания сплетничали о сексуальных оргиях и обильном употреблении наркотиков.

Пока Трунгпа пытался исподволь внушить своим студентам базовые принципы буддийской медитации и философии, Аконг довольствовался более земными делами. «Я заправлял постели, — смеясь, вспоминает он сейчас. — Но главной моей работой было мыть полы. Преподаванием я не интересовался. Если ты хочешь учить кого-то, ты сам должен что-то знать, а я не чувствовал, что знаю достаточно». Хотя они оставались близкими друзьями, различия между Трунгпой и Аконгом стали ещё явственнее в теплой атмосфере Самье Линга. Аконг был невозмутимым, консервативным (некоторые говорили «лишённым воображения») человеком традиционных взглядов. Трунгпа же был невероятно адаптивен, нетрадиционен — блестящий учёный, который использовал любые тактические приёмы, чтобы заставить своих учеников слушать. Он пил алкоголь и часто курил травку. (Как-то раз вместе с учениками они испекли печенье с гашишем и тайком подсунули его Аконгу. «Эффекта не было никакого, — вспоминает один из тех учеников. — Аконг был как скала».) Трунгпа также отчётливо проявлял неподобающий монаху интерес к особям противоположного пола. Аконг протестовал против того, что он считал моральной деградацией своего друга, и ситуация дошла до критической точки, когда Трунгпа объявил о своём намерении жениться на местной девушке по имени Диана Пибус, которой было всего шестнадцать. «Я чувствовал, что такой шаг совершенно неуместен для человека, представляющего перед другими в качестве буддийского монаха, — говорит Аконг. — Он всё ещё носил монашеское одеяние. Я чувствовал, что это разрушит его образ буддийского учителя. Если ты ходишь в монашеской одежде, ты должен придерживаться обета безбрачия и ты не должен пить алкоголь. А если ты хочешь жениться, откажись от монашества».

В своей автобиографии Трунгпа вспоминает, что это был период терзаний и смятения в его жизни, когда он глубоко обдумывал, как именно ему лучше исполнить свою миссию, как лучше нести буддизм на Запад: оставаясь монахом или же сложив с себя монашеские обеты. Это затруднительное для него положение разрешилось весьма любопытным образом. Находясь за рулём машины в Нортамберленде, он потерял сознание и врезался в витрину сувенирного магазина. (Интересно, что у Трунгпы не было водительских прав, а экзамен по вождению за него сдал один из студентов Самье Линга.) В результате аварии левая половина его тела оказалась парализованной. Позже он написал:

«Несмотря на боль, ум мой оставался ясным. Я чувствовал, что мне было послано сообщение, что наконец-то до меня дошло настоящее послание, и это принесло мне облегчение и даже некоторую весёлость. Я понял, что больше не могу пытаться сохранить какую-то частную территорию для себя, какую-то особую личность или легитимность. Мне не следует прятаться за монашескими одеждами, создавая пелену неопределённости, которая для меня является лишь препятствием».

Трунгпа отказался от монашеских обетов и вскоре женился на Диане Пибус. Перебравшись из Самье Линга в Америку, они поселились в Боулдере, в штате Колорадо, где вокруг Трунгпы начала собираться небольшая группа студентов и где он организовал медитационный центр Карма Дзонг (Крепость Действия). За несколько лет Центр разрастётся до Национальной буддийской организации Ваджрадхату, включающей в себя первый в Америке буддийский университет, Институт Наропы, основанный в 1974 году. С отъездом Трунгпы в Самье Линг

пришла более упорядоченная жизнь. Среди новых правил, введённых Аконгом, было и следующее: «Никто не нарушает английские законы». Так времена шоколадного печенья с гашишем канули в прошлое.

В 1974 году на Запад впервые приехал Его Святейшество 16-й Кармапа. Вместе с ним путешествовал маленький эскорт из монахов и прислужников, среди которых была и сестра Палмо (Фрида Беди), исполнявшая роль личного переводчика Кармапы. Его первая остановка пришлась на Лондон. В аэропорту Хитроу Кармапу торжественно встречали Чиме Ринпоче и группа его учеников. Среди них был и музыкальный продюсер Тони Висконти. «Кармапу стремительно провели через таможню, его эскорт следовал по пятам, один лама нёс в богато украшенном футляре Чёрную шапку, — вспоминает Висконти. — На Кармапе были солнцезащитные очки. Он осмотрел каждого из нас по отдельности, и, когда пришла моя очередь, его глаза как будто бы прострелили меня насквозь, и я ощутил небывалую лёгкость. Я подумал, что сейчас взлечу. Когда я сказал об этом Чиме, он ответил: “Это ещё что! Подожди, он снимет тёмные очки”».

Впервые на Западе были проведены самые большие церемонии-посвящения. Одной из самых важных была церемония Ваджрной короны, которая обычно проводится в великолепных алтарных залах огромных монастырей в присутствии сотен и даже тысяч верующих. Но в Британии буддизм только начинал пускать корни, в стране было крайне мало буддийских центров, и студентам приходилось снимать любые помещения, которые только можно было найти. Так получилось, что церемонии Ваджрной короны проводились в оранжерее Ботанического сада в Эджбастоне, в арендованном на время церковном зале в Манчестере и в шатре в саду в Саффрон Волдене.

Эта церемония проводилась в неизменном виде на протяжении более пятисот лет с тех пор, как Чёрная шапка была подарена 5-му Кармапе, Дешин Шегпе, его учеником — китайским императором. Под заунывные звуки гигантских труб, флейт-гьялингов и под оглушительный звон тарелок Кармапа усаживался, скрестив ноги, на толстой подушке и надевал богато расшитую церемониальную медитативную шапку Гампопы. Потом монахи трижды делали перед ним простирания и просили, чтобы он принял образ Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания. Кармапе подносили серебряную тарелку с горками риса — мандалу, символизирующую Вселенную со всеми её богатствами и красотами. В ответ на их просьбу Кармапа снимал шапку, которая была на нём надета, и начинал входить в состояние глубокой медитации. Потом служащий передавал ему коробку, в которой находилась Ваджрная корона, завёрнутая в шёлк. Крепко держа её в правой руке (по легенде, корона обладает такой силой, что если её не держать, то она может сама собой улететь), Кармапа с царственной неспешностью водружал её на голову. Держа в другой руке хрустальные чётки, он затем 108 раз читал мантру Авалокитешвары «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ». Потом Кармапа снимал шапку, осторожно заворачивал её в шёлк и возвращал на место в коробку. После этого все присутствующие подходили и получали благословение прикосновением, либо маленькой реликвией, либо палочкой с лентами.

Эта церемония — больше чем символ, это — призывание силы. Верят, что, когда Кармапа надевает на голову корону, он действительно трансформируется в воплощение Авалокитешвары. И именно тогда проявляется буквальное значение Кармапы как «человека действия». Говорят, что в этот момент карма всех свидетелей данной церемонии, накопленная ими на протяжении бесчисленного количества жизней, приходит к созреванию. В буд-

дизме такое созревание кармы считается чрезвычайно благоприятным событием, потому что лучше, если карма проявится в этой жизни, когда ты находишься в присутствии великих учителей и можешь что-то с этим сделать. Хуже, если ты сохранишь её в себе до момента смерти, и это, возможно, определит твоё следующее перерождение, сделав его не столь удачным. Хотя лишь немногие из наблюдавших церемонию Ваджрной короны в полной мере осознавали всю глубину её теологического значения, она тем не менее способна оказать глубокий эффект на всех присутствующих.

Мэри Финниган, английская буддистка, присутствовавшая на церемонии в Лондоне, вспоминает, как она пережила «нечто совершенно трансцендентальное». Впервые она встретила Кармапу в Самье Линге вскоре после его приезда в Британию. В своём дневнике она записала: «Он — первый из когда-либо встреченных мною людей, который убедил меня, что он лишь отчасти принадлежит этому миру». Наблюдая за церемонией, рассказывает Мэри, она осознала,

«как различные, более тонкие уровни осознанности раскрывались внутри меня по мере того, как разворачивалась эта церемония. В какой-то момент он был просто упитанным тибетцем, одетым в красочные регалии, держащим хрустальные чётки, а в следующий — он был Ченрези (тибетское имя Авалоки-тешвары). Он буквально «исчез», чтобы предстать великолепным полупрозрачным видением, когда проявилось это божество. Казалось, что вся комната купалась в радужном свете — все люди и все предметы, в ней находившиеся. Люди падали лицом вниз, совершая земные поклоны. Я сидела там и думала: «Не может быть, чтобы я видела это». Поэтому я закрыла глаза, сконцентрировала внимание на се-

бе... «Ну, здравый смысл, ну, давай же...». Открыла глаза, и всё осталось таким же, как прежде. Ченрези, такой, каким он изображается в тибетской иконографии, только излучающий во всех направлениях свет. И, когда церемония закончилась, он очень медленно снял шапку, положил её обратно в коробку, снова стал Кармапой, и радужный свет исчез. Я несколько лет жила на энергии пережитого мною тогда.

Не все присутствующие с такой же интенсивностью переживали эту церемонию. Но кажется, на всех, кто встречал его, Кармапа, человек, который был разным для разных людей, производил неизгладимое впечатление. Один английский последователь, который несколько недель возил его на машине в одной из его поездок по Европе, рассказывает о нём как о человеке, излучающем «силовое поле», настолько мощное, что «я почти боялся смотреть на него». Другим он казался воплощением благостного покоя и открытости. Казалось, даже его внешность менялась в зависимости от того, кто на него смотрел. Фотографии показывают, что он был определённо полным человеком. Тем не менее некоторые говорили, что он казался «поразительно лёгким», почти как если бы его физическая плотность была скрыта экраном его какого-то эфемерного присутствия. Во время путешествий он редко давал учения. На самом деле он вообще, кажется, мало говорил. По-английски он знал лишь несколько слов. И всё же ему не нужно было что-то делать или говорить. Он просто БЫЛ — он, ходячее воплощение принципа, чьё осязаемое, явное присутствие, казалось, оказывало магнетический эффект почти на всех, кто с ним соприкасался.

Кен Холмс, который тогда был молодым студентом в Самье Линге, а сейчас — буддийский учитель, вспоминает, как он сопровождал Кармапу во время посещения одного собора в Шотландии, где его принимал тамошний

настоятель: «Он провёл нас всюду, и, когда мы подошли к алтарю, Кармапа спросил: “Что происходит на этом месте?” Настоятель ответил: “Здесь мы молимся”. Кармапа показал на пол и очень тихо сказал: “Покажите мне, как вы молитесь”, — и настоятель просто упал на колени и начал молиться, глядя на Кармапу, как школьник. Потом Кармапа сказал: “Спасибо”, и тот остановился. Они напоминали маленького ребёнка с великим отцом. Так ощущалось присутствие Кармапы».

В другой раз Холмс повёл Кармапу по магазинам. «В то время по телевизору рекламировали какой-то якобы особенный чемодан, при этом показывали, как кто-то прыгал на нём, чтобы продемонстрировать, насколько он крепкий. Вероятно, Кармапа видел эту рекламу. И он заставил продавца в магазине прыгать на этом чемодане. Было очевидно, что продавец был полностью под властью Кармапы, совершенно очарованный им. Потом Кармапа попросил его попрыгать на другом чемодане. В конце концов пришёл менеджер, чтобы выяснить, что, собственно, происходит, он был очень недоволен. Конечно, Кармапа ничего не купил. Он вообще очень редко что-либо покупал.

Эдвард Хеннинг, молодой буддист, говорящий по-тибетски, также сопровождал Кармапу во время его визита в Лондон в качестве водителя и переводчика. «Я помню, что кто-то сказал мне, как это необычно, должно быть, проводить время с человеком, у которого нет личности. Знаете, из-за того, что существует неправильное понимание буддийского представления о преодолении эго, некоторые именно так думали о Кармапе. Но на самом деле присутствие Кармапы вызывало прямо противоположное ощущение. Наоборот, у Кармапы была личность, в то время как у всех нас — нет, потому что его просто переполняла жизненная сила. Я бы не сказал про него «полон энергии», он был в летах и достаточно грузный. Он был

весь заполнен радостью жизни, харизмой, называйте это как хотите. Он просто весь светился. В нём было что-то, что постоянно напоминало вам о том, что вы находитесь в присутствии необычного человека. А если вы были с ним несколько дней, то происходило много мелких событий, которые только подтверждали это. Эти события сами по себе казались вполне обыденными и малозначительными, но, собранные воедино, они явно указывали на то, что вы находитесь в присутствии кого-то необыкновенного».

В первый день визита в Лондон Хеннинг отвёз Кармапу в Британскую библиотеку, где работал Чиме Ринпоче, составляя каталог библиотечной коллекции тибетских текстов. «Его Святейшество просмотрел ряд книг,— вспоминает Хеннинг. — Он брал их, прикладывая к голове в знак уважения и говорил: “Хорошо, хорошо”. И когда он клал одну из книг на место, он вдруг нахмурился, поднёс её обратно к голове и сказал: “Она когда-то принадлежала мне”. Он назвал имя одного из предыдущих Кармап. Впоследствии мы просмотрели эти книги и нашли ту, которую он выделил. Когда мы изучили её выходные данные, оказалось, что кто-то в своё время поднёс её в дар названному им Кармапе. Никто до этого не занимался той книгой, и сам Кармапа не изучал её выходные данные. Оказалось, что он действительно узнал её спустя несколько сотен лет».

В другой раз Кармапа попросил, чтобы его отвезли в зоомагазин, выразив желание увидеть определённую редкую породу собак. Хеннинг отвёз его в «Хэрродз», что, как он вспоминает, было не лучшим из вариантов. «Кармапа отругал меня, что я привёз его в такой дорогой магазин. Он предпочитал дешёвые магазины. Когда он вошёл, его первыми словами были: «Океан страданий сансары». В зоологическом отделе Кармапа бродил, поглаживая животных и разговаривая с ними. «Там была одна собачка, которая ему особенно понравилась. Он не-

много поиграл с ней и потом сказал: “Ну, ладно, пойдём”. Выйдя на улицу, мы обнаружили, что потеряли одного из монахов, и Кармапа отослал меня обратно поискать его в отделе, где продавали животных. Монаха я там не нашёл, но, войдя, вдруг был поражён тем, что весь отдел был погружён в абсолютную тишину. Все кошки, все собаки крепко спали. Это было нечто сверхъестественное. Помню, как я ходил и думал: что он такое с ними сделал?»

На следующий день, вспоминает Хеннинг, Кармапа попросил его позвонить в тот отдел. Ещё в магазине Кармапа спросил, сколько стоит та понравившаяся ему собачка, и продавщица сказала, что её цена — 90 фунтов. «Кармапа думал, что она ошиблась. Он велел мне позвонить и предложить за собаку 65 фунтов. Я сказал, что при всём моём уважении, Ваше Святейшество, но в “Хэрродзе” не торгуются. Он просто посмотрел на меня и сказал: “Иди и позвони”. Я дозвонился до того отдела, и продавщица сказала: “Я помню, вы были с тибетским джентельменом. Я очень извиняюсь, я ошиблась: та собачка стоит не 90, а 65 фунтов”. И я вернулся к Кармапе и сказал ему, что она стоит 65 фунтов, а он просто посмотрел на меня и даже не удивился, как будто хотел сказать, что я просто не понимаю... Конечно, собачку он не купил.

Одно из самых интересных переживаний, которые у меня когда-либо были, произошло во время посвящения в практику 2-го Кармапы — Карма Пакши. Я сидел с закрытыми глазами, Кармапа восседал на своём троне, читая мантры. Так случилось, что я взглянул на него и заметил, как его глаза осматривали сидящих в зале, он смотрел на каждого примерно по две секунды. И его лицо при этом менялось. Иногда на нём проявлялась радость, иногда любопытство, иногда отвращение. Было похоже, что он смотрел прямо внутрь каждого присутствующего. Я успел закрыть глаза, прежде чем он добрался до меня, но увиденное произвело на меня глубокое впечатление.

Я понял, что он способен с помощью глубокой интуиции контактировать с каждым человеком».

Из Британии Кармапа отправился в Америку. Чогьям Трунгпа встречал его в Нью-Йорке. За те пять лет, которые он провёл в Америке, его буддийские учения стали ещё своеобразнее и эксцентричнее. Он правил своей организацией Ваджрадхату в духе неофеодализма, окружив себя элитной гвардией из любимых студентов, иногда развлекал себя и своих последователей, одеваясь в псевдвоенную форму собственного дизайна. Он учил, что иерархия очень важна, так как она создаёт условия для развития сострадания и преданности. В хорошем обществе высший класс демонстрирует сострадание к низшим, а низший — преданное почитание тех, кто находится выше. «Настоящая роль гуру, — объяснял Трунгпа, — заключается в том, чтобы оскорблять вас». И его усилия, направленные на то, чтобы стряхивать со своих учеников самодовольство, инертность и то, что он называл «духовным материализмом», зачастую ошеломляли и ввергали их в смятение. Он часто опаздывал на свои лекции и нередко бывал пьян. Иногда он вообще не обременял себя тем, чтобы появиться перед собравшимися. Ходили рассказы о том, что со своими ученицами он практиковал «право лорда».

Как-то он объяснил своему студенту, поэту и борцу за сексуальную свободу Аллену Гинзбергу, что «он происходит из долгой череды эксцентричных буддистов». Гинзберг был так очарован Трунгпой, что однажды предложил ему переспать с ним в знак ученической преданности. (Трунгпа вежливо отклонил предложение.)

Однако, когда в Америку приехал Кармапа, Трунгпа внезапно превратился в рьяного традиционалиста. Под его неусыпным оком в центрах Ваджрадхату в Вермонте, Нью-Йорке, Колорадо и Калифорнии спешно выстраивались новые здания, переоформлялись в тибетском стиле

старые, с тем, чтобы в них могли разместиться Кармапа и его окружение. Бригады плотников, резчиков по дереву и швей были мобилизованы, чтобы создать подходящее убранство, ткани и артефакты для алтарных комнат и жилых помещений, включая особые столы и подносы, на которых Кармапе подавалась еда. Были построены, искусно украшены резьбой по дереву, расписаны и задрапированы изумительной парчой три огромных трона. Американских студентов как следует натаскали, объяснив им, как в соответствии с древним протоколом следует принимать Кармапу. Исчезли все внешние атрибуты хиппи. Аккуратно постриженные люди в костюмах и галстуках, встречавшие Кармапу в аэропорту в Нью-Йорке, напоминали, скорее, коллектив сотрудников страховой компании. Тругнпа забронировал для Кармапы и его сопровождения весь верхний этаж нью-йоркского отеля «Плаза», с видом на Сентрал-парк.

Из Нью-Йорка Кармапа сначала отправился в центр Ваджрадхату в Вермонте, а потом в Боулдер, где он опознал новорождённого сына Чогьяма Тругнпы как Сурманг Тенга Ринпоче, который стал первым тулку, опознанным на Западе. Из Колорадо он поехал в Аризону, где была организована его встреча с представителями индейского племени хопи. Кармапа ещё раньше говорил о том, что чувствует особую связь с хопи, и эта встреча, кажется, была исполнением двух пророчеств. Говорят, что у хопи существует легенда о том, что много тысяч лет назад тибетцы и хопи были одним народом. Когда случилось сильное наводнение, их племя распалось, одна ветвь оказалась на востоке, другая — на западе. Древнее поверье индейцев хопи гласило, что однажды, во время духовного заката на западе, к ним с востока приедет брат в красной шапке и проявит себя как истинный друг племени хопи.

Кармапа прибыл в золотистом «кадиллаке», которым его снабдили буддийские студенты из Феникса. Буддий-

ские флажки развевались на антенне его автомобиля, а за ним следовал причудливый эскорт из множества легковых машин и автобусов. Они пересекли столовую гору Аризона и въехали в резервацию вблизи Большого каньона. Там Кармапа встретился с собранием старейшин, среди которых были Вождь Солнца Дэн, Дедушка Дэвид, прорицательница племени Бабушка Каролина и вождь Белый Медведь. Кармапа и вождь Белый Медведь обменялись кольцами, оба из которых были искусной филигранью выполнены из серебра, бирюзы и коралла. Никто из присутствовавших нисколько не удивился идентичности этих колец.

Эрма Паундз в то время возглавляла небольшую буддийскую группу в Фениксе. Двое из её студентов участвовали в той поездке в индейскую резервацию. В конце встречи, по словам Паундз, Вождь Солнца Дэн сказал Кармапе, что их земля страдает от засухи. «Кармапа ответил: “Я помолюсь об этом”. Всю дорогу обратно из резервации до мотеля, в котором остановился Кармапа, он действительно молился. И в тот момент, когда он вышел из машины и открыл дверь в свою комнату, в совершенно безоблачном небе неожиданно раздался раскат грома и хлынул ливень, какой редко можно увидеть».

В течение следующих шести лет Кармапа несколько раз возвращался в Европу и Америку. Для его второго визита, в 1976 году, Аконг Ринпоче поручил нескольким студентам из Самье Линга купить автобус. Такой автобус в конце концов был найден в Голландии. Его перекрасили в бордовый с золотом цвет, сиденья убрали и на их месте смастерили и водрузили «трон» — кресло, покрытое красной парчой. Также была установлена кровать-платформа для сна, хотя Кармапа фактически никогда ею не пользовался. Эту платформу очень быстро заняли разной формы клетки, в которых проживали накапливаемые им за время путешествия птицы. Путешествие началось во Франции в

Дордони, где в муках строился на подаренной изобретателем Бернаром Бенсоном земле новый центр. Из Дордони маленький караван из разных машин, возглавляемый антикварным автобусом, отправился по Европе, делая остановки в Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, Германии, Австрии и Швейцарии, и в конечном итоге прибыл в Британию. Так же как и в предыдущий визит, состоявшийся за два года до этого, маршрут Кармапы приводил его в самые любопытные места. Так, во время посещения службы международного вещания ВВС, в Лондоне, он благословил всё записывающее оборудование в студии. А одна из церемоний была проведена на границе Уэльса, на ферме, принадлежащей буддийскому студенту. Норма Левин, которая за два года до этого приняла прибежище в Самье Линге, вспоминает это странное зрелище, когда старомодный автобус, с сидящим в нём на «троне» Кармапой и сопровождаемый эскортом из монахов, медленно прокладывает путь по узким загородным дорогам и в конце концов протискивается в ворота фермы.

В большом зале, преображённом по этому случаю во временную алтарную комнату, Кармапа дал посвящение в практику Карма Пакши. «Джамгон Конгтрул в то время путешествовал вместе с Кармапой, — вспоминает Левин. — И я спросила его: “Зачем мне принимать это посвящение?”, ведь я ничего не знала об этой практике. А он сказал: “Да просто прими, и всё. Будет хорошо”. Именно так большинство из нас и приняло это посвящение. На самом деле это было просто благословение установления связи с Карма Пакши. Но оно было очень сильным. Кармапа находился в изменённом состоянии, если так можно выразиться, совершенно определённо внутри него находилось какое-то другое существо. Он сошёл с трона, в руках у него была капала — чаша из черепа, наполненная жидкостью, и ложка, и он наливал эту жидкость ложкой нам на ладонь. Он был босой и танцевал, этот большой,

грузный мужчина, танцевал, как будто бы он находился в экстагическом состоянии, в состоянии полного транса. Кармапу просто невозможно забыть. Никогда».

Из Европы Кармапа отправился в Америку, потом на Гавайи, где он снова встретил Ворда Холмса, принявшего к тому времени тибетское имя Йонгду, который возил его на машине. Он вспоминает случай, как они ехали по извилистой дороге вдоль берега и Кармапа вдруг велел ему остановиться. «Вокруг ничего не было. Я подумал: “Зачем нам останавливаться здесь?” Но он вышел из автомобиля и подошёл к краю скалы. Мы посмотрели вниз, и там внизу на камнях была машина. Она перевернулась, рядом с ней лежала женщина с окровавленной головой. Он посмотрел вниз, прочитал несколько молитв, а потом сказал: “С ней всё будет хорошо”. Мы сели в машину, и вдруг появились “скорые помощи” и спасательные машины. С дороги никак нельзя было увидеть эту женщину».

Иногда такие сверхъестественные способности могли быть использованы Кармапой с какой-то озорной целью, или случалось, что мотивацию его действий сразу было трудно понять. Кармапа, по словам Холмса, был редкий специалист по тому, как с помощью «искусных средств» избегать определённых ситуаций. Во время того же визита один местный буддийский центр пригласил Кармапу почтить своим присутствием приём, во время которого было запланировано выступление гавайских певцов и танцоров. «Ему это было просто неинтересно. Предполагалось, что я должен был отвезти его туда, а он говорит: “Давай поедем пообедаем”. Я говорю: “Но, Кармапа, мы же должны ехать на этот приём”. А он говорит: “Нет-нет, мы поедем поесть в китайский ресторан”. Итак, мы долго-долго обедали, и, наконец, можно было ехать. На полдороги, а на это ушёл почти час, он говорит, что забыл в ресторане свою табакерку (он нюхал табак). И нам пришлось возвращаться. Как раз когда мы добрались до ресторана, ма-

шина сломалась. Совершенно новая машина. Я едва смог дотянуть до стоянки. И мне пришлось звонить в тот центр и говорить не то, что Кармапа был в китайском ресторане, а то, что машина сломалась. Им пришлось высылать пикап, чтобы отвезти нас. Оказалось, что в нашей машине сгорел какой-то маленький предохранитель или что-то в этом роде. Время было уж очень точно рассчитано: Кармапа явно как-то сделал, чтобы именно так всё произошло. И так, мы едем в этом пикапе, и вдруг Кармапа понимает, что его табакерка всё ещё в ресторане. Пока мы суетились вокруг сломанной машины, мы совсем про неё забыли. И так, мы снова возвращаемся... В общем, когда мы наконец приезжаем в центр, все песни и пляски, которые он так не хотел смотреть, уже закончились, и в то же время все на месте, чтобы встретиться с ним.

Вот так, с помощью искусных средств, он «вывел» себя из той ситуации. Никто ни на минуту не заподозрил, что Кармапа просто не хотел приезжать. В основном винули меня: «А, это машина Йонгду сломалась, это он забыл то, забыл это...» А Кармапа тем временем сидел в уголке и посмеивался».

«Бодхисаттва, — говорит Лама Еше Лосал, — похож на рыбака, подсекающего и выуживающего свой улов». Его собственная жизнь, говорит он, является доказательством этого. Сам Лама Еше вырос в Тибете, в монастыре своего старшего брата Аконга Ринпоче. Но он не испытывал интереса к религии и не имел никакого желания становиться монахом. Интерес не появился, даже когда он вместе с Аконгом и Чогьямом Трунгпой работал в школе, созданной Фридой Беди для молодых лам.

Когда в 1963 году Аконг и Трунгпа уехали в Англию, Еше остался в Индии и работал в качестве переводчика в тибетской администрации в Дели. Именно там в 1967 году он впервые встретил Кармапу. «Когда я увидел

его, мне показалось, что всё во мне изменилось, — вспоминает он. — Я встречался со многими великими ламами и был очень высокомерен. У меня не было какой-то веры или преданности. Но, когда я встретил Кармапу, моё сердце перевернулось от возбуждения и страха, у меня было такое ощущение, что я ничего не мог бы скрыть от него. Я действительно чувствовал, что, что бы он ни сказал, я должен это делать».

Кармапа велел Еше вернуться вместе с ним в Румтек. «Я тогда всё ещё не был монахом. Он сказал, что я должен остаться в монастыре. Я сказал: “Нет, там есть большая гостиница, я остановлюсь в ней”. Но он сказал: “Нет, ты будешь жить в монастыре”. И я остался в монастыре. Свободных комнат не было. Многим, в том числе и некоторым ринпоче, приходилось спать на полу. И я сказал: “Я не хочу спать на полу”. Я был очень высокого мнения о себе. Я умел говорить по-английски. Я думал, что я все знаю! И Кармапа сказал: “Я дам тебе комнату”. И он дал мне комнату! Никто не мог понять, почему он обращался со мной по-особенному. Я даже не был монахом. Я был просто заносчивым юнцом.

Потом как-то он позвал меня и сказал, чтобы я ехал к Трангу Ринпоче, который был настоятелем, и попросил его дать мне четыре предварительные практики. И теперь мне нужно было делать все эти простирания для очищения. Я думал: “Нет, я не буду этого делать!” Но я не мог не делать их. Я был в ловушке! И кончилось тем, что я делал эти тысячи простираний. Но мой ум был в другом месте. Я думал только о том, как бы сбежать! Я разрывался между связью с Кармапой и влечением к мирской жизни».

Когда Чогьям Трунгпа приехал с визитом в Румтек, Еше уговорил его взять его с собой в Англию. «Я уехал из Румтека, не повидав Кармапу. Я даже не попрощался, потому что он бы не отпустил меня». Еше приехал в Са-

мье Линг в 1969 году. «Это был сумасшедший дом, даже хуже, чем я ожидал». Курение травы было обычным делом среди студентов. «Меня это заинтересовало». Он отпустил волосы, приобрёл мотоцикл и научился играть на электрогитаре. «Люди называли меня тибетским Джими Хендриком!» Он взял денег взаймы у своего брата Аконга и открыл бутик в ближайшем городке Дамфри. «Я прожил в Самье Линге пять лет и ни одного дня не был в комнате для медитации. Я считал, что это для сумасшедших, а я не сумасшедший! Я думал, что наконец-то сбежал! Но карма — это такая странная вещь...»

В 1974 году, когда Кармапа в первый раз посетил Запад, Еше опять встретился с ним в Лондоне. «Он улыбался и говорил: “Ну, теперь-то ты не убежишь!” Он сказал Еше, что тот должен сопровождать его в поездке по Америке. А когда их поездка закончилась, Кармапа велел ему остаться и вместе с другим ламой основать обучающий центр в северной части штата Нью-Йорк, в доме, который был пожертвован господином С. Т. Шеном, состоятельным китайским учеником Кармапы. «Кармапа не спрашивал меня, хочу я остаться или нет, — говорит Лама Еше. — Он просто сказал мне: “Ты будешь секретарём и казначеем и поможешь построить там центр”». Чего бы хотел я, об этом меня не спрашивали. Но я никогда не мог сказать Кармапе: «Нет». К Еше присоединились Ворд Холмс и ещё несколько тибетских монахов, и они начали работать, чтобы превратить этот дом в центр обучения Дхарме. Однако через два года они получили известие от Кармапы: Кармапа решил, что это место является неподходящим. Дом и земля были проданы. Было куплено новое место в маленьком городке Вудсток, на севере штата Нью-Йорк, ставшее знаменитым потому, что там в 1969 году проходил огромный рок-фестиваль. Новое место получило название КТД, Карма Трияна Дхармачакра. Еше должен был остаться там ещё на три года.

В 1980 году он наконец смирился с неизбежным и получил от Кармапы посвящение в монахи. Хороший рыбак, говорит он, поймал меня на удочку. И так он стал ламой Еше. «Кармапа сказал мне, что я должен идти в одиночный ретрит. Но до того, как я ушёл, я услышал, что он в больнице в Чикаго. У меня в банке было 15 000 долларов и много религиозных предметов. Я подумал, что пришло время сделать подношение всего, что у меня было, и я послал всё это Его Святейшеству. Через некоторое время я получил послание от него. Кармапа сказал: “Если Еше посылает мне всё, что у него есть, почему он не прислал мне и свою кровать?”. У меня была очень красивая, роскошная кровать, которую я очень любил. Но Кармапа никогда не был у меня в комнате! И как он только узнал о ней?» Лама Еше уйдёт в ретрит в 1981 году. Он проведёт в затворничестве пять лет. И больше не увидит 16-го Кармапу.

У Кармапы всегда были проблемы со здоровьем, но в середине жизни оно совсем ухудшилось. Как и у многих тибетцев, основой его питания на протяжении всей жизни был тибетский солёный чай с маслом, что разрушило его артерии. Вес тела увеличивался, он с трудом двигался, и начали проявляться симптомы сахарного диабета. В 1976 году, во время визита на Гавайи, отец Ворда Холмса, который был врачом, проверил уровень сахара в крови. «Мой отец сказал, что уровень превышал норму в три раза и что Кармапа должен немедленно отправляться в больницу, — вспоминает Холмс. — Кармапа сказал, что не надо беспокоиться, и что он всё контролирует с помощью йоги, и что он знает, что делает. Мой отец был в шоке». Ещё был случай, когда С. Т. Шен организовал для него консультацию у специалиста очень высокой квалификации. К всеобщему замешательству, обследование показало, что Кармапа пребывает в отличной форме. Люди просто не могли этого понять, — говорит лама Еше. — А он

давал нам урок о природе непостоянства: то он болен, то в следующую минуту никаких следов болезни нельзя было обнаружить».

Тем не менее в 1980 году стало ясно, что его здоровье стабильно ухудшается. Он похудел, и врачи стали подозревать, что у него рак. Он полетел в Сингапур, где ему сделали гастроскопию и удалили часть желудка. Анализы подтвердили, что опухоль злокачественная. Но казалось, что операция прошла успешно и в том же году он полетел в Америку, чтобы давать учение в разных Дхарма-центрах. В Нью-Йорке он сдал ещё несколько анализов. Там же к нему присоединился молодой американский врач, ставший его личным врачом и остававшийся с ним до самой его смерти. Митчелл Леви был специалистом по выведению из критических состояний. Он также был буддистом, учеником Трунгпы Ринпоче и его личным врачом. Теперь он взял на себя лечение Кармапы. Из Нью-Йорка Кармапа отправился дальше в поездку по Америке. У него развился периферический паралич лицевого нерва — симптом, обычно ассоциирующийся с онкологическим заболеванием, при котором один глаз как бы безжизненно «опадал», от чего лицо болезненно искривлялось. Ворд Холмс, который сопровождал его во время какой-то части путешествия, вспоминает, что Кармапа очень мало ел. «Он иногда говорил: “Давайте пойдём есть мороженое”. Но на самом деле он это делал не для себя, а для тех, кто сопровождал его. Он лизнёт своё мороженое один-два раза и передаст его кому-нибудь, и люди так счастливы, что они получили мороженое от Кармапы». Холмс вспоминает, как один раз Кармапа примерял новые туфли. «Я спросил его, подходят ли они. И он сказал, что туфли-то хороши, да вот тело уже не очень».

Кармапа вернулся в Румтек, но его состояние продолжало ухудшаться. Он заказал в мастерских несколько

деревянных и металлических ящиков для хранения наиболее ценных сокровищ монастыря, включая реликвии, пришедшие от отцов—основателей линии учения: Тилопы, Наропы, Марпы и Гампопы. Среди них самой драгоценной, безусловно, была Ваджрная корона.

Сокровища были сначала помещены в деревянные футляры, а те, в свою очередь, в ящики из стали. Замки были опечатаны воском. Кармапа оставил указания, что никто не должен касаться этих ящиков и они должны быть открыты только его следующей инкарнацией. Теперь всем стало ясно, что состояние здоровья Кармапы критическое. Он хотел остаться в Румтеке, но уступил желанию окружавших его людей, которые хотели, чтобы он полетел в Гонконг для дальнейшего лечения.

«Раковая опухоль в его желудке росла, и развивались метастазы, — вспоминает Митчелл Леви. — И он также страдал от туберкулеза. По мнению западных врачей, которое разделял и я, положение было безнадежным. Операция или химиотерапия не принесли бы результата. Развитие болезни приняло необратимый характер. Для его ближайших учеников услышать это было очень тяжело. Он вырастил их, он был их духовным отцом, а во многом и просто отцом, в том смысле, что, когда он начал о них заботиться, они были ещё совсем детьми. Это был период, когда я довольно сильно разошёлся с ними во мнениях. У меня были как бы две роли: я был духовно предан буддизму и в то же время являлся западным врачом, специалистом, который доверял собственному опыту и знаниям. Я сказал им, что Его Святейшество умирает и лучшее, что можно для него сделать, это отвезти его в Румтек и позволить ему провести остаток дней в своём монастыре. Но они чувствовали, что они сделали не всё, что могли бы, и им было важно знать, что они действительно сделали всё, что в их силах. Его Святейшеству тоже было важно, чтобы они это чувствовали».

Леви улетел обратно в Америку. В его отсутствие были опробованы все возможные виды лечения. Консультировались у китайских врачей, лечащих травами, у хилера, лечившего наложением рук, у хилера, раскачивавшего маятник над животом Кармапы. Наконец, верх взял американец, практиковавший альтернативные методы лечения и заявлявший, что он вылечил нескольких знаменитостей из Голливуда, и Кармапа полетел в Америку.

В октябре 1981 года Кармапа прилетел из Гонконга в Сиэтл, где его встретил Митчелл Леви. Кармапа страдал от пониженного артериального давления и был в состоянии шока. Леви стабилизировал его самочувствие и сопровождал его на последнем отрезке пути до Чикаго, а затем до горы Сион в штате Иллинойс, где в тридцати минутах езды от города располагается Американская международная клиника, в которую он был помещён. Кармапе была отведена отдельная палата в реанимационном отделении. Соседняя комната стала общежитием для его ближайших учеников. Джамгон Конгтрул сопровождал его в этой последней поездке, Тай Ситу приехал из Англии, где он давал учения, Шамар Ринпоче также прилетел в Америку, чтобы быть у постели больного. Из четырёх ближайших учеников отсутствовал только Гьялцаб Ринпоче. Кармапа велел ему оставаться в Румтеке, чтобы тот в его отсутствие присматривал за всем.

Почти с самого начала его пребывания в клинике, говорит Митчелл Леви, все осознавали парадоксальность ситуации. «Было ощущение, что он прибыл туда, чтобы поддерживать и подбадривать всех. Обычно пациент в его состоянии очень слаб и испытывает сильную боль. А Кармапа, как всегда, излучал свет и был великолепен. Всё, о чём мы обычно читаем в книгах о великих мастерах — об их открытости, тепле, спокойствии, самообладании, — всё это исходило от него, сидевшего на больничной постели. Все работавшие в реанимационном отделении (а на

этих людей нелегко произвести впечатление) были просто влюблены в него. Они звали его «дедушкой». Он не говорил по-английски, Джамгон Конгтрул обыкновенно выступал в качестве его переводчика. Врачи и медсёстры обычно спрашивали Кармапу: «Вам больно?» — а тот лишь смеялся в ответ и спрашивал, как у них дела. Все были искренне изумлены тем, что его и вправду больше интересовали их дела, чем собственное состояние. Из его поведения явствовало, что он находится в больнице не потому, что болен. Все мы боеем, все можем оказаться в больнице. И без сомнения, если уж мы в больнице, то это для того, чтобы позаботиться о себе. Человека госпитализируют для стационарного лечения не ради того, чтобы он узнавал, как идут дела у врачебного персонала. Но поведение Кармапы заставляло всех вокруг усомниться: то ли мы ухаживаем за ним, то ли это он заботится о нас? И постепенно всё это стало оказывать воздействие на сотрудников больницы. Нередко они заходили к нему, чтобы принести еду, а кончалось это тем, что они садились у его кровати и рассказывали ему о своей жизни: «Ну, знаете, я замужем, и у меня двое детей...»

Леви сейчас уверен, что Кармапа всем своим поведением учил других искусству подготовки к смерти. «Я думаю, что можно сказать, что Его Святейшество был таким человеком, который понимал, как, используя свои духовные возможности, работать с физической болезнью. И во многом именно это он хотел нам показать. Не надо возражать: “О, господи, так то — Его Святейшество! Я бы никогда не смог так справляться со своей болезнью!” В основе буддийских принципов лежит понимание, что все обладают бодхичиттой и способностью достичь просветления, и у вас всегда есть возможность открыть в себе нечто, непосредственно относящееся к этому состоянию. И медперсонал понял это, потому что они каждый день имели перед собой такой пример. Они не чувствовали себя

свидетелями чуда, происходившего на их глазах. Они понимали, что просто рядом находится человек, который на самом себе показывает им, как жить со всем этим. Видеть человека, который действительно смог заключить мир со своей болезнью и заботился в такой момент о других не меньше, чем о самом себе, — это очень вдохновляет».

На протяжении четырёх недель, пока он находился в реанимационном отделении, Кармапа, по словам Леви, отказывался от успокоительных и болеутоляющих лекарств. Его английский, состоявший из нескольких вежливых фраз, теперь включал в себя ещё одно, новое для него словосочетание: «Не больно». Однажды случилось, что наблюдавший Кармапу хирург не работал, а Леви приехал в клинику поздно. Дежурный терапевт, не поверивший, что Кармапа действительно не испытывает острых болевых ощущений, назначил ему морфий. «Кармапа сразу же расклеился, стал вялым и сонным, артериальное давление упало. Это был поразительный пример того, как состояние его ума контролировало его тело. Как только в этот процесс вмешались, введя морфий, его физическое состояние резко ухудшилось. Я вошёл и сразу же дал ему вещество, по своему действию обратное действию морфия, и он вновь почувствовал себя абсолютно нормально».

В те последние дни к его постели один за другим тянулись паломники — старшие ламы линии кагью. Оставались незавершёнными многие важные дела. Разногласия между Аконгом Ринпоче и Трунгпой Ринпоче, тянувшиеся многие годы, с тех пор как они когда-то жили вместе в Самье Линге, продолжались. Трунгпа опубликовал переработанное издание своей автобиографии «Рождённый в Тибете», в котором он рассказывал о своих несогласиях с Аконгом в Самье Линге, и довольно пренебрежительно отзывался о своём старом друге. Были люди, которые подталкивали Аконга Ринпоче на то, чтобы ответить

ему. Теперь, в последние минуты своей жизни, Кармапа призвал их обоих к своей постели и сказал, что их споры должны прекратиться. «Он сказал: “Вы для меня оба — мои сыновья, — вспоминает Аконг. — Сейчас вы должны пообещать мне, что между вами отныне не будет никаких неприязненных чувств, только дружеские”. Он велел Тругпге убрать из книги все упоминания об Аконге и заставил Аконга пообещать, что он никогда не будет говорить об этом. Они оба дали слово. И Кармапа был счастлив».

Он также принял одно решение, в котором некоторые увидели его отношение к своим ближайшим ученикам. В то время в Бельгии проходила Буддийская конференция, на которую в качестве представителя Кармапы был приглашён Тай Ситу. Но Кармапа сказал, что он хочет, чтобы Тай Ситу оставался с ним, а вместо него на конференцию поехал бы Шамар. Аконгу было велено ехать вместе с Шамаром.

В тот день, когда Аконг уезжал в Брюссель, Кармапа снова позвал его к себе. «Он попросил меня задрнуть шторы, — вспоминает Аконг, — а потом сказал: “Из лам линии кагью уже все навестили меня, теперь я могу умирать”. Я не ответил. Я попросил его повторить, что он сказал, потому что я хотел убедиться, что именно он сказал. И он повторил: “Я умру”. Тогда я позвал [Тай] Ситу Ринпоче. И он, и Джамгон [Конгтрул] Ринпоче пришли, и Кармапа сказал им то же самое, что теперь он уже скоро умрёт. Они были очень расстроены. Они сказали, что он не может умереть. Они предложили читать молитву долгой жизни, и Кармапа ответил: “Хорошо, хорошо”. Но это прозвучало неубедительно». К этому времени он уже страдал от пневмонии, и врачи ввели ему в лёгкие трубку, чтобы ему было легче дышать. «Мы спросили его, хочет ли он, чтобы вводили такую трубку, — говорит Митчелл Леви. — Он ответил, что сделает всё, что его ближайшие

ученики и я считаем нужным. Сам он никогда не высказывал никаких пожеланий, но давал понять, что доверяет своим ближайшим ученикам и полагается на мои рекомендации. В какой-то степени это усложняло мою задачу, потому что врач обычно делает то, что хочет пациент. Но на самом деле Его Святейшество давал понять, что ему не важно, что с ним происходит, и он готов делать, всё что хотят другие».

Наконец, вечером 5 ноября 1981 года у Кармапы произошла остановка сердца. Стало ясно, говорит Митчелл Леви, что реанимация была уже невозможна, и ему позволили умереть. «Медперсонал был совершенно подавлен, — рассказывает Леви. — Они все уже привыкли считать его своим дедушкой, и теперь все ощущали глубокую опустошённость».

В соответствии с буддийским учением в момент смерти практикующие, достигшие высокой духовной реализации, входят в состояние самадхи, при котором сознание продолжает пребывать в теле. Такое состояние медитативной погружённости рассматривается как критический момент переноса сознания в бардо — промежуточное состояние между смертью и новым рождением. Когда просветлённое существо находится в этом состоянии, быть рядом с ним считается большим благословением. «Это как первые лучи света, испускаемые весенним солнцем», и считается очень важным, чтобы в это время тело умершего йогина не беспокоили.

Обычные больничные правила были на время забыты. Три дня тело Кармапы оставалось там, где он умер, а его ученики располагались вокруг. В это время Митчелл Леви был свидетелем замечательного физиологического эффекта, вызванного духовной реализацией умершего. «Я думаю, что Тай Ситу и Джамгон Конгтрул хотели, чтобы я был своего рода свидетелем. Кроме того, я заслужил их доверие, я был предан Его Святейшеству, и они

считали, что моё присутствие рядом с Его Святейшеством не побеспокоит его. Поэтому один или два раза в день я входил и держал руку над его сердцем или прикасался к его кожным покровам. И в течение трёх дней я явственно ощущал, как от его сердечного центра исходит тепло. Три дня — это очень долгий промежуток времени, и происходящее никак нельзя было объяснить с медицинской точки зрения. И, кроме этого, даже спустя три дня его кожа сохраняла свою эластичность и упругость. Как у врача у меня нет этому объяснения. Я был там среди его ближайших учеников и сам видел это, и я сделал записи о том, что видел. Это было что-то вроде: “А ну-ка, давай покажем этим бледнолицым, с чем они имеют дело”. Когда они читали изумление на моём лице, они так удовлетворённо и понимающе переглядывались между собой».

Леви описывает, как он заботился о Кармапе, вплоть до момента его смерти, и это было «в духовном плане более полезным, чем все мои годы буддийской практики». Кармапа, пишет он, «позволил нам создать для себя иллюзию, что мы заботимся о нём, в то время как на самом деле он на очень глубоком уровне учил тому, что это значит — заботиться о ком-то. Врачу хочется сформировать партнёрские отношения с пациентом, чтобы помочь ему выздороветь, но в конечном итоге всё зависит от самого человека. И это в полной мере относится к Его Святейшеству. Я мог прийти к нему утром и увидеть у него вазу с виноградом. Я говорил: “Это же виноград!” А он отвечал: “Да, виноград, потому, что сахар мне нельзя”. Я говорил ему: “Но ведь это всё равно сахар...”», — а он только смеялся, потому что он и сам это знал. На следующий день после его смерти Джамгон Ринпоче и Тай Ситу Ринпоче посадили меня для разговора и сказали: “Мы понимаем, что Его Святейшество делал это всё ради нас. Теперь мы понимаем, что он знал, что умирает, и только из сострадания к нам оказался в Чикаго. Он позволил нам сделать

это для него, чтобы мы потом чувствовали, что сделали всё, что могли”. И я думаю, что это — абсолютная правда. Он понимал, сколь важно для них было знать, что они сделали для него всё, что было в их силах».

В соответствии с традицией тело Кармапы поместили в гроб и обложили солью. Гроб сначала перевезли на самолёте из Чикаго в Нью-Йорк. Там в VIP-зале аэропорта Джона Кеннеди около сорока буддистов из местных центров сидели в медитации, пока гроб перевозили на другой рейс, которым Кармапа отправился в своё последнее долгое путешествие до Румтека.

Среди его последователей, искавших высшее намерение и скрытый смысл во всём, окружавшем Кармапу, его смерть была причиной не только для горя, но и для смущения умов. Что это значит, что он умер от рака?! И в Америке... Если он, как утверждают буддийские учения, был всеведущ, почему он поддался болезни и в таком сравнительно молодом возрасте?

На самом деле история показывает, что Кармапы имели тенденцию уходить из жизни молодыми. 4-й Кармапа, Ролпе Дордже, умер в возрасте сорока трёх лет, 5-й, Дешин Шегпа, — в возрасте тридцати одного года, а 11-й, Еше Дордже, — когда ему было всего двадцать шесть. Но говорят, что это свидетельствует, скорее, не об их хрупкости или слабости, а является признаком наличия у них сострадания бодхисаттвы, который берёт на себя болезни и негативную карму других людей. В тибетских легендах есть бесчисленное множество историй на эту тему. Говорят, что великий тибетский йогин Миларепа однажды, одним взглядом разбив в щепки деревянную дверь, продемонстрировал тем самым лишь малую часть той боли, которую он носил в себе за своих учеников.

Для Митчелла Леви забота о Кармапе, вплоть до последней минуты его жизни, была уроком идеала бодхи-

саттвы. «Я думаю, что многие тибетские ламы, в том числе и Трунгпа Ринпоче, действительно берут на себя многие культурные и кармические недуги своего окружения. Для меня это несомненно. И поэтому исторически сложилось так, что многие из них покидают этот мир, не дожив до преклонных лет. Человеческое тело есть человеческое тело. Если вас сбил грузовик, у вас пойдёт кровь. Если у вас диабет, то рано или поздно он недвусмысленно даст вам о себе знать. Такие люди, как Кармапа, дарят нам понимание того, что просветление есть просветление и оно не ограничено во времени, но если уж вы родились в этот мир, то для вас есть рождение, болезни и смерть, и всё это неизбежно. Они дают нам способность понять эту неизбежность, и именно это понимание даёт нам драгоценную возможность обнаружить в себе просветлённый ум».

Другие ученики утешали себя мыслью, что, какой бы, возможно, болезненной ни была его смерть, она определённо являлась таковой согласно его намерению: раскрывался какой-то более великий кармический замысел, истинный смысл которого в нужное время будет явлен миру. Понлоп Ринпоче, сын секретаря Кармапы по общим вопросам Дамчо, вспоминает горе своего отца, когда тот узнал, что Кармапа умирает. «Это было в Гонконге, до того как Его Святейшество отправился в Америку. Его Святейшество сказал моему отцу, что скоро он уйдёт в паранирвану (покинет этот мир). Отец был очень расстроен. Он плакал и умолял Его Святейшество не уходить. Но Его Святейшество сказал ему, что не нужно беспокоиться: «Я вернусь. И я буду даже более сильным, более могущественным, более образованным». Так что, кажется, всё было сделано вполне умышленно и преднамеренно. Времена меняются, и, быть может, он способен будет принести больше пользы в теле молодого, энергичного Кармапы».

9 ноября вертолёт, перевозивший тело Кармапы, приземлился на военном аэродроме в Гангтоке. Грузовик марки «Мерседес», перевозивший его тело, с четырьмя его ближайшими сыновьями, втиснувшимися на переднее сиденье, кружил по узким извилистым дорогам, направляясь в Румтек. Группа учеников, среди них Оле Нидал, внесли гроб в монастырь.

Его тело в медитационной позе, окружённое мерцающим морем лампад, поместили в раку в зале наверху. В течение последующих сорока девяти дней звуки начитывания мантр, ударов в барабаны и протяжное пение монастырских труб и флейт-гьялингов эхом разносились по окрестностям Румтека, в то время как четверо духовных сыновей проводили пуджи, чтобы устранить препятствия и просить о скорейшем возвращении реинкарнации их учителя — Кармапы. 20 декабря толпа из более чем 10 000 человек, включая лиц, занимающих высокие посты в индийском правительстве, и членов королевской семьи Бутана, собралась в монастыре. В полдень в ходе церемонии тело было перенесено на крышу главного портала монастыря и помещено в недавно построенную глиняную ступу в форме мандалы. Внизу трубачи из Сиккимского отделения Индийской национальной гвардии протрубили в последний раз, перед тем как солдаты дали 21 залп прощального салюта. В соответствии с традицией поджечь погребальный костёр должен кто-то, кто не получал учений от Кармапы. Вперёд, с факелом, готовый поджечь сухое сандаловое дерево, сложенное грудой у подножия ступы, вышел монах, недавно прибывший из Тибета. Через несколько минут всё было охвачено языками пламени, взметнувшегося ввысь на 6 метров.

Норма Левин, приехавшая на церемонию кремации из Британии, оказалась подхваченной толпой, унёсшей её на крышу. Она едва могла дышать, сдавленная со всех сторон. Глядя на горящую ступу, она была поражена «ощу-

щением какого-то света, покидающего этот мир». По мере того как дым спиралью поднимался вверх, скорбящие люди с изумлением наблюдали то, что Леви описывает как «ореол», взявший в кольцо солнце на безоблачном небе. Некоторые утверждают, что, кроме того, видели стаю птиц, кружащую над крышей монастыря, как будто бы отдающую дань уважения великому учителю.

Четверо ближайших учеников, одетых в церемониальные одежды, в коронах, заняли места вокруг ступы по четырём сторонам света, чтобы провести пуджи и сделать подношения воды, растительного и топлёного масла у «врат» ступы. Когда Тай Ситу шагнул вперёд, чтобы сделать подношение, неожиданно что-то словно выпрыгнуло из охваченной пламенем ступы. Не зная, как поступить, Тай Ситу отправил монаха к самому почитаемому из присутствующих лам — к Калу Ринпоче. Спустя несколько минут монах вернулся со словами, что, несомненно, этот предмет является священным и его следует сохранить. Он был помещён в серебряный потир и унесён. Было объявлено, что это был *тул джаг дженсум*, сплавленные воедино в огне погребального костра и лишь частично обуглившиеся язык и сердце Кармапы, символизирующие его речь и ум. Как гласит легенда, точно такой же предмет был найден среди пепла погребального костра Первого Кармапы, Дусум Кхьенпы, и в погребальном костре Гампопы. Церемония завершилась, и ступа была опечатана. Последователям раздали пакетики с солью, которой было обложено тело Кармапы во время его путешествия из Америки. Некоторые говорили, что она предохранит от рака, настолько велика сила Кармапы. Серебряный потир, содержащий сердце и язык Кармапы, поместили в алтарную комнату.

На следующий день старшие ламы и ринпоче школы карма-кагью, а также представители Дхарма-центров кагью по всему миру собрались вместе в зале институ-

та в Румтеке. Тай Ситу Ринпоче объявил, что сердце и язык, выпавшие из погребального костра, известили о так называемой передаче сердца, совершённой Кармапой его четырём ближайшим ученикам, и символически подтвердили, что Кармапа всё ещё находится со своими последователями и «со всеми живыми существами». Он отвезёт потир в монастырь Шераб Линг и построит ступу из чистого золота «не ниже метра высотой», и в ней будет храниться сердце Кармапы. Затем слово взял Дамчо Йонгду. Он сказал, что ступа должна быть по меньшей мере полтора метра высотой и построена в Румтеке. Нужно собирать золото. Люди стали снимать с себя обручальные кольца, ожерелья, серьги и передавать их вперёд. Подношения звенели в коробке, спешно найденной для этой цели.

ГЛАВА 5

Золотые чётки

Шераб Линг. Август 2000 года.

Смерть Кармапы оставила зияющую пустоту в Румтеке. И неотложную необходимость: найти достоверные указания относительно следующей инкарнации учителя. По традиции каждый Кармапа оставлял письмо-предсказание или какое-либо иное указание о своём следующем рождении доверенному ученику. Но казалось, что 16-й Кармапа не оставил такого письма. Не успел ещё остыть пепел погребального костра, как Дамчо Йонгду и младший из духовных сыновей Джамгон Конгтрул тщательнейшим образом обыскали покои и личные вещи Кармапы, и — безуспешно. В ближайшем окружении Кармапы нарастало тревожное предчувствие. Тулку Ургьен Ринпоче, близкий друг покойного Кармапы и один из самых почитаемых наставников его ближайших учеников, предложил не предавать огласке тот факт, что письмо найти не удалось. Обосновывая свою позицию, он привёл аргумент, что Кармапа не мог умереть, не оставив указаний в каком-либо виде. Найти письмо — это просто вопрос времени.

На протяжении многих веков расшифровка писем-предсказаний Кармап, поиск и возведение на трон новой инкарнации были задачей, которую выполнял один из

старших держателей линии. Четверым ближайшим ученикам 16-го Кармапы и держателям линии — Шамару, Тай Ситу, Джамгону Конгтрулу и Гьялцабу — было примерно по двадцать лет. Все их предыдущие инкарнации были так или иначе причастны к возведению Кармапа на трон, и именно на них в данной ситуации ложилась эта ответственность. Им предстояло опознать новое воплощение учителя, исполнив предсмертное завещание 16-го Кармапы.

Перед смертью 16-й Кармапа начал серию крупных проектов. Было практически завершено строительство нового монастырского учебного центра в Румтеке — Буддийского института Наланда. В Дели, на земле, дарованной Кармапе индийским правительством, был заложен фундамент для ещё одного буддийского учебного заведения, получившего название Международного буддийского института Кармапы. Также Кармапа запустил проект издания 500 комплектов Тенгьюра, полного собрания комментариев к учениям Будды, которые следовало распространить среди основных буддийских библиотек и университетов во всём мире. Договорились, что Джамгон Конгтрул будет курировать завершение работ по Институту Наланда, а строительство новой школы в Дели возьмёт на себя Шамар Ринпоче. В Дели же будут изданы и тома Тенгьюра.

В 1961 году Кармапа также основал Благотворительный фонд Кармапы, перед которым ставились самые обширные задачи, начиная от поддержания Румтека и кончая сбором денег для медицинских и образовательных проектов и оказания помощи тибетским беженцам. Но Кармапа не оставил никаких точных указаний относительно того, кто будет регентом традиции карма-кагью, пока не будет найдена его следующая инкарнация. Решать, каким образом четверо ближайших учеников будут делить ответственность за управление Румтеком и курирование

других проектов Кармапы до того, как достигнет совершеннолетия его 17-я инкарнация, выпало Дамчо Йонгду. И он принял решение, что должность Регента будет в течение троих лет по очереди занимать каждый из четверых учеников, опираясь на помощь и поддержку остальных трёх. И Шамар, как самый старший по возрасту, будет первым из них. Первые три года этот план работал хорошо, но потом, как выразился один лама, «всё пошло наперекосяк».

Чтобы добраться до Шераб Линга, монастыря Тай Ситупы, нужно было ехать два часа на такси из Дхарамсалы. Дорога, извиваясь, вела по долине Дхаландхар на север. Вдали на горизонте можно было видеть подножия Гималаев. Шофёр вёл машину с головокружительной скоростью, бросая её из стороны в сторону так, словно не ехал по реальной горной дороге, а играл на автомате-симуляторе. Мы пролетали мимо маленьких деревень, мчались по мостам, под которыми струилась стекающая с гор, пенящаяся и бурлящая, подпитанная летними дождями вода. На каждом повороте мужчины прилюдно справляли малую нужду, явно не способные совладать с диктатом мочевого пузыря и испытать некое подобие чувства смущения. Время от времени в противоположном направлении проезжали группки велосипедистов с красно-золотыми флажками на руле, это были индуистские паломники, занятые утомительным делом посещения всех до единого храмов в округе. Дорога сужалась, когда мы проезжали мимо деревушек, по большей части состоявших из одной улицы, по бокам которой тянулись вереницы нескончаемых магазинов и лавочек. Стычки с мешающими движению пешеходами, музыка, доносящаяся из-за дверей магазинов, запах горящих углей и готовящейся еды, неизбежные заторы, когда автобусы начинают соревноваться с грузовиками, кто первый проскользнёт вперёд, к заветной цели.

В деревне Байджнатх мы свернули с трассы в сторону гор, и узкая дорога, изгибаясь и извиваясь, устремилась вверх. Впереди были видны зацепившиеся за складки гор белые кучевые облака, совершенно скрывшие под собой вершины. Теперь уже мы ехали по сосновому лесу, и шофёр резко переходил на пониженные передачи, приспособляясь к крутому подъёму. Истрёпанные молитвенные флажки, чьё благословение поблекло от дождя и солнца, были развешаны среди деревьев и над дорогой, сигнализируя о том, что мы приближаемся к монастырю. Мы резко повернули и... внезапно остановились.

На нашем пути, перекрывая дорогу, под углом стоял грузовик. Похоже было на то, что, когда он спускался с горы, у него оторвалась задняя ось и только чудом он не свалился в ущелье. Водитель и его приятель, стоя рядом с грузовиком, курили, вероятно, не зная, что делать дальше. Надежда на то, что грузовик в ближайшее время уберут, была призрачной. Я вытащил из такси свой багаж и пешком отправился вверх по горе. Через несколько сотен метров я прошёл под белой аркой. Справа среди деревьев показались стоявшие в ряд великолепные ступы, выше 9 метров в высоту, украшенные белой лепниной и увенчанные золотыми куполами. Дорога разветвлялась, ведя вниз по холму к сияющей золотом пагоде, видневшейся вдали сквозь деревья.

Шераб Линг строили в два этапа. На полпути вниз по горе стояли более ранние монастырские постройки, покрытые строительными лесами и находившиеся, очевидно, в процессе реконструкции. У подножия горы располагался новый монастырь, огромное трёхэтажное здание с фасадом, выстроенным в традиционном тибетском стиле. Пройдя через арку, я оказался в широком, украшенном молитвенными флагами дворе, фланкированном с трёх сторон похожими на казармы домами, в которых находились монашеские общежития, офисы и

учебные классы. Четвёртая сторона двора — это широкий пролёт лестницы, поднимающейся к portalу самого храма. По краям лестницы на страже стоят два вырезанных из камня золотых льва. Тяжёлые деревянные двери, со сложно заплетёнными косичками, свисающими с их массивных медных ручек, вполне могли бы сдерживать натиск врага в средневековом замке. Стены по обе стороны от дверей покрыты яркими фресками с изображениями божеств-защитников: это ослепительное многообразие существ, чьи лики искажены гневом и глаза навывкате налиты кровью. Окружённые ореолами из языков пламени, обёрнутые в тигровые шкуры, с ожерельями из черепов на шее, они широко шагают через мифические ландшафты из пенящихся рек, горных хребтов и венчающих это великолепие психоделических небес. Едва переступив через порог, я был тотчас окутан запахом благовоний и полироли для деревянных покрытий. Внутренность храма утонула в полумраке. Яркие танки — прописанные в мельчайших деталях иконографические свитки, оправленные в шёлк, — украшали стены. С потолка свисали витиевато расшитые гобелены. У противоположной стены в глубине стояла статуя Будды грядущей кальпы, или эпохи, — Майтрейи, высотой в 12 метров. Она была так высока, что голова её доходила до самого верхнего этажа храма. Поднявшись по лестнице наверх, я оказался на одном уровне с глазами статуи. Голова реставрировалась и была закрыта лесами, но её удлинённые уши уже были покрыты золотом, а утончённо очерченные черты лица ещё предстояло расписать.

Я занял место в комнате рядом с дверью, ведущей в приёмную, где Тай Ситу встречал посетителей. Вместе со мной аудиенции ожидала группка монахов и одна тибетская семья — муж, жена и дочь-подросток, нервно сжимающие ритуальные шарфы — хадаки. Одного за другим

посетителей приглашали пройти в комнату, и они появлялись вновь через несколько минут. Наконец подошла и моя очередь.

Тай Ситупа сидел на приподнятой платформе, скрестив ноги. Он приветствовал меня тёплой улыбкой, но не приподнялся. Таков протокол. Одет он был в жёлтую шёлковую рубашку без рукавов, накидка из тонкого шелковистого хлопка переброшена через плечо. Его кожа была бледной, почти белой, лицо гладкое и без морщин. Тай Ситу выглядел так, словно ему не было и тридцати, хотя в действительности он был на 20 лет старше. Коротко подстриженные волосы подчёркивали его длинные бакенбарды — возможно, намёк на некую долю тщеславия в их обладателе. Массивные очки в золотой оправе выглядели в равной мере и продуманным элементом стиля, и предметом жизненной необходимости.

Я почтительно склонился перед ним, подавая хадак, который он мне накинул на шею, после чего указал на место рядом с собой, чуть ниже его сиденья. Сбоку молча стоял прислужник, держа связку защитных шнурков.

Я спросил Тай Ситу: «Как дела?» — английская вежливая, ничего не значащая фраза. Но он глубоко вздохнул, очевидно, серьёзно обдумывая свой ответ.

— Положение ринпоче, — сказал он, — это большая ответственность. — Улыбнулся: — Возможно, мне жилось бы лучше, если бы я родился чистильщиком обуви.

Неужели он действительно сказал «чистильщиком обуви»? Я не знал, что ответить.

«Вероятно, не было бы такой большой ответственности, — продолжил он, — но всё равно это ведь тяжёлый труд».

«По крайней мере, вы бы здорово укрепили мышцы рук», — сказал я, сбитый с толку тем направлением, которое принял наш разговор, и ляпнувший первое, что пришло мне в голову. Он жалобно посмотрел на меня:

«Мышцы рук?» Он изобразил, как бы он чистил туфли.
«Скорее кисти рук, может быть...»

Разговор перешёл на другие темы. Я приехал подготовленный, с вопросами о тибетском буддизме, о жизни Тай Ситу, с вопросом о Кармапе, но, по крайней мере сейчас, он явно был не намерен отвечать на них. Я чувствовал, что он оценивает меня.

Так получилось, что следующие двадцать минут разговор перепрыгивал с темы превратностей жизни в монастыре на то, что женщины-ринпоче встречаются весьма редко, и дошёл до гладиаторских боёв в Риме. Я сказал, что женщины-ринпоче, может быть, и редки, но знает ли он, что в Риме были женщины-гладиаторы? (Что, чёрт возьми, вселилось в меня, что я опять ляпнул какую-то чушь?)

— Правда? — Тай Ситу расхохотался. — Вот это здорово! Равенство полов!

Мне говорили, что у него хорошее чувство юмора, но всё же это было как-то уж слишком сюрреалистично.

И как долго, спросил он, я собираюсь оставаться в Индии? Мы обсудили особенности путешествия по этой стране, возможность изменения мною маршрута, наличие мест в поездах и прочие нюансы.

— Знаете, для иностранцев в Индии держат бронь, — сказал он.

— Мне кажется, эти времена уже прошли, — ответил я.

— Да? Жаль.

— Может быть, так справедливее... — отважился я.

Тай Ситу рассмеялся. «Почему вы так считаете? Вы же иностранец!»

Он сказал, что я могу пожить в монастыре столько, сколько я захочу. Я — его гость. Потом жестом попросил служащего дать мне защитный шнурок. «И приходите ко мне в среду».

Было очевидно, что наша встреча закончена.

Я занял комнату в монастырском гостевом доме, расположенном в двадцати минутах быстрой ходьбы, если идти от главного монастырского здания через лес. В душе была горячая вода, на кухне — очень любезное обслуживание там всегда были рис и овощи и вас всегда были готовы без устали поить сладким чаем. По обычным монастырским стандартам Шераб Линг явно был богатым и процветающим заведением с весьма эффективной системой управления. Он давал крышу над головой более чем 400 монахам, большинство из которых, кажется, были не старше 30 лет. Здесь же находились большая шедра, или монастырская школа, и небольшая больница. На плоской крыше административного здания виднелась огромная спутниковая антенна. Роскошные, по индийским меркам, внедорожники «Армада», просевшие под тяжестью набившихся туда монахов или людей, занимающих в монастыре высокое положение, с регулярными интервалами сновали туда-сюда по разбитой колеями дороге. За монастырской стеной простиралось большое пространство пыльной земли, где монахи играли в волейбол или отдыхали у маленького кафе, где можно было заказать еду и купить товары первой необходимости.

Представление о том, что монастырь — это место покоя и тишины, является заблуждением. С рассвета и до сумерек по Шераб Лингу эхом проносятся звуки молотков, разговоры молодых монахов, либо ходящих взад-вперёд по двору, либо бегающих в перерывах между занятиями и пуджами. Скорбные звуки труб и грохот барабанов привлекли меня в храм. Примерно тридцать монахов сидели на полу со скрещёнными ногами, задействованные в одном из обязательных ежедневных ритуалов. Они читали молитвы по текстам-ксилографам, укреплённым перед ними на деревянных подставках. Мальчик-монах, не старше лет восьми, отмерял промежутки времени ударами в барабан, подвешенный на богато украшенной дере-

вянной раме. Другой мальчишка шумно отхаркивал слизь, сплёвывая в клочок ткани, и развлекался тем, что украдкой щелчком посылал в своего приятеля зёрнышки риса, упавшие с блюда для подношений. Начитывание мантр продолжалось около получаса, непрерывное и ритмичное, набиравшее темп до той минуты, пока по какому-то невидимому сигналу оно не завершилось оглушающей какофонией труб, барабанов и тарелок. Подобрал полы одежды, монахи высыпали из храма. Пересекая двор, я попал в облако столь типичных для тибетских монастырей запахов: той особой смеси благовонных курений, печного дыма, острых запахов кухни и монастырской уборной.

До того, как сюда пришёл Тай Ситу, там, где сейчас стоит монастырь, были лишь джунгли. Как он объяснил, это было в 1975 году. Ему было двадцать два года, и предыдущие девять лет он провёл в Румтеке, взрослея под крылом Кармапы. Как-то Друпон Дечен Ринпоче, один из старших лам линии кагью, пригласил его посетить Ладакх. По дороге из Румтека в Ладакх Тай Ситу остановился в Бире, в нескольких километрах от того места, где сейчас стоит Шераб Линг и где проживает довольно большая община тибетцев. Местные жители поднесли ему в дар выделенный им индийским правительством большой участок джунглей, которым они не пользовались, потому что он находился слишком далеко от их лагеря. Там не было ни дорог, ни электричества, ни воды. Тай Ситу пешком отправился в горы, чтобы разведать место. «Всё было очень интересно. Когда я карабкался по небольшой горе, я встретил тибетскую девушку, идущую мне навстречу из леса. Она вела на поводке ослика, нагруженного хвостом, а в руках несла павлиньи перья. Это были очень благоприятные знаки. Я спросил девушку, как её зовут, и она сказала: “Церинг Долма (тибет. Долма — перевод с санскритского Тара. — *Прим. ред.*)”. Церингма — это одно из пяти божеств горы Эверест, божество Миларе-

пы. Когда Миларепа в пещерах занимался медитацией, эти божества подносили ему еду. И вообще Тара — очень важное божество для Тай Ситу. 8-й, 9-й, 10-й и 11-й Тай Ситу — все они делали практику Тары. И потом, дерево — это мой элемент, я — лошадь, и лошадь деревянная. — Он помолчал и улыбнулся: — Мы, тибетцы, может быть, несколько эксцентричны в таких вещах.

Когда мы добрались до места, там жили три семьи, и одна пожилая женщина угостила меня йогуртом, а йогурт — это очень благоприятный знак и один из восьми благих ингредиентов. Потом она вынесла голенького, упитанного малыша, чтобы я благословил его, и он был похож на лягушонка. Я имею в виду в хорошем смысле этого слова! Я спросил её: “Как его зовут?” И она сказала: “Лягушка!” Позже он стал моим монахом. Всё это было очень интересно...»

— И именно эти благоприятные знаки, — уточнил я, — убедили вас построить монастырь в этом месте?

— Ну, не только они. Место было тихое, очень красивое, и земля была поднесена в дар. Так что почему бы и нет? Я бы её взял, даже если бы не было никаких знаков! — Тай Ситу расхохотался.

Это была наша вторая встреча, на этот раз в его офисе, высоко над храмом, в помещении, примыкающем к его частным апартаментам. Крохотная белая собачка была привязана у двери. Тай Ситу сидел за ламинированным письменным столом, окружённый книжными полками и шкафами с картотеками. На стене за его спиной висел календарь с поздравлениями от какого-то поставщика канцтоваров. Передо мной был ринпоче-администратор. В какой-то момент, желая уточнить дату, он быстро обшарил свой стол и извлёк красный ежедневник «Экономист» карманного размера, с тиснёнными золотом буквами «Его Преосвященство Тай Ситу». (Меня всегда поражали такие странные культурные диссонансы.

Или, например, автоответчик в монастырской канцелярии, наигрывающий особенно слащавую версию темы из «Истории любви».)

Монах принёс чай и печенье. Я попросил Тай Ситу рассказать мне что-нибудь об исторических взаимоотношениях его линии с Кармапами.

Он улыбнулся и поудобнее устроился в кресле. «В тибетской культуре никогда не говорят о самом себе. Но в наше время всем приходится всюду предоставлять своё резюме, и этого не надо стыдиться. Именно этого от вас ожидают, и поэтому я попробую. Считается, что я являюсь 12-м Тай Ситу. Первый Тай Ситу на самом деле был реинкарнацией великого тибетского мастера, чья линия уходит в глубь веков на многие поколения. Во времена первого Кармапы его звали Дроген Речен, и он был учеником 1-го Кармапы (и тем, кому тот доверил своё письмо с предсказанием о месте будущего рождения). До Дрогена Речена тоже был один мастер, и до этого — ещё один, а до того — был Марпа...»

Итак, он был реинкарнацией Марпы?

Тай Ситу пожал плечами. «Ну, так говорят. А до Марпы был кто-то из Индии...» — Он махнул рукой, как бы показывая эту линию, уходящую в сумрак веков. — Таким образом, для каждой инкарнации Гьялва Кармапы был свой Тай Ситу, всегда в качестве его ученика. И несколько раз случалось, что он был и учителем, и учеником».

Потом он заговорил о Золотых чётках — серии учений, передаваемых от Кармапы его ученикам и затем обратно от учеников, только теперь уже выступающих в роли наставников, — Кармапе, и о никогда не прерывавшейся цепочке устных передач учения, длящейся уже более девятисот лет. «Кармапы являются основой Золотых чёток, но есть и другие мастера, которые находятся в Золотых чётках в силу того, что они служили Кармапе». Некоторые Тай Ситу были в Золотых чётках, некоторые — нет. Ино-

гда в них входили Шамары, Гьялцабы или другие мастера. «Но все, кто хоть раз был в Золотых чётках в какой-то своей инкарнации, считаются теми, кого мы в линии кармакагью называем “Славные Отец и Сын”». Цементом, который держит линию, не давая ей распасться, сказал он, является самайя, то есть узы доверия, верности и преданности гуру (в данном случае Кармапе), обеспечивающие чистоту учения и, как следствие, его благотворность для всех живых существ. Нарушение самайи подобно смертному греху и чревато не только разрушением линии, но и весьма серьёзными последствиями для самого нарушителя в его будущих рождениях.

Учения Золотых чёток содержат бесчисленное множество различных наставлений, и для каждого из них — для каждого посвящения, каждого ритуала, для всего множества медитативных практик — существует особая линия передачи. Сердцем и сутью их всех были учения Махамудры об истинной природе ума. Это была высшая форма передачи от Мастера ученику, которую можно сравнить с нектаром, переливаемым из одного сосуда в другой и затем возвращающимся обратно. В основе этого учения, говорил он, лежит вера в то, что каждое действие и каждое переживание имеют абсолютную, сущностную и сакральную ценность, потенциал, многократно превосходящий то, что лежит на поверхности и доступно нашему восприятию. «И это не зависит от того, говорим мы о чём-то, что считается святым или греховным, благим или дурным. Мы также верим в то, что, по сути, мы и будда — неразделимы. Мы являлись и являемся буддами всегда. Мы просто не осознаём этого».

«То есть наша природа будды, — сказал я, — омрачена, подобно бриллианту, покрытому грязью?»

«Этот пример был использован Владыкой Майтрейей. Существует девять примеров, описывающих природу будды. Другой пример — это император, пребывающий в

утробе нищенки. Она очень бедна, у неё нет ничего, даже средств к пропитанию, и она просит милостыню, но при этом она носит под сердцем императора. — Он улыбнулся: — Разве это не восхитительно?»

Наш разговор плавно перешёл к 16-му Кармапе. Тай Ситу приехал в Румтек, когда ему было 13, и, до тех пор пока в возрасте 22 лет он не покинул Румтек, практически каждый день молодой лама проводил с Кармапой. «Я думаю, что он очень высоко ценил меня. Он всегда говорил о Джамгоне Ринпоче и обо мне как об инкарнациях своих учителей, потому что мой предшественник 11-й Тай Ситу был его основным наставником, а второй Джамгон Конгтрул тоже был его учителем. И поэтому он действительно особенно заботился о нас. Конечно, он проявлял особую заботу и о Шамарпе, и о Гьялцабе Ринпоче, на самом деле относясь ко всем нам одинаково. Но так как у него было огромное уважение к предыдущему Тай Ситу, это очень меня подбадривало. Я чувствовал, что должен всё делать хорошо, что должен упорно учиться, усердно заниматься практикой, потому что на мне — такая ответственность. Я не мог подвести его. Я очень сильно чувствовал это.

— Кармапа, — продолжал Тай Ситу, — был очень тёплым человеком, он был как отец, но в то же самое время больше чем отец. А ещё он был очень строгим! Может быть, прежде всего потому, что Румтек только-только зарождался как монастырь, и всё ещё только устанавливалось. Я думаю, что для того, чтобы всё было хорошо, ему нужно было быть суровым. Но для меня то, что он был строг, было большим подспорьем, ведь я находился там для того, чтобы учиться».

После того как в 1975 году Тай Ситу покинул Румтек, и до смерти Кармапы в 1981 году они виделись много раз. «Кармапа тоже путешествовал, но мы часто встречались — в Дели, Калькутте, Румтеке, во многих местах.

Я рассказывал о своих проектах, советовался с ним и получал от него учения». Когда в Гонконге Кармапа заболел, Тай Ситу давал учения в Великобритании. Он сразу же вылетел в Гонконг, чтобы быть рядом. «Потом мне пришлось вернуться. Предполагалось, что Его Святейшество вернётся в Сикким; так он мне сказал. Я был в Лондоне, когда услышал, что его отвезли в Америку, и я всё отменил и полетел в Штаты. Я был с ним всё время, пока он не умер. И потом мы перевозили его тело в Румтек...» Он замолчал.

Вспомнив об учениях по промежуточному состоянию бардо между смертью и новым рождением, я спросил, куда «уходил» Кармапа после своей смерти?

Тай Ситу засмеялся: «Не знаю. Он мог уйти куда угодно, или же, может быть, он оставался в каком-то медитативном состоянии. Он мог перерождаться в другой вселенной. Пожалуй, только он сам знает об этом...»

«Выбирает» ли он реинкарнацию в форме Кармапы или же эта реинкарнация спонтанна?

— Это одно и то же. Мы верим, что Кармапа всеведущ, а значит, поднялся выше какой-либо двойственности. И в этом случае не существует разницы между намерением и спонтанностью.

Недоумение, видимо, легко прочитывалось на моём лице.

То есть, когда бы Кармапа ни умер, это всегда правильное время. В какое бы время он ни родился, это тоже правильное время. В этом нет никаких сомнений.

В соответствии с традицией Тай Ситу тоже является бодхисаттвой. Я поинтересовался, а обладает ли он сам недвойственным видением мира?

Он задумался над моим вопросом. «Иногда. Когда я занимаюсь медитацией в своей алтарной комнате, сидя на подушке перед статуей Будды, если всё идёт хорошо, у меня бывают проблески, и тогда я это вижу. Но пробле-

ски — это не очень много. Это как если во время тренировки хороший мастер кунг-фу может разбивать кирпичи, но, когда на него набросятся четверо здоровых парней, он сразу всё забудет, и единственное, что останется у него в голове в этот момент, — это то, что от них надо как можно быстрее убегать!»

Но разве, спросил я, не предполагается, что вы будете Майтрейей, то есть следующим Буддой?

«Так говорят! Но до этого ещё далеко. У вас есть ручка?» Я передал ему ручку, и он написал несколько цифр на клочке бумаги. «В Абидхармы и в Сутре Бхадракальпы написано, когда Майтрейя достигнет просветления. Если 20 000 умножить на 100, даже немного больше, то получится примерно через два-три миллиона лет! Но это в том случае, если я действительно инкарнация самого Владыки Майтрейи, а не инкарнация, скажем, его сандалий. Хотя, когда он достигнет просветления, я полагаю, что что-то случится даже с его сандалиями! — Он засмеялся: — Нужно быть немного более прагматичным в таких вещах. Нельзя стать буддой случайно. Я очень счастлив. Если я смогу улучшить себя всего лишь на один процент за эту жизнь, тогда, возможно, через 100 жизней я стану буддой. Чего мне ещё желать?»

Пока они росли в Румтеке, рассказывал Тай Ситу, четверо ближайших учеников были «как братья» под отцовским взором своего духовного отца Кармапы. Он и Джамгон Конгтрул были связаны принадлежностью к Палпунгу, исторической резиденции Тай Ситу в Тибете, где традиционно проживали и Джамгоны Ринпоче. Он был близок и с Гьялцабом Ринпоче, потому что они вместе учились и потому что их предыдущие инкарнации имели тесную связь.

«Но Шамарпа, — сказал он, — был мне настоящим другом. Мы родом из одной местности в Тибете, из Дер-

ге. Я, как говорится, из простых людей, а отец Шамарпы был одним из четырёх главных министров нашего короля. Его отец был братом Кармапы. И поэтому я питаю глубокое уважение к нему. Хотя я — Тай Ситу, но мы родом из Кхама, и мы чтим нашего короля и его приближённых. Мы считаем подобную преданность очень-очень важным качеством. Но в то же время мы с ним были действительно дружны. Мы могли часами играть вместе, и у нас было много общего». Особый интерес Тай Ситу проявлял к рисованию и каллиграфии. Шамарпа, сказал он, тоже был очень артистичным. «Он любил цветы. Я думаю, он любил рисовать. Он очень хорошо писал стихи, и его каллиграфия была правда очень хороша. А как он исполняет танец лам! Он в самом деле — лучший! Он очень-очень талантлив и весьма умен. Мы вместе с ним рисовали, читали тибетский эпос, играли в шахматы и занимались разными другими вещами. Иногда мы даже устраивали вечеринки, готовили еду и всё такое... Мы были подростками, а в этом возрасте иногда хочется что-то приготовить... это не значит, что мы были голодные, — засмеялся он, — просто пиццу-то мы ведь не могли себе заказать».

Однако за идиллической картиной общего детства скрываются куда менее идиллические взаимоотношения, уходящие корнями в запутанный клубок реинкарнаций, семейных связей и религиозной политики, составляющих историю школы кагью. Сегодняшний Шамар Ринпоче — 14-й по счёту — был опознан 16-м Кармапой в 1956 году, когда ему было четыре года. Это признание было важным и знаковым по двум причинам. Во-первых, новый Шамар был племянником Кармапы. Во-вторых, это стало вехой, обозначившей возвращение в лоно линии самой противоречивой фигуры в истории традиции карма-кагью.

Начало взаимоотношений между Кармапами и Шамарпами датируется началом XIV века, когда 3-й Карма-

па, Рангджунг Дордже, даровал титул Шамарпы (тибет. ша мар — красная шапка. — *Прим. ред.*) монаху по имени Кхедруб Дракпа Сенге, поднеся ему корону с красным рубином, которая была точной копией его собственной Чёрной короны. Шамарпы Ринпоче быстро достигли второго по важности положения в иерархии кагью. В византийском мире теологической иерархии статус измерялся высотой трона. Говорят, что в XVI веке при 5-м Шамарпе его трон был лишь на четыре пальца ниже трона самого Кармапы. Но Шамарпы были не только духовными учителями, но также и искушёнными политиками. Если Кармапы стремились по возможности избегать напоминающих запутанный лабиринт интриг тибетской политики и их репутация основывалась прежде всего на том, что они были прекрасными учителями, а также являли чудеса высоких духовных реализаций, то Шамарпы проявляли явную склонность и талант к политическим интригам и махинациям.

4-й Шамарпа был главным советником при династии Пхагмо Друпа, правившей Центральным Тибетом в то время; династии, чьё покровительство обеспечило линии карма-кагью положение доминирующей религиозной школы в Тибете. В XVI веке, когда школа гелуг под патронажем монгольских ханов упорно боролась за политический контроль над страной, оказалось, что Шамарпы стали для них как острый шип в боку. Ситуация достигла своего апогея при 10-м Шамарпе, когда произошло событие, последствия которого отзвучат в XXI веке. 10-й Шамар Ринпоче родился в 1742 году в регионе У-Цанг в состоятельной аристократической семье. По любым стандартам перерожденческой «табели о рангах» он происходил из особенно благословенной семьи, так как двое его братьев уже были опознанными реинкарнациями. Один из них, Чунгпа Хутукту Тулку, был ринпоче в традиции гелуг, а другой, ещё более значительный, был 6-м Панчен-ламой,

второй по величине фигурой в иерархии гелуг после самого Далай-ламы. 10-й Шамарпа был блестящим учёным, бегло говорил на китайском, непальском и хинди. Он много путешествовал по всему Гималайскому региону, а также активно налаживал отношения с королевской семьёй Непала. Именно эти отношения в конце концов и привели его к политическому краху. Существуют противоречивые свидетельства о том, что же на самом деле тогда произошло. В 1780 году в Пекине умирает от оспы Панчен-лама, находившийся там с визитом у китайского императора. В качестве компенсации император подносит в дар семье Панчен-ламы большое количество золотых монет. Но Чунгпа Хутукту, который являлся регентом Панчен-ламы, отказывается поделиться этим подношением с Шамаром на том основании, что тот принадлежит к школе кагью, а деньги должны принадлежать монастырю Панчен-ламы Ташилунпо в городе Шигаце. Решив, что с ним обошлись несправедливо, Шамар отправляется в Непал, где, как говорят, подстрекает тамошнего короля напасть на Тибет, чтобы силой отнять у монастыря Ташилунпо его добычу. В конечном итоге для того, чтобы натравить короля Непала на Тибет, слишком много усилий не потребовалось. Отношения между двумя странами были уже достаточно напряжёнными со времени, когда гуркхи (одна из основных коренных народностей Непала. — *Прим. ред.*) в 1769 году захватили власть в Непале, подливая масло в огонь затянувшегося конфликта, связанного с валютой и таможенными сборами. В 1791 году гуркхи напали на Тибет, дошли до города Шигаце, где разграбили дома местной знати и монастырь Ташилунпо. Но тут в дело вмешался китайский император.

Исторически тибетцы всегда рассматривали свои взаимоотношения с монгольскими и китайскими императорами в формате «чо-ён» (термин, характеризующий отношения между авторитетной религиозной фигурой, на-

ставником, и могущественным светским покровителем). Китайцы, однако, смотрели на Тибет с более собственной и практической точки зрения и для защиты интересов империи разместили в Лхасе своих дипломатических представителей. В начале 1792 года китайский император послал 13 000 солдат, присоединившихся к 10 000 тибетцев, уже собравшихся для организации отпора захватчикам. Совместные китайско-тибетские силы отбросили гуркхов назад, через границу в Непал. В качестве одного из условий мирного соглашения гуркхи должны были выдать тибетскому правительству Шамара Ринпоче, его семью и его последователей, а также вернуть все сокровища, захваченные ими в Ташилунпо. К этому времени, однако, Шамар был уже мёртв. По одной из версий, он сам лишил себя жизни, приняв яд, чтобы не быть выданным тибетцам. Правительство в Лхасе поставило на нём клеймо «предатель». Все его поместья были конфискованы, а монастырь в Янгпачене передан правящей школе гелуг. Также был принят закон, запрещающий обнаружение инкарнаций Шамара — наказание, которое тибетский историк Церинг Шакья сравнил с «замораживанием активов компании и остановкой её хозяйственной деятельности». Красная корона Шамара в знак покаяния и позора была замурована в ступени здания суда в Лхасе.

Однако имеется и другая интерпретация этой истории. Некоторые историки кагью утверждают, что Шамарпа вовсе не был предателем своей родины, а, напротив, 10-й Шамар Ринпоче стал жертвой заговора правящей гелугпинской верхушки. Опасаясь растущего влияния Шамара и увидев возможность избавиться от давнего политического соперника, гелуг воспользовалась его пребыванием в Непале в тот момент, когда гуркхи напали на Тибет, и объявила его предателем. По этой версии Шамар не принял яд, а умер от желтухи.

Какова бы ни была правда, изгнание Шамара Ринпоче привело к образованию определённой бреши как в его собственной линии, так и в линии карма-кагью и в судьбе Тибета в целом. Взять хотя бы тот факт, что вторжение китайской императорской армии, которое помогло отбросить непальских захватчиков, вместе с тем дало китайскому императору большие возможности для вмешательства в дела Тибета. Двести лет спустя этот факт будет рассматриваться китайскими коммунистами как исторический прецедент и оправдание оккупации Тибета. Немедленным же следствием вторжения стало вмешательство китайцев в процесс поиска и признания реинкарнаций. То, что Панчен-лама, Шамар Ринпоче и Чунгпа Хутукту Тулку родились в одной семье, и те неприятности, к которым это привело, очевидно, заставили императора усомниться в том, что традиционно используемым ясновидческим процедурам опознания реинкарнаций можно в полной мере доверять.

В 1793 году он ввёл систему жребия-прорицания, известную как Золотая урна, которая должна была использоваться в случае разногласий при опознании Далай-ламы и Панчен-ламы. При этой процедуре имена кандидатов высекались на плитках из слоновой кости и вслепую вынимались из Золотой урны. Тибетцы согласились с этой процедурой при условии, чтобы она применялась вместе с другими традиционными формами прорицаний, но большого значения они ей не придавали и прибегали к ней крайне редко. Лишь спустя двести лет, при опознании 10-го Панчен-ламы китайские коммунистические власти в полной мере применили церемонию Золотой урны.

Был ли Шамар Ринпоче справедливо наказан или же пал невинной жертвой политической мести — последствия были одни и те же: полное забвение в линии кагью. Никаких монастырей, никакой земельной собственности, никаких лабрангов, никакой власти. Комментируя

положение вещей в этот период времени, 16-й Кармапа сказал: «Благих заслуг становилось всё меньше и меньше. Сильно вмешивалась политика. Чёрное становилось белым, реальное — нереальным. В то время было практически невозможным опознавать или возводить на трон Шамарп. Всё держалось в тайне. Инкарнации появлялись, но не раскрывались». Больше Шамарпы уже не принимали участия в признании, возведении на трон или обучении Кармап, и в течение следующих 150 лет инкарнации Шамарпы не играли практически никакой роли в истории кагью. По словам сегодняшнего Шамара, 11-й Шамар прожил жизнь отшельника на севере Тибета. 12-й, родившийся в 1880 году, был одним из сыновей 15-го Кармапы (который не был монахом и, следовательно, не соблюдал обет безбрачия), а 13-й предположительно умер в возрасте одного года.

Наконец, в 1956 году линия Шамарп была восстановлена, когда 16-й Кармапа официально признал в своём четырёхлетнем племяннике 14-го Шамара Ринпоче. Однако официальное согласие на это было получено от нового правительства Далай-ламы в изгнании в Дхарамсале лишь в 1963 году, и тогда 14-й Шамар Ринпоче в возрасте 11 лет был возведён в Румтеке на трон. Хотя он и был восстановлен в правах, тем не менее у Шамарпы более не было той власти, влияния и престижа, которыми некогда обладали его прошлые инкарнации. Изгнанный на более чем 150 лет, он лишился своего положения в линии карма-кагью, которое за эти годы заняли другие фигуры, в основном Тай Ситупы. Предыдущий, 11-й Тай Ситу, отвечал за опознание реинкарнации 16-го Кармапы и был его учителем и решающим звеном в передаче учения Золотых чёток. Поэтому вполне понятно, почему 16-й Кармапа с особой любовью смотрел на 12-го, теперешнего, Тай Ситу. Вряд ли стоит спорить о том, что у Шамара есть все основания, чтобы неприязненно отно-

ситься как к школе гелуг, которая 200 лет назад изгнала его линию, так и к Тай Ситу, который занял его место в иерархии карма-кагью. В свою очередь, и Тай Ситу, возможно, имел основания с беспокойством наблюдать за возвращением Шамарпы. Но каковы бы ни были взаимные подозрения молодых ринпоче, пока здравствовал и восседал на троне Румтека 16-й Кармапа, у них попросту не было шанса как-либо проявиться.

Все, кто встречался с Шамарпой, соглашались с тем, что он был чрезвычайно смыслёным и умным мальчиком. «Шамар был весьма сообразителен и обладал довольно озорным чувством юмора, — вспоминает Эдвард Хеннинг, проведший с ним в Катманду и Румтеке несколько месяцев. — Ему было бесконечно интересно всё, что его окружало». Другой западный посетитель, обучавший молодого Шамара в течение нескольких месяцев английскому языку, припоминает, что Шамар был «абсолютно заворожён политикой», и это выглядело как странный отголосок его прошлых инкарнаций. Он демонстрировал особую заинтересованность властной политикой в линии кагью и хорошо помнил о том, сколь жёстко обошлось правительству Лхасы с его предшественником, 10-м Шамарпой. Для него исключительно актуальным вопросом являлось его традиционно второе место в иерархии кагью, которое, казалось, он стремился при любой возможности вновь и вновь подтверждать. «Прежде линия перерождений Шамара была очень высокой и влиятельной, но затем, когда она затерялась в веках, его место занял Тай Ситу, — говорит лама Еше. — И я думаю, что Шамару было нелегко снова вписаться в иерархию кагью, после того как он потерял своё былое положение».

Кажется, что и со своим дядей, Кармапой, у Шамара также были неоднозначные отношения. «Его Святейшество всегда питал особую симпатию к Тай Ситу, потому что предыдущий Тай Ситу был его коренным гуру (основ-

ным духовным учителем. — *Прим. ред.*), — вспоминает лама Еше. — И в этом смысле Тай Ситу была оказана особая честь. Что касается Шамарпы, то Его Святейшество вечно подшучивал над ним, отвечивая ему шлепки. Правда, мы бы рассматривали такое обращение как своего рода благословение и очищение. Что бы Кармапа ни делал, всё всегда делалось во благо».

Для всех четверых ближайших учеников смерть 16-го Кармапы и их совершеннолетие принесли с собой определённую проблему — необходимость самостоятельного финансового выживания. Разумеется, с этой проблемой пришлось столкнуться всем ламам, оказавшимся в изгнании. В Тибете именитый ринпоче всегда мог полагаться на покровительство местной аристократии и на доход от монастырских земель. В изгнании же всем нужно было искать поддержку где-то в другом месте, проявляя, для того чтобы выжить, бурную инициативу и недюжинную изобретательность. Искать можно было в двух направлениях: на Востоке, у богатых китайских буддистов, живущих в Малайзии, Гонконге и на Тайване, и — на Западе.

Приезд в конце 1960-х — начале 1970-х годов в Европу и Америку первых тибетских лам накалил до предела давно разжигаемую безрассудную любовь Запада к тайнам тибетского буддизма. Американский учёный-буддолог Доналд Лопез выразил это следующими словами: тибетский буддизм, как оказалось, предложил «лекарство для хронически больной западной цивилизации... Своего рода тоник для поднятия её духа». Наиболее феодальные аспекты тибетского буддизма с его жёсткой иерархической структурой и шовинизмом принято было тогда воспринимать в романтическом свете, так же как и весьма запутанное и подчас кровавое междоусобное соперничество кланов и сект, которым отмечена история

Тибета. Тибетские ламы предоставили Западу идеализированный образ совершенного смирения и сострадания. Запад, в свою очередь, создал для них атмосферу вдохновения, не подвергающей ничего сомнению веры и оказал столь необходимую для их процветания финансовую поддержку. Тибетских лам приглашали давать учения, тантрические посвящения, и при этом всё это достойно оплачивалось. Такие поездки, в свою очередь, приводили к тому, что открывались всё новые двери всё более состоятельных спонсоров, готовых покровительствовать Дхарме и при этом накапливать благоую карму, личные духовные заслуги. В распространении буддийских учений ламы школы карма-кагью оказались самыми энергичными и трудолюбивыми, так что к началу 1980-х большинство тибетских Дхарма-центров в Европе и США принадлежали именно линии карма-кагью.

После своих турне по Европе и Америке в 70-х годах 16-й Кармапа оставил вереницу больших и маленьких центров, основанных им во время дарования там учений. Под управлением Аконга Ринпоче и переехавшего туда в 1985 году после длительного ретрита его брата ламы Еше Самье Линг разросся и превратился в самый крупный из европейских центров тибетского буддизма, став полнофункциональным монастырём, большинство монахов и монахинь в котором были молодыми западными людьми. Там же в большом количестве проживали и миряне — светские последователи учения Будды. Почти не уступала ему по размерам американская резиденция Кармапы — КТД, Карма Трияна Дхармачакра. Ещё один центр Кармапа основал в Дордони (Франция), и теперь он находится под управлением ламы Джигме, брата Шамарпы. Калу Ринпоче во время своих визитов на Запад также основал ряд собственных центров. В соответствии с традиционной тибетской моделью все эти учреждения принадлежат школе кагью и признают абсолютный духовный

авторитет Кармапы, в то же время являясь автономными и финансово независимыми институтами.

Став совершеннолетними, все четыре ближайших ученика Кармапы — Тай Ситу Ринпоче, Джамгон Конгтрул Ринпоче, Шамар Ринпоче и в меньшей степени Гьялцаб Ринпоче стали активно путешествовать по Европе, Америке и Дальнему Востоку, давая учения. Именно Шамар приобрёл репутацию блестящего учёного и умелого наставника, способного в максимально доступной для западных учеников форме донести до них суть буддийских учений.

Шамар очень сблизился с Оле и Ханной Нидал, датскими последователями Кармапы, которые под знаменем «Алмазного пути» весьма энергично основывали свои собственные центры по всей Скандинавии и Центральной Европе. Шамара регулярно приглашали давать учения в центры Оле Нидала, и он ответил тем, что даровал Оле титул «подлинного буддийского учителя». Ещё раньше Кармапа написал письма, дававшие Нидалу его официальное благословение на открытие Дхарма-центров в Европе. В 1983 году Шамар пошёл ещё дальше и издал письмо, подтверждающее, что Оле «назначается буддийским мастером», с полномочиями передавать «благословение и деяния» линии карма-кагью, где в качестве фактов, подтверждающих его квалификацию, приводились следующие: Оле Нидал получил инициации и учения по Махамудре от Кармапы и высочайших лам кагью и практиковал их соответствующим образом. Подобные «полномочия» выглядели несколько необычно, если не сказать больше. Традиционно в тибетском буддизме не существует такого понятия, как «назначенный буддийский мастер», но тем не менее подобный титул принёс Нидалу очень ценное для него доверие и «аутентификацию» в среде его западных учеников. Об этом он весьма красочно написал в первом томе своей автобиографии «Вступление на Алмазный путь».

В соответствии с задуманной Дамчо схемой «ротационного регентства» Шамар Ринпоче оставался у власти в Румтеке, замещая Кармапу в его официальных обязанностях и являясь титулованным главой школы кагью. В Румтеке же проживал и Джамгон Конгтрул, который в соответствии с пожеланиями Кармапы занимался развитием Института Наланда. Тай Ситу в основном можно было найти в его монастыре в Шераб Линге. Гьялцаб в Сиккиме основал свой собственный монастырь. В первый год принцип регентства работал достаточно гладко. Но потом в 1982 году умер Дамчо Йонгду, и на его место был назначен другой секретарь по общим вопросам — Топга Юлгьял. Как и Шамар, он был племянником Кармапы. Шамар и Топга были двоюродными братьями. Более того, им было суждено стать ближайшими политическими союзниками в тех событиях, которым суждено было произойти в последующие несколько лет и которые привели к непоправимому расколу и противостоянию внутри школы карма-кагью.

ГЛАВА 6

Мёд на лезвии бритвы

Монастырь Гьюто. Август 2000 года.

В Дхарамсале кажется, что Кармапу, или по крайней мере его образ, можно видеть повсюду. Его фотографии висят на стенах магазинов и ресторанов, они размножены в нескольких вариантах на почтовых открытках, продающихся на рынке среди изображений национального флага Тибета, бесчисленного сонма индуистских божеств и повсеместно встречающихся портретов улыбающегося Далай-ламы. (Самая очаровательная из них — открытка с портретом Кармапы вместе с Далай-ламой, сделанным вскоре после бегства молодого Кармапы в Индию, где они держат друг друга за руки, напоминая отца с сыном, и широко улыбаются в объектив фотоаппарата.)

Тем не менее уже восемь месяцев Кармапа по-прежнему продолжает оставаться «узником» в стенах Гьюто. Радостное изумление, с которым было встречено его появление, уступило место более трезвому взгляду на сложившуюся ситуацию, в котором легко различить и смущение, и разочарование, связанные с крушением надежд. Индийское правительство так и не смогло принять решения о том, дозволено или не дозволено Кармапе оставаться в стране. Ходатайство о том, чтобы предоставить ему статус беженца, было подшито в папку и оставлено

без ответа. И ему было категорически отказано в разрешении отправиться в Румтек, в официальную резиденцию своего предшественника. Также ему не разрешалось поехать и в Шераб Линг — монастырь Тай Ситу Ринпоче, находящийся поблизости. Заключённый в стенах Гьюто, он мог лишь изредка навещать в Дхарамсале Далай-ламу, и то лишь с разрешения своих индийских охранников.

В своём офисе в секретариате тибетского правительства в изгнании министр по делам религии и культуры Таши Вангди был, как и всегда, доброжелательно улыбчив и одновременно непроницаем. Статус Кармапы, сказал он, остаётся неопределённым. Ему не ответили, что он может оставаться в Индии, и в то же время никто, собственно, не сказал, что он не может оставаться здесь. Решение этого вопроса — всего лишь вопрос времени. Нужно иметь терпение. Правительство Индии — это огромная бюрократическая машина, в ней так много министерств, департаментов и отделов. Далай-лама направил петицию правительству Индии, делая упор на то, что Кармапа бежал в Индию исключительно из религиозных побуждений, и прося, чтобы ему было дано разрешение передвигаться по стране. Письмо было официально принято, но... То, как Таши Вангди пожал плечами, было достаточно красноречиво: значение его жеста было ясно без слов. В конце концов, тибетцы — лишь гости в Индии, и всё, что они могут, — это лишь вежливо просить о чём-то. Но они не могут пытаться форсировать решение каких бы то ни было вопросов.

О побеге Кармапы, сказал он, ходило множество слухов. Говорили, что подготовило его тибетское правительство в изгнании. Но это не так. «Кармапа приехал сам по себе». Ходили слухи, что здесь не обошлось и без вмешательства ЦРУ. Это вообще полная ерунда. Также говорили, что его побег был частью плана или хитроумной

уловкой китайцев, потому что, если Кармапа попадёт в Сикким, его появление там создаст кучу проблем и приведёт к волнениям среди населения. Официальные лица из разведывательного управления Индии допрашивали Кармапу и других тибетцев, бежавших вместе с ним, сказал он, и официально признали, что он не является китайским шпионом. Таши Вангди глубоко вздохнул. «Вообще, всё это чепуха. С самого раннего детства Кармапа был убеждённым патриотом Тибета и всегда с преданностью относился к Его Святейшеству. — Он помолчал: — Просто сердце подсказало Кармапе, что надо бежать из Китая. В конце концов, всё разъяснится». Он дважды повторил эту фразу. «Но на всё нужно время».

В Гьюто всё те же солдаты с карабинами, свисающими через плечо, патрулировали ступени монастыря. У дверей стояли в штатском всё те же офицеры охраны с бесстрастными, ничего не выражающими лицами игроков в покер. Количество обитателей монастыря разрасталось, так как из Румтека всё прибывали и прибывали монахи и административные сотрудники, превращая крошечные жилые помещения монастыря в импровизированный лагерь беженцев. Монахи уже спали по четверо в одной комнате.

Мои попытки взять интервью у Кармапы не увенчались успехом. С момента моей первой встречи с ним («Убедитесь, что у вас правильная мотивация») я встречался с ним лишь раз; это была мимолётная встреча во время одной из частных аудиенций. Он оставался отрезанным от меня стеной из индийских охранников и правил тибетского протокола. Правительство Индии запрещало Кармапе давать какие-либо интервью для прессы. Мои встречи с ним носили видимость частных аудиенций духовного наставника и его ученика. В дверях охранники конфисковали у меня магнитофон. Члены его внутреннего круга

были неизменно вежливы и вместе с тем держались отстранённо. Тензин Намгьял, секретарь по общим вопросам лабранга, прибыл из Румтека и поселился в комнате в задней части монастыря. Однажды, пока я томился в ожидании у комнаты для аудиенций, меня представили ему. Я вкратце поведал ему о своих планах написать книгу и выразил надежду, что он будет достаточно любезен, чтобы побеседовать со мной. Он улыбнулся, подумал и утвердительно кивнул головой. В следующий раз, когда я увидел его, он просто проигнорировал меня.

Слухи циркулировали повсюду. Говорили, что Кармапа начинает беспокоиться и чувствовать себя подавленно в этом вынужденном заключении настолько, что он даже подумывает о том, чтобы, изменив внешность, покинуть Гьюто. Изредка его отвозят в Дхарамсалу для встреч с Далай-ламой. Но по большей части его дни проходят в монотонном круговороте занятий и аудиенций, публичных и частных. Ему не позволяют даже гулять за пределами монастыря. Всё, что ему остаётся, — это мерить шагами монастырские коридоры или в солнечный день разминать ноги на крыше. Никакой иной физической деятельности, помимо этого, для него не предусмотрено. Для большинства пятнадцатилетних подростков такие ограничения были бы просто невыносимы. И всё же внутри его ближайшего окружения настроение было стоическим. «С обычной человеческой точки зрения положение Кармапы остаётся трудным, — сказал мне Понлоп Ринпоче. — Но в то же время это не означает, что такая ситуация сведёт его с ума. Такого не случится. Его Святейшество — высокореализованный мастер».

Понлоп Ринпоче рассказал мне, как однажды вскоре после приезда Кармапы в Гьюто в разгаре пуджи он вдруг неожиданно повернулся к Понлопу и велел принести ему его ноутбук. «Я был удивлён, это показалось мне... несколько неуместным, и некоторые монахи постарше тоже

расстроились, они подумали, что мы так играем или что-то в этом роде. Но, так как это был приказ, я принёс ноутбук». Не прерывая церемонии, Кармапа начал начитывать стихотворение. И лишь начав набирать его на компьютере, Понлоп понял, что стихотворение на самом деле было инструкцией к поиску новой инкарнации. «Оно было в традиционной форме. В нём упоминались первые слоги названия местности и города, где будет найден мальчик, инициалы его родителей и различные подробности. Название страны не упоминалось. Обычно в таких письмах указывается направление поиска — на север от такого-то места или на юг оттуда-то. В письме, возможно, подразумевалось направление от Гьюто. Я был в шоке. Кармапа не находился в состоянии медитации, он не прорицал на основании увиденных снов или чего-то в этом роде... может быть, у него был какой-то сон до этого, я не знаю. Но всё это казалось совершенно спонтанным. На самом деле это было просто поразительно. После той пуджи, когда Кармапа показал письмо своим служителям, они были действительно счастливы. Хотя для нас это не является чем-то совершенно неожиданным, потому что мы знаем, что для Кармапы это обычное дело. И в то же время было ощущение огромной радости, потому что это было доказательством подлинности его учения и истинности его инкарнации. Таким вещам нельзя научить. Можно научить разбираться в текстах или научить хорошо выполнять сидячую медитацию, но научить распознавать следующую инкарнацию невозможно. Это качество, присущее 16-му, 15-му или 14-му Кармапам, которое продолжилось в 17-м...»

Расписанием аудиенций Кармапы заведовал лама Пунцок, один из тех, кто приехал из Румтека. Пунцок был дядей Понлопа Ринпоче. (Чем лучше узнаёшь круг людей, окружающих Кармапу, тем больше замечаешь тонкую

паутину родственных отношений, на которой построена иерархия тибетского буддизма.) Пунцок отвечал за организацию аудиенций с Кармапой — короче, был посредником между Кармапой и остальным миром. Это был мужчина лет сорока с серьёзным выражением лица, меланхоличными полуприкрытыми глазами, казавшийся постоянно изнемогающим под тяжестью возложенного на него бремени.

В приёмной у комнаты для аудиенций собралась группа людей на утреннюю встречу с Кармапой. Несколько последователей из Тайваня, одетых в лучшие шёлковые костюмы, с завёрнутыми подарками под мышкой. Несколько тибетских монахов и монахинь, терпеливо передвигающихся по лабиринту бюрократических процедур, прежде чем войти в дверь. Западный человек в костюме изводил ламу Пунцока своей просьбой. В Бразилии должен был состояться большой рок-концерт. Нельзя ли уговорить Кармапу записать на плёнку «послание надежды...»?

Лама Пунцок морщился, как от зубной боли, и отрицательно качал головой. «Не при нынешних обстоятельствах...»

Меня провели наверх и оставили ждать на веранде у комнаты для аудиенций. Прошло полчаса, и наконец меня пригласили войти. Кармапа сидел на возвышении в дальнем конце комнаты, перед ним была деревянная подставка для каких-то бумаг. В стороне поодаль стояли монах, прислуживавший ему, и индус-охранник.

Кармапа слегка улыбнулся и кивнул мне в знак того, что узнал меня. Его голова была свежевыбрита, на нём были очки для чтения, без оправы, внизу на линзе стоял штамп фирмы-изготовителя. Кармапа выглядел намного тяжелее, чем во время нашей предыдущей встречи. Румянец на щеках, столь явственный, когда он только приехал из Тибета, уступил место сероватой бледности. Он был

похож на спортсмена, который, бросив тренировки, быстро теряет форму.

Я сел перед ним на ковре, скрестив ноги, и полез за своей тетрадкой, почувствовав, как меня просверлил взгляд охранника. Более чем когда-либо я ощущал, что разговариваю с заключённым.

Он сказал, что чувствует разочарование. «Главной целью моего приезда сюда было исполнить желания моих последователей во всём мире, многие из которых имели связь с 16-м Кармапой. Многие пытались приехать в Тибет, чтобы увидеться со мной, но не всем удавалось это сделать. Это одна из причин моего огорчения. Но есть и много других, о которых я сейчас не могу говорить». Он не знает, сказал он, почему индийское правительство постоянно отказывает ему в разрешении покинуть Гьюто. «Может быть, у них до сих пор есть сомнения, касающиеся моего бегства из Тибета, или, может быть, это связано с моей безопасностью, или, возможно, есть другая причина, о которой я не знаю». Его администрация несколько раз обращалась с просьбой, и он сам лично писал премьер-министру Индии, прося разрешения на отъезд. «Пока что ответа не последовало».

Он говорил спокойно, взвешивая каждое слово, наблюдая за переводчиком, пока мои вопросы и его ответы переводились. Изредка его взгляд переходил на людей в другом конце комнаты: видимо, он понимал, что каждое его слово подслушивается и фиксируется ими. Наблюдая за ним, я ещё раз мысленно постарался отделить реального Кармапу от окружавшей его легенды. Я не встречался с 16-м Кармапой, но даже самые ранние фотографии ясно указывали на то, что сидевший передо мной молодой человек был поразительно похож на своего предшественника. То же широкое лицо, то же выражение сосредоточенности на нём, тот же намёк на суровость, такое же крепкое телосложение.

Понлоп Ринпоче сказал мне, что впервые он встретился с Кармапой в монастыре Цурпу, когда тому было девять лет, и моментально узнал в молодом ламе отблески 16-го Кармапы. «Он заговорил со мной о вещах, которые очень близки мне, о том, что я обсуждал с 16-м, и о том, о чём никто другой не знал, — это пришло откуда-то из глубин его памяти или ещё откуда-то. У меня нет сомнений. Присущие ему качества, его мудрость — всё в точности как у 16-го, только другое тело, и он другого возраста». Он засмеялся: «Иногда это нелегко. Я вдруг понимаю, что я старше его! Это трудно принять! Иногда я понимаю, что веду себя с ним так, как будто бы я моложе его, и я вижу, какой я дурак».

Я очень даже это понимал. Было очевидно, что передо мной — пятнадцатилетний мальчик, и всё же он был совсем не похож ни на одного пятнадцатилетнего подростка, которого я встречал. Его самообладание и власть сбивали с толку. Тай Ситу говорил мне, что даже он временами пасовал под пристальным взглядом Кармапы: «Честное слово, в его присутствии я большую часть времени просто банально трушу». Ощущения от нахождения в присутствии молодого Кармапы, сказал Тай Ситу, «очень похожи» на те, которые испытывал, находясь рядом с 16-м. «Его движения, взгляд, то, как он думает, его восприятие — хотя он всего лишь подросток, — его реакции на важные вещи просто невероятны, как если бы ему было 80 лет. Нет, не 80, — засмеялся он, — когда тебе 80, ты в основном пребываешь в состоянии старческого слабоумия! Как если бы ему было 50. Это действительно невероятно!»

Кармапа рассеянно барабанил пальцами по столику, стоявшему перед ним. «Я всё ещё стараюсь мыслить позитивно, — сказал он. — Индия — очень большая страна. Моя ситуация не единственная, требующая принятия решения, есть множество других неотложных вопросов.

Я — маленький человек. Я ни о ком не думаю плохо. То, что мои пожелания не исполняются, не означает, что не делается то, что должно делаться». А пока он продолжает учиться. У него проходят сеансы медитации и чтения молитв со своим наставником по четыре часа каждый день. «Я лично очень настроен на то, чтобы много учиться. Но учиться — не значит оставаться в одной и той же комнате. Для того чтобы стать учёным и приносить пользу другим, надо быть свободным... Для человека свобода — самое важное в жизни. Я много что могу сделать, и всё же существуют определённые ограничения».

Он грустно улыбнулся: «Жить так, как я живу сейчас, — это всё равно что пытаться достать до небес».

Был волшебный, солнечный день. На караване, состоящем из множества такси и микроавтобусов, прибыли паломники из тибетского поселения, расположенного к востоку. Примерно сто человек. Настроение было определённо праздничным. Мужчины — в туниках и ботинках, с расчёсанными бородами и заплетёнными в косы волосами. Женщины — в красочных шёлковых блузах и длинных платьях-чубах. Воздух был наполнен смехом и приветственными возгласами. Некоторые уже устроили на траве импровизированные пикники. К дверям монастыря выстроилась очередь из людей, сжимавших в руках подарки для Кармапы: коробки печенья и благовоний, статуэтки божеств, рулоны ткани, различного достоинства денежные купюры, засунутые в конверты или завернутые в белые шёлковые хадаки. У деревянного стола монах аккуратно отмечал в журнале все подношения, выписывая на них квитанции. Я пробрался сквозь толпу и предстал перед столом, за которым сидели охранники. Офицер в штатском (в который уже раз!) записал мои данные в журнал регистрации, не выказывая при этом никаких признаков того, что узнал меня.

Тензину Намгьялу за 60, он — сухопарый мужчина, близоруко щурившийся сквозь толстые стёкла очков, одетый в плохо сидящий пиджак поверх рубашки с открытым воротом. У него изнурённый и затравленный вид коменданта школьного общежития небольшой английской частной школы. Тензин проводит меня по коридорам в маленькую комнатку в задней части монастыря. Там стоят две раскладушки и побитый временем стол, заваленный бумагами. Каждый дюйм свободного пространства, казалось, занят картонными коробками и сундуками, залежами кастрюль, горшков, одеждой и провиантом, кучами лежащими по углам. Это, объяснил Тензин Намгьял, его спальня и одновременно офис. Он пожимает плечами, признавая нелепость попыток управлять делами Кармапы среди такого хаоса. Жестом пригласив меня присесть на одну из кроватей, убирает бумаги со стула и ставит его рядом со мной. Секретарь по общим вопросам не говорит по-английски. Его помощник и переводчик Гонпо, худой, с влажными глазами мужчина, одетый в твидовый пиджак и галстук, уже расположился на другом конце кровати.

Тензин Намгьял объяснил, что знал 16-го Кармапу с детства. Вместе с ним он приехал в 1959 году из Тибета и, помогая Дамчо Йонгду, работал личным секретарём Кармапы. «Его Святейшество был великим бодхисатвой, — сказал он. — Он блестяще всем руководил. И он был щедрым, сострадательным человеком, обладавшим обширным умом. Люди раскрывали ему сердца, и он выслушивал их».

Тензин Намгьял вытащил из кармана чётки и, продолжая говорить, начал методично перебирать их пальцами: «Его Святейшество многому научил меня. Один пример: когда мы бежали из Тибета, нас преследовали болезни, мы страдали от невыносимого климата. У нас не было ни лекарств, ни врачей. И, когда бы мы ни сталкивались с какой-то проблемой, Его Святейшество был для нас и

врачом, и проводником. Мы приходили к нему со своими проблемами, и у него всегда был для нас ответ. Мы выжили только благодаря ему. Ему я обязан тем, что так долго живу на этом свете».

Он замолчал, вероятно, поддавшись нахлынувшим воспоминаниям. «Я очень любил его. Кармапа — высочайший из всех реинкарнированных лам, и в духовном смысле он совершенен. Среди людей я никогда не встречал никого, похожего на него. Он был самым совершенным из людей, живущих в этом мире. Всегда улыбающийся, всегда одинаковый. Когда я думаю о нём, мои глаза наполняются слезами, потому что его тело ушло. Когда я вспоминаю его, каким он был, я просто плачу, потому что никакие слова не могут описать его доброты».

Он замолчал, полез в карман и вытащил маленькую табакерку. Осторожно взял щепотку, положил её на тыльную сторону руки, глубоко втянул носом и надолго расчихался, после чего достал носовой платок и вытер глаза.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел монах с перекинутым через плечо разбухшим мешком. Бесцеремонно опрокинув его, он высыпал содержимое на кровать секретаря по общим вопросам. Это были подарки для Кармапы, которые час назад столь дотошно записывались им в гроссбух. Теперь он начал сортировать их. В одну сторону откладывались палочки благовоний, статуэтки из сувенирной лавки, пачки печенья и другие продукты. Хадаки, свёрнутые в снежный ком и брошенные в угол, вероятно, предназначались для утилизации — многократного использования в непрерывной череде аудиенций. Теперь монах открывал конверты, вытаскивая из них смятые купюры. Рядом с кроватью стоял маленький сейф с прорезью наверху, как у почтового ящика. И монах начал методично, банкнота за банкнотой, запихивать деньги в сейф. Тензин Намгьял с явным недовольством и раздражением жестом показал мне, чтобы я пока выключил

чил магнитофон и поднялся, чтобы помочь ему. Стало ясно, что наш разговор затянется надолго.

После смерти 16-го Кармапы, продолжал Тензин Намгьял, его секретарь по общим вопросам Дамчо Йонгду сделал всё, что было в его силах, чтобы поддерживать гармонию и баланс влияния в Румтеке. Но потом Дамчо Йонгду умер, его место занял Топга Юлгьял, и тут начались неприятности.

Трудно было бы найти двух более непохожих друг на друга людей, чем Топга и Дамчо.

Годы, проведённые в изгнании, никак не уменьшили консерватизм и ворчливость Дамчо. Он продолжал носить традиционную чубу и длинные волосы и устраивать головомайку каждому, кто вызывал его недовольство. Топге же едва исполнилось сорок. Сладкий и вежливый, он носил западные костюмы безупречного покроя и бегло говорил по-английски. «Он был высок, красив и умел очень хорошо держаться. Он был само очарование, — вспоминает один американский студент. — На расстоянии он производил впечатление очень обаятельного человека, но стоило подойти поближе, и возникало ощущение, словно прямо перед вами открыли дверь холодильника — вы оказывались на сквозняке его холодной энергии. Он был совершенным Мефистофелем».

«Топга, — говорит Нгодруб Буркхар, переводчик 16-го Кармапы, — это мёд на лезвии бритвы».

Ещё ребёнком став монахом в Цурпу, он был среди тех, кто в 1959 году вместе с Кармапой бежал в Сикким. В Румтеке он поднялся до положения Дордже лопона, или Мастера тантрических ритуалов, — положения, которое дало ему право носить почётный титул «ринпоче», хотя фактически он не был опознан как реинкарнация тулку. Но в 1966 году он отказался от монашества и женился на Аши Чоки Вангчук, сестре короля Бутана Джигме Дордже Вангчука, который являлся последователем

Кармапы. Топга познакомился с ней во время её визитов в Румтек. Тем не менее он сохранил свой почтительный титул, и к нему по-прежнему обращались «Топга Ринпоче». То, что монах оставил монашество, чтобы жениться, не было чем-то необычным, но то, что его невестой стала принцесса, — это действительно несколько необычно для монаха. Но, похоже, Топга всегда метил очень высоко.

«Мы с детства были вместе, — сказал мне Тензин Намгьял. — Я прекрасно его знал. Если судить по внешнему облику, можно было подумать, что он — душа-человек, очень приятный и обходительный. Да, он был монахом, это правда, но одно дело — изучать Дхарму и совсем другое — практиковать её. В каждом человеке живёт желание занять высокое положение. Но у Топги это было ещё больше, чем у других, у него было ещё больше гордыни, его стремление возвыситься многократно превосходило честолюбие других людей».

Женитьба Топги вызвала гнев Кармапы, считавшего, что монашеская жизнь — самое высокое из возможных на земле призваний и что те, кто отказывается от него, — люди недалёковидные, и вообще плохо соображающие. Говорят, что во дворе Румтека он вдребезги разбил монашеское сиденье своего племянника и приказал осколки сбросить вниз по склону горы, заявив: «Чтоб ни одной песчинки не осталось от него». Однако в 1968 году, когда Кармапа приехал в Бутан, Топга выпросил у него прощение, а также и титул, который придал бы ему какой-нибудь статус в его новой жизни. Очевидно, Кармапа смягчился. Частично, возможно, по причине сентиментальности: ведь, в конце концов, Топга был его племянником, а частично — из прагматизма, так как королевская семья Бутана была щедрым покровителем Румтека. Он даровал Топге титул почётного секретаря по общим вопросам. Это было просто почётное звание, за которым мало что стояло. В основном обязанности Топги состоя-

ли в поддержании хороших отношений с королевской семьёй Бутана и в том, чтобы в случае чего представлять интересы Кармапы в Бутане. В сферу этих интересов входили не только два новых монастыря, находившихся в стадии строительства, но и небольшой «инвестиционный портфель», состоявший, среди прочего, из нескольких магазинов и одного кинотеатра, дарованных Кармапе королём Бутана. «Его Святейшество никогда не поручал ему никакой официальной работы, — сказал мне Тензин Намгьял. — И Топга ни разу не появился в Румтеке, вплоть до смерти Кармапы. А вот когда Кармапа умер, тут он и зачастил с визитами. Топга действительно был настоящим бизнесменом».

«И каким бизнесом он занимался?» — спросил я.

Тензин засмеялся: «Контрабандой!»

Этот вид его деятельности был хорошо известен индийским властям. В марте 1980 года таможня в Калькутте задержала семь контейнеров, принадлежавших Топге и содержавших серебра на 400 000 рупий (примерно 50 000 фунтов стерлингов), которые он пытался контрабандой вывезти из страны в Гонконг. Благодаря вмешательству королевской семьи Бутана серебро было ему возвращено, и никаких обвинений против него выдвинуто не было. В мае 1982 года у него опять были неприятности с таможней в аэропорту Калькутты, куда на этот раз он прибыл рейсом из Гонконга вместе с женой-принцессой и её дочерью от предыдущего брака. Индийские официальные лица уже некоторое время наблюдали за Топгой, отмечая его частые приезды и отъезды, а также то необычно большое количество багажа, которое ему каждый раз якобы требовалось возить с собой. В этот раз он (или, вернее сказать, его слуга) нёс восемь чрезвычайно тяжёлых чемоданов, в которых, как он заявил, когда его остановили, была только одежда. На самом деле там было обнаружено 150 кг золота, которое в то

время стоило в Гонконге примерно 1 260 000 фунтов, а в Индии оценивалось бы уже в 2 600 000 фунтов. Также в его багаже были найдены 20 дорогих наручных часов и... хорошо отглаженная одежда монаха. Золото было конфисковано, и был предъявлен иск индийскому бизнесмену, который, по заявлению Топги, финансировал его и для которого он вывозил эту партию товара. И опять, по просьбе Бутанской королевской семьи никаких обвинений против самого Топги выдвинуто не было, и он вновь вышел сухим из воды.

Проблемы Топги с законом широко освещались в индийской прессе, однако он ничуть не унывал, словно этого скандала не существовало вовсе. После смерти 16-го Кармапы Топга зачастил в Румтек. Вплывая в монастырь в кортеже машин, сопровождаемый лакеями, он приезжал, чтобы укреплять свои связи с членами правления Румтека и, что особенно бросалось в глаза, со своим кузеном Шамарпой, который уже был назначен Временным регентом. Топга всё больше вовлекался в дела монастыря. Систематическое вмешательство Топги в дела Румтека стало причиной его противостояния с секретарём по общим вопросам Дамчо Йонгду. В первый раз они поспорили по поводу строительства нового Института Кармапы в Дели. Земля, на которой строился институт, принадлежала правительству Индии и была сдана в аренду Кармапе на 99 лет. Однако Кармапа умер до того, как могли быть подписаны документы на аренду. Топга созвал собрание официальных лиц Румтека и обвинил Дамчо Йонгду в попытке поставить на документах об аренде имя своего сына, Понлопа Ринпоче. Дамчо решительно отвергал предъявленное ему обвинение. Фактически, по словам самого Понлопа Ринпоче, его отец вынужден был осуществить длительную и сложную юридическую процедуру, внеся *post mortem* имя Кармапы в документы об аренде, в том числе юридически заверяя показания, полученные

от правительств Сиккима и Бутана относительно истории реинкарнаций Кармапы. Столкнувшись с неопровержимыми доказательствами, Топга вынужден был отозвать свои голословные обвинения, однако отчуждение между ним и Дамчо продолжало нарастать.

В декабре 1982 года Дамчо поехал в Бутан проверить бухгалтерские счета принадлежавшего Кармапе бизнеса и попросить у бутанского правительства заём для завершения строительства Института Кармапы в Дели. Вместе с ним поехали его помощник Гонпо и ещё двое служащих. 10 декабря Дамчо приехал домой к Топге с визитом. Гонпо и двоих служащих Дамчо провели в комнату ожиданий наверх, в то время как сам Дамчо в другой комнате пил чай с Топгой. Не прошло и часа, как Дамчо был уже мёртв. Вызванный врач заявил, что Дамчо умер от сердечного приступа. «Ходили слухи, — сказал Тензин Намгьял, осторожно подбирая слова, — о подозрительных обстоятельствах этой смерти». Поговаривали о нарывах на теле Дамчо, возможно, вызванных использованием определённого яда. Однако какие-либо юридически зафиксированные свидетельства виновности Топги отсутствовали. Дамчо было 62 года. Как и многие тибетцы, он всю жизнь пил чай с маслом и страдал от повышенного артериального давления, хотя в остальном он чувствовал себя прекрасно. Тело Дамчо было перевезено в Румтек, где его с почестями кремировали.

В то время Тензин Намгьял был заместителем Дамчо. Возможно, он рассчитывал на то, что после смерти Дамчо он займёт место секретаря по общим вопросам. И, хотя никто не сомневался в преданности Тензина Намгьяла, всё же Топга был человеком более современным — образованным, обаятельным, «городским». На его историю с контрабандой посмотрели сквозь пальцы, и в январе 1983 года он был назначен секретарём по общим вопросам Румтека. Так через 16 лет после своего бесславно-

го отъезда из монастыря он вернулся, теперь уже твёрдо держа в руках бразды правления.

Когда Тензин Намгьял, сидя в своей крохотной комнате в Гьюто и заново переживая те события, рассказы о делах давно минувших дней, горечь и досаду в его голосе нельзя было не заметить, хотя с той поры прошло уже почти двадцать лет. С момента приезда Топги в Румтек, сказал он мне, у нового секретаря по общим вопросам было лишь одно тщеславное желание — отстоять верховенство Шамарпы в иерархии кагью и при этом возвыситься самому. «Топга хотел поднять Шамарпу, сделав его настолько могущественным, насколько возможно, и он хотел стопроцентного контроля над Румтеком. И им также было важно, чтобы у них был Кармапа, который был бы их собственным Кармапой... Топга вёл Шамарпу, как пастух яка, за кольцо, продетое в нос». Вскоре после приезда Топги, продолжал Тензин Намгьял, тот вместе с Шамаром подошли к нему с предложением. «Они сказали мне, что Шамар Ринпоче является единственным регентом Его Святейшества и, следовательно, единственным владельцем Румтека. Они пытались навязать мне мысль о том, что Шамар и Кармапа — один ум и каждый из них имеет равные права на собственность и богатства Румтека. Я не мог этого принять. Я сказал: “Это не так”. Те, кто не признал, что Шамар имеет равный с Кармапой статус, сказал Тензин Намгьял, постепенно ушли из Румтека. Среди первых покинувших стены монастыря был и сам Тензин Намгьял, вместе со своим помощником Гонпо. Вслед за ним ушёл Трангу Ринпоче — настоятель-кхенпо, наставник четверых ближайших учеников Кармапы, чья сестра была замужем за Тензином Намгьялом. Новым настоятелем Румтека был назначен кхенпо Чодрак Тенпел Ринпоче, двоюродный брат Шамара Ринпоче.

Теперь, когда Топга взял Румтек под контроль, спор вокруг Института Кармапы в Дели вспыхнул с новой

силой. На этот раз камнем преткновения стало то, что Шамарпа якобы пытался внести изменения в документы на собственность, сделав себя — как преемника Кармапы — единственным законным арендатором. Тай Ситу, Джамгон Конгтрул и Гьялцаб пригрозили подать на него в суд. Тогда Шамар громогласно отмёл все выдвинутые против него обвинения, и в конечном счёте дело до суда не дошло. В разногласиях, последовавших за этими событиями, было аннулировано и соглашение о поочерёдном регентстве. Теперь Шамар стал единоличным регентом карма-кагью. На благо последователей линии карма-кагью во всём мире эта ссора была деликатно прикрыта плащом братской гармонии. Но под ним уже была чётко прочерчена линия фронта.

Нью-Дели. Ноябрь 2000 года.

Когда я в Дели связался с Шамаром Ринпоче, чтобы договориться об интервью, я ожидал, что он предложит встретиться в Институте Кармапы. Все мои предыдущие встречи с тибетскими ламами проходили либо в монастырях, либо в учебных центрах. Шамарпа предложил отель «Хайят Редженси». В холле отеля меня встретил один из его помощников — молодой тибетец, одетый в серые брюки и блейзер. При нём были «дипломат» и мобильный телефон. На лифте мы поднялись в вестибюль наверху, где ждал Шамар Ринпоче. Он тепло поздоровался со мной, жестом предложил мне сесть и чувствовать себя как дома. Шамар Ринпоче оказался человеком невысокого роста, мощного телосложения, одетый в простую жёлтую рубашку и красное монашеское одеяние. Его несколько помятое лицо застыло в заученной улыбке, жесты были мягкими и широкими, он как будто бы говорил: мы оба — люди, умудрённые житейским опытом и кое-что понимающие в этой жизни. «Ещё кофе? Конечно. Можете курить, конечно! Я не из тех консервативных лам!» Второй

его помощник — молодой, стильно одетый индус, также сжимавший в руке мобильник, — маячил где-то на заднем плане. Как-то очень вовремя появилась женщина-австрийка, лет 45, в коричневом костюме, на высоких каблуках, и села рядом с Шамаром Ринпоче, держа в руке блокнот. Шамарпа говорил на ломаном английском. Изредка он оборачивался к женщине за помощью при переводе трудных терминов. Телевизор с плоским экраном, висящий на стене позади нас, был настроен на Международную новостную службу канала ВВС. Всё это было уж как-то слишком сюрреалистично.

Не мог бы он, попросил я, рассказать мне что-нибудь из истории линии Шамарп? Он разразился длинным монологом, касавшимся тибетской истории, подъёма и падения школы сакья, роли, которую играли монгольские ханы и китайские императоры, восхождения карма-кагью в качестве доминирующей школы на тибетской политической арене. Было очевидно, что Шамар живо интересовался историей, хотя его интерпретации многих её ключевых моментов показались мне довольно предвзятыми и субъективными.

Понимаю ли я, спросил он, что в XV веке Центральным Тибетом «правил» живший в то время 4-й Шамарпа? «Это было во времена династии Пагдру. Король Пагдру умер, а наследный принц был слишком юн, чтобы управлять страной, и поэтому в соответствии с волей короля 4-й Шамарпа стал властителем. Четыре года он восседал на троне и правил Тибетом. И у него прекрасно шли дела — его правление было мирным. Но спустя четыре года он объявил, что является духовным учителем и не желает более нести бремя мирской власти. Наследный принц занял трон, однако Шамарпа всё время стоял за его спиной, и фактически власть оставалась в его руках, и так он правил ещё семь лет». И именно благодаря этому кармакагью стала самой могущественной традицией в Тибете.

Затем, спустя примерно 200 лет, начался взлёт школы гелуг и линии Далай-лам. При 5-м Далай-ламе двадцать монастырей, принадлежавших Кармапе, и двадцать один, принадлежавший Шамарпе, насильно были переданы школе гелуг, и остались лишь основные резиденции Кармапы в Цурпу и Шамарпы в Янгпачене. В конце концов 10-му Кармапе пришлось бежать, спасая свою жизнь. Согласно преданию, он перенёсся по небу и приземлился в Индии, в Аруначале. Затем, нищенствуя, он прошёл по всему Китаю.

Китайский император, его последователь, предложил Кармапе послать в Тибет армию из 300 000 солдат, чтобы восстановить его власть. «Но Кармапа сказал: “Нет, я не хочу причинять вред никому из живущих, даже мельчайшему насекомому!” Он сказал, что в конечном счёте всё обернётся во благо. Позже, когда Кармапе было почти восемьдесят лет, Далай-лама наконец позволил ему вернуться обратно в Цурпу, потому что всякое сопротивление и так уже было подавлено и один старик уже ничего не мог изменить. Бедный Кармапа!»

Шамар томно улыбнулся, откинулся в кресле и крикнул, чтобы подали ещё кофе. У меня возникло ощущение, что он преподавал мне урок истории лишь для того, чтобы чётко обозначить то место, которое по праву занимает в истории Тибета его линия, а заодно поведать о преследованиях традиции кагью и несправедливости гелугпинцев.

У многих людей на Западе, сказал я, более романтическое отношение к Тибету, и они были бы глубоко разочарованы, услышав историю Тибета, полную распри, вооружённых конфликтов и двурушничества.

Шамар снисходительно улыбнулся мне: «Да, я понимаю это. На самом деле я весьма критически отношусь к тем концепциям, которых придерживаются относительно тибетской истории нетибетцы. Да и не только истории тибетской, а истории всей Азии. Чтобы судить об азиатской

культуре, и особенно о культуре Гималаев, надо её хорошо знать и понимать. Не всё на самом деле является таким, каким кажется. Если вы видите что-то зелёным, это вовсе не значит, что оно всегда зелёного цвета. Я приведу вам один пример».

«В то время, когда нынешний Далай-лама был ещё несовершеннолетним, Тибетом правил регент, Ретинг Ринпоче. — Однажды Ретинг, — сказал Шамар, — чтобы продолжить свою духовную практику, решил на несколько лет уйти в ретрит, поэтому он попросил своего друга и учителя Тактра Ринпоче — “своего близкого друга, духовного друга”, — с улыбкой подчеркнул Шамар, — занять его место, пока он не вернётся. Спустя три года Ретинг был готов снова вернуться на свой пост, и тогда Тактра Ринпоче сделал так, чтобы его убили. Тактра Ринпоче не захотел лишаться своего высокого положения! А ведь он имел репутацию весьма учёного ламы, великого духовного мастера. Но сердце его всё ещё жаждало власти! Как мог он убить несчастного Ретинга Ринпоче? Как он мог?! Да, лицемерие в Азии воистину непревзойдённо...»

Наш разговор вернулся к 16-му Кармапе. «Он, — сказал я, — был человеком, о котором я слышал только хорошее».

«Я — его племянник, — ответил Шамар, — сын его брата. Да, он был очень хорошим человеком. И он очень твёрдо противостоял Далай-ламе!» Шамар засмеялся, довольный своей шуткой. Сидевшая рядом с ним австрийская дама тоже тонко улыбнулась. «В 1962 году Далай-лама начал говорить, что все четыре школы должны объединиться. Но Кармапа бросил вызов этой идее. Многие ньингмапинские ламы тогда не согласились с Далай-ламой. Но ньингмапинские ламы были слабы, а Кармапа обладал властью. Поэтому они воззвали к Кармапе, чтобы он повёл их за собой, и тот с радостью при-

нял на себя эту миссию». Это была история, которую я уже слышал раньше, но немного в другом изложении. Как я понял её, Кармапа, наоборот, сделал всё от него зависящее, чтобы избежать прямого политического противостояния с Далай-ламой.

«Но что из себя представлял Кармапа как человек?» — спросил я.

Шамар вздохнул: «Знаете, я предпочитаю быть откровенным. Я не буду поддерживать Кармапу, просто потому что он — Кармапа. Если есть какие-то ошибки, я скажу об этом прямо. Кармапа был похож на многих высших тибетских лам. Его моральное поведение было безукоризненным — никакого лицемерия. Но он был очень консервативен, очень упрям и очень заиклен на иерархии и правилах протокола. И авторитарен. Я приказываю — и они должны следовать за мной, делайте, как я сказал... Такой это был человек. — Он пожал плечами. — Он не понимал современной жизни».

«Подрастая в Румтеке, — продолжал Шамар, — я попал под сильное влияние учения Махатмы Ганди. Я был сыном феодала. Сплошная диктатура! Но я был за демократию. Когда я был моложе, мне очень нравился Далай-лама, потому что он сказал, что он — последователь Ганди. Мне нравилось это! Мне не нравилось, как к этому относился мой дядя, Кармапа. — Он рассмеялся. — Я полагал, что идея Далай-ламы о необходимости консолидации и демократии и взгляды Ганди были превосходны! Так почему же Кармапа был против? Но позже я понял, что на самом деле Далай-лама очень привязан к своему положению лидера. Он создал новую конституцию Тибета, основанную на принципах демократии, а фактически он всё решает сам. Что это за демократия? Он не хочет отказаться от своего положения руководителя. И Кармапа такой же. Все они одинаковы: привязаны к занимаемому ими высокому положению».

У меня сложилось впечатление, сказал я, что, когда они вместе росли в Румтеке, четверо ближайших учеников Кармапы были друг другу как братья. Шамар прострелил меня взглядом, как бы спрашивая: откуда я это взял?

— Нет, нет, не совсем так! В истории карма-кагью всегда существовала иерархия. Кармапа — духовный лидер. Шамарпа — второй за ним, Тай Ситупа — третий, Гьялцаб — четвёртый, Паво Ринпоче — пятый и Даво Ринпоче — шестой. Эта система известна как система шести духовных лидеров. И мы придерживались её.

— Но были ли вы и другие ближайшие ученики друзьями, когда вместе росли в Румтеке?

— Да, мы были очень близкими друзьями. А потом умер 16-й Кармапа, и секретарь по общим вопросам сформировал регентство. И здесь уже в дело вмешалась политика. Поэтому в 1984 году мы покончили с этим институтом и вновь восстановили прежнюю иерархию — номер один, два, три, четыре.

— Почему было покончено с регентством?

Шамар пожал плечами:

— Потому что это связано с политикой. И политика эта даёт о себе знать до сих пор. Были люди, которые распространяли клевету и создавали проблемы. Было много неприятностей. Поэтому мы покончили с этим.

— Кто покончил с этим?

— Такое предложение выдвинул я. Потом его принял Джамгон Конгтрул. Затем, наконец, согласился и Гьялцаб Ринпоче. И потом все трое подписались под тем, чтобы покончить с этим. По двум причинам: потому что это не соответствовало традиции, и потому что тут вмешивалась политика.

Он замолчал.

— Знаете, может существовать группа людей, известных своим безукоризненным поведением. Но внутри этой

группы вы всегда найдёте кого-нибудь, кто действительно жаждет власти. И это всё очень запутает.

Он улыбнулся:

— Ведь никогда не знаешь, кто есть кто...

Мы говорили уже больше часа. За плечом Шамара появился его помощник-индеец и напомнил, что у него назначена встреча за ланчем. Его гости уже ждут внизу.

— Пожалуйста, отобедайте с нами...

Гости Шамара Ринпоче уже сидели за столом в ресторане гостиницы: дородный немец лет шестидесяти с румяным лицом и его жена-китаянка, хорошенькая, дорого одетая, лет эдак на двадцать моложе его. Шамарпа и сопровождавшие его люди сели. Немец объяснил, что он бизнесмен, у него была своя фабрика по изготовлению одежды в Гонконге, а теперь он продал свой бизнес и удалился от дел, чтобы попутешествовать по миру. За обедом разговаривали то об экзотических странах, то об экономике Гонконга. Шамар улыбался, его сопровождение помалкивало. В конце обеда немец потянулся за счётом. Шамар вывел своих гостей из ресторана в вестибюль. «Теперь нам надо подняться наверх», — сказал он, обернулся, улыбнулся и пожал мне руку.

Я был свободен.

ГЛАВА 7

Письмо

Десять лет (с 1966 по 1976 год) спровоцированной Мао Цзэдуном китайской культурной революции вылились для тибетского буддизма в эпоху тотального разгрома. В попытке усмирить то, что китайцы называют «диким зверем» религии, были подвергнуты тюремному заключению, пыткам и казни тысячи монахов и монахинь. Более 6000 монастырей и храмов были разрушены. Древние книги и манускрипты сожжены или выброшены в реки. Драгоценные бронзовые статуи переплавлены в оружие. Но эти варварство и жестокость не смогли сокрушить дух тибетцев. Смерть Мао Цзэдуна в 1976 году позволила китайским властям вернуться к более прагматичному подходу в проведении социальных реформ. Режим, пришедший на смену Мао и его «банде четырёх», первоначально возглавлялся Хуа Гофеном, но в 1977 году Дэн Сяопин, репрессированный во время культурной революции и испытавший на себе позор и унижение, был реабилитирован и вернул себе былое влияние как в партии, так и в правительстве. К 1978 году он одержал триумфальную победу в борьбе за власть, став верховным лидером Китайской Народной Республики.

При Дэн Сяопине культурная революция была заклеена как «десятилетие катастрофы», а новым приорите-

том стала экономическая модернизация и вместе с ней — попытка залечить кровавые раны прошлых «перегибов». Для Тибета это означало отказ от применения силы в отношении его народа в пользу политики лавирования и властной интеграции. Первым символическим жестом нового подхода стало освобождение Панчен-ламы из заключения, где он пребывал 14 лет. Это произошло в феврале 1978 года.

Панчен-лама был самой влиятельной фигурой в буддийской иерархии из оставшихся в Тибете после 1959 года, когда Далай-лама и другие представители тибетского правящего класса покинули страну. Первоначально Панчен приветствовал китайскую оккупацию, мотивируя это тем, что она создаёт наилучшие перспективы для развития современного, модернизированного и прогрессивного Тибета. Китайцы наградили его за такой энтузиазм назначением на пост действующего председателя Тибетского автономного района (ТАР).

Но не прошло и двух лет, как печальные последствия китайского правления стали вполне очевидными, и Панчен-ламу стали посещать нехорошие предчувствия. В 1962 году он представил правительству в Пекине конфиденциальный доклад с критикой китайской политики в Тибете. Этот доклад, известный как «петиция из 70 000 иероглифов», критиковал аресты и казни, проводимые китайцами в отместку за народное восстание 1959 года, а также нелестно отзывался о навязываемой тибетцам политике коллективизации, известной под названием «Большого скачка», введённой Мао и приведшей к массовому голоду и смертям по всему Тибету. (Позже будет подсчитано, что от голода в результате «Большого скачка» во всём Китае умерло примерно 30 миллионов человек.) Панчен предостерегал, что политика, проводимая центральным китайским правительством в Тибете, приведёт к полному уничтожению тибетской культуры и религии.

Подобное письмо было равносильно предсмертной записке. Мао Цзэдун отозвался о нём как об «отравленной стреле, пущенной в Партию реакционной феодальной знатью». Панчен-ламе было приказано подвергнуть себя распространённой в те времена «коррекционной процедуре» — яростному публичному самобичеванию, или «самокритике», а год спустя он был вызван в Пекин, где ему предстояло провести следующие 14 лет — сначала в заключении, а потом под домашним арестом.

Его освобождение сигнализировало о начале новой «просветлённой» либеральной политики. В июне 1978 года Пекин впервые после 1959 года провозгласил, что тибетцам будет разрешено общаться и, возможно, даже посещать своих родственников за границей и что живущим в изгнании разрешено будет приезжать в Тибет, чтобы посетить своих родных. В том же году Далай-лама получил приглашение от Дэн Сяопина вернуться на родину. Он осторожно ответил, что для начала хотел бы прислать серию делегаций для изучения условий жизни в Тибете. В 1979 году в Тибет прибыла первая делегация, которую приветствовали как героев. Дискомфорт, который при этом испытывало её китайское сопровождение, лишь усилился, когда на следующий год прибыла вторая делегация. Во время торжественной встречи посланцев Далай-ламы в Лхасе приветственные крики из толпы встречающих быстро уступили место призывам к независимости Тибета. Визит был быстро свёрнут. Третья делегация, возглавляемая сестрой Далай-ламы Джецун Пемой и к этому времени уже находившаяся на территории КНР, завершила свою миссию, но приезд ранее запланированной четвёртой делегации был отложен и состоялся лишь в 1984 году.

Воспрянувший духом в результате этих контактов Далай-лама в сентябре 1980 года пошёл дальше и предложил Пекину послать в Тибет пятьдесят высококвалифи-

цированных учителей из числа тибетцев в изгнании с тем, чтобы помочь в деле образования и обучения тибетской молодёжи. Он также предложил открыть в Лхасе Офис по внешним связям, который работал бы на укрепление доверия между китайским правительством и тибетцами в изгнании. Ответа на эту инициативу не последовало. А в июле 1981 года китайское правительство ещё больше накалило ситуацию, издав непосредственно обращённое к «Далай-ламе и его последователям» приглашение вернуться на родину с тем, однако, условием, чтобы «они жили не в Тибете», т. е. не в пределах ТАР, включая столицу Лхасу, и не занимали постов в местном руководстве. «Последователям Далай-ламы», говорилось в китайском заявлении, «не стоит беспокоиться о работе и об условиях проживания. Жизнь их будет лучше, чем была прежде». Далай-лама отклонил это предложение. Если визиты делегаций из Дхарамсалы мало чего достигли в деле примирения между Пекином и Тибетским правительством в изгнании, то они всё же явственно указали китайскому руководству на наличие глубокого недовольства населения Тибета существующим положением вещей.

В 1980 году был отправлен в отставку секретарь КПК в Тибетском автономном районе Тибета Рен Ронг, и из Пекина на смену ему был прислан Ху Яобан, старший министр правительства, с миссией «утрасти тибетскую проблему». Назначение Ху открыло двери для возрождения влияния внутри Тибета Объединённого фронта — этой китайской «партии внутри партии». До этого, в первые годы китайской оккупации Тибета, Объединённый фронт в той или иной степени определял политику в регионе, активно используя тактику заигрывания с представителями прежнего правящего класса Тибета. Рассыпая обещания предоставить официальные должности и большие оклады, китайские власти стремились создать прикормленную и лояльную местную тибетскую элиту, с помощью которой

они рассчитывали управлять этим проблемным регионом. Во времена культурной революции Объединённый фронт растаял, но теперь в изменяющемся политическом климате его влияние начало возрождаться.

Верный последователь политики реформ Дэн Сяопина Ху Яобан быстро переключился на претворение в жизнь новой политики «тибетизации». В свой первый приезд в Ахасу в 1980 году он приказал немедленно отозвать одну треть обосновавшихся там китайских чиновников, готовя почву для возвращения в местные органы управления старшему поколению тибетцев, выброшенных за борт во время чисток культурной революции. Возрождение тибетской культуры стало официально поощряться, были выделены средства на перестройку монастырей, разрушенных в угаре культурной революции. Позже будет издан и новый закон о языке, придавший тибетскому языку статус официального в администрации ТАР (хотя должным образом этот закон так и не стал исполняться). В новом либеральном климате было разрешено возвращение в Тибет ламам, бежавшим ранее в изгнание, с тем, чтобы они могли работать над различными гуманитарными проектами и восстанавливать свои монастыри. Среди первых из вернувшихся был Аконг Ринпоче, настоятель монастыря Самье Линг в Шотландии. В 1983 году Аконг совершил свою первую после 1959 года поездку в Тибет и с разрешения местных чиновников начал открывать школы и центры социальной помощи для тибетцев под знаменем благотворительной организации «Рокпа». В 1984 году Тай Ситу также вернулся в Тибет впервые после бегства в Индию, посетив свою историческую резиденцию Палпунг в Восточном Тибете и ряд филиалов этого монастыря в регионе.

Ещё один монастырь, но уже в другой, центральной части Тибета, начал реконструироваться: Цурпу — официальная многовековая резиденция Кармап. Друпон

Дечен Ринпоче до побега Кармапы в изгнание занимал в Цурпу должность мастера по ретритам. В 1959 году он вместе с 16-м Кармапой покинул Тибет и занял подобающее ему положение в Румтеке, после чего основал свой собственный монастырь в Ладакхе. В соответствии с одной из инструкций, оставленных Кармапой перед смертью, Друпон Дечену доверялось восстановить и управлять Цурпу, если когда-либо обстоятельства позволят это сделать. В 1982 году Друпон Дечен впервые посетил свой родной монастырь, а спустя два года вернулся, чтобы занять в нём место настоятеля.

Некогда могущественный и огромный монастырь лежал в руинах. В 1966 году на пике культурной революции китайские солдаты под дулами автоматов заставили жителей окрестных деревень разобрать монастырские здания по кирпичику. Также была разрушена и главная святыня Цурпу — 17-метровая статуя Будды Шакьямуни, отлитая из меди и, как говорят, хранившая внутри себя реликвии самого исторического Будды и его учеников. Сначала китайские солдаты сделали статую мишенью для полевой артиллерии, а в конце концов приказали одному из монахов взорвать её динамитом. Бесценные реликвии, заключённые в статуе, были рассеяны взрывом по всей долине. Когда Друпон Дечен прибыл в Цурпу, в монастыре оставалось лишь одно пригодное для жилья здание. С помощью небольшой общины, примерно в 20—30 монахов, он начал долгий и трудный процесс восстановления разрушенного и реставрации сохранившегося, чтобы вернуть монастырю былую славу.

В 1986 году из Америки приехал Ворд Холмс. После смерти Кармапы Холмс три года провёл в медитативном ретрите. Когда он прибыл в Цурпу, Друпон Дечен указал ему пещеру над монастырем, где на протяжении более 800 лет один за другим медитировали Кармапы. «Я провёл там один месяц, — рассказывает Холмс, — просто

сидел. Кармапа приходил ко мне каждую ночь и говорил, что быть здесь и помогать восстановлению монастыря, собирая для этого деньги, — это и есть моя задача. Я спорил с ним, говоря, что я понятия не имею, как заниматься фандрайзингом, привлекая спонсорские пожертвования. Он отвечал: “Но ты же был казначеем в моём монастыре”. Я действительно три или четыре года работал бухгалтером в КТД. Я лично знал всех богатых людей и представлял, откуда приходили деньги. И всё же я сказал, что не хочу этим заниматься, что не знаю, как это делается. Но он настоял на своём: “Начни с малого...”»

И Холмс начал продавать своим друзьям и буддийским центрам отпечатанные в Китае изображения Будды по десять долларов за штуку. В 1989 году умер его отец, и он получил небольшое наследство. Эти деньги позволили ему основать Фонд Цурпу, и он начал кампанию по привлечению средств в Америке, Малайзии, Гонконге и на Тайване. Медленно, буквально из ничего Цурпу начал возрождаться, и вот спустя 30 лет после отъезда Кармапы в Индию монастырь был готов к его возвращению. Но где же был сам Кармапа?

Шераб Линг. Август 2000 года.

В своём офисе в Шераб Линге Тай Ситу попросил ещё чаю. «А потом, — осторожно выразился он, — всё стало сложнее. Для меня всё было очень запутанно, очень трудно и вместе с тем очень ясно и просто. Странно всё получилось...» Он замолчал. «Давайте просто скажем, что мы пытались сделать всё, что было в наших силах».

Медленно вращаются колёса тибетского буддизма. 16-й Кармапа умер в 1981 году. Скрупулёзные поиски в его комнатах и среди его личных вещей не принесли ни письма-предсказания, ни каких-либо иных указаний на то, когда и где может появиться следующая инкарнация. Но, как показывает история, такие вещи не происходят

по расписанию. И прежде случались долгие перерывы между реинкарнациями. Всё, что требовалось в этих условиях, — это терпение. Четверо ближайших учеников занимались своими делами, путешествовали и давали учения. Взяв на себя регентство, Шамар обосновался в Румтеке. Там же жил и Джамгон Конгтрул. Тай Ситу занимался строительством Шераб Линга. От легионов последователей кагью, которые с растущим нетерпением ожидали новостей о реинкарнации Кармапы, успешно скрывались существовавшие разногласия и атмосфера взаимного недоверия, царившая между ближайшими учениками.

В атмосфере полного молчания со стороны ближайших учеников и отсутствия каких-либо официальных заявлений казалось, что каждый месяц приносил всё новые и новые слухи. Так, в 1983 году распространился слух о том, что мальчик, родившийся в Бодхгае и привезённый Тай Ситу в Шераб Линг, и есть Кармапа. Но впоследствии этот ребёнок был опознан как реинкарнация другого ламы — Гонгкара Ринпоче. На следующий год у короля Бутана родился сын. При этом случилось так, что Топга, женатый на бутанской принцессе, в то время оказался в королевском дворце. Он отправил в Румтек письмо, в котором писал: «Принимая во внимание то, что говорится вокруг, можно с полной ответственностью утверждать, что наконец-то явилась в мир драгоценная реинкарнация нашего защитника Кармапы. Сверившись с лунным календарём и убедившись, что день является благоприятным, всем монахам и мирянам следует развешивать молитвенные флаги и совершать пуджи с обильными подношениями санг и солка под открытым небом». Королевская семья Бутана позже вынуждена была сделать официальное заявление о том, что их ребёнок не является Кармапой.

В феврале 1986 года четверо духовных сыновей вновь собрались в Румтеке, чтобы обсудить сложившуюся ситуа-

цию. Они оказались в очень затруднительном положении. Прошло более четырёх лет, с тех пор как умер Кармапа, и ропот возмущения по поводу того, что нет никаких сведений о его реинкарнации, становился всё громче. И в то же время ни один из ближайших учеников не придумал ничего, что бы могло подсказать, где и когда, возможно, будет обнаружена реинкарнация. Если бы они объявили во всеуслышание, что не смогли найти ни письма, ни каких-либо иных инструкций относительно грядущего перерождения, то результатом этого явились бы всеобщее уныние и подавленность. А что, если бы после такого заявления письмо вдруг всё же нашлось? Это вызвало бы в умах рядовых последователей смятение поистине вселенского масштаба! Требовался план, который помог бы удерживать ситуацию какое-то время. В отсутствие письма, возможно, они могли бы найти хоть что-то, написанное рукой 16-го Кармапы, что послужило бы своего рода «временной заменой», до тех пор, пока не будет найдено само письмо. Но, казалось, что ничего мало-мальски подходящего обнаружить не удавалось.

Спустя какое-то время Гьялцаб Ринпоче вспомнил, что у него есть строфы о природе ума, которые Кармапа написал и отдал ему несколько лет назад. Гьялцаб тщательно обыскал своё жилище и... сообщил, что не смог найти оригинала. Однако он смог по памяти процитировать это четверостишие. Джамгон Конгтрул добросовестно записал его, стихотворение было запечатано в конверт и затем помещено в гау, или киот-реликварий. Все четверо ринпоче поклялись, что они никогда никому не расскажут об этой уловке и унесут эту тайну с собой в могилу. Затем они объявили, что было найдено два письма, содержащих информацию об инкарнации, — одно «внутреннее» и одно «внешнее». Пояснялось, что «внутреннее» письмо должно быть вскрыто в определённое время в будущем (которое не уточнялось), но лишь после того,

как с целью устранения препятствий будет проведено определенное количество религиозных церемоний, описанных во «внешнем» письме.

Логика, на основе которой был придуман столь хитроумный план, была чисто тибетской. Его целью было дать людям надежду. «Если бы регенты сказали, что нет письма-предсказания, то это было бы неправдой, — говорит Понлоп Ринпоче. — Если они просто не могли его найти, то это совсем не означало, что его не было. Это был просто вопрос времени». В центрах кагью по всему миру последователи начали выполнять ритуалы, предписанные во «внешнем» письме: 100 миллионов повторений стоголовой мантры Дордже Семпы (санскр. Ваджрасаттвы. — *Прим. ред.*) — практики, которая считается особенно эффективной в деле устранения препятствий. Инструкция из Румтека также поощряла последователей начитывать мантру «Кармапа Кхьенно» («Кармапа, услышь меня», или «Кармапа, помни обо мне») «столько раз, сколько это возможно». В Самье Линге чтение мантры Ваджрасаттвы стало центральной практикой во время ежевечерней пуджи. Каждый начитывающий её подсчитывал количество повторений с помощью чётков, результаты вносились в специальную книгу, и общий итог отправлялся в Румтек. Два года данный ритуал проводился в Дхарма-центрах и монастырях карма-кагью по всему миру.

Наконец, в мае 1988 года пришло сообщение из Румтека, в котором говорилось, что ритуалы завершены и устранены все препятствия к открытию «внутреннего» письма. Было объявлено, что реинкарнация Кармапы «очень скоро» будет обнаружена. Вопреки, конечно, тому простому факту, что никто, казалось, не имел ни малейшего представления о том, где её следует искать.

В 1989 году Тай Ситу приближался к своему 37-летию. В тибетском буддизме этот возраст считается «возрастом

препятствий» — временем, когда могут возникнуть непредвиденные сложности, и, следовательно, уход в уединённый ретрит в это время весьма целесообразен. Именно поэтому Тай Ситу отменил все свои обязательства на тот год и начал серию месячных ретритов в своём монастыре в Шераб Линге. И вот тогда, сказал он мне, размышляя по поводу письма-предсказания Кармапы, он неожиданно кое-что вспомнил.

За восемь лет до этого, в декабре 1980 года, он находился в Бодхгайе, закладывая камень в основание нового монастыря, который строил Кхьенце Ринпоче, один из лам кагью. Оттуда он отправился в Калькутту, чтобы встретиться с Кармапой, возвращавшимся из Сингапура. Рак уже вовсю бушевал в теле Кармапы. Он умирал, хотя никто по-прежнему не хотел признавать этот факт. Кармапа занимал президентский люкс в отеле «Оберой Гранд» и попросил Тай Ситу поселиться с ним в этом номере. «Я был очень удивлён. Конечно, во время ретритов я делил с ним жилище, но никогда не делал этого при других обстоятельствах. Но раз он этого хотел, я, естественно, согласился». Тай Ситу расположился в спальне своего учителя, а Гьялцаб Ринпоче и ещё один лама заняли гостиную. На протяжении следующих нескольких дней Кармапа давал наставления и советы своим ученикам.

— В последний вечер перед тем, как лечь спать, — сказал Тай Ситу, — Кармапа подарил ему защитный амулет — мешочек из парчи, который нужно носить на шее. Обычно в таких мешочках хранился квадратный лист бумаги с напечатанной на нём мантрой, благословлённый, сложенный особым образом и перевязанный шнурком. «Я не помню точно, что именно сказал Кармапа, когда дарил его мне, — сказал Тай Ситу. — “Это защитит тебя или это принесёт пользу в будущем” — что-то в этом роде. Я тогда ещё подумал, что это немного необычно, но я и

понятия не имел о том, что может быть внутри». Десять месяцев спустя Кармапа умер в клинике в Чикаго.

Ещё примерно год после смерти своего учителя Тай Ситу продолжал носить мешочек на шнурке на шее. «Потом я отправился в Юго-Восточную Азию, а в таких местах жить очень трудно. Повсюду воняет, а помыться негде! В общем, я сделал специальный пояс-кошелёк на молнии и положил амулет туда. И все эти годы мы встречались и разговаривали о том, где найти письмо-предсказание, и ничего не могли придумать. Мы приняли решение не поднимать шума, ведь мы и так много чего натворили, и не всё из того, что мы сделали, носило на себе отпечаток мудрости, но, знаете, ведь мы были такими молодыми. И мы были совершенно искренни в своих поступках. Мы тогда просто делали то, что могли. — Он страдальчески улыбнулся: — На самом деле то, что мы могли, выглядит очень слабенько».

В 1989 году в ретритном домике в Шераб Линге Тай Ситу обратился мыслями к событиям, произошедшим в Калькутте. «Я не был в медитативном состоянии. Я не слышал никаких голосов или чего-нибудь в этом роде. Я просто думал об этом, и по какой-то причине я вдруг вскрыл тот амулет. Внутри обнаружился конверт. На нём почерком Кармапы было написано указание, что конверт нужно открыть в год Железной Лошади — 1990 год по западному календарю. Будучи уверен на 90 процентов или даже больше, что в нём находилось письмо-предсказание, — а что ещё там могло быть?! — Тай Ситу набросал письмо троим другим ближайшим ученикам и секретарю по общим вопросам Топге. Он писал: “Я пишу по особому случаю, а именно — касательно наставлений 16-го Кармапы о его следующей реинкарнации. Я прибуду в Румтек пятнадцатого числа первого лунного месяца года Железной Лошади (т. е. в марте 1990 года), чтобы обсудить этот вопрос”. В Тибете есть поговорка,

гласящая, что, когда павлин слышит звуки грома, возмущающие о несущих прохладу летних дождях, он начинает петь от счастья. “У меня хорошие новости, — писал Тай Ситу, — похожие на песню радости павлина”. Некоторая недосказанность, объяснял Тай Ситу, была необходима. Я не мог точно сказать: “Я нашёл письмо!”, потому что мы уже столько историй насочиняли. Мы уже до этого сказали людям, что письмо найдено».

Однако эта новость не была встречена с той безграничной радостью, на которую Тай Ситу, возможно, рассчитывал. В феврале 1990 года в Нью-Дели собрались члены Благотворительного фонда Кармапы. Поводом было официальное открытие Института Кармапы — проекта, осуществление которого взял на себя Шамар Ринпоче и который он довёл до логического завершения; проекта, который в прошлом стал причиной стольких разногласий и взаимных обвинений. Ни Тай Ситу, ни Гьялцаб там не присутствовали. После церемонии открытия присутствовавшие собрались, чтобы обсудить письмо Тай Ситу и его просьбу о встрече. На следующий день Топга отправил ответ. Тон ответного письма весьма любопытен своей двусмысленностью. «Если на данный момент существует надёжная информация касательно реинкарнации 16-го Кармапы, то я с радостью присоединяюсь ко всеобщему ликованию» — писал Топга. Но если это не так, то преждевременное объявление об этом способно будет породить множество слухов и сомнений... Поэтому Фонд принял решение, что пока предпочтительнее выдержать паузу, прежде чем делать ещё одно заявление относительно положения дел на данный момент. Однако, — продолжал он, — если имеется “достоверная информация” относительно реинкарнации, то она будет подобна “лекарству, способному вернуть зрение слепому, или солнцу, которое осветит всё вокруг”.

Догадался ли Топга, что Тай Ситу собирается предъяснить некую имеющую решающее значение новость о ре-

инкарнации Кармапы? Единственное, что было понятно, так это то, что секретарь по общим вопросам не особенно спешил выяснить это. Тай Ситу, с другой стороны, более не мог себя сдерживать. У себя в комнате в Шераб Линге, где он когда-то впервые заглянул внутрь мешочка, подаренного ему Кармапой, он теперь открыл само письмо. Беглого взгляда, сказал он мне, было достаточно, чтобы подтвердить, что это действительно письмо-предсказание 16-го Кармапы. «Я был вне себя от радости. Я почти ощущал состояние нисхождения благодати». Письмо, продолжал он, «понять было очень просто. Но всё же на полную интерпретацию заключённого в нём смысла могло потребоваться некоторое время. Я решил не торопить события». Вместо этого, сказал он, он аккуратно вернул письмо в конверт и поместил его в безопасное место вместе со своей короной и другими реликвиями. «Я больше не рисковал носить его с собой».

К началу 1990 года стало ясно даже тем, кто был за пределами узкого круга четырёх духовных сыновей, что не всё благополучно с поиском следующей инкарнации Кармапы. Прошло почти четыре года с того дня, как ближайшие ученики объявили о том, что в Румтеке найдены «внешнее» и «внутреннее» письма. Два года — с момента завершения тех пудж, которые, как было сказано, были необходимы для открытия «внутреннего» письма и объявления о том, что реинкарнация Кармапы будет «очень скоро» обнаружена. И за всем этим последовало лишь длительное молчание. Невзирая на неотложность ситуации — а что, в конце концов, могло быть более важным, чем определение реинкарнации Кармапы? — было очевидно, что четверо ближайших учеников не могут найти время в своём плотном графике для встречи и обсуждения этого животрепещущего вопроса. В отсутствие новостей многочисленные сплетни стали распространяться

ещё быстрее. Всё слышнее становились высказываемые до этого лишь шёпотом сомнения в том, что письмо, якобы хранящееся в реликтовом ящике в Румтеке, действительно существует. Со всех сторон сыпались письма, петиции и домыслы, обвиняющие Тай Ситу и Шамара Ринпоче, что они, занятые собственными делами, ничего не предпринимают для поисков реинкарнации.

В марте 1990 года Шамар, Тай Ситу и Джамгон Конгтрул опять собрались на неформальную встречу в Нью-Дели в отеле «Оберой», где остановился Тай Ситу Ринпоче. Гьялцаб Ринпоче давал учение на Тайване. Теоретически на повестке дня мог бы быть лишь один пункт, но, что любопытно, — вопрос о том, что у Тай Ситу есть новость, «сходная с радостным пением павлина», как оказалось, вообще не упоминался. Позже Тай Ситу объяснил это тем, что поднимать такой серьёзный вопрос в отеле, а не в освящённом пространстве Румтека было бы по меньшей мере «неуместно». Да и Шамар, и Джамгон Конгтрул тоже не сочли нужным упомянуть об этом деле. Вместо этого ближайшие ученики приняли обращение к Благотворительному фонду Кармапы, целью которого было несколько успокоить волнение общественности. В нём они подтверждали свою уверенность в правильности тех процедур, с помощью которых предыдущие Кармапы идентифицировали своё следующее рождение и подчёркивали необходимость проявить терпение и «оставаться стойкими при любых обстоятельствах до тех пор, пока не наступит благоприятное время». Обращение далее просило попечителей фонда «серьёзно обдумать» уместность каких-либо публичных заявлений относительно попыток обнаружить реинкарнацию Кармапы при сложившейся в данный момент ситуации. Никакого публичного обращения по результатам встречи сделано не было.

В ноябре в ответ на «настоятельные запросы» со всех сторон четверо ближайших учеников в попытке успокоить

растущее беспокойство общественности сделали ещё одно заявление, на этот раз публичное. «У нас нет намерения извлечь из этой ситуации какую-либо выгоду лично для себя, так как это привело бы к расколу, — говорилось в нём. — Ходят ни на чём не основанные голословные утверждения о том, что кто-то из нас преследует свои собственные цели и что никакого завещания на самом деле не существует. Мы не советуем всерьёз воспринимать подобные досужие домыслы». В письме ещё раз повторялось, что основой для опознания следующей инкарнации будут «нерушимые наставления» самого Кармапы и всем следует проявить должное терпение. «Если все вы сможете... приложить усилия и проявить терпение в данной ситуации, то энергия Кармапы никоим образом не сможет подвести или обмануть вас, — в нужное время он явит себя миру». Однако подобные призывы к поддержанию веры оказывали уже довольно слабое воздействие.

В сентябре 1991 года Тай Ситу вновь отправился в Тибет, в монастырь Палпунг. Монахи Палпунга и других монастырей кагью по всему региону просили Тай Ситу дать одно из самых важных посвящений в линии кагью, «Дам нгак дзо». До этого в течение четырёх лет китайцы отказывали Тай Ситу во въездной визе, но теперь наконец он её получил. По дороге в Тибет Тай Ситу на неделю остановился в Пекине, где встретился с рядом китайских и тибетских чиновников. Из Пекина он продолжил свой путь в Тибет. Приехав наконец в Палпунг, он занял своё место на Красном троне. Трон этот пережил разграбление монастыря во времена культурной революции благодаря тому, что Красная гвардия запихнула его в хранилище, а теперь, незадолго до приезда Тай Ситу, трон был восстановлен и возвращён в храм на своё законное место.

В Палпунг приехали тысячи монахов, лам и тулку со всей провинции Кхам и из прилегающих районов. Шесть недель продолжались посвящения. В главном алтарном

зале каждый день проводились пуджи. Помимо этого, на Тай Ситу была возложена обязанность подтвердить опознание ряда новых реинкарнаций. В тиши своих комнат над главным алтарным залом Тай Ситу, оставаясь в одиночестве, медитировал и делал прорицания, наблюдая за приходящими знаками, после чего выносил решения. За несколько недель он опознал более ста новых тулку. Большинство из них принадлежали линии кагью, но некоторые также относились к школам ньингма, гелуг и сакья. Не все из них были маленькими мальчиками. Некоторые были реинкарнациями мастеров, умерших либо в водовороте культурной революции, либо во время последовавшего за ней массового голода. Этим монахам было по двадцать — тридцать лет, но они слабо представляли свой духовный статус.

Среди опознанных Тай Ситу лам-перерожденцев была и реинкарнация Чогьяма Трунгпы, умершего в Америке за четыре года до этого. Кто-то рассказывал, что перед смертью Трунгпа в характерной для него манере объявил о своём намерении родиться не признанным ламой-тулку, а японским рыбаком. Но, очевидно, планы его впоследствии изменились. Первую просьбу найти реинкарнацию Трунгпы Тай Ситу получил от монахов Сурманг Дудитхила — традиционной резиденции Трунгпы в Тибете — спустя несколько месяцев после его смерти. В марте 1991 года Тай Ситу дал первые наставления монахам о том, как следует искать реинкарнацию и какие ритуалы необходимо выполнить. В ответ ему представили список имён, полученных в результате поисков, и вскоре новая инкарнация была подтверждена. Новый Трунгпа, 12-й по счёту, родился в семье пастухов-кочевников. В день его рождения, как сообщалось, вода в местном источнике на несколько часов приобрела белый цвет и по виду напоминала молоко. Двухлетний мальчик был привезён в Палпунг и в присутствии сотен монахов получил от Тай

Ситу посвящение в духовный сан. Прядь волос с его головы была отстрижена в традиционной для данного ритуала манере.

Среди самых молодых монахов был и шестилетний мальчик, сын семьи кочевников из Кхама. Для своего возраста он был небольшого роста, на щеках его красовался румянец, столь характерный для кхамцев, и он отличался от других детей своим яростным и пронизывающим взглядом. Последние два года он жил в маленьком монастыре, или гомпе, под названием Карлек, где его опознали как тулку, но пока не идентифицировали и не дали формального имени. Он был просто известен как Апо Гага. Тогда никто и не догадывался, сколь важной персоной он окажется в недалёком будущем.

В январе 1992 года Джамгон Конгтрул и Гьялцаб Ринпоче выпускают совместное официальное заявление. В нём говорится, что до них дошли слухи о том, что, действуя на основе некоего «видения», Шамар тайком ездил в Тибет для изучения данных, указывающих на одного ребёнка, который, как он полагает, может быть новой инкарнацией Кармапы. По другим слухам, говорилось в заявлении, Тай Ситу независимо от троих других ринпоче тоже работает в этом направлении. Джамгон Конгтрул и Гьялцаб Ринпоче объявляли эти слухи беспочвенными и распускаемыми по «политическим соображениям». «Более того, в обществе распространяется очень много домыслов и рассылаются всевозможные письма по этим поводам. Мы видим в происходящем серьёзную опасность, так как всё это создаёт препятствия на пути достижения нашей цели — обнаружения реинкарнации Его Святейшества». Это публичное заявление было отчаянной попыткой залатать трещавший по швам союз между регентами, попыткой замаскировать тот факт, что Тай Ситу и Шамар уже давно двигались каждый в своём направлении.

21 января, спустя три недели после открытого обращения Гьялцаба и Джамгона Конгтрула, Шамар написал письмо Тай Ситу Ринпоче. Тогда, извещал он, 25 марта созывает в Румтеке собрание Благотворительного фонда Кармапы.

Так как Тай Ситу до этого находился в Тибете, Тогпа не смог с ним связаться лично, и поэтому Шамар писал ему, чтобы известить о предстоящей встрече. Если принять во внимание тот факт, что Шамар и Тай Ситу оба в то время находились в Гонконге, но лично не встретились, то это письмо может служить ярким свидетельством глубокой враждебности и взаимной подозрительности, существовавшей на тот момент между двумя ламами. Шамар отправил своё письмо с посыльным. 1 февраля Тай Ситу ответил письмом, направленным Шамару, Гьялцабу и Джамгон Конгтрулу, прося их о встрече в Румтеке в следующем месяце. В это же время в Румтеке проводились церемонии с целью освящения новой четырёхметровой статуи Будды, установленной в главном зале. Шамар спонсировал отливку и установку статуи, а Джамгон Конгтрул собрал средства для приобретения листового золота. Во время ритуалов освящения из лба статуи начала сочиться жидкость. Это было воспринято как дурное предзнаменование.

15 марта Тай Ситу прибыл в Румтек, привезя с собой письмо-предсказание. Джамгон Конгтрул уже ждал его, чтобы приветствовать. Гьялцаб и Шамар ещё были в пути. В тот вечер Тай Ситу созвал встречу административных работников монастыря. Ничего не сказав про письмо, он лишь известил их, что привёз с собой хорошие новости о реинкарнации Кармапы и что он уходит в трёхдневный ретрит в алтарной комнате, собираясь медитировать в присутствии реликвий 16-го Кармапы в надежде, что тем временем придут Гьялцаб и Шамар. Прежде чем уйти в ретрит, он посвятил в это дело Джамгона, показав ему

письмо. «Он был несказанно счастлив, — сказал мне Тай Ситу. — Он даже заплакал».

Утром 19 марта Тай Ситу вышел из ретрита. На выходе из алтарной комнаты он увидел трёх деревенских детей, двух мальчиков и девочку, которые шли по направлению к нему, каждый неся по полному кувшину молока. Тай Ситу воспринял это как благоприятный знак. Гьялцаб и Шамар уже были в монастыре, и в то утро все четверо ближайших учеников собрались, наконец, в гостининой резиденции Кармапы, позади монастыря. Атмосфера была явно напряжённой. Тай Ситу спросил каждого из них по очереди, не удалось ли им обнаружить инструкции Кармапы. Все ответили отрицательно. Тогда Тай Ситу поднялся со своего места и прошёл к пустому стулу, где обычно сидел Кармапа, сделал перед ним три простирания и развернул длинный шёлковый хадак, который положил на стул. Из складок своего одеяния он извлёк жёлтый шёлковый мешочек. «Письмо находится здесь», — сказал он. Затем он всё рассказал: о том, как в своём номере в отеле «Оберой Гранд» в Калькутте Кармапа дал ему этот амулет, о том, как он восемь лет носил его сначала на шее, а потом на поясе, не подозревая о том, что там на самом деле находится, и о том, как в своей комнате в Шераб Линге он, наконец, открыл мешочек и обнаружил письмо-предсказание. Трое других ринпоче обступили Тай Ситу, чтобы рассмотреть представленные им вещи. О том, что происходило дальше, существует несколько противоречивых версий.

«Когда я показал им письмо, Гьялцаб Ринпоче был очень счастлив, — сказал мне Тай Ситу. — А Шамар скорее выглядел подавленным. Я был в шоке. Такое случилось впервые. Но потом, когда мы всё обсудили в деталях, он не проявил никаких признаков несогласия».

Сидя в вестибюле гостиницы «Хайятт Редженси» в Нью-Дели, Шамар рассказывал эту историю по-другому.

«Тай Ситу сказал: “Вот письмо”. И Джамгон Конгтрул сказал: “Ой, очень хорошо, очень хорошо! Письмо!” Джамгон Конгтрул был так наивен... Потом Тай Ситу открыл письмо. Я всегда замечаю такие вещи, это всем известно. Я первым взял письмо в руки. И заметил, что там было имя Тай Ситу. В этом письме говорилось, что Кармапа должен последовать за Тай Ситу». Шамар пожал плечами: «Ну, хорошо... пусть так, это неважно. Но письмо было явно написано почерком самого Ситу Ринпоче. Он очень постарался, но не смог его изменить. У меня есть столько экземпляров подписи Кармапы. В Румтеке, когда мы сдавали экзамены, рядом с названием каждого предмета стоит подпись Кармапы. И на подписи были водяные разводы, делающие её почти неузнаваемой, как будто бы их специально там оставили».

«Я сказал: “Как это может быть?” Тай Ситу ответил: “Это мой пот, я носил этот мешочек на теле последние одиннадцать лет, всё время, и влага просочилась сквозь ткань!” Тогда я сказал: “Но конверт совсем новый! Вода только здесь, в уголке. А письмо внутри в очень плохом состоянии. Как это могло получиться?” Он сказал: “Я не знаю! Это мой пот, его и спрашивайте!” На конверте было написано, что его следует открыть в год Железной Лошади. Поэтому я сказал: “Вы только недавно открыли этот мешочек?” И Тай Ситу ответил: “Да, совсем недавно”. Тогда я спросил: “Вы не знаете никакого мальчика, который бы соответствовал даваемому здесь описанию?” И он сказал: “Теперь, исходя из этих инструкций секретарь по общим вопросам с группой людей должны отправиться на поиски мальчика. Здесь упоминается, что мальчик должен находится где-то в восточных землях”. Я сказал: “В Индии или в Тибете?” Он сказал: “Я не знаю где”. Вот что он сказал. Он мог бы сказать, что в соответствии с этим письмом он искал и нашел мальчика, вот это письмо, и мальчик находится там-то. Но он этого не сказал. Я заподозрил, что

мальчик уже найден. Вот почему я сказал: “Где мальчик?”. Но он ответил: “Я не знаю”. Поэтому я сказал ещё раз: “Мне кажется, что это не почерк Кармапы”. Гьялцаб Ринпоче, ещё до того, как он прочёл письмо, говорил: “Это письмо подлинное!” Я сказал: “Вы даже не видели письма. Откуда вы знаете, что оно подлинное?” “Нет, нет, письмо подлинное”, — повторил он. Это продемонстрировало мне, что все они были заодно в этом деле.

Потом Джамгон Конгтрул пошёл в свою комнату, чтобы принести образец почерка Кармапы. У меня с собой было письмо от Ситу Ринпоче. И мы сверили их, буква за буквой. Там была одна буква, написанная совсем иначе, чем её писал Кармапа. И ещё там была одна грамматическая ошибка, которую сделал в своём письме Ситу Ринпоче, и она же присутствовала в письме Кармапы. Тогда я сказал: “Ринпоче, вы должны сказать правду, сами вы написали это письмо или нет? Если его написали вы, тогда мы его сейчас порвём и ничего о нём не скажем. И если у вас правда есть выдающийся мальчик-кандидат, мы последуем за вами. Скажите всё сейчас”. Так я сказал. Но он ничего не ответил. — Шамар пожал плечами. — Возможно, он не доверял мне. Я сказал: “Если мы опубликуем это письмо, то его будут изучать сотни и сотни лам и ринпоче. А потом люди скажут, что письмо Кармапы — подделка! Это подорвёт самые устои нашей традиции, и если вы не признаётесь сейчас, тогда дело дойдёт до криминалистической почерковедческой экспертизы. Экспертные решения этого центра признаются и в Индии, поэтому давайте поедём в Лондон”. “Ой, — сказал он. — Вам придётся потратить 11 000 долларов”. Я сказал: “Ничего. Мы сможем найти эти деньги”. Он сказал: “У нас на это уйдёт десять лет”. Я сказал: “У нас нет выбора”. Тогда он сказал: “Я скорее девять раз умру, чем позволю подвергнуть это письмо западной графологической экспертизе. Я скорее умру за это девять раз...”»

В письме - предсказании говорилось:

Эмахо!

Самоосознанность — всегда блаженство,
 Дхармадхату (1) не имеет ни центра, ни пределов.
 Отсюда на север, на востоке [Страны] снегов
 Лежит земля, спонтанно сотрясаемая ударами
 божественного грома (2).

В прекрасной долине кочевников со знаком
 коровы (3) —

Метод — Дондруб, а мудрость — Лолага. (4)

В год того, кого используют для земли, (5)

С чудесным, раздающимся повсюду звуком
 Белейшей, (6)

Родится тот, кто известен в миру как Кармапа,

И опознает его Владыка Доньо Друпа (7)

Являя внесектарный подход, он проникает во всех
 направлениях,

Не сближаясь с одними и не отдаляясь от других,

Он является защитником всех существ.

Во веки веков сияет солнце буддийской Дхармы,
 принося благо живущим.

«Мы работали над письмом почти целый день, — рассказывал мне Тай Ситу. — Было несколько интерпретаций, но в целом всё сводилось к одному и тому же. Всё действительно было предельно ясно. Как только мы сели и занялись письмом, всё встало на свои места...»

Результатом явился следующий перевод-толкование:

- (1) Чо ки йинг — дхармадхату, пространство всех явлений и эквивалент шуньяты, или пустотности.
- (2) По-тибетски «божественный» — это лха, а гром (в тексте он поэтично назван «нам

чаг» или «небесный металл») — это *thok*.

Следовательно, понятно, что «божественный гром» — это Лхаток, то есть место, где родился 17-й Кармапа.

- (3) Название стана кочевников, в котором родился Кармапа, — Бакор: ба — означает «корова» (литературный термин, выбранный в тексте письма для обозначения «коровы» — доджо).
- (4) На языке буддийского символизма метод — это отец, а мудрость — мать.
- (5) «Год того, кого используют для земли» — было интерпретировано как то, что Кармапа родился в год Деревянного Быка: дерево произрастает из земли, а бык используется для её вспахивания.
- (6) «Белешая» — это крупная белая морская раковина, в которую традиционно трубят, возвещая знаменательное событие.
- (7) Ссылка на Тай Ситу Ринпоче.

«А потом, — сказал Тай Ситу, — мы стали размышлять, что делать...»

Джамгон Конгтрул был приглашён через несколько недель посетить Цурпу, чтобы дать там серию посвящений. Он возьмёт с собой копию этого письма и проинструктирует настоятеля Цурпу Друпон Дечена Ринпоче, чтобы тот организовал поисковую партию, которая отправится по описанному в нём маршруту. Между тем ближайшие ученики ничего не будут говорить общественности о содержании письма или о возможном местонахождении нового Кармапы. Они лишь объявят, что дальнейшая информация будет обнародована в октябре, когда поиски должны будут завершиться. Джамгон Конгтрул сделал фотокопию письма, а оригинал был аккуратно помещён в шкатулку-реликварий.

На протяжении всего дня, пока четверо ближайших учеников совещались по поводу письма и его содержания, снаружи собиралась большая толпа людей. Среди них были верующие из Ладакха и Непала, делегация от шести главных буддийских ассоциаций Сиккима и западные ученики, которых паломничество по святым местам привело в Румтек. Там же был и Аконг Ринпоче, вызванный из Шотландии Тай Ситу. Наконец, в три часа дня в гостиную пригласили группу делегатов. Теперь, какие бы разногласия ни возникли до этого между Тай Ситу и Шамарпой, отныне они тщательно скрывались за фасадом единодушия.

Было объявлено, что долгие годы ожиданий закончились. «У нас находится письмо-предсказание 16-го Кармапы». Послышался взволнованный шёпот делегатов, после чего Кунсанг Шераб, председатель Буддийской ассоциации Сиккима, вышел вперёд. Не могли бы они увидеть письмо? Джамгон и Гьялцаб вынули письмо из золотого реликвария. Объяснив, что к подобной святыне никому не следует прикасаться, Гьялцаб Ринпоче осторожно двумя пальцами держал письмо перед собой, пока вокруг него толпились люди, рассматривая реликвию.

Все кивали в знак одобрения, потом был задан ещё один вопрос. Надпись на конверте уточняла, что письмо должно было быть открыто в год Железной Лошади (1990), т. е. два года назад, сказал один из делегатов. «Возможно, — сказал он, — досточтимые ринпоче не так уж сильно любят Его Святейшество, если они до сих пор не открывали письмо...»

Со своего места, чтобы ответить, поднялся Джамгон Конгтрул: «Найти реинкарнацию — это работа и ответственность Ринпоче, — сказал он, — или это работа делегатов?»

Тогда заговорил Аконг Ринпоче: «То ли это самое письмо, которое, как предполагалось, регенты должны были найти шесть лет назад в ящике-реликварии? Если

это оно, то почему конверт такой засаленный и почему письмо выглядит таким старым и потрёпанным?»

«У нас есть ответы на эти вопросы, — сказал Тай Ситу, — но сейчас не время для них».

Встреча подошла к концу, делегаты и ближайшие ученики покинули комнату. Среди ожидавших снаружи был Клеменс Куби, немецкий режиссёр, снимавший в то время события в Румтеке. Он заснял Джамгона Конгтрула, говорящего прямо в камеру: «Инструкции предельно ясные».

На следующий день, 20 марта, состоялась официальная встреча между четырьмя ближайшими учениками и членами спешно созванной делегации из представителей правительства Сиккима, членов Законодательной ассамблеи Сиккима (Сингха) и представителей сиккимских монастырей. На ней было официально объявлено, что письмо-предсказание обнаружено и что новая инкарнация будет идентифицирована и возведена на трон не позднее чем через шесть-семь месяцев. На этот раз ближайшие ученики отказались продемонстрировать письмо, объяснив это тем, что оно потеряет своё благословение, если пойдёт гулять по рукам. Американка Мишель Мартин, серьёзно изучавшая и практиковавшая буддизм и помогавшая в Румтеке Джамгону Конгтрулу с переводами, перевела письмо-предсказание на английский. «У меня нет ни малейших сомнений, что Джамгон Конгтрул Ринпоче абсолютно верил в то, что письмо было письмом Кармапы, — вспоминает она. — Все тогда были просто в каком-то экстатическом состоянии. Ведь мы так долго ждали этого. И то, что четверо ближайших учеников были вместе и было сделано такое заявление... от этого все просто светились счастьем».

Как оказалось, не все. Топга раскалился добела от гнева. При встрече с четырьмя ближайшими учениками он, словно эхо, повторял обвинения Шамара Ринпоче в том,

что письмо было подделкой, и угрожал, что сделает всё возможное с тем, чтобы помешать «лже-Кармапе» взять контроль над Румтеком.

На следующий день Тай Ситу покинул Румтек, направившись в Дхарамсалу на встречу с Далай-ламой. Позже Тай Ситу опишет эту встречу в своей речи в Румтеке. Он информировал Далай-ламу, скажет Тай Ситу, об обнаружении письма-предсказания и о той дискуссии, которая имела место между четырьмя ближайшими учениками. Потом Далай-лама расскажет ему, что у него у самого было видение относительно перерождения Кармапы. В этом видении Далай-лама находился в месте, где всё вокруг было зелёным, но деревьев не было; очень красивое место. Горы были невысокими, и с каждой стороны, справа и слева, струилось по речке. Он сказал, что не видел ни людей, ни животных, но слышал в воздухе звучание слова «Кармапа». «Его Святейшество, — вспоминает Тай Ситу, — чувствовал себя совершенно счастливым, когда проснулся после этого видения». Во время той встречи, продолжал Тай Ситу, он сказал Далай-ламе, что из письма-предсказания было ясно, что Кармапа решил переродиться в Тибете. Если это так, ответил Далай-лама, то, несомненно, в этом есть какой-то сокровенный смысл, и добавил, что «всё должно быть сделано предельно аккуратно».

26 марта Тай Ситу написал в Шераб Линге письмо, адресованное «всем последователям буддизма и в особенности последователям линии кагью», в котором говорилось о том, что «сейчас организуется процесс поисков и опознания» инкарнации 17-го Кармапы и что «с благословения и согласно молитвам Его Святейшества Далай-ламы и других мастеров Ваджраяны нами будет осуществлено окончательное подтверждение инкарнации, о чём и будет объявлено позже». Так, соглашение о неразглашении какой-либо информации о новой реинкарнации Кармапы до октября оставалось в силе не больше недели.

Сидя в своей комнате в Шераб Линге, Тай Ситу обрисовал план действий, который, как он сказал, был разработан регентами в Румтеке во время их встреч. Джамгон Конгтрул, как замышлялось, должен был поехать в Тибет, чтобы начать там процесс поисков Кармапы согласно указаниям, содержащимся в письме. Для этого из Цурпу на восток должна была отправиться поисковая группа. Как только мальчик будет найден, сведения об этом должны были быть направлены самому Тай Ситу, который потом сообщит об этом Далай-ламе. «Если он одобрит наш выбор, мы пошлём экспедицию обратно с тем, чтобы забрать мальчика, а если не одобрит — продолжим поиски». Тем временем, продолжал Тай Ситу, Джамгон Конгтрул переговорил бы со своим дедом Нгабо Нгаванг Джигме и попросил бы его обсудить с китайскими и тибетскими официальными лицами вопрос о визе для выезда нового Кармапы в Индию. Кармапу привезли бы к Далай-ламе для церемонии пострижения в монахи и в конечном итоге возвели бы на трон в Румтеке.

Но в жизни ничего не проходит так гладко, как нам рисует нам наше воображение. «Мы были неискушёнными в политике, — сказал мне Тай Ситу. — Мы думали, что всё случится именно так, как мы задумываем! Что всё будет так же легко, как когда ты получаешь, скажем, визу и летишь в Америку! Что просто надо найти кого-нибудь, кто тебе поможет, и пойти к нему, и ты получишь всё, что тебе надо. Так мы тогда думали. Потому что и я ведь таким же образом ездил в Тибет, никогда ничего не скрывая».

И именно в этот момент погибает Джамгон Конгтрул. В конце апреля, в разгар подготовки к поездке в Тибет, Джамгон Конгтрул получил в подарок от своего брата-бизнесмена новый «БМВ 525». Утром 26 апреля Джамгон Ринпоче решил опробовать новое приобретение. С ним в машине были водитель, его друг лама Кунга и личный секретарь Тензин Дордже. Направляясь

на север от Силигури, автомобиль неожиданно изменил направление, выехал с дороги и врезался в дерево. Спидометр в превратившейся в груды металла машине застыл на отметке 110 км/ч. Дзамгон Конгтрул умер почти мгновенно. Водитель и лама Кунга умерли позже, в больнице. В живых после аварии остался только Тензин Дордже.

Спустя пять дней после катастрофы он пространно изложил на бумаге то, что произошло. Трагедия, писал он, «настигла нас из-за недостатка благих заслуг, а также по причинам, которые выше нашего понимания или видения». Он описал, как машина мчалась на большой скорости по национальной трассе к северу от Силигури, когда водитель вдруг неожиданно вывернул руль, чтобы избежать столкновения со стаей птиц. Так как дорога была немного скользкой, их занесло, и тормозной путь автомобиля, прежде чем он врезался в дерево, потом можно было видеть на протяжении 30—40 метров. От удара всех находившихся в салоне выбросило из машины. Дордже сразу же пришёл в себя и бросился к Дзамгон Конгтрулу, лежавшему рядом с автомобилем. «Мне показалось, что он испустил дух прямо у меня на руках», — написал он. Остановив проезжавшую машину, вспоминает Дордже, он отвёз тело Ринпоче к ступе в Салугаре, что в нескольких километрах от места аварии, и положил его на кровать Калу Ринпоче, который некогда жил там. «Лицо Дзамгона Ринпоче выглядело совершенно безжизненным, но, когда я обмыл его водой, выражение изменилось и стало напоминать то, каким я его видел во время сна». Область сердца также была тёплой, и я почувствовал облегчение, подумав, что он выживет. После аварии прошло два часа. Вызвали врача, чтобы он осмотрел Ринпоче, но тот лишь констатировал смерть.

Первым из ближайших учеников Кармапы, приехавшим на место происшествия, был Шамар Ринпоче. В то утро он находился с визитом в местной школе, куда ему

и позвонил чиновник из правительства Сиккима, чтобы сообщить об аварии. Шамар Ринпоче кинулся к Джамгон Конгтрулу. Он рассказал мне: «Когда видишь человека, погибшего в результате несчастного случая... это сильный шок. Сами собой на глаза наворачиваются слёзы. Это совершенно выбило меня из колеи. Я чуть не сошёл с ума, я рыдал...» Осмотрев тело, он объявил, что Джамгон Конгтрул находится в состоянии туг-дам, или посмертного самадхи ясного света. Вскоре прибыли Гьялцаб и ещё один известный лама — Бокар Ринпоче. Так как день обещал быть жарким, было предложено немедленно отвезти тело Джамгона в Румтек. Все вместе ринпоче молились, прося Джамгона выйти из состояния самадхи. «Когда они закончили молитву, — записал Тензин Дордже, — состояние туг-дам завершилось, и лицо Ринпоче приняло прежний, безжизненный вид».

Тело Джамгона было торжественно перевезено в Румтек, где его поместили в алтарный зал для проведения церемоний Ваджрной короны. В ту ночь на Румтек обрушился град, погребая монастырь и окружающие его земли под двухсантиметровым слоем льда. «Казалось, — вспоминает один из западных посетителей, — что само небо рыдало». Со всех концов света стали стремительно прибывать ученики, чтобы принять участие в сорока-девятидневных погребальных пуджах. Румтек был в состоянии шока, как вспоминает один из живших там в то время европейцев. «Всё просто утонуло в потоках горя и нежелания верить в то, что произошло», атмосфера была тяжёлой, пропитанной страхом и тревогой. Из уст в уста передавался рассказ о том, что накануне аварии Гьялцаб Ринпоче видел во сне, как в верхнем алтарном зале Румтека, Каши Дунг Гье, или «зале с четырьмя колоннами и восьмью балками», обрушились две колонны, из-за чего просел потолок. Четыре колонны — это, как говорили, четыре ближайших ученика, и было ясно, что обрушение

одной из них символизировало смерть Джамгона. Что ждёт нас дальше? Джамгону было всего тридцать восемь лет. Его любили и почитали во всём мире, и его внезапная и ужасная смерть потрясла всех, «как если бы случилось что-то невозможное, что-то невообразимое».

И в самом деле смерть Джамгона была настолько непостижимой, что трудно было поверить, что это действительно был лишь несчастный случай. Какие кармические силы могли привести к этой катастрофе? Слухи множились с невероятной скоростью. На фотографиях, сделанных на месте аварии, было видно, что мотор был найден почти в тридцати метрах от врезавшейся в дерево машины, вызывая предположение, что его выбросило как при взрыве. Говорили, что ступни ног Джамгона были обожжены. В день накануне аварии автомобиль осматривали механики, вызванные из Дели. Ясно, что они и подложили бомбу. Или же сделали что-то с тормозами. Нет, на самом деле механики приезжали из Бутана, и это всё было подстроено Топгой. Слухи, слухи, слухи: за рулём автомобиля во время аварии сидел не водитель, а сам Джамгон. Но об этом якобы нельзя официально объявить, потому что ринпоче, сам ведущий машину, — грубое нарушение протокола.

Но кому была выгодна смерть Джамгона Конгтрула? Он как раз собирался в Тибет, чтобы следовать инструкциям из письма-предсказания, предъявленного Тай Ситу. Значит, его смерть была выгодна только тем, кто хотел помешать этому. По углам шёпотом назывались имена Топги и Шамара. Но убедительных доказательств того, что это был заговор и авария была подстроена, не нашлось. Полиция отказала в проведении уголовного расследования причин аварии. Не хотела расследования и семья Джамгона Конгтрула.

В момент смерти Джамгона Тай Ситу давал учение на Тайване на собрании лиги бизнесменов «Молодые пре-

зиденты». Он сразу же свернул программу и поспешил в Румтек, приехав через четыре дня после аварии. Требовалось пересмотреть план, разработанный ими в марте и предусматривавший следование инструкциям письма-предсказания. Что было делать? Логично было бы, чтобы трое ближайших учеников Кармапы, оставшиеся в живых (а все они присутствовали в то время в Румтеке), встретились бы и решили, какие шаги следует предпринять. Но взаимное недоверие между Тай Ситу и Шамаром было столь велико, что такой встречи не произошло.

Со дня смерти Джамгона и вплоть до приезда Тай Ситу Шамар принимал участие в заупокойных церемониях-пуджах. Потом он объявил, что ему приснился сон, который он интерпретировал как «дурное предзнаменование», и поэтому решил удалиться в уединённый ретрит для интенсивной медитации в своём доме, стоявшем неподалёку, вниз по склону от монастыря. Было очевидно, что ретрит Шамара не позволит ему встретиться ни с Тай Ситу, ни с Гьялцабом. Кроме этого, у Шамара были и другие планы: вместо того чтобы остаться в Румтеке на всё время прощальных служб, он объявил, что вскоре отбывает на конференцию в Америку.

9 мая он вышел из ретрита, чтобы отправиться в Гангток на встречу с премьер-министром Сиккима Н. Б. Бхандари, и обсудить с ним вопрос о письме-предсказании. По словам Шамара, он объяснил Бхандари, что уезжает в Америку, и просил его направить подразделение полиции в Румтек для «охраны» письма. Бхандари согласился.

Министр также пригласил на эту встречу Тай Ситу. «Я предложил Гьялцабу присоединиться к нам, — сказал мне Тай Ситу. — Но когда мы приехали, Шамарпа уже был у министра. Секретарь сказал нам, что он (Шамар) прибыл раньше, чем планировалось. Поэтому мы подождали. У меня даже был приготовлен хадак для Шамарпы, потому что я не видел его несколько месяцев. И вдруг я слы-

шу, как хлопнула дверь автомобиля и... Шамарпа уехал». На той встрече с премьер-министром Тай Ситу попросил расследовать причины аварии, унёсшей жизнь Джамгона Конгтрула. «Нам всем было немного не по себе, и нам бы хотелось всё для себя прояснить. Но он сказал, что с этим будут проблемы, потому что авария произошла в другом штате, и всё такое». Ринпоче вернулись в Румтек. «И на следующий день Шамар улетел в Америку. Мы не имели возможности перемолвиться с ним ни единым словом».

Теперь, в отсутствие Шамара, Тай Ситу и Гьялцаб разработали новый план. «Мы беспокоились, — сказал мне Тай Ситу. — Мы же сказали людям, что новости будут объявлены в октябре. И мы волновались, полагая, что многие люди в Тибете слышали обо всех этих событиях и вполне может произойти что-нибудь непредвиденное. Безопасность Кармапы может оказаться под угрозой. И мы подумали, что необходимо спешить. Потом у нас была ещё одна встреча с Гьялцабом и другими высокопоставленными ламами, остававшимися в Румтеке, и мы решили, что Гьялцаб пошлёт своего секретаря по общим вопросам Шераба, а я попрошу поехать Аконга, у которого благодаря многочисленным проектам, осуществляемым в Тибете, накопился огромный опыт путешествий по этой стране. А кроме того, мы с Гьялцабом Ринпоче хотели спонсировать через Палпунг-лабранг прочтение множества молитв для Джамгона Ринпоче, чтобы в Джокханге, в Дрепунге, в Сера и в других монастырях Лхасы зажигались лампы, потому что это тоже было необходимо сделать. Итак, мы вручили копию письма Шерабу и Аконгу и отправили их в Тибет».

9 мая Аконг Ринпоче и Шераб Тарчин покинули Румтек, увозя с собой копию письма-предсказания 16-го Кармапы. Пройдёт три недели, прежде чем из Тибета от них наконец придёт известие. Новая инкарнация Кармапы найдена!

ГЛАВА 8

Пение раковины

Монастырь Гьюто. Август 2000 года.

Его первое в жизни воспоминание, сказал он, было связано с лошадьми. «Я тогда был совсем маленьким, но я как будто бы помню, что я был в палатке и множество людей верхом направлялись ко мне. Воспоминание не очень ясное, но точно помню, что лошади были украшены красивыми шарфами. Позже я понял, что как раз в то время одна из моих сестёр выходила замуж и в соответствии с тибетской традицией люди верхом на лошадях прибывали на свадебную церемонию». Кармапа взглянул в глубину комнаты, где стоял индийский офицер безопасности, «невольный» молчаливый участник нашего разговора. Его рождение, его детство, его воспитание... Каждый раз, когда я заговаривал об этом, в глазах Кармапы мерцало явно ощутимое безразличие, как будто бы он давал понять собеседнику: ну какой интерес могут представлять для кого-либо все эти вещи?

Тибетское буддийское учение о смерти и перерождении очень точно описывает всё, что происходит в процессе расставания сознания с телом. В момент смерти органы чувств один за другим угасают, подобно мерцающим и тухнущим огням, уходящим вдаль. Зрение, осязание, обоняние, память, способность к различению — посте-

пенно перестают функционировать. Лишённый органов чувств, ум становится способным осознавать свою собственную природу без всяких проекций и заблуждений, проявляясь как ослепительно ясный белый свет. Для обычного, неподготовленного ума свет его истинной природы настолько пронзителен и всепоглощающ, что мы инстинктивно стремимся отвернуться от него в отчаянном поиске чего-то более знакомого. И таким образом мы опять входим в промежуточное состояние бардо, где находимся семь дней или семь раз по семь дней, пока однажды снова не будем вовлечены неумолимыми силами кармы в поиск перерождения, или воплощения в новой форме. Но для йогина, который должным образом подготовил свой ум к этому переживанию, ясный свет изначальной природы представляет собой возможность достижения освобождения. Пребывая в медитативном равновесии в этом состоянии долгие часы, дни или даже недели, он может достичь полного освобождения от сансары.

Практическая арифметика реинкарнации несколько озадачивала меня. 16-й Кармапа умер в 1981 году. Рождение его реинкарнации приходится на 1985 год. Где он провёл эти четыре года? Когда бы я ни задавал этот вопрос, его всегда встречали со снисходительной улыбкой. В Чистых землях, говорили мне, а иногда даже шутили: «Он был в отпуске в Чистых землях». В соответствии с учениями махаяны, Чистые земли — это ментальные планы бытия, проявленные состраданием будд и бодхисаттв; места, где нет бедности, страданий или голода, где все условия благоприятны для продвижения по пути Дхармы. «Так и в случае с Кармапой, — говорит Тай Ситу, — возможно, он был в Чистых землях. Или, может быть, он пребывал в каком-то медитативном состоянии. Он мог переродиться в другом царстве, в другой вселенной. Пожалуй, лишь он один знает об этом».

Если всё это является правдой, если он действительно реинкарнация 16-го Кармапы и если, как утверждает история, Кармапы всеведущи, тогда каковы же его воспоминания о прошлых жизнях и о периодах между ними? Создаётся впечатление, что это те вопросы, которые никогда не задают, потому что на них никогда не дадут ответа. Это — ещё одна нить в покрове мистики и загадочности; нечто такое, что выше слов и обыденного понимания. Одним из обязательств буддийского йогина является условие никогда не говорить о своих духовных свершениях, и одним из условий достижения просветления является уклонение с самоуничижительной улыбкой от ответа на подобные вопросы.

«Как правило, даже если вы действительно являетесь реинкарнацией некоего существа, жившего ранее, вы всё равно не будете помнить того, что происходило с вами в прошлом, потому что на пути подобных воспоминаний стоит множество препятствий, — сказал мне Кармапа. — Даже если вы просветлённое существо, как 16-й Кармапа и я вот сейчас, 17-й... даже несмотря на мудрость 16-го Кармапы, возможны определённые препятствия, мешающие проявиться подобным воспоминаниям. И потом, могут быть и другие причины и условия, препятствующие открытию памяти о прошлых рождениях...». Он помолчал. «Поэтому, честно говоря, я мало чего помню. Но когда я читаю биографию 16-го Кармапы и смотрю видеозаписи с его участием, я получаю огромное удовольствие, наблюдая за деяниями своего предшественника...» Он улыбнулся.

А почему — я попытался яснее сформулировать вопрос — по какой причине, по его мнению, 16-й Кармапа выбрал именно его родителей?

Если он и подумал, что мой вопрос не вполне уместен, то это никак не отразилось на его лице. «Это в большей степени зависит от кармы, а также очень важную роль

здесь играет проявление принципа взаимозависимости, описанного в учениях Будды. Я думаю, возможно, ещё и поэтому...»

Я отважился нырнуть ещё глубже и сказал, что кто-то рассказывал мне, что, когда его отец был ещё ребёнком, он однажды встретился с 16-м Кармапой и Кармапа дал ему имя. Не думает ли он, что эта встреча имела особое значение для обстоятельств его собственного рождения?

«16-й Кармапа действительно путешествовал по всему Тибету, и это правда, что он давал имена, когда его просили об этом. Мой отец был одним из тех, кто получил от него имя. И, как я говорил, я и сам иногда думаю, что в тот момент между ними возникла кармическая связь». Его родители, продолжал он, преданные буддисты, «хорошие практикующие», и, пока он рос с ними, в семье было много разговоров о Дхарме. «Я полагаю, что иногда они также говорили о 16-м Кармапе. Я ясно помню, что в нашей семье был маленький алтарь и на нём стояла фотография Его Святейшества».

Возможно, сказал я, на них пал выбор, потому что они такие преданные буддисты.

— Ну, я не могу сказать, что именно это является причиной, потому что есть много других семей, столь же искренне преданных Дхарме, как моя, даже может быть ещё более преданных. Но раз Его Святейшество 16-й Кармапа принял решение родиться в моей семье, то это означает, что он определённо стремился именно к этому.

Одного взгляда на Нгодруб Пелдзом было достаточно, чтобы понять, что она — родная сестра Кармапы. Хотя Нгодруб на семь лет старше, они вполне бы могли сойти за близнецов: у неё такое же, как у него, широкое, луноподобное лицо, совершенно пропорциональные черты лица, румяные щёки и миндалевидные глаза, такая же неожиданно появляющаяся ослепительная улыбка, мгно-

венно освещающая обычно суровое лицо. Того же бордового цвета монашеская одежда: Нгодруб Пелдзом — монахиня. Она бежала из Тибета через Непал за два месяца до своего брата и жила в монастыре Шераб Линг, пока не пришло известие о его побеге. В то же утро, приехав в Дхарамсалу, чтобы приветствовать Кармапу, она ждала его в гостинице «Бхагсу». Теперь она тоже жила в монастыре Гьюто.

Мы беседовали с ней в одной из комнат монастыря. Она была застенчива и прикрывала рот ладошкой, когда тихо смеялась. По-английски она не говорила, и наш с ней разговор переводил один из монахов. Когда я включил магнитофон, она попросила меня выключать его, когда она говорит, и записывать только перевод. Она не объяснила почему.

Нгодруб Пелдзом рассказывала о своём детстве. Её семья — из деревни Бакор, местности Лхаток в провинции Кхам, в Восточном Тибете. Бакор — община кочевников, состоящая примерно из 430 человек. Зимой семья жила в деревянном доме, а летом, когда они выводили скот на пастбище, — в палатке. «Вся наша жизнь была связана с животными и целиком зависела от них». У них было семь или восемь лошадей, примерно 200 овец и коз и 50—60 яков. «Это, — сказала она, — делало нас, по местным меркам, зажиточным “средним классом”». В семье было девять детей. Жизнь была очень простой, «но мы были очень счастливы. В мои обязанности входило заботиться о младших братьях и сёстрах». Образование, которое получали дети, было в основном религиозным. «Мои родители сидели с книгами, и мы изучали тибетские тексты, пуджи и молитвы, а также заучивали некоторые тексты наизусть».

В Лхатоке было три монастыря. Традиционно их семья была в основном связана с Кхампа Га, монастырём Кхамтрула Ринпоче, который принадлежал к одной из

малых школ традиции кагью — друкпа кагью. Два других монастыря принадлежали к линии карма-кагью. Каждый год какой-нибудь лама из одного или другого монастыря приезжал, чтобы дать учение и благословение. Это было самым важным событием в году, оно сопровождалось песнями и танцами, мужчины пили чанг — крепкую тибетскую брагу.

Её семья, как и все в деревне, высоко чтит Кармап. Фотография 16-го Кармапы стояла на алтаре в доме. «Наш отец часто рассказывал нам о Кармапе. И я помню, что, когда в 1981 году Его Святейшество умер и новость об этом дошла до Тибета, мой отец очень грустил. Он говорил всем: “Это знак того, что сейчас наступили тёмные времена, раз Его Святейшество умер”. Мы очень почитали Кармапу как одного из просветлённых людей этого мира».

Но никто не ожидал, спросил я, что Кармапа родится в их семье?

Её глаза расширились от смеха: «Нет, такого никто не ожидал».

В соответствии с местной традицией первый сын в семье, её старший брат в возрасте семи лет был отдан под опеку местного монастыря, Кхампа Га, в качестве монаха-послушника. Потом родились четыре дочери. Она была третьей из них. Но её родители Дондруб и Лога хотели ещё одного сына. Они разговаривали об этом с местным йогиним Карма Норсангом, который посоветовал им копить благие заслуги и для этого подавать милостыню нищим, кормить рыб, обитающих в реках, а также прочесть сто тысяч раз молитву прибежища и совершить паломничество в Лхасу. Они последовали всем его наставлениям, но следующей опять родилась девочка. К тому времени, когда они были готовы предпринять ещё одну попытку родить ребёнка, Карма Норсанг уже умер. Всё ещё желая родить сына, Дондруб и Лога обратились

к другому йогину, Тогден Амдо Палдену Ринпоче, аббату Карлека, небольшого монастыря, что находится в одном дне езды от Бакора. Амдо Палден сказал, что поможет при условии, что, когда их сын родится, Дондруб и Лога отдадут его ему в монахи. Они согласились на его условия, и вскоре после этого Лога забеременела.

В Тибете рождение великих людей всегда окутано легендами и сопровождается великими чудесами. Как говорят, Лога во сне видела трёх белых журавлей, предлагавших ей чашу с йогуртом, а также ей явились восемь благоприятных символов, утопающие в радужном сиянии.

— Эти рассказы — это правда? — спросил я.

Нгодруб Пелдзом кивнула: — Да, — сказала она. — Это всё — правда.

Ребёнок родился незадолго до рассвета 26 июня 1985 года. «Когда это произошло, все были очень возбуждены», — сказала Нгодруб Пелдзом. В семье было много детей, так что, вроде бы это не должно было так взволновать всех. Но перед его рождением было много особых знаков. В тот год погода была необычной. Из-за этого цветов было больше, чем всегда. И все люди вокруг ощущали себя счастливыми без особых на то причин. Это чувство беспричинного счастья было у всех, не только у нашей семьи. И потом ведь родился именно мальчик. Все в нашей семье ждали мальчика, и все, особенно моя мать, были очень счастливы. А мой отец, которому также являлись благоприятные знамения, был уверен, что этот мальчик не совсем обычный».

Говорят, что на третий день после рождения ребёнка в долине целый час раздавались звуки раковины, исполняя предсказание, содержащееся в письме 16-го Кармапы: «С чудесным, раздающимся повсюду пением раковины родится тот, кто известен в мире как Кармапа».

Нгодруб Пелдзом кивнула: «Да, этот звук я слышала. Все слышали». Она тихо засмеялась.

Маленького мальчика отвезли к Амдо Палдену, чтобы он дал ребёнку буддийское имя. Но йогин сказал родителям, что их сын особенный и только высокий лама может дать ему духовное имя. Так что родители называли его Апо Гага, что означает «счастливый ребёнок». Это было имя, которое, как говорит его сестра, пропела сорока вскоре после рождения мальчика, и она это слышала. Он был, продолжает она, на редкость милым и ласковым ребёнком. «Ещё младенцем он себя вёл очень хорошо, да и вообще был необыкновенным малышом. Обычно бывает, что когда ребёнок играет — неважно, мальчик это или девочка, — он убивает насекомых, и всё такое. Он ведь не понимает, кто живой, а кто нет! Дети обычно во время своих игр похожи на маленьких варваров. А Его Святейшество, даже когда был совсем маленьким, всегда заботился даже о самых мелких насекомых, чтобы никого ненароком не раздавить. И ещё, играя, он часто пытался построить маленький дом из песка или глины и называл его монастырём. Потом он приносил кусочки дерева и говорил: “Это мой трон!” В этом смысле он был необычным. Не только я, но и вся семья были уверены, что он особенный. И вся деревня была в этом уверена, но никто не знал, кем именно он был, не говоря уж о том, что он был Кармапой».

Когда мальчику исполнилось четыре года, его родители, верные обещанию, данному Амдо Палдену, настоятелю гомпы Карлек, отдали его в этот монастырь. Амдо Палден — высокий мрачный лама с длинной кудрявой рыжеватой бородой и волосами, заплетёнными на макушке в струящиеся, как змеи, косички. Он провёл двадцать пять лет в китайской тюрьме и теперь снискал репутацию сурового и требовательного мастера. Карлек был основан в XVII веке королём Лхатока, который был учеником 9-го Кармапы. В монастыре, в спартанских условиях, без водопровода и электричества, проживали около

ста монахов. Те благоприятные знаки, которые сопровождали рождение Апо Гага, и собственная интуиция Амдо Палдена подсказывали, что мальчик определённо является тулку, хотя и пока не идентифицированным. И, будучи таковым, он вправе рассчитывать на определённые привилегии. У него есть личный прислужник и собственный маленький трон в алтарном зале, стоящий сбоку и чуть ниже трона настоятеля. Жизнь его течёт по строгому расписанию. Каждый день он встаёт на общую молитву ровно в пять утра.

После этого — простой завтрак из цампы (мука из обжаренного ячменя), смешанной со сливочным маслом и сыром, и крепкий чай. До обеда — уроки чтения, после обеда — уроки письма. По вечерам он повторяет выученное за день. Мальчик изучает жизнеописание Будды и основные принципы его учения, учится проводить различные ритуалы с использованием барабанчика-дамару, ваджры и колокольчика. Так как он ещё маленький, ему разрешается иногда возвращаться в семью, или же семья навещает его.

Так проходят годы. Летом 1991 года в Карлеке чувствуется всеобщее оживление. Тай Ситу Ринпоче посетит Палпунг и даст посвящения. Монахи из монастырей со всего Кхама собираются в Палпунг, и монашеская община Карлека — не исключение. В конце октября группа монахов и мирян, среди которых и родители маленького Апо Гага, отправляются из Карлека в составе смешанного каравана из лошадей и других вьючных животных, несущих на себе еду и всё необходимое в дороге. Путешествие продлится четыре дня. Снег толстым слоем покрывает землю, лошади карабкаются по ледяным склонам, каждую ночь группа становится лагерем вокруг пылающего костра. Родители Апо Гага едут в Палпунг, преисполненные великих ожиданий. Амдо Палден сказал им, что их сын определённо великий ринпоче, хотя сам он и отказал-

ся сказать точно, чьей именно реинкарнацией он может являться. Конечно же, Тай Ситу Ринпоче сможет дать им исчерпывающий ответ.

Монастырь Палпунг расположен высоко на горе, известной как Госела, или «Серая шапка». Местная легенда утверждает, что человек может прийти к её подножию с чёрными волосами, но, когда он доберётся до Палпунга, его волосы точно будут седыми, настолько опасен этот подъём. Монастырь бурлит в ожидании праздника. Около трёх тысяч монахов и монахинь и более ста ринпоче со всего Кхама приехали сюда для участия в церемонии. Все комнаты монастыря уже переполнены, земля вокруг него — один сплошной лагерь, состоящий из палаток, шатров и импровизированных укрытий.

На протяжении следующих шести недель Тай Ситу проводит церемонии посвящений, принимает решения по опознанию новых тулку, постригает в монахи сотни людей, проходящих перед ним нескончаемой вереницей. Именно здесь впервые произошла встреча Тай Ситу с мальчиком, которого он впоследствии опознает как реинкарнацию 16-го Кармапы. Подробности этой встречи неизвестны. Совершенно точно, что Тай Ситу видел маленького монаха Апо Гага, и совершенно точно, что он провёл церемонию пострижения, так же как он проделал это и с десятками других молодых послушников. Ему наверняка сообщили, что рождение Апо Гага сопровождалось весьма знаменательными обстоятельствами. Во время своего пребывания в Палпунге Тай Ситу опознал более ста новых тулку. Неужели он мог не распознать своего бывшего учителя, самую мощную и влиятельную фигуру в иерархии карма-кагью? Но Тай Ситу настаивает, что он и понятия не имел, что прошедший перед ним маленький мальчик был Кармапой. «Сейчас Его Святейшество очень ругает меня, что я тогда его не узнал!» — сказал он мне.

По завершении всех посвящений и ритуалов маленький Апо Гага и его семья отправляются обратно в трудное путешествие в Лхаток. Его родители старательно скрывают своё разочарование от того, что их сын не был опознан как великий ринпоче. Если Апо Гага и был особенным существом, то Тай Ситу им точно ничего об этом не сказал.

И всё же, кажется, мальчик произвёл на высокого гостя определённое впечатление. В ноябре Тай Ситу покинул Палпунг, чтобы вернуться в Индию. Его путь лежал через Пекин. Там, в номере гостиницы, он приготовил подарки, чтобы отослать маленькому монаху из Карлека: большой шёлковый хадак, на котором он написал четыре строчки хвалы, обращённой к юному монаху (в них упоминалось имя Гуру Ринпоче), а также коралловые чётки, принадлежавшие предыдущему Тай Ситу. Однако в сопроводительном письме он ни словом не упомянул о возможности того, что Апо Гага — Кармапа. Если Тай Ситу и убедился, что наконец-то обнаружил объект своих поисков, он предпочёл держать это знание при себе.

Мальчик вернулся в Карлек, где оставался несколько месяцев. Весной 1992 года Амдо Палден отпустил его на каникулы повидаться с родителями. Семья готовилась выехать из зимнего дома на летние пастбища в Бакоре, где Апо Гага появился на свет. Мальчик сказал им, что надо торопиться: приедут монахи из монастыря, чтобы забрать его с собой. Не монахи из Карлека, а люди из ЕГО монастыря. А спустя три дня после этого разговора к ним прибыла поисковая группа из Цурпу.

Согласно официальному отчёту, поисковая группа выехала из Цурпу 12 мая 1992 года. За неделю до этого, 5 мая, лабранг Цурпу принял представителей правительства ТАР, показал им копию письма-предсказания и получил от них формальное разрешение начать поиски но-

вого Кармапы. Копия письма была прислана Тай Ситу и Гьялцабом Ринпоче из Румтека. От монастыря в группу поиска вошли четыре монаха, главным был лама Томо, правая рука Друпон Дечена, а также два водителя на двух предоставленных правительством машинах. Инструкции в письме указывали, что реинкарнация будет найдена в районе Лхатока, в восточной провинции Кхам. Путь туда займёт примерно три дня езды на машине, и день-два верхом на лошадах.

«Первая остановка группы была предусмотрена в монастыре Кхампа Га, — рассказывает мне Нгодруб Пелдзом. — Они представились паломниками и сказали, что у них письмо от друзей, которое нужно вручить одной семье. При этом они упомянули имя матери Его Святейшества — Лога. В Кхампа Га им посоветовали направиться в монастырь Карлек. Когда поисковая группа прибыла туда и спросила, не живёт ли в этом районе женщина по имени Лога, управляющий монастырём сказал им, что есть женщина с таким именем, её сын — молодой ринпоче в Карлеке, а его отца зовут Дондруб. Тогда поисковая группа попросила показать им дорогу, и вот так они приехали к нам домой».

Группа прибыла в Бакор 21 мая. Потом им пришлось ждать целые сутки. День считался неблагоприятным для такого важного события, как приветствие нового Кармапы. На следующий день группа появилась в палатке семьи Апо Гага. «В это время Его Святейшество находился со своей семьёй, — сказала Нгодруб Пелдзом. — В тот первый день, когда приехала поисковая группа, они нам не сказали, что он — Кармапа. После тщательной проверки они просто сообщили нам, что он — ринпоче из их монастыря. И в первый день они не встречались с Его Святейшеством. Только на второй день они увидели Его Святейшество и провели с ним какое-то время. И тогда они сказали семье, что, возможно, он — Кармапа». Глаза

Нгодруб Пелдзом при воспоминании об этом расширились. «Когда мы об этом узнали, у нас было очень странное чувство. Такое никому и в голову не могло прийти».

Родителей Апо Гага попросили никому ничего не говорить о том, кем, вероятно, является их сын, беречь мальчика и отвезти его как можно скорее обратно в Карлек. Двое монахов из поисковой группы остались с семьёй, в то время как остальные вернулись в Цурпу, чтобы доложить о результатах поиска Друпон Дечену.

В конце мая из Цурпу отправилась вторая, более многочисленная «торжественная» группа, с тем чтобы официально забрать мальчика в монастырь. Группу опять возглавлял лама Томо, но на этот раз в ней присутствовали и чиновники из Департамента по делам религий китайского правительства, а также представитель Объединённого фронта. Опознание нового Кармапы теперь стало официальным государственным делом. Аконг Ринпоче и Шераб Тарчин покинули Румтек 9 мая и направились в Тибет. По плану им предстояло доехать до Чамдо и там встретиться с группой из Цурпу, а затем вместе прибыть в Лхаток. Но в Катманду Аконг и Шераб задержались, ожидая въездной визы в Тибет. Задержка эта определённо имела политическую подоплёку. Для китайских властей было просто необходимо, чтобы первая группа, которая будет официально приветствовать нового Кармапу, состояла из лам оккупированного Тибета в сопровождении китайских правительственных чиновников, а не из тибетских лам, прибывших из изгнания. К тому времени, когда наконец Аконг и Шераб добрались до Чамдо, уже просочились новости о том, что поисковая группа обнаружила реинкарнацию Капмапы. Аконгу и Шерабу сказали, что мальчик уже вернулся в Карлек. Ламы как можно скорее направились туда. Небольшая гомпа изо всех сил старалась привыкнуть к той мысли, что Апо Гага, маленький монах, проживший у них последние три года, теперь был

опознан как 17-й Кармапа. Мальчика поселили в покоях настоятеля, ему прислуживали старшие монахи и члены группы, прибывшей из Цурпу.

У Аконга Ринпоче были свои задачи, которые нужно было решить. Как официальному представителю Тай Ситу Ринпоче, рассказывает он, ему было необходимо лично убедиться в том, что этот ребёнок действительно является Кармапой. Его ввели в комнату настоятеля, где он и встретился впервые с новым Кармапой. «И я точно знал, что это он... — Аконг сделал паузу. — Почему? У меня не было никаких сомнений, и вот почему. 16-й Кармапа дарил мне множество разнообразных реликвий. Он всегда мне что-нибудь дарил, когда бы я ни просил его. Но была одна вещь, которую я у него попросил, но не получил. Я спросил его, не могу ли я сохранить в качестве реликвии один из его зубов после его смерти. И он обещал мне. Когда он умер и был кремирован в Румтеке, всё это для меня было слишком тяжело. Я не поехал туда. Я ухаживал за ним в Чикаго, и мы очень сблизились в то время. Я просил доверенных людей (а я был уверен, что останется какой-нибудь зуб, не сгоревший в огне) постараться сохранить его для меня. Когда после кремации открыли ступу, говорят, там было несколько несгоревших зубов, но как-то так получилось, что мне не досталось ни одного. Я был очень расстроен. И вот, когда я впервые увидел Кармапу, я сказал ему: «Перед своей смертью Вы обещали мне кое-что, и где теперь то, что Вы мне обещали?» Рядом с ним на полу лежал коврик, и под ним он хранил один из своих молочных зубов. Он достал его и отдал его мне. Это разрешило для меня все возможные сомнения».

На Аконга была возложена ещё одна обязанность. В соответствии с традицией, было необходимо формально попросить семью отдать их сына для обучения в качестве ринпоче и предложить им взамен щедрые дары. В их семейном доме Аконг поднёс родителям мальчика деньги,

еду и свёртки дорогой ткани. «Потом отец и мать сказали, что сын им очень дорог, он — их сердце, и пусть им взамен подарят что-нибудь действительно ценное». Аконг подарил им драгоценную статую Будды, которую он привёз с собой из Сиккима. «Это их очень обрадовало, но в то же самое время они, конечно, сильно грустили».

В первую неделю июня в Цурпу начались приготовления к приезду молодого Кармапы. Рядом с только что выровненной дорогой, ведущей к монастырю, вывесили молитвенные флаги, а по обочинам из камней соорудили маленькие ступы для сжигания можжевеловых благовоний. В самом монастыре был поднят лежавший на земле со дня смерти 16-го Кармапы огромный флагшток, украшенный разноцветными молитвенными флагами, на вершине которого в соответствии с традицией развевался стяг с эмблемой Кармапы.

Утром 15 июня эскорт из нескольких джипов и двух грузовиков полз по разбитой горной дороге, прокладывая себе путь к воротам летнего дворца Цурпу. За ним верхом на лошадях ехало множество всадников-кхамп, одетых в свои лучшие одежды.

Третий джип, с китайскими правительственными номерами, был весь обмотан белыми хадаками. Рядом с водителем в нём сидел Кармапа. На нём был халат из богато расшитой жёлтой парчи. В следующих машинах ехали члены его семьи. Под заунывное пение гьялингов, среди клубящегося дыма благовоний, мальчика вынул из автомобиля и понёс на руках через ворота в летний сад его новый прислужник Диди. К его приезду уже собралась большая толпа встречающих, среди которых была и съёмочная группа китайского телевидения. В летнем саду был установлен большой шатёр, где Кармапа и члены его семьи подкрепились, пока вокруг собирались люди. Потом все снова сели в машины, чтобы проделать последний короткий отрезок пути до монастыря. К этому времени,

чтобы приветствовать мальчика, уже собрались сотни человек. Прошло несколько церемоний, во время которых виновник торжества вертелся, бросая вокруг себя быстрые любопытные взгляды, словно впитывая всё то, что видел вокруг. В главном алтарном зале Кармапа сидел на высоком троне в течение часа, пока сотни людей проходили мимо него длинной вереницей, чтобы взглянуть на новую инкарнацию и получить благословение. Жизнь мальчика отныне изменилась навсегда.

ГЛАВА 9

Лиса кричит

Весь май и начало июня, пока Шамарпа находился в Америке, а группа, отправленная на поиски Кармапы, направлялась в Лхаток, события в Румтеке набирали обороты. 17 мая Тай Ситу и Гьялцаб выступили перед монашеской общиной. Поскольку встреча с Шамаром Ринпоче для обсуждения процесса поиска реинкарнации оказалась невозможной, сказали они, было решено действовать самостоятельно, осуществляя план, разработанный в марте. Аконг и Шераб Тарчин уже покинули Румтек неделей раньше. Тай Ситу и Гьялцаб ждали известий. 3 июня оба ринпоче оставили Румтек и отправились в Дхарамсалу, увозя с собой копию письма-предсказания: из Тибета пришло известие о мальчике, найденном в Лхатоке. Необходимо было сообщить об этом Далай-ламе.

Далай-лама вскоре улетал в Бразилию, чтобы участвовать в первом Всемирном саммите. 5 июня Тай Ситу и Гьялцаб прибыли в Дели, откуда Тай Ситу позвонил в Тибет. В Цурпу телефона не было; в Лхасе существовал специальный гонец, чьей обязанностью было доставлять сообщения из монастыря в город и обратно. Он по телефону рассказал Тай Ситу о находках поисковой партии, о том, что имена матери и отца в точности соответствовали указанным в письме, о благоприятных знаках, которые-

ми, как говорят, сопровождалось рождение мальчика, а также о том, что торжественная делегация уже прибыла к Кармапе и готова сопровождать его обратно в Цурпу. «Мы сказали им: пожалуйста, больше ничего не предпринимайте, — сказал Тай Ситу. — Сначала мы отправимся к Далай-ламе и поговорим с ним, и если Его Святейшество даст согласие, тогда мы сделаем всё, что нужно, а если нет — мы должны будем продолжить поиски где-нибудь ещё. Вот что мы им сказали». Из Дели, чтобы увидиться с Далай-ламой, Тай Ситу и Гьялцаб отправились на север, в Дхарамсалу. Однако они просчитались: тремя днями раньше духовный лидер уже улетел в Бразилию. По телефону из личного офиса Далай-ламы Тай Ситу позвонил Его Святейшеству в Бразилию. Письмо с предсказанием и описание претендента на трон Кармапы и его семьи были отправлены по факсу. Позже в тот же день Далай-лама перезвонил Тай Ситу и сообщил, что, изучив документы и основываясь на собственных прорицаниях, он одобряет признание мальчика из Лхатока 17-м перевоплощением Гьялва Кармапы.

На следующее утро Тай Ситу и Гьялцаб покинули Дхарамсалу с письмом, которое подписал личный секретарь Далай-ламы Тензин Чоньи Тара в подтверждение признания Далай-ламой нового воплощения Кармапы. Это, как станет понятно позже, был просто «предварительный документ», служащий свидетельством признания нового Кармапы, до тех пор пока Далай-лама не вернётся из Бразилии и не выдаст официальную Печать одобрения, известную как Буктхам ринпоче. В письме обобщались детали рождения и обнаружения Кармапы, а далее шли следующие строки: «Тулку, ламы и сангха, пребывающие в Тибете и за его пределами, верующие из Румтека — места, где сфокусирована Дхарма в Гангтоке — из монастыря Цурпу и из всех монастырей Кармапы, преисполненные преданности и надежды просили милостивого сове-

та: считать ли возможным признание этого мальчика...». Знал ли Далай-лама о подозрениях Шамара Ринпоче относительно письма-предсказания и о тех разногласиях, которые имели место среди регентов карма-кагью? Если и знал, то, как казалось, предпочёл не принимать их во внимание. Из почтового отделения в Дхарамсале Тай Ситу дозвонился до связного в Лхасе. «Я сказал ламам из Цурпу, что Его Святейшество Далай-лама наконец дал подтверждение; теперь сделайте всё, как положено. Вот как это произошло».

7 июля Шамар Ринпоче после непродолжительного пребывания в Америке возвратился в Румтек. 49-дневные пуджи по Джамгону Конгтрулу подходили к завершению, и монастырь всё ещё был полон монахов, высокопоставленных лам линии кагью и заморских гостей. Путешествие Шамара в Америку, как казалось, было не совсем удачным. Позже он расскажет, что брал с собой фотокопию письма-предсказания в надежде найти кого-нибудь, кто смог бы сверить почерк и установить, было ли письмо подделано. Но его поиски оказались безрезультатными. Теперь ситуация стремительно ускользала из-под его контроля. Будучи проездом в Дели, Шамар узнал, что поисковая партия, следуя указаниям, содержавшимся в письме, уже установила контакт с мальчиком, и вскоре он отправится в Цурпу. По прибытии в Румтек Шамар также обнаружил, что Тай Ситу и Гьялцаб отправились в Дхарамсалу, чтобы получить у Далай-ламы официальное одобрение своего кандидата.

Шамар оказался попросту не у дел. В этот наиболее критический момент он не мог рассчитывать даже на поддержку своего кузена, своей «надежды и опоры» — Топги, секретаря Румтека по общим вопросам. Прибыв в Румтек, Шамар узнал, что по какому-то «мистическому совпадению» Топга решил, что в его присутствии на

ритуалах, посвящённых погибшему Джамгону Конгтрулу, более нет необходимости и что дома, в Бутане, его ждут неотложные дела. В течение многих лет четырёх ринпоче удавалось поддерживать видимость единства, проводя закрытые заседания в номерах гостиниц и объявляя бесчисленное количество раз, что инкарнация вскоре будет найдена. Теперь же иллюзия гармонии готова была лопнуть как мыльный пузырь.

На следующий день после возвращения Шамар назначил встречу с монахами Румтека в Институте Наланда. Западные ученики на встречу приглашены не были. «Как всем известно, — начал Шамар, — на встрече четырёх ринпоче в марте было решено, что Джамгон Конгтрул отправится в Тибет с тем, чтобы изучить указания, содержащиеся в письме, представленном Тай Ситу. Также было принято решение, что до октября дальнейших заявлений делаться не будет. Но сейчас, — говорил Шамар, — ситуация в корне изменилась. Как гласит старинная тибетская поговорка, “лиса должна кричать, когда призрак бьёт её по морде”. — И мой долг, — продолжал он, — сказать своё слово».

Очевидно, ссылаясь на несуществующее письмо, которое, как тогда провозгласили регенты, якобы было помещено в шкатулку-реликварий в 1986 году, Шамар объявил, что от 16-го Кармапы были получены «точные указания» относительно места рождения его следующего воплощения, но значение их нелегко понять. Однако, продолжал он, были даны и другие инструкции, которые служат ключом к расшифровке первого письма Кармапы. И он, Шамар, знает, у кого они находятся, однако человек, который обладает этой информацией, хранит молчание. Но когда придёт время, продолжал он, этот человек откроет то, что ему известно.

Джамгон Конгтрул Ринпоче, утверждал Шамар, также знал об этом «письме-ключе», которое хранится у

неназванного лица. Но знают ли о нём Ситу и Гьялцаб Ринпоче, заявил Шамар, он не может сказать. Затем он продолжил описание своей версии того, что произошло на встрече в гостиной Кармапы 19 марта: как Тай Ситу представил конверт, утверждая, что это подлинное письмо-предсказание Кармапы, и как он, Шамар, выразил сомнения относительно его подлинности и потребовал почерковедческой экспертизы. Если будет доказано, что письмо, представленное Тай Ситу, написано 16-м Кармапой, он признает его «на все 100 %», сказал Шамар. «В противном случае я не могу признать его подлинность». Между тем, продолжал он, я абсолютно уверен, что в конце концов значение «первого письма» прояснится. «И если окончательный результат этих указаний не будет положительным, я сложу с себя все полномочия, связанные с титулом Шамара Ринпоче».

Такое заявление могло сбить с толку кого угодно. Хотя на данном этапе его слушатели не ведали, что на самом деле не было никакого «первого письма», а было лишь четверостишие, которое Гьялцаб воспроизвёл по памяти, а Дзамгон Конгтрул записал и которое затем было помещено в шкатулку-гау. Если же не было «первого письма», то как могло существовать «письмо-ключ», которое объясняло бы его смысл? И кто был тот человек, способный разъяснить указания, которые никогда не давались? Возможно, как заявил Шамар Ринпоче, Дзамгон Конгтрул мог бы дать объяснение. Но Дзамгон Конгтрул был мёртв. Из запутанных речей Шамара становилось ясно, по крайней мере, одно: иллюзия гармонии меж четырьмя духовными сыновьями, которая столь тщательно поддерживалась с момента ухода 16-го Кармапы, рушилась на глазах.

Старшим ламам, собравшимся в Румтеке, смысл происходящего был ясен. Пока что Шамар представил свои обвинения только перед монашеской общиной. Это был

политический гамбит — воззвание к его авторитету в линии преемственности. Для большинства тибетцев «политика от религии» не является чем-то новым; в отличие от западных учеников они не тешат себя иллюзиями о непорочности и совершенстве высокопоставленных лам. Но перспектива публичного конфликта Шамара с остальными духовными сыновьями не только наносила непоправимый вред доброму имени карма-кагью; она могла в корне подорвать веру последователей в саму Дхарму.

Делегация молодых тулку обратилась к Шамару с просьбой более не делать никаких заявлений до тех пор, пока все три регента не найдут возможность собраться вместе и решить вопрос в частном порядке. Среди них был и Понлоп Ринпоче. «Шамарпа показал нам фотокопию оригинала письма с предсказанием вместе с фотокопией другого письма 16-го Кармапы и письмо, написанное Ситу Ринпоче, — вспоминал он. — Он сказал: “Взгляните на эти три письма...” Я, — продолжал Понлоп Ринпоче, — вырос с Кармапой, я заботился о Его Святейшестве. Я точно вижу, что письмо-предсказание — подлинное. Но затем Шамар Ринпоче сказал: “Если вы взглянете на это письмо, полагая, что это почерк Кармапы, вы увидите письмо Кармапы; если же вы будете смотреть на письмо как на подделку, именно таким вы его и увидите”. Он говорил, что мы смотрим на письмо с предубеждением. Но тем не менее согласился не делать новых публичных заявлений. И... сделал это на следующий же день».

9 июня Шамар выступил перед собравшимися в Румтеке западными учениками и повторил заявления, которые он огласил перед тибетцами двумя днями раньше, при этом он не скупился на красочные детали. Шамар живописал, как, когда Тай Ситу впервые представил письмо-предсказание, он, Шамарпа, немедленно усомнился в его подлинности. В то время как Гьялцаб принял письмо безоговорочно, Джамгон Ринпоче, утверж-

дал Шамар, также выразил сомнения. В целом, продолжал он, все четверо духовных сыновей договорились не обнаруживать никакой информации вплоть до октября, пока Джамгон Конгтрул не вернётся из Тибета. Но сейчас Джамгон Конгтрул мёртв, а Тай Ситу с Гьялцабом нарушили соглашение. За спиной Шамара они распространили в Непале и Тибете сведения о содержании письма. Теперь, продолжал Шамар, это письмо, которое он не может признать подлинным, принято всеми. Ему рассказали, что Ситу и Гьялцаб побывали в Дхарамсале и виделись с Далай-ламой и что китайское правительство полностью поддерживает новую инкарнацию, «следовательно, я вынужден незамедлительно бить тревогу». Ему также сообщили, сказал Шамар, что Аконг Ринпоче распространил слух: мальчик вскоре будет возведён на трон и затем посетит все Дхарма-центры кагью в Европе. «Если этот мальчик выбран ошибочно, а они коронуют его с соблюдением всех необходимых формальностей, тогда три миллиона людей в Тибете последуют за ним... И если оба ринпоче [Ситу и Гьялцаб] поддерживают его, и все остальные тоже, а кандидатура всё же не является истинной — уж слишком много возникает вопросов! — и позже кто-нибудь поставит всё это под сомнение, тогда мы просто не сможем разобраться в сложившейся ситуации. И если теперь я останусь в одиночестве, то ведь не стану же я бегать вокруг вас, повторяя: “Это неправда, это неправда!”?»

Это было изложение самых худших его опасений. Затем он продолжил свой рассказ, представляя собранию то, что уже говорил тибетцам днём раньше: что изначально существовало письмо, написанное рукой Кармапы и помещённое в шкатулку-гау, но никто не смог понять заключённый в нём смысл. Однако, заявил он, «и я, и Джамгон знали о “доверенном лице”, которому 16-й Кармапа дал указания о том, как расшифровать письмо,

то есть доверил “ключ”». «Возможно, полное указание находится у него, — сказал Шамар Ринпоче. — Я не знаю. Должно быть, Кармапа велел ему намекнуть [именно нам] двоим, что он — человек, обладающий необходимой информацией. Если вы спросите меня, кто этот человек, является ли он монахом или нет, ринпоче он или нет, я ничего вам не отвечу». Но если это «доверенное лицо» окажется «фальшивкой», повторил он, тогда он, Шамар Ринпоче, сложит с себя полномочия.

Среди слушателей воцарилось недоумённое молчание, за которым последовал протяжный вздох. Это был вздох вдребезги разбившихся иллюзий. Как мог Шамарпа обвинять другого ринпоче столь высокого ранга во лжи, подлоге и массовом обмане?

Затем на него обрушился шквал вопросов. Люди пришли в буддизм, привлечённые возможностью внутренней трансформации, преображения. Почему же тогда политика не подверглась никаким изменениям под благотворным воздействием буддизма? Как мог Ринпоче высокого ранга говорить неправду? Разве бодхисаттвы не являются полностью реализованными существами? Это, ответил Шамар, зависит от того бхуми, или духовного уровня, на котором бодхисаттвы находятся. «Иногда они действительно высокорезализованы, иногда — нет. Некоторые постоянно пребывают в состоянии постижения, некоторые — лишь иногда. Но в широком смысле все они — бодхисаттвы. Они бывают разные».

Но как мы узнаем, спросили из зала, было ли письмо Тай Ситу поддельным? Подвергнут ли его графологической экспертизе?

«Да, весьма скоро, — ответил Шамарпа. — Мы обсудим это. И чем скорее, тем лучше».

Вопросы продолжились: «А где находится Топга? Что могло заставить секретаря по общим вопросам покинуть Румтек в столь ответственное время?»

Шамар ответил: ему передали, что Топга находится в Бутане, решает «семейные проблемы». Но здесь есть и другие моменты, — продолжал он. В Америке и Германии распространились слухи, что секретарь по общим вопросам имел непосредственное отношение к гибели Джамгона Ринпоче. «Действительно, очень много слухов». Возможно, предположил Шамар, это как-то связано с отсутствием Топги. «Кто знает? Может быть, его жена волнуется: “Вдруг моего мужа кто-то убьёт?” Кто знает?...»

Собрание завершилось в смущении и замешательстве. Далее события в монастыре развивались с ошеломляющей скоростью. Через два дня после произнесения своей речи Шамар сделал официальное заявление, в котором подверг сомнению подлинность письма-предсказания. В тот же день Тай Ситу и Гьялцаб вернулись из Дхарамсалы с письмом-подтверждением, полученным из офиса Далай-ламы. Было объявлено: на следующий день состоится важное собрание, на котором должны присутствовать все: и тибетцы, и иностранцы. Слухи распространялись по Румтеку, как пламя по сухой траве: реинкарнация Кармапы найдена!

На следующее утро, 12 июня, примерно 400 человек собрались во дворе напротив главного алтарного зала Румтека. Оба жилых помещения, ограничивающие внутренний двор, находились в состоянии ремонта. Повсюду были груды песка и гравия. На крыльце, перед дверью, ведущей в алтарную комнату, поставили три кресла: Тай Ситу и Гьялцаб занимали два из них. Третье кресло пустовало. Шамар отсутствовал. Позади двух «духовных сыновей» стояли несколько наиболее высокопоставленных лам линии кагью, среди них Понлоп Ринпоче, Трангу Ринпоче и Бокар Ринпоче. Тай Ситу обратился к аудитории на тибетском, его слова с трудом прорывались сквозь шум и треск допотопной системы звукоусиления. Затем начал

говорить Гьялцаб, также на тибетском. Затем Тай Ситу вновь взял слово, но на этот раз обратился к собравшимся на английском. Он рассказал, как после ухода 16-го Кармапы ринпоче повсюду искали письмо с предсказанием, но не могли его найти. Затем они встретились в Румтеке. Поскольку письмо отсутствовало, Гьялцаб процитировал по памяти четверостишие, прочитанное ему Кармапой, которое впоследствии поместили в шкатулку-гау. «Затем мы очень долго обсуждали, что сказать людям. Мы приняли решение, записали его, каждый поставил свою подпись, и потом было сделано публичное заявление». Он выдержал паузу: «Именно так всё и происходило».

Его слова медленно оседали в умах потрясённой аудитории. «Первого» письма-предсказания не существовало. Затем Тай Ситу продолжил рассказ о том, как в 1981 году в Калькутте, в своём номере в отеле «Оберой Гранд», 16-й Кармапа дал ему защитный амулет и как он носил его, сначала на шее, затем на поясе, пока наконец не открыл в своей комнате в Шераб Линге. Тогда он сообщил остальным духовным сыновьям, что у него есть новости, «схожие с радостными криками павлина». Тай Ситу рассказал, как после нескольких неудачных попыток ближайшие ученики Кармапы наконец собрались в Румтеке и он представил им письмо: «Покойный Джемгон Конгтрул Ринпоче и Гьялцаб Ринпоче были очень счастливы, их глаза наполнились слезами, и я сам чувствовал то же самое». И как они затем извлекли из шкатулки-гау листок с четверостишием, прочитанным Гьялцабом, и записанным Джемгоном Ринпоче, и заменили его письмом-предсказанием, которое он, Тай Ситу, обнаружил в подаренном ему амулете. Четверостишие, сказал он, теперь находится у Гьялцаба. Он поведал о том, как Далай-лама рассказал ему своё сокровенное видение, имеющее отношение к перерождению Кармапы, и как вслед за трагической кончиной Джемгона Конгтрула ни он, ни Гьялцаб

не могли встретиться с Шамаром Ринпоче в Румтеке и поэтому приняли решение отправить Аконга Ринпоче и Шераба Тарчина в Тибет на поиски новой инкарнации. Затем Тай Ситу написал Друпону Дечену в Цурпу, ставя его в известность о разногласиях в Румтеке и настаивая на том, что после обнаружения воплощение Кармапы следует переправить в Цурпу и оставить там, пока не будут сделаны приготовления для его переезда в Румтек и проведения церемонии возведения на трон. По прошествии нескольких недель, продолжал Тай Ситу, они с Гьялцабом отправились в Дхарамасалу, но оказалось, что Его Святейшество Далай-лама уже находится в Бразилии. Они связались с Далай-ламой, который и подтвердил признание инкарнации в соответствии с деталями его собственного пророчества и сокровенного видения. На следующий день секретарь Его Святейшества вручил Тай Ситу письмо, подтверждающее решение Далай-ламы.

Тай Ситу взмахнул в воздухе письмом, которое держал в руке и готовился прочесть, когда в глубине двора внезапно поднялась суматоха, «звуки», как вспоминает один свидетель происходившего, «совершенно неуместные в обстановке монастыря». Армейский джип, надрывно сигналив, рассёк толпу и затормозил у подножия лестницы, ведущей в алтарное помещение. Управляя автомобилем солдат-индус, на заднем сиденье ещё двое солдат угрожающе размахивали карабинами. На переднем сиденье с ружьём в руках находился Шамар Ринпоче. За джипом следовал грузовик, полный солдат. Шамар выпрыгнул из джипа и взбежал по ступеням, вооружённый эскорт следовал за ним. Ситу Ринпоче и Гьялцаб поднялись со своих мест. Ситу расправил складки на своей одежде и протянул к Шамару руки в приветственном жесте. «Идите внутрь», — бросил Шамар, стремительно проследовавший мимо двух ринпоче в алтарную комнату и приказавший солдатам следовать за собой.

Внутри алтарного зала Шамар взобрался на деревянный стол и закричал: «Солдаты и ринпоче остаются! Всем остальным — покинуть помещение!» Встревоженный Гьялцаб повернулся к Ситу Ринпоче и прошептал: «Ты не думаешь, что они собираются убить нас?» Снаружи начались стычки солдат с монахами, которые попытались препятствовать проникновению вооружённых людей в храм. «Старые монахи жаловались: “Именно из-за этого мы и бежали из Тибета, — вспоминает один из свидетелей, — это точь-в-точь как то, что происходило в 1959-м”».

Воспользовавшись последовавшим замешательством, Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче в сопровождении служителей поспешили в жилую комнату над храмом и сразу же крепко заперли за собой дверь. Шамар шёл следом, но направился он в личные апартаменты 16-го Кармапы, откуда отправил к Тай Ситу и Гьялцабу посыльного с требованием немедленно явиться. Оба ринпоче отказались. Разумеется, у Шамара не было иного выбора, кроме как спуститься по лестнице обратно. Он вышел из алтарной комнаты и зашагал сквозь толпу к своему джипу, сопровождаемый изумлёнными взглядами людей, отказывающихся верить в происходящее.

Чего именно надеялся достичь Шамар и как ему удалось заполучить индийский армейский эскорт — так никогда и не стало известно. Позже он станет утверждать, что по прибытии из Америки в Гангток он получил тревожные новости из «военного департамента Сиккима». Ему якобы сказали, что два автобуса с кхамцами выехали из Катманду и взяли курс на Румтек, чтобы атаковать Шамара и монастырь, если он будет настаивать на проведении судебной экспертизы письма, и поэтому для защиты ему выделили военный эскорт. Днём 12 июня, сказал Шамар, из офиса монастыря сообщили, что Тай Ситу и Гьялцаб собираются сделать важное сообщение, и попросили его к ним присоединиться. «Сначала я не хотел

ехать, — продолжил он, — но они настаивали... Я отправил в монастырь сообщение о том, что приеду и присоединюсь к ним. У солдат был приказ никуда меня одного не отпускать, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как позволить им сопровождать меня».

В докладе, который опубликовала после этих событий индийская «Санди таймс», премьер-министр Сиккима Н. Б. Бхандари изложил иную причину присутствия военного эскорта. Он утверждал, что армейский конвой был выделен Шамару в ответ на обращение бутанской королевской семьи к Министерству иностранных дел Индии. Правительство штата, продолжал Бхандари, «перед инцидентом не получало никаких жалоб относительно нарушений закона и порядка в стенах или вокруг монастыря Румтек». Никаких «автобусов с кхамцами», направлявшихся в Румтек, в природе не существовало.

Было ли всё это результатом искренних опасений Шамара за свою личную безопасность или неуклюжей попыткой сорвать объявление Тай Ситу о том, что перерождение Кармапы наконец-то обнаружено? Может быть, это был просто жест отчаяния, имевший целью восстановить его пошатнувшийся авторитет в Румтеке? Каковы бы ни были мотивы Шамара, присутствие вооружённых индийских солдат в монастыре породило вспышку негодования во всём Сиккиме. На следующий день правительство штата объявило двухдневную всеобщую забастовку в знак протеста против того, что центральное правительство разместило военных на территории штата без всякого уведомления или разрешения местных властей.

14 июня официально завершился 49-дневный ритуал прощания с Джамгоном Конгтрулом. Его мумифицированное тело было торжественно перенесено в главный зал Института Наланда — первого главного проекта Джамгона Ринпоче — где оно должно было находиться всю следующую неделю, пока будут выполняться под-

ношения. Процессию возглавляли Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче. Шамара Ринпоче нигде не было видно. На следующий день, во время пуджи, среди старших лам было распространено обращение с просьбой подтвердить, что они одобряют признание мальчика из Лхатока воплощением Кармапы. Фактически все старшие ламы какгью поставили свои подписи под обращением. По традиции при формальном признании перевоплощения Кармапы одобрение или неодобрение любого ламы или ринпоче не играет никакой роли, но в данной ситуации символическое значение подобной поддержки было очевидным. Позиция Тай Ситу Ринпоче встречала всеобщее одобрение, а Шамар быстро становился изгоем.

В монастырской общине Румтека начался постепенный процесс деления на группы монахов—приверженцев Тай Ситу и тех, кто поддерживал Шамара. Оба они, как выразился один очевидец событий, начали «ставить сети» на монахов. Ведь кто-то из них преуспевал в медитации, кто-то знал все тонкости молитв и сложных ритуалов. Ситу получил поддержку большинства из них. Но и Шамару удалось выловить две или три хорошие рыбки.

15 июня пришло известие, что новый Кармапа прибыл в Цурпу. Тай Ситу объявил, что на следующее утро горны должны возвестить эту новость со стен Румтека. Шамар, чтобы продемонстрировать свой протест, приказал старшим монахам не повиноваться. Разрываемые противоречивыми приказами, тем же вечером три умце (мастера пения молитв. — *Прим. ред.*), один дордже лопон (мастер тантрических ритуалов. — *Прим. ред.*) и один наставник по монашеской дисциплине тайно покинули монастырь. Церемонии продолжились без них.

А на следующий день в Румтек прибыл новый гость. Тулку Ургьен Ринпоче был близким другом 16-го Кармапы и учителем Тай Ситу и Шамара в годы их юности в Румтеке. Он был весьма авторитетной фигурой и поль-

зовался всеобщим безусловным уважением. Теперь, когда конфликт обострился, он прибыл в Сикким из своего монастыря в Непале, чтобы стать посредником в споре между своими бывшими учениками. В первый же день своего пребывания Тулку Ургьен вместе со своим сыном Чоки Ньимой Ринпоче встретился с Шамаром в его доме. Тулку Ургьен пытался образумить Шамарпу. Его отказ дать своё согласие может стать причиной многих проблем, сказал он. В Тибете существуют люди, готовые воспользоваться разногласиями между двумя духовными сыновьями; школа карма-кагью может расколоться надвое. Более того, новая инкарнация уже признана Далай-ламой и принята китайскими властями, и Шамар уже ничего не может изменить. «Тулку Ургьен умолял меня дать согласие, в слезах склоняясь к моим ногам, — впоследствии будет вспоминать Шамар. — Я не мог отказать ему. Он был для меня старшим ламой и моим главным учителем в традиции ньингма. В тот момент я осознал: всё, что касается мальчика, было уже решено».

17 июня Шамар написал черновик послания, подтверждающего его признание письма-предсказания. Английский перевод, сделанный Мишель Мартин, которая также переводила само письмо-предсказание, был выпущен на следующий день. Он гласил:

«19 марта 1992 года Тай Ситу Ринпоче, Джамгон Конгтрул Ринпоче, Гьялцаб Ринпоче и я провели встречу, в ходе которой Тай Ситу ознакомил нас с письмом-предсказанием, написанным Его Святешеством собственноручно, — священным напутствием, найденным в защитном амулете, подаренном Тай Ситу Ринпоче. В то время некое сомнение родилось в моей душе, но теперь я заявляю, что всецело доверяю Ситу Ринпоче и содержанию предъявленного им письма, в соответствии с которым ре-

инкарнация была безошибочно обнаружена и впоследствии подтверждена Его Святейшеством Далай-ламой как перевоплощение Его Святейшества Гьялва Кармапы. Я добровольно выражаю своё согласие и впредь не буду ставить под сомнение священные пророчества, настаивая на их проверке... и т. д.».

Перевод письма был размножен и распространён по Румтеку. Четыре недели спустя, посоветовавшись с Топгой, который к тому времени возвратился из Бутана, Шамар сделал новое заявление. Теперь он утверждал, что перевод его предыдущего письма был выполнен неверно. Он предложил пересмотренный вариант перевода:

«19 марта 1992 года на встрече с Джамгоном Ринпоче, Гьялцабом Ринпоче и мной Ситу Ринпоче продемонстрировал рукописное письмо-предсказание, извлечённое из его защитного амулета, утверждая, что это письменные указания Его Святейшества 16-го Кармапы. У меня возникли по этому поводу определённые сомнения. В настоящий момент я полагаюсь в этом вопросе на Ситу Ринпоче, предоставившего мне достоверную информацию о решении Его Святейшества Далай-ламы. Основываясь на нашем конфиденциальном разговоре, я соглашаюсь с решением, принятым Его Святейшеством Далай-ламой о том, что найденная инкарнация, безусловно, является инкарнацией Его Святейшества Гьялва Кармапы. Поэтому я *отзываю* (*курсив автора*. — *Прим. ред.*) свои требования о проведении [судебной] экспертизы письма-предсказания».

Перемирие закончилось, не успев начаться.

В то время как для западного ума требование Шамара о проведении судебной графологической экспертизы мог-

ло показаться вполне обоснованным и рациональным решением проблемы, для тибетского менталитета в нём заключалось изначальное противоречие: требование эмпирических доказательств, напрочь отсутствующих в реалиях тибетского буддизма. Прежде всего было бы очень сложно, если не сказать невозможно, осуществить такую проверку. Недостатка в свидетелях с каждой стороны не было — бывшие ученики или соратники 16-го Кармапы, союзники Тай Ситу и Шамара соответственно, готовые утверждать, что, по их мнению, почерк в письме принадлежал (или не принадлежал) Кармапе. И всё же их свидетельства едва ли могли быть названы беспристрастными, объективными или убедительными. Здесь нужно было бы найти судебного эксперта, хорошо знающего тибетскую письменность. Уже одно это явилось бы практически невыполнимой задачей. Далее, согласно правилам судебной экспертизы, эксперту для сравнения необходим был не просто образец почерка, но документ, написанный в похожих условиях, то есть в состоянии, сходном с душевным и физическим состоянием пишущего в момент составления документа. Если верить рассказу Тай Ситу, письмо-предсказание было написано человеком, которому, скорее всего, было далеко за пятьдесят, он был смертельно болен и, скорее всего, находился в медитативном состоянии. В данном документе он намеревался предсказать точные обстоятельства своего нового рождения несколько лет спустя. Такой документ сравнить было попросту не с чем. Это письмо, фигурирующее в качестве доказательства, провалилось бы на любом судебном заседании по всем статьям. Какой судебный эксперт, даже будучи специалистом по тибетской письменности, стал бы утверждать, что умирающий человек мог предсказать собственное перерождение через четыре года? Какой суд примет даже самую идею о перерождении? По критериям западного рационализма письмо это просто не могло

быть тем, чем оно, как предполагалось, должно было являться.

А если взглянуть более критично, то придётся признать, что требовать для подобного письма судебной экспертизы означало бросить вызов самим основам тибетского буддизма, вся система которого базируется на зыбкой конструкции из пророчеств, прорицаний и сверхъестественных процессов, которые по определению не поддаются эмпирическим лабораторным доказательствам. Например, многие из основополагающих текстов в тибетском буддизме являются текстами-терма, или «текстами-сокровищами», «открытыми» спустя столетия после их написания и пришедшими в этот мир либо через видения и прорицания лам-тертонов, либо в форме физически написанных текстов, извлечённых из скал и деревьев. «Доказательство» истинности этих учений заключается не в определении их фактологического или материального происхождения, но в авторитетности и репутации тертона—открывателя сокровищ, обнаружившего их.

Дальнейшие подтверждения истинности признания мальчика из Лхатока реинкарнацией Кармапы и роли Тай Ситу в его обнаружении будут получены в виде пророчества, сделанного почитаемым тертоном XIX столетия Чогьюром Дечен Лингпой. Считается, что его посетило видение, в котором Гуру Ринпоче, или Падмасамбхава, явился, окружённый двадцатью одним воплощением Кармап — четырнадцатью, которые уже были рождены к тому времени, и семью последующими. Чогьюр Дечен Лингпа описал своё видение мастеру живописи, который воплотил его на иконографическом свитке-танке. На нём присутствует и 17-й Кармапа, сидящий с Тай Ситу под деревом с густой листвой. В своём комментарии Чогьюр Дечен Лингпа так описывает эту сцену: «Под деревом с пышной зелёной кроной, на скалистой горе пребывает

Семнадцатое воплощение, вместе с Кхентином Тай Ситупой». Пейзаж на картине не несёт и следа сходства с каменистым лунным ландшафтом возле Цурпу, но очень напоминает ландшафт у подножия Гималаев близ Дхарамсалы, куда Кармапа в итоге бежал и где обосновался.

(Не выказывая сомнений в истинности самого видения Чогьюра Дечен Лингпы, Шамарпа, однако, поставил под сомнение подобную его интерпретацию. Между 14-м и 15-м Кармапой, утверждал он, была рождена ещё одна инкарнация, которая скончалась в очень раннем возрасте. Поскольку эта инкарнация не была формально учтена в линии, 15-й Кармапа, следовательно, может считаться 16-м, 16-й — 17-м и так далее. Поэтому, заключает Шамар, пророчество Чогьюра Дечен Лингпы следует интерпретировать как указывающее на тесную связь между предыдущим, 16-м Кармапой, и предыдущим воплощением Тай Ситу.)

Вся иерархическая пирамида тибетского буддизма основывается на подобного рода «магических» и туманных принципах. Выбор тулку не является научно обоснованным или демократическим процессом, открытым для публичного обсуждения или рационального исследования. Подлинность шестнадцати предыдущих Кармап основывалась либо на письмах с предсказаниями, либо на столь же ненаучных критериях самопровозглашений и подтверждалась прорицаниями других высоких лам. На самом деле авторитет самого Шамара Ринпоче, как и остальных высоких тулку в традиции, зависел лишь от таких «магических» процедур. Не может быть научных «доказательств» того, что он является 14-м воплощением в своей линии преемственности, равно как и «свидетельств» того, что Тай Ситу является 12-м — в своей. На протяжении более 800 лет вся система перерожденцев-тулку балансировала на этой тонкой грани между властной политикой и областью сверхъестественного, где фактор веры

имел куда большее значение, чем фактор разумных доводов и обоснованных аргументов.

Согласно этому критерию, «доказательство подлинности» Кармапы будет проявляться постепенно, по прошествии лет, в его поведении, его самодисциплине и мудрости даруемых им учений. «Хотите знать, почему Шамар требовал, чтобы письмо-предсказание было подвергнуто криминалистической экспертизе? — объясняет Нгодруб Буркхар. — Это очко в его пользу перед современной западной аудиторией, которая подумает: действительно, а почему бы и нет? Какой может быть от этого вред? Это призыв к рационализму, а не слепой вере. А кроме того, он ведь точно знал, что эта экспертиза никогда не будет проведена, и это опять же очко в его пользу. Это даёт ему возможность сказать: “Посмотрите: то, о чём я прошу, — это очень просто, очень понятно; это — то, чем пользуются во всём мире, а они не хотят этого сделать!” И при этом он с самого начала знал, что никто ни при каких условиях не будет ввергать себя в ад, создавая карму осквернения этого письма».

Но что бы Шамар ни говорил, — всё это теперь не имело значения. 27 июня официальное агентство новостей «Чайна ньюс» передало, что Апо Гага стал «первым реинкарнированным Живым Буддой, получившим одобрение китайского правительства со времён демократических реформ в Тибете в 1959 году».

В заявлении говорилось: «В соответствии с установленной практикой выбор любого Живого Будды должен быть одобрен центральным правительством».

Два дня спустя, утром 29 июня, Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче встретились с Далай-ламой в Дхарамсале, чтобы обговорить получение от Далай-ламы официальной Печати одобрения. В тот же день Далай-лама отдельно встретился с Шамаром. Шамар обратился к нему с мольбой в отчаянной попытке уговорить Далай-ламу отозвать

своё одобрение. Он повторил ему свою историю о существовании «доверенного лица» — единственного человека, который, как он утверждал, знает настоящие указания 16-го Кармапы. Когда же Далай-лама попросил назвать имя этого человека, Шамар ответил, что не может этого сделать. На следующий день Далай-лама выдал Буктхам ринпоче, даруя тем самым свое официальное признание Апо Гага, мальчика из Лхатока, 17-м Кармапой. Вопрос был решён.

Одобрение китайским правительством нового Кармапы было объявлено историческим событием: Пекин впервые со времени установления абсолютного контроля над Тибетом официально одобрил признание перевоплощения буддийского ламы. Как удалось верховным ламам карма-кагью получить согласие китайских властей на это поистине беспрецедентное решение? И кому это было на руку?

Что касается Китая, то он в этом случае получал вполне реальные и ощутимые политические дивиденды. Зверства культурной революции не достигли своей цели — не смогли искоренить «яд» тибетского буддизма. Вера оказалась совершенно непроницаемой для двойного оружия — жестоких гонений и язвительных насмешек. Политика «сердце и умов», проводимая Дэн Сяопином в конце 70-х — начале 80-х годов, родилась из запоздалого понимания, что нельзя эффективно управлять Тибетом, используя метод подавления, и что политика лавирования и интеграции — и не в последнюю очередь в сфере тибетского буддизма — может оказаться куда более действенным средством. Контроль над буддизмом означал контроль над монастырями: надзор за административными монастырскими советами, иногда с помощью включения довольствия лам в расходную часть государственного бюджета, и прежде всего контроль за признанием тулку,

которые всегда были самой сердцевиной и опорой всей монастырской системы.

Признание реинкарнаций — Живых Будд, или, как порой ещё более странно и комически неуместно называют их китайцы, — «мальчиков-душ», — разумеется, полностью противоречило атеистическим взглядам, лежащим в основе коммунистической идеологии, но политически оно было более чем целесообразным.

Начиная с 1959 года в Тибете не произошло ни одного признания и возведения на трон реинкарнации высокопоставленного тулку. Согласно политике китайских властей Живыми Буддами признавались только те тулку, которые были опознаны до 1959 года. Тем же, кто родился позже, и особенно опознанным Далай-ламой или ламами, живущими за пределами Тибета в изгнании, в признании было отказано. Вследствие подобной политики, когда такие тулку рождались на территории Тибета, их обычно при поддержке тибетской диаспоры как можно скорее тайно вывозили из страны в Индию или в Непал. Однако к середине 80-х годов китайское руководство негласно сменило тактику. Теперь опознание инкарнаций на территории Тибета было разрешено, но китайские власти не участвовали в весьма запутанных процедурах поиска и опознания возможных кандидатов. По большей части таким образом признавались перевоплощения маловлиятельных местных лам в провинциях Кхам и Амдо, но не в центральной части Тибетского автономного района, и никто из них не получал официального одобрения центрального правительства в Пекине.

Однако в случае с Кармапой активное участие в признании и возведении на престол новой инкарнации было для Пекина политически выгодным. Глава школы кармакагью, Кармапа являлся наиболее высокопоставленным из лам, родившихся в Тибете с начала китайской оккупации. Очевидное преимущество для китайских властей со-

стояло в том, что официальное одобрение его признания служило сигналом тибетскому народу и всему миру о вновь объявленной «терпимости» Пекина к религиозным правам национальных меньшинств. Признание Кармапы как верховного ламы традиции карма-кагью имело и ещё одно преимущество: оно никак не зависело от Далай-ламы, лидера тибетцев в изгнании. Хотя Его Святейшество впоследствии подтвердил правильность опознания кандидата с помощью собственных прорицаний, всё же решающая часть процесса поисков реинкарнации происходила без его участия, на основании письма-предсказания самого Кармапы и заключений иерархов школы кагью.

Китайские власти также могли апеллировать к сильным историческим связям между Кармапами и китайской императорской династией. Официальное заявление Пекина от 27 июня придавало особое значение тому факту, что предыдущие Кармапы «постоянно платили дань императорам династий Юань (1271—1368) и Цин (1644—1911) и много раз удостоивались высочайших императорских почестей». При этом подразумевалось, что любой, кто получал почести от императора, по определению являлся его подданным; иными словами, что Тибет всегда был и продолжает оставаться частью Китая.

Более того, ламы карма-кагью показали себя людьми, готовыми сотрудничать с Китаем на определённых условиях, и вызывающими доверие у китайских властей. Тай Ситу, Джамгон Конгтрул и Аконг Ринпоче, среди прочих, в предшествующие годы постоянно навещали Тибет, учреждая и финансируя религиозные и образовательные проекты и не причиняя особых проблем местным властям. Восстановление и развитие монастыря Цурпу являлось образцом либеральной политики и религиозной терпимости коммунистической партии. Таким образом, официальное одобрение кандидатуры Кармапы давало китайским властям возможность не только продемонстриро-

вать своё терпимое отношение к тибетскому буддизму, но закрепить этим прецедентом то, что они полагали своим «суверенным правом», — право выбора лам-тулку, что на деле означало реальную власть над Тибетом.

Провозглашение этого принципа было важно для Китая не только в случае с Кармапой, но также при признании другого, даже более политически важного перевоплощения — Панчен-ламы. После своего освобождения из тюрьмы в 1978 году Панчен-лама продолжал жить в Пекине. В январе 1989 года ему было позволено вернуться в его традиционную резиденцию в Шигаце, в монастырь Ташилунпо, чтобы возратить мощи прошлых Панчен-лам в отведённые для них реликварии. За неделю до этого он вновь публично выступил с критикой китайской политики, утверждая, что Тибет гораздо больше потерял, чем приобрел за предшествующие тридцать лет китайского правления. Вечером 27 января он почувствовал внезапное недомогание, находясь в своей комнате в Ташилунпо. На следующее утро он был обнаружен мёртвым. Ему было всего пятьдесят три года. Всюду стали распространяться слухи о том, что Панчен-лама был отравлен своими китайскими врачами, хотя явных доказательств тому не было.

Смерть Панчен-ламы оставила брешь, которую Китай всеми силами стремился заполнить по своему усмотрению. Панчен-лама был в Тибете не просто объектом поклонения простых верующих. В качестве второй по значимости фигуры в иерархии гелуг Панчен-ламы исторически были тесно связаны с процессом признания Далай-лам. В дальней перспективе, в период времени между смертью нынешнего Далай-ламы и признанием его преемника, сговорчивый Панчен мог бы оказаться весьма ценным приобретением для китайских властей.

В 1992 году, когда 17-я реинкарнация Кармапы была обнаружена, а воплощение Панчен-ламы спустя три года

после его смерти ещё не было найдено, выдача Китаем официальной «верительной грамоты» на признание Кармапы явилась способом прощупать почву и создать формальный прецедент на будущее.

Если для Китая в одобрении признания Кармапы была прямая выгода, то какая польза была от этого тибетцам? Процесс получения у китайцев разрешения на признание Кармапы не случился сам собой. Точные подробности неизвестны, но ясно, что пробные шары были запущены задолго до обнаружения мальчика в Лхатоке. Возможно, сыграла свою роль череда разговоров на местном уровне между ламами из Цурпу и официальными лицами в Лхасе; или же слово, обронённое в Департаменте религиозных дел в Пекине; а может быть, помогли неформальные беседы лам-изгнанников во время их странствий в Тибете и вне его: «Какова была бы официальная позиция центрального правительства, если?..» Как бы то ни было, для лам какгю не могло быть более благоприятного момента, чтобы рискнуть настаивать на признании реинкарнации такого высокого ранга, как Кармапа. С 1985 года китайские власти позволили монастырю Цурпу вести процесс реконструкции и развития в качестве исторической резиденции Кармап. Новые либеральные нотки, зазвучавшие в политике центральных властей, намекали на то, что Пекин пойдёт на уступки. Условия для этого в Тибете были сложными, но не невозможными.

Одним из вариантов было попробовать негласно вывести мальчика в Индию, Непал или Бутан, как это произошло со многими другими реинкарнациями, но, если бы Кармапа остался в исторической резиденции Кармап в Цурпу, это означало бы, что буддизм в Тибете процветает, несмотря на все попытки подавить и контролировать его, и это вселило бы веру в тибетский народ, раздувая пламя буддийской Дхармы. Это была полная риска стратегия, рассчитанная на искренность китайской политики «сво-

боды вероисповедания», на твёрдый характер ребёнка и на то, что уровень его воспитания и образования будет достаточным, чтобы он смог противостоять любым попыткам давления и шантажа со стороны китайцев.

Но существовала ещё одна убедительная причина оставить Кармапу в Тибете, причина, лежащая вне области «реальной политики», но в самой вере. Она заключалась в том, что появление реинкарнации Кармапы в Тибете было намеренным, а не случайным, и всё, что последует за ним, — будет во благо, даже если это благо проявится не сразу. Отталкиваясь от этого посыла, можно увидеть целое «полотно», сотканное из таких намеренных действий, начиная с момента ухода 16-го Кармапы в больнице на горе Сион в Иллинойсе в ноябре 1981 года: долгие поиски письма-предсказания; споры и разногласия, которые возникли между духовными сыновьями; годы ожидания и внезапное обнаружение воплощения в 1992 году, то есть именно в то время, когда китайцы были наиболее расположены к идее его признания. Понлоп Ринпоче попытался объяснить мне эту аргументацию: «Здравый смысл подсказывает нам на основании нашей веры, что Кармапа намеренно родился в месте, где у него есть особая миссия, которую необходимо выполнить. Мы уважаем его решение. И мы можем видеть его цель. Его признание было первым признанием реинкарнированного ламы в истории китайского коммунизма. Он завершил процесс восстановления Цурпу, практически разрушенного в ходе культурной революции. Его появление было важно для того, чтобы поддержать в сердцах тибетцев пламя буддийской веры. Он действительно внёс огромный вклад в возрождение духовной практики в Тибете».

«Для нас — это было чудо Кармапы, — сказал мне Тай Ситу, сидя в своём офисе в Шераб Линге. — Это чудо не того сорта, когда вода превращается в молоко. Но для меня обстоятельства, работающие на Кармапу, были

большим чудом, чем превращение воды в молоко. Китайская Народная Республика сказала: “Мы принимаем реинкарнацию!” Это невероятно! Китайцы не верят в то, что люди умирают и перерождаются вновь. Они ни во что не верят! Конечно, люди понимают, что у китайцев должны были быть иные, политические мотивы пойти на это. Они просчитали, насколько важен Кармапа, как много у него последователей и т. д. И, возможно, китайцы решили, что для них выгоднее поддержать его, чем пытаться помешать ему. У них ведь было только два варианта, правда? Либо сказать: “Запрещено!”, либо сказать: “О’кей”. И они предпочли сказать “О’кей”».

Правда, осознание того факта, что китайцам доверять нельзя, было лишь вопросом времени. В июле Тай Ситу дал интервью (которое было опубликовано в следующем месяце) журналу «Тибетан ревью», выходящему в Дхарамсале. В нём он утверждал, что, хотя мальчик находится в Цурпу, он ожидает, что церемония возведения на трон состоится в Румтеке, «хотя мы сейчас и не можем сказать когда. Мы сообщили об этом властям Сиккима, и они обещали сделать всё возможное, чтобы ускорить процесс прибытия 17-го Кармапы в Румтек. Я верю, что проблем с этим не будет». Но Тай Ситу верил не тем людям.

12 июля Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче прибыли в Цурпу, чтобы впервые формально склониться к стопам нового Кармапы и сделать ему подношения. На протяжении последующих нескольких недель мальчик и два его регента были практически неразлучны. 2 августа в храме Джонанг в Ахасе Тай Ситу и Гьялцаб провели традиционную церемонию пострижения в монахи. Церемония означала осуществление первого шага на пути Дхармы и следовала в русле традиции Будды Шакьямуни, который обрезал свои волосы на берегах реки Нараньяна, прежде чем обрёл просветление в Бодхгае. 2 августа — крупный буддийский праздник, годовщина первого учения Будды,

данного им в Сарнатхе. В храме Джонанг юный Кармапа выполнил земные поклоны перед величайшей тибетской святыней, статуей Будды Джово, после чего Тай Ситу и Гьялцаб срезали несколько прядей его волос, чтобы обозначить его посвящение, и даровали ему новое монашеское имя: Пал Кхьябдак Ургьен Гьялвей Ньюгу Дродул Тинлей Дордже Цал Чокле Нампар Гьялвей Де (Достоправный Мастер Ургьен, Всеохватный Саморождённый Победоносный Гуру, Укрошающий Существ Своими Деяниями, Обладающий Созидательной Силой Ваджры, Совершенный, Победоносный во Всех Направлениях.) Отныне он станет известен как Ургьен Тинлей Дордже, или, ещё короче, просто Ургьен Тинлей.

Постепенно мальчик стал привыкать к своему положению и новому окружению. Немецкий кинорежиссёр Клеменс Кьюби был среди первых западных посетителей, которым разрешили доступ к Кармапе. Он запечатлел его играющим во дворе Цурпу и погружённым во всё растущую гору игрушек, принесённых его последователями. Кармапе также показали фильм о визите его предшественника, 16-го Кармапы, в Америку в 1974 году. Этот момент тоже запечатлён в фильме Клеменса Кьюби. При виде 16-го Кармапы юный Кармапа явственно замер, его глаза расширились, казалось, от почти шокирующего узнавания.

Но к началу сентября стало очевидно, что первоначальный план возведения Кармапы на трон в Румтеке находится под угрозой. Не только китайское правительство не стремилось позволить своему самому ценному религиозному «козырю» покинуть страну, но и индийское правительство не выказывало никакого желания лицезреть его в Сиккиме. Поэтому решено было начать приготовления к возведению Кармапы на престол 27 сентября в Цурпу. Накануне церемонии в вереницах автомобилей и на лошадях в монастырь начали прибывать паломники со

всего Тибета. Они несли свои дары: ритуальную утварь, рулоны шёлка и парчи, мешки с едой, музыкальные инструменты. В долине у подножия монастыря начал разрастаться палаточный городок, в котором разместилось около 20 тысяч паломников, развлекавших себя музыкой и танцами. В ночь перед церемонией над горами за монастырём прошёл сильный снег. Это было воспринято как благоприятный знак.

На следующий день мальчика препроводили в Великий алтарный зал. Там его ожидали для приветствия официальные представители коммунистической партии Китая из Лхасы и Пекина. В ходе показательной церемонии, предназначенной продемонстрировать контроль над происходящим китайских властей, председатель Комиссии по национальным и религиозным делам провозгласил официальное признание Кармапы и зачитал заявление, в котором китайское правительство гарантировало поддержку свободы вероисповедания. Несмотря на вопиющее противоречие религиозному протоколу, председатель комиссии настоял, чтобы место для Кармапы располагалось не выше его собственного. Засвидетельствовав таким образом верховенство своей политической власти, китайцы уехали, после чего началась традиционная церемония возведения на трон.

Кармапу, облачённого в богато расшитую парчовую мантию и маленькую чёрную Корону деяний — символ его принадлежности к линии, — подвели к трону. Тай Ситупа выступил вперёд, простираясь, и передал Кармапе копию письма-предсказания и письмо с официальным одобрением от Далай-ламы. Затем мальчику передали предметы, символизирующие просветлённое тело, речь и ум: образ Будды, сутру долголетия и ступу. На протяжении следующих двух часов высокие ринпоче и ламы давали учения и наставления, в то время как мальчик спокойно сидел на своём троне. За стенами храма тысячи лю-

дей внимательно слушали трансляцию церемонии. Среди толпы присутствовали и родители Кармапы, которым не оказывалось каких-либо привилегий или милостей. Когда церемония подходила к завершению, народ возликовал. Из задних рядов начали бросать вперёд белые и золотые церемониальные шарфы, пока всё небо не заполнилось кометами из летящего шёлка, струящимися в направлении монастыря и разбивающимися о его стены, подобно гигантской разноцветной волне. Внутри монастыря сновники проходили перед тронном Кармапы, делая подношения и получая благословение. Не в силах более сдерживать собственный напор, толпа надавила на двери алтарного зала. Они распахнулись, и люди хлынули внутрь. Так они «проголосовали за Кармапу». Два дня спустя родители Кармапы покидали Цурпу. Они зашли к нему попрощаться. Мальчик, вспоминает один из очевидцев, не выказал «ни тени печали». Он дал своим родителям хадаки и благословил их. Они попозировали перед камерами и затем ушли. Для Ургьена Тинлея Дордже, 17-го Кармапы, начиналась новая жизнь.

ГЛАВА 10

Трудно, но возможно

Гьюто. Ноябрь 2000 года.

Я сочувствовал монахам в Гьюто, которые жили в перенаселённых комнатах, а все условия их обитания были дезорганизованными до абсурдности. В монастыре была только одна телефонная линия, звонки на которую часто оставались без ответа. Если же кто-то случайно и брал трубку, то чаще всего он не говорил по-английски. Компьютер был только один, Интернета вообще не было. Казалось просто невероятным, что администрация одной из самых важных фигур в тибетском буддизме может быть столь плохо организована, а делопроизводство — столь хаотичным; чудом было уже то, что вообще делалось хоть что-то.

После своего побега Кармапа стал международной знаменитостью. Желаящим его увидеть не было конца: преданные последователи, журналисты, кинозвёзды, состоятельные ученики из Америки и Сингапура; каждый хотел заполучить для себя кусочек Кармапы. В обязанности ламы Пунцока входила организация всех аудиенций и взаимодействие со средствами массовой информации, что означало давать вежливый отказ в ответ на все просьбы: индийское правительство всё ещё запрещало Кармапе общаться с прессой и давать интервью. Ему приходилось

лабиринт между просьбами и требованиями о личных встречах. Со временем это давление стало сказываться. Стойкий и выносливый, Пунцок выглядел перманентно озабоченным. Он был единственным монахом, от которого я услышал: «Мне нужен отпуск». Интересно, бывают у монахов отпуска?

Лама Пунцок покинул Тибет вместе с группой 16-го Кармапы в 1959 году, когда ему был всего один год. Он вырос в Румтеке и стал монахом в девять лет. «Честно говоря, — сказал он мне однажды вечером, когда мы сидели за ужином в небольшом ресторане в Дхарамсале, — это был не мой выбор».

Он очень серьёзно заболел, но и западная, и тибетская медицина оказались бессильны. В отчаянии его мать обратилась за советом к Кармапе. «Он сказал ей, что я должен сменить одежды, — сказал Пунцок, — и тогда я выживу. В Тибете это означает только одно: что вы должны сменить мирские одежды на монашеское платье». И так он стал монахом.

И счастлив ли он, спросил я?

«Не может быть более великой чести, чем служить Его Святейшеству», — ответил он.

Пока мы ужинали, Пунцок рассказывал о мотивации бодхисаттвы, о необходимости сохранять осознанность во всех мыслях и действиях. «Например, мы едим эту пищу. — Он указал на тарелки, наполненные едой. — Обычно часть её выбрасывается. Но подумай о том, сколько пришлось приложить труда, чтобы эта еда оказалась на нашем столе. Кто-то вырастил эти овощи, кто-то смолот пшеницу. Возможно, использовались пестициды, и какое-то количество существ лишилось жизни только ради того, чтобы мы могли съесть эту пищу. Всё это — часть нашей кармы, и мы должны всегда помнить об этом».

Приехав в Дхарамсалу, я часто думал об одном и том же. Дело в том, что во время моих частых поездок из Дели

в Дхарамсалу я перепробовал все доступные методы путешествия. Я ездил на такси и на поезде. Однажды я даже летел: это была полуторачасовая воздушная нервотрёпка в допотопном девятиместном немецком самолётике, болтавшемся в небе, как клочок бумаги, подхваченный порывами горного ветра. (Случайно я обнаружил, что сижу рядом с младшим братом Далай-ламы, Тензином Чо-драком. Я готов был принять это за некий благоприятный знак, но мой сосед и сам был полон дурных предчувствий ещё больше, чем я, и непрерывно бормотал себе под нос: «Возможно, мы все умрём, ах, наверное, мы все погибнем».) В общем, на этот раз я решил ехать ночным автобусом. В Дели напарник водителя швырнул мою сумку в багажное отделение автобуса и потребовал за это двадцать рупий — мзда по западным меркам ничтожная, но всё же совершенно незаконная — одно из тех небольших испытаний, которые Индия устраивает для испытания самообладания иностранного туриста. Я неохотно полез в карман, вручил ему купюру в сто рупий и стал ждать сдачу. Он отвернулся и продолжал собирать деньги с остальных пассажиров. Через некоторое время я похлопал его по плечу и попросил мою сдачу. Он отстранил меня и продолжил деловито загружать сумки в автобус. Дело было не в деньгах — это уже был вопрос принципа. Я разозлился и, схватив его за руку, закричал: «Рупии! Рупии!» Испепелив меня взглядом, исполненным крайнего презрения, он швырнул мне в руку пригоршню монет и вновь отвернулся. Что делать? Выудить деньги из его кармана было бы пирровой победой. Не только потому, что это означало бы полную потерю достоинства и самообладания; это также значительно снижало шансы благополучного прибытия моей сумки в Дхарамсалу. Её бы просто выбросили или продали на одной из остановок, пока я дремал бы в своём кресле в автобусе. Но просто уйти, когда меня откровенно надули, означало признать своё поражение. Изо всех сил

стараясь успокоиться, я пожал плечами и полез в автобус. На протяжении последующих двух часов, пока нас трясло и болтало по дорогам бесконечных дельийских пригородов и далее по пути на север, к Чандigarху, я размышлял над этим происшествием, рассматривая под разными углами зрения своё поведение, бурлящие эмоции и подспудные мотивы. Напарник водителя, я был уверен, забыл и об этом инциденте и обо мне, как только повернулся ко мне спиной. Я же позволил происшедшему проникнуть вглубь своего сознания и вёз его с собой всю дорогу, пока автобус мчался сквозь ночную мглу. Безусловно, из этого следовало извлечь ценный урок.

Аккуратно положив себе в тарелку ещё риса, лама Пунцок терпеливо выслушал мою историю. Ну так каким было бы, спросил я его, правильное буддийское решение этой задачи?

«На самом деле я бы на твоём месте пошёл в близлежащую лавку и попросил бы их разменять купюру, поскольку если ты дашь этому человеку сто рупий, то можешь быть уверен, что он прикарманит их! Затем я дал бы ему двадцать рупий и залез бы в автобус». Он засмеялся: «Здесь нет никакой связи с буддизмом. Просто в Индии с людьми часто происходят такие вещи!» Пунцок одарил меня доброй, понимающей улыбкой и попросил официанта собрать всю оставшуюся на столе еду в пакет, чтобы он мог забрать её с собой в монастырь.

Возле монастырских дверей неизменно происходит один и тот же ритуал. Долгое и тщательное изучение в окошечке моего паспорта (как будто они никогда прежде не видели ни его, ни меня); тщательное переписывание сведений из него в журнал; личный обыск; проверка вещей; никаких магнитофонов, никаких камер, никаких батареек. Усатый охранник-индус поднял бровь, увидев мой блокнот: «А, писатель...» (слухи о цели моих визитов, очевидно,

уже распространились по монастырю) — и позволил мне взять его с собой. Вдоль коридоров, мимо кухни с дурманящим пряным ароматом готовящейся пищи, груды овощей на огромном столе на козлах и вверх по лестнице.

Перед комнатой для интервью белый какаду нервно бегает по жёрдочке туда-сюда. Охранник провожает меня наверх и мнётся возле дверей, пока я жду аудиенции. Он наблюдает за тем, как я наблюдаю за птицей. «Его зовут Ники», — говорит он.

Наверное, ему не очень хорошо жить вот так, прикованным к жёрдочке, говорю я. Не лучше ли отпустить его на волю?

Он прекрасно понял мою метафору. «Летать слишком опасно, — сказал он с улыбкой. — Другие птицы нападут и причинят ему вред...»

К этому времени я встречался с Кармапой уже четыре или пять раз, но я всё ещё чувствовал, что как человека я его едва знаю. Надежды, что мне будет позволено стать «мухой на потолке» — получить доступ к его ежедневным делам, завтракать с ним, играть в шахматы или компьютерные игры, помочь, быть может, в изучении английского, — оказались нереалистичными. Мои встречи с Кармапой будут ограничены строгими рамками «окон» в его обычном расписании аудиенций — десять минут здесь, двадцать минут там. Я войду в дверь, он будет говорить, и затем меня выпроводят обратно, а он удалится в свои покои. Просьбы позволить провести с ним время в неформальной обстановке обычно вежливо замалчивались или игнорировались, но прямого отказа, однако, я не получал. Я не мог решить, было ли это продиктовано соображениями безопасности или чем-то ещё. Возможно, и то и другое. И вообще, кто я такой? Чужак, узурпатор. Мои проблемы не были их проблемами. Я чувствовал, что заинтересованность в демистификации, в срывании занавеса протоколов и формальностей отсутствует как таковая; это

бы не добавило веса его духовному авторитету. Кармапа был духовной фигурой, высоким иерархом, а не западной поп-звездой. Для его окружения детали его личной жизни были важны постольку, поскольку они служили поддержанию его духовной роли. Его «знаменитость», в западном значении этого слова, к делу совершенно не относилась. Как не относилось «к делу» и большинство моих вопросов.

Всё это я понимал. Его распорядок был неизменным. Он учился. Он медитировал. Практически каждый день он уделял некоторое время частным аудиенциям, а дважды в неделю — публичным. Он писал стихи, спонтанные песни Дхармы, молитвы долгой жизни для Тай Ситу и своего наставника Трангу Ринпоче, и терма ума — поэмы, о которых говорят, что они рождаются из более глубоких уровней сознания. Он также занимался живописью. Однажды он принёс показать мне подборку своих работ: изысканные наброски китайскими чернилами. Несколько изящных штрихов, образующих процессию из семи лам, в завитках дыма; утреннее солнце, поднимающееся за деревьями. И акварели восточных персонажей: бородатый мужчина со сверкающими глазами, одетый в ниспадающую волнами тунику, похожий на персонажа из «Тысячи и одной ночи», искрящийся жизнью и юмором. На каждом рисунке стояла печать Кармапа. Он показывал их, всем своим видом демонстрируя робкую самоиронию: школьник, которого оценивают на творческом конкурсе. Его лицо осветилось, когда я похвалил его мастерство и чувство цвета. «У вас есть учитель? — спросил я. — Нет, нет, я сам учусь. Это всё спонтанно...» Он застенчиво улыбнулся. Ещё, как мне было сказано, была другая живопись, зарисовки его видений и снов, которые он описывал мастеру, приехавшему из Катманду, а тот рисовал их в форме большой танки. Я попросил разрешения взглянуть на неё. Просьба была встречена вежливой улыбкой, за которой, однако, ничего не последовало.

Я спросил одного из его служащих, о чём разговаривает Кармапа? Что он за человек?

Вопрос, казалось, сбил его с толку. Его Святейшество, сказал он, любит беседовать о религии. «Если кто-либо задаёт вопросы о духовных трактатах или принципах буддийской философии — не важно, насколько трудные, — ему нравится отвечать на них. Вообще-то Его Святейшество очень хорошо себя чувствует в обществе. Касается ли беседа серьёзных и глубоких вопросов, поверхностных тем или это просто обмен историями, обычный непринуждённый разговор, — люди чувствуют себя с ним легко. Он демонстрирует зрелость в общении с людьми. Не имеет значения, кто находится перед ним, — он знает, как разговаривать с этим человеком и дать ему почувствовать себя комфортно».

Я спросил, а какие отношения связывают его с Кармапой?

Занавес протокола начал медленно опускаться. «Честно говоря, что касается меня, то из-за его статуса я не могу разговаривать с ним так, как я говорю со своими друзьями. Если он очень молчалив, я могу почувствовать себя неуютно. Знаете, иногда его взгляд наполнен такой силой, что я едва нахожу в себе смелость смотреть ему в глаза». Он немного подумал: «Но он делает так, чтобы вам с ним было очень легко...»

Но дело, разумеется, не в частной жизни Кармапы. Его истинная ценность измеряется не тем, как он проводит свободное время, не его разговорами со служащими, а его публичными учениями о необходимости сострадания, усердия и преданности, словами поддержки и утешения последователям, склоняющимся перед ним ниц, чьи обращённые к нему лица отражают отчаянный поиск тени узнавания и вдохновения на его лице. Здесь его власть ощутима, его поведение — естественно и уверенно; именно здесь наиболее явной становится его роль в этом мире.

Традиция, стоящая за ним, годы учёбы, — всё направлено на то, чтобы сделать его главным источником вдохновения, живым примером учения о возможности достижения совершенства. Тонкости буддийского учения, наставления по медитативной практике, советы о том, как я сам могу стать лучше, счастливее... возможно, об этом мне следовало спрашивать во время наших личных встреч, когда я сидел напротив него со скрещёнными ногами и блокнотом на коленях. Но мои вопросы были куда более прозаичными.

Так, я спросил о том, как его обнаружили и признали и как его увезли из родительского дома в Лхасу, чтобы возвести на престол в Цурпу. Должно быть, было тяжело, сказал я, покинуть Лхаток и свою семью.

Лёгкий наклон головы, когда он обдумывал вопрос; всё та же неизменная полуулыбка. «Не очень тяжело».

— Вы не ощущали печали?

— Возможно, немного...

— Но в то же время, вероятно, вы понимали, что таково правило.

— Да.

— Что вы можете вспомнить о тех людях, которые были, чтобы найти вас?

— Честно говоря, немного. Может быть, потому что я был слишком мал в то время. Но я всё же понимал смысл происходящего.

— А когда вы начали осознавать, что значит быть Кармапой?

— Когда началось путешествие из дома в Цурпу. С этого момента я начал понимать, что мне предстоит...

— Приехать, как вы, из далёкой деревни и сразу упасть на шумную церемонию в Цурпу, вероятно, было и интересно, и непросто.

— Да, я волновался, когда мы приехали в город. Увидеть впервые столько автомобилей и повозок... — Он по-

детски улыбнулся, вспомнив что-то. — Машины были похожи на маленькие домики.

— А ваше восшествие на престол... вы понимали, что происходит?

— Не совсем. Наиболее важные места я понимал, потому что мне рассказали, что они означают...

— Вы выросли, не имея возможности играть с другими детьми. Были ли моменты, когда вам хотелось пожить как любому обыкновенному мальчишке, бросить занятия и просто поиграть?

— Иногда. Но как только я думал или чувствовал, что мне хочется пожить как обычному мальчику, я одновременно вспоминал и осознавал, что способ моего воспитания был избран исходя из духовных соображений и что на мне лежит очень важная ответственность: помогать всем живым существам.

За стенами комнаты для аудиенций какаду встряхнулся и принялся чистить перья. Я шёл обратно вниз по ступеням. Возле монастырской двери усатый охранник поднялся со своего кресла и что-то прошептал, когда я проходил мимо.

«Мне нужно кое-что сказать вам...» Что бы это значило? Он огляделся кругом и кивком пригласил меня следовать за ним из здания.

«Имя птицы, — сказал он, — я неправильно назвал его. Он не Ники, он — Кики...»

А-а...

Он жестом показал мне, что нужно достать блокнот, и внимательно наблюдал, как я послушно записываю этот бесценный кусочек новой информации, — Кики.

Я оставил его, спустился вниз по монастырским ступеням, прошёл вдоль истоптанной тропинки к дороге. На обочине располагалась небольшая продуктовая лавка, а за ней — телефонная будка. Я остановился, чтобы позвонить. Когда я вышел из будки, охранник стоял напро-

тив магазина, попивая из бутылки кока-колу. Он шёл за мной. Он улыбнулся, выказал жест удивления — не ожидал встретить вас здесь! И завязал разговор.

«Итак, как продвигается книга? Этот Кармапа, он занятный малый, да? Ты задаёшь много вопросов. Что он рассказывает о себе? А что будет написано в этой книге и сможет ли он купить её в Индии?»

Если это был допрос, то определённо очень неуклюжий. Наконец я попрощался и ушёл. Пройдя сотню метров вниз по дороге, я всё ещё ощущал его пристальный взгляд, буравящий мой затылок.

Друбнгах был камергером Кармапы. Ему было шестьдесят три. Костлявая фигура, жидкая китайская борода и усы, огромные слезящиеся глаза над впалыми щеками. Друбнгах был среди тех, кто бежал с Кармапой из Цурпу. Я заметил его сидящим в кресле на веранде возле комнаты для интервью; костяшки чётки постукивали меж пальцев. Он наблюдал за чередой просителей, которые стояли у двери, держа хадаки и подношения, в ожидании, когда им будет позволено войти внутрь. Он не говорил по-английски, но согласился побеседовать со мной через переводчика.

Он рассказал, как, будучи молодым монахом, в Цурпу прислуживал 16-му Кармапе. Когда 16-й Кармапа в 1959 году бежал, Друбнгах остался. «Затем пришли китайцы и разрушили монастырь. Там не осталось ничего, ни одного монаха. Монастырь вымер. Я вернулся к своей семье. Затем, много позже, Кармапа обратился к Друпон Дечену Ринпоче с просьбой возвратиться в Цурпу. И тот сказал: “Хорошо, если вы думаете, что это поможет Дхарме распространиться в Тибете, тогда я вернусь туда, иначе это бессмысленно”. Кармапа заверил его, что Дхарма придёт следом и что ему необходимо вернуться и восстанавливать Цурпу, что он и сделал. Затем Друпон Дечен сказал, что я должен вернуться и служить молодому Кар-

мапе. Он сказал мне: “Ты знал предыдущего Кармапу. Ты знаешь, что он любит, что он ест, как необходимо всё устроить для него наилучшим образом. Поэтому ты должен делать всё то же самое для нынешнего Кармапы, как ты делал это для предыдущего”».

Друбнгах сложил руки перед собой. «Если вы хотите узнать, чем я занимаюсь, просто взгляните на расписание Кармапы. Когда он вставал утром, я приносил ему воду для умывания. Я забирал одежду, в которой он спал, и приносил ему чистую. Я заботился о его постельных принадлежностях, подавал ему еду. Всё делал. Я с Кармапой с того момента, как он прибыл в Цурпу, с утра до вечера, и мне нравится служить Его Святейшеству. И я думаю, Его Святейшество тоже доволен мной». Кармапе было всего семь лет, когда он прибыл в Цурпу, сказал он. «Я думаю, что сначала всё вокруг было для него очень необычным. Первые пару месяцев он просто привыкал быть в окружении людей из Центрального Тибета. Для него проводилось множество церемоний, и затем — возведение на престол в сентябре. И после этого всё вошло в свою колею».

Его обычный день, включающий в себя молитвы, ритуалы и учёбу, был в точности таким же, каким он был на протяжении столетий при предыдущих Кармапах. Каждое утро Кармапа поднимается ровно в шесть, сказал Друбнгах. Он умывается, медитирует до завтрака, а затем начинается его учеба. У него два наставника. Один час он изучает тексты с умце Тубтенем Сангпо. Потом Ашанг Лодро учит его писать. Затем — короткий перерыв и обед. Днём он проводит частные беседы в маленькой комнате внизу, а затем — публичные аудиенции в храме. После чего он опять учится письму. В пять часов начинается пуджа Махакалы, которая продолжается примерно 45 минут и на которой он неизменно присутствует. Затем — вновь обучение, повторение того, что он успел выучить в течение дня. После этого ужин и — снова учё-

ба, а затем — сон. Эти базовые уроки будут впоследствии дополнены обучением диалектике и философии под руководством ламы Ньимы, монаха, прошедшего обучение в большом монастырском университете Сера, где он хорошо изучил гелугпинские философские трактаты. Он прибыл в Цурпу в 1994 году.

«Для игр времени оставалось немного, поскольку обучение гораздо важнее, — сказал Друбнгах. — Но он всё равно не испытывал особой тяги к развлечениям. Ему нравилось учиться. И было чему». Большая часть его обучения заключалась в заучивании текстов наизусть, и не в последнюю очередь — двенадцати главных ритуалов традиции карма камцанг. Друбнгах перечислил их. «Например, практика Чакрасамвары включает 100 двухсторонних ксилографов; Дордже Пхагмо — 60; Махакала — около 200, Чопа — также более 200 страниц. Коротких текстов просто нет. Тексты были вот такой длины и вот такой толщины». Он протянул руку и обозначил текст длиной примерно в тридцать сантиметров и толщиной около десяти. «Он не только запоминал эти тексты, но и изучил многие основополагающие трактаты буддийской традиции: “Бодхичарьяаватару”, или “Вхождение на путь бодхисаттвы”, текст Майтрейи “Уттаратантра”, или “Наивысший поток”. Он выучил тексты праманы, посвящённые логике и искусству аргументирования, и изучил множество трудов по поэтике и прочёл несколько сборников традиционной тибетской поэзии. Он любит стихи; в Цурпу был кхенпо, который обучил его всем стихам, которые только смог найти. Он также изучил текст 3-го Кармапы под названием “Глубокий внутренний смысл” и текст Патрула Ринпоче “Слова моего всеблагородного Учителя”».

Друбнгах сделал паузу, достал из складок одеяния носовой платок, громко высморкался, затем аккуратно спрятал платок обратно и продолжил: «Кармапа также обучен различным стилям каллиграфии, он прекрасно

пишет. У него сильно развитый ум, очень острый, и он любит учиться». (Его наставник, умце Тубтен Санпо однажды дал ученику более критическую оценку. Поначалу мальчик был «не особо внимательным учеником», говорил он, но некоторые тексты ему нужно было прочитать только один раз, чтобы запомнить, «как если бы он вовсе не заучивал их, а просто вспоминал».)

Принимал ли Друбнгах участие в играх Кармапы, поинтересовался я.

Он рассмеялся: «Я слишком стар для этого! У него был более молодой прислужник по имени Диди, которого он очень любил, и вместе они много играли. Летом Кармапа гулял в парках, но даже тогда он не пропускал учёбу: по восемь часов в день. Во время Лосара (тибетский Новый год) у него было три выходных дня».

А бывал ли он когда-нибудь непослушным, как большинство мальчиков его возраста?

Друбнгах отрицательно покачал головой. «Такого никогда не могло произойти! Его учителя были очень, очень строги с ним. И он немного побаивался их, поэтому делал всё, что они говорили. Он был хорошим, послушным мальчиком». Старый слуга был дипломатичен. Другие истории о прибытии Кармапы в Цурпу повествуют о ребёнке, который мог быть и своевольным, и шумным, мог «показать характер» (приверженцы относили это к «гневным» аспектам Кармапы). Одним словом, мальчишка из семьи кхамских кочевников, которого нужно было хорошенько «обтесать» на лхасский манер. Один посетитель вспоминает, как мальчик бросался в него тяжёлыми деревянными фигурами из шахматного набора, которые ему поднесли в дар.

Запертый в Цурпу, Кармапа был отрезан от внешнего мира многоуровневой системой безопасности. При входе в монастырь располагался пост китайской полиции. Существовал и внутренний отдел безопасности, якобы создан-

ный для защиты юного ламы, но в действительности следящий за проявлением любых признаков инакомыслия среди обитателей монастыря. Деятельность монастыря протекала под надзором Комитета демократического управления, который отвечал и за повседневные монастырские дела, и за проверку учений и деятельности монахов. Комитет демократического управления подчинялся местным властям округа Толунг, который находился в юрисдикции городских властей Лхасы, а те, в свою очередь, отчитывались перед Управлением по делам религий Тибетского автономного района, которое подчинялось Пекину.

На территории, окружённой этой «китайской стеной безопасности», юный Кармапа пользовался относительной свободой. Никто не вмешивался в процесс его духовного образования. Он проводил публичные аудиенции и был волен принимать гостей. Его семья обосновалась в Лхасе и время от времени навещала его в Цурпу. Но для них не делалось исключений в правилах протокола; как и любые другие последователи, они должны были выполнять перед ним земные поклоны и подносить хадаки. Во время встреч с ними Кармапа всегда сидел на возвышении. Членам семьи не разрешалось фотографироваться вместе с ним.

Игрушки, преподнесённые последователями, громоздились в личных апартаментах Кармапы, служа развлечением в свободное время: электрические машинки, компьютерная приставка Game Boy, настольные игры, огромный набор «Лего», который Тай Ситу привез из Индии. Любопытно и парадоксально, что мальчик, который должен воплощать философию преодоления привязанностей, действительно ни в чём не нуждался (большую часть его игрушек действительно раздавали). Его любимой игрушкой была машинка с дистанционным управлением, которую он гонял по крыше храма. «Он был просто сгустком энергии», — вспоминает один из посетителей.

К этому моменту стало ясно, что Китай не собирается выполнять свои обязательства по соглашению, позволяющему Кармапе отправиться в Индию. В 1992 году, после церемонии возведения на престол в Цурпу, Тай Ситу и Гьялцаб отправились в Пекин для переговоров с китайским руководством. «Мы спросили у них о выездных документах для Кармапы, и они ответили, что всё будет в порядке, — вспоминает Тай Ситу, — что в нужное время он сможет уехать. Затем они расспрашивали нас относительно мер безопасности: будет ли всё спокойно, или Шамарпа вновь что-нибудь предпримет? И другие вопросы такого рода. В действительности, я думаю, их всё это мало заботило. Они просто играли в свои игры». На следующий год Кармапе официально отказали в получении выездной визы, что вызвало дипломатические протесты, в том числе протест от секретаря по правам человека Соединённых Штатов Джона Шаттака. В это же время Далай-лама обратился с письмом к премьер-министру Индии Нарасимху Рао с просьбой помочь осуществлению визита Кармапы в Индию. Время шло, но ровным счётом ничего не происходило. Индийское правительство, казалось, горело желанием приветствовать Кармапу, который путешествовал бы по монастырям Индии и Сиккима по китайскому паспорту, не более чем китайское жаждало разрешить ему покинуть Тибет.

На протяжении последующих трёх лет Аконг Ринпоче, как представитель Тай Ситу, трижды ездил в Пекин для переговоров с членами Объединённого фронта — департамента, отвечающего за принятие решений по тибетским вопросам. Встречи, в ходе которых он просил предоставить Кармапе возможность путешествовать, всякий раз проходили в «исключительно дружеской атмосфере», но были абсолютно безрезультатными и «всегда заканчивались тем, что китайские представители уверяли, что они обязательно подумают, — рассказывает Аконг. — То они

говорили, что он слишком юн, чтобы путешествовать; вы должны подождать, пока он подрастёт. То — что время для этого не самое подходящее. Всякий раз причины были разными. Они никогда не говорили прямо, что ему нельзя путешествовать, хотя и не утверждали, что он может это делать».

«Китайская сторона хорошо понимала преимущества пребывания Кармапы в Тибете, — говорит лама Еше. — Разумеется, у них была своя мотивация, но если взглянуть глубже, уже тогда Кармапа имел по многим вопросам своё собственное мнение. Как-то, когда Кармапе не было ещё и восьми лет, мы с моим братом (Аконгом Ринпоче) обедали у него в Цурпу, а к нему пришли с визитом несколько официальных лиц — китайцев и тибетцев. Они принесли много подарков и спросили: можно нам сфотографироваться вместе с ним? А он просто встал и отошёл к окну; он не позволил им увезти своё изображение. Он и слышать ничего не хотел! Ещё тогда китайцы говорили чиновникам: будьте осторожны; этот мальчик идёт не тем путём».

В 1994 году, после двухлетнего пребывания в Цурпу, власти считали, что юный Кармапа готов предстать перед публикой, и в сентябре группа, включающая его учителей, слуг и главу Комитета демократического управления монастыря отправилась в турне по главным тибетским монастырям и нескольким городам Китая. Чтобы отметить этот факт, китайское правительство выпустило заявление, в котором яркими красками живописалась радужная история поддержки буддизма в Тибете китайскими властями и вновь говорилось о политике «свободы вероисповедания», вследствие которой, как было сказано в заявлении, религиозная деятельность продолжала оставаться «хорошо защищённым правом граждан и осуществляться в соответствии с законом и политическим курсом партии». В период времени между 1980 и 1993 годами,

говорилось в заявлении, «центральное правительство и правительство Тибета» ассигновали 200 миллионов юаней на восстановление 1600 монастырей и храмов на территории Тибета. Институт тибетского буддизма обучил и подготовил 3000 монахов и монахинь, и правительство выпустило 1000 копий Тенгьюра.

Перемещения Кармапы почтительно отслеживались правительственным информационным агентством Китая, Синьхуа. Передавали, что в Лхасе во время первой остановки в ходе турне он встретился с официальными представителями Тибетского автономного района, чтобы поблагодарить региональный партийный комитет и правительство за «постоянную поддержку и заботу о монастыре (Цурпу)» и дать обещание, что он будет и впредь «хорошо учиться и всегда следовать курсом Коммунистической партии Китая». В храме Джонанг он сделал простирания перед гигантской статуей Шакьямуни и «в возвышенном состоянии духа» посетил вновь отреставрированный дворец Потала. «Набросив шарф из белоснежного шёлка (хадак) на пятиметровую ступу с останками 5-го Далай-ламы, он захлопал в ладоши и запрыгал от радости», — передало Синьхуа. Цитировали одного из наставников Кармапы, который сказал, что юный иерарх «одержим буддизмом и способен по памяти процитировать 500 страниц сутр, как учёный восемнадцатилетний лама».

Группа отправилась дальше, в монастыри Сера и Ганден в Ташилунпо, историческую резиденцию Панчен-лам, и затем — в Пекин, где девятилетний Кармапа предстал перед высшим китайским руководством, выполнив ряд официальных функций. Он посетил Запретный город, Великую китайскую стену и Мемориальный зал Мао Цзэдуна, где, как сообщалось, он «помолился о душе Председателя Мао» (невзирая на то, что буддисты не верят в существование души). В Юнхэгуне, крупнейшем буддистском монастыре Пекина, он был принят сотней лам

«одетых в самые праздничные одежды» и сделал простирания перед статуей Ламы Цонкапы. На приёме в честь сорок пятой годовщины основания Китайской Народной Республики, который состоялся в Великом зале народов, его чествовал Ли Пэн, председатель Госсовета КНР.

Несколько дней спустя, 1 октября Кармапа присоединился к президенту Цзян Цзэминю на трибуне на площади Тяньаньмэнь перед массовой демонстрацией в 100 000 человек по случаю празднования Национального дня. Встреча не была, говоря буддийским языком, «благоприятной». Будучи представленным президенту, юный Кармапа спросил: «Кто этот человек?» Чиновники старательно проигнорировали вопрос, равно как и китайские средства массовой информации, которые вместо этого сообщили, что Кармапа молитвенно сложил ладони и сказал: «Да здравствует Китайская Народная Республика!».

К концу турне продолжительностью в месяц Кармапа посетил Пекин, Нанкин, Сучжоу и Шанхай. Он возвратился в Цурпу, нагруженный плодами правительственных щедрот: блюдами, пергаменатами, подставками для благовоний, цветным телевизором, а также большим количеством альбомов с изображениями исторических мест, фабрик и зон экономического развития, то есть всем тем, чем может предсказуемо заинтересоваться любой девятилетний мальчик, особенно если очень хорошо притворится. Китай продолжал «продвигать» его. В октябре 1994 года Синьхуа объявило, что монастырь Цурпу отмечен государственной наградой за выдающиеся достижения в «патриотизме и законопослушании».

Однако «за кулисами благополучия» настроение постепенно начинало меняться. В январе 1995 года в Цурпу начались проблемы, после того как среди монастырской общины пошли разговоры о том, что во время встречи с Кармапой китайские чиновники позволили себе унижительные замечания в адрес Далай-ламы. Пятеро монахов

спешно покинули монастырь, после того как расклеили повсюду диссидентские плакаты, обвиняющие Китай в манипулировании Кармапой. Одному из них удалось бежать. Оставшиеся четверо, среди которых были монастырский умце, или мастер молитвенного пения, и гейок, или помощник мастера по дисциплине, были арестованы. Подобные проявления несогласия с действиями властей тщательно скрывались от глаз общественности.

Всего два месяца спустя Синьхуа передало, что Департамент по религиозным делам официально вручил 17-му Живому Будде «резную мемориальную табличку», на которой китайскими иероглифами и тибетским письмом была высечена надпись «Наше Славное Отечество». В сентябре подоспел ещё один дар — новый дорогой внедорожник «Тойота Лендкрузер», преподнесённый от имени Центрального комитета Коммунистической партии с заявленной целью «наполнить вдохновением проповедь юного Будды, который является первым человеком в Китае, получившим сей дар».

В то время происходили и другие, более таинственные истории. В апреле 1993 года во время прогулки по вновь отстроенному храму Цурпу Кармапа прижал пальцы к поверхности камня, лежавшего в основании здания, и оставил на нём явственно видные углубления. В другой раз он обернул вокруг скалы красную мантию и начертил слова мантры «Кармапа Кхьенно», оставив на камне несмываемый красный оттиск.

Другой монах рассказал мне ещё одну историю. Вскоре после прибытия Кармапы в Цурпу он разговаривал с приехавшим из Румтека помощником Гьялцаба Ринпоче. Он был родом из той же местности в Кхаме, что и Кармапа, и они говорили о кочевой жизни. Вдруг Кармапа сказал, что накануне ночью он «путешествовал сквозь пространство» в Румтек. Маленький мальчик, разумеется, никогда не был в этом монастыре, однако, по словам слуги, опи-

сал его в точности — расположение зданий, комнаты Тай Ситу и Гьялцаба. Но, продолжал мальчик, в самом монастыре не было монахов, все они были в здании на холме, «Я не знаю почему». Чего Кармапа не мог знать, так это того, что в это время жилища монахов перестраивались и они временно жили в здании шедры на холме.

Если жизнь Кармапы в Цурпу и была в каком-то смысле нелёгкой, то вместе с тем также существовала и «возможность», как выразился один лама, превратить его длительное присутствие там в демонстрацию «применения искусных средств, чтобы вновь посеять в Тибете семена Дхармы». Разумеется, Китай одобрил его опознание в своих собственных целях, пытаясь поставить религиозную жизнь Тибета под государственный контроль и навязать своё «суверенное право» опознания тулку. Тем не менее хотя деятельность Кармапы и была полна компромиссов, всё же его присутствие в Цурпу было своего рода троянским конём буддизма — способом поддерживать учения в живом и процветающем состоянии, разжигая пламя преданности в сердцах верующих даже перед лицом официальных властей, пытавшихся поставить всё под контроль.

Но самое главное — официальное признание Кармапы установило прецедент для дальнейшего опознания других тулку. Правительство установило так называемый пятишаговый процесс, согласно которому ламы могли действовать, как того требовала традиция: определять приметы перерождения, снаряжать поисковые партии и определять кандидата, но потом они должны информировать правительство о своем выборе, а оно будет даровать своё официальное одобрение. Обе стороны получали некоторое удовлетворение от такого деликатного компромисса между церковью и государством: ламы могли быть уверены, что ребёнок выбран правильно, а правительство реализовывало своё «суверенное право» на утверждение

их выбора. Казалось, религиозные верования и политика могли сосуществовать — по крайней мере, на тот момент.

В 1995 году в возрасте десяти лет Кармапа впервые опознал новую реинкарнацию, Паво Ринпоче — одну из наиболее значимых фигур в иерархии карма-кагью. Родовым монастырём Паво Ринпоче был монастырь Ньенанг, примерно в двадцати пяти километрах от Ахасы. Исторически Ньенанг и Цурпу были объединены религиозными, социальными и географическими связями. Линия Паво восходит к XVII веку; сменяющие друг друга Паво Ринпоче были и учениками, и учителями Кармап. 10-й Паво Ринпоче покинул Тибет в 1959 году. В течение пятнадцати лет он жил в Дордони во Франции, рядом с центром, который Бернард Бенсон поднёс в дар 16-му Кармапе. Затем он переехал в Непал и основал учебный центр в Боднатхе, где и умер в 1991 году.

В июне 1995 года делегация монахов из Ньенанга обратилась к юному Кармапе с формальной просьбой дать указания о том, совершилась ли реинкарнация Паво Ринпоче и где можно обнаружить перерождение учителя.

Возглавлял делегацию один из старших монахов монастыря, лама Цеванг. Я заметил его среди монахов в Гьюто. Он был в составе группы, которая вместе с Кармапой покинула Тибет, и, как мне сказали, являлся главным организатором побега. Это был приземистый человек с поистине бычьим телосложением, в возрасте далеко за тридцать, с чёрными усами и козлиной бородкой. Его угольно-чёрные глаза под нависшими веками вкупе с непроницаемым каменным выражением лица придавали ему довольно устрашающий вид. Мне было сказано, что мы можем поговорить в его комнате.

Когда я вошёл, лама Цеванг восседал на кровати, поглощённый упражнениями в тибетской каллиграфии. Он поднялся, пожал мне руку и жестом пригласил сесть, за-

тем возобновил своё занятие, явно желая завершить одно дело, прежде чем начать другое. Я мгновенно понял, что недооценил его. Я посчитал Цеванга грубым и ограниченным типом, но его касания кистью бумаги были поразительно лёгкими, а линия — изящной и уверенной. Через некоторое время он отложил кисть и блокнот в сторону и начал своё повествование.

В течение многих поколений, сказал лама Цеванг, его семья была связана с монастырём Ньенанг. Как и Цурпу, Ньенанг был практически разрушен в ходе культурной революции. Когда в 1984 году Друпон Дечен прибыл из Ладакха, чтобы начать восстановление Цурпу, лама Цеванг присоединился к нему в качестве одного из монахов. Он прожил в Цурпу четыре года, пока Друпон Дечен не велел ему начать восстановление Ньенанга. Он поднял монастырь из руин и основал школу в близлежащей деревне. К тому времени, когда Кармапа прибыл в Цурпу, Ньенанг также был готов к возвращению своего духовного главы, Паво Ринпоче. Паво Ринпоче, сказал Цеванг, традиционно опознавались Кармапами, и так случилось, что в июне 1995 года Цеванг обратился к Кармапе с просьбой дать указания относительно новой реинкарнации Паво Ринпоче. Кармапа сказал им, что для устранения препятствий при поиске реинкарнации и для того, чтобы создать благоприятную ситуацию для прихода Паво Ринпоче, должны быть выполнены определённые ритуалы — а именно прочтение Кангьюра и Тенгьюра (полное собрание буддийских канонов) целиком и выполнение 100 000 кратких ритуалов божества-защитника Махакалы. Несколько месяцев спустя Цеванг возвратился в Цурпу, чтобы сообщить Кармапе, что ритуалы завершены.

«Его Святейшество сказал нам, что новое рождение Паво Ринпоче уже произошло и нам нужно начать поиски сейчас. Если нам удастся быстро его обнаружить, необходимо немедленно пригласить его в монастырь, иначе

могут возникнуть препятствия. В ходе этой беседы Его Святейшество некоторое время оставался в медитации. Потом сразу же попросил нас принести карандаш и бумагу и начал записывать указания, как вести поиски. В своём письме он написал: «Это место находится на северо-востоке от Цурпу, в направлении города Нагчу. А от Нагчу надо ехать на север». Далее говорилось: «В семье десять человек, но не все из них присутствуют. Главная дверь дома выходит на север». Говорилось также: «Снаружи находится алтарь, посвящённый духу Цен». Согласно традиции, эти алтари покрывают крышами красного цвета и именуют цен-кхарами. Он сказал: «Неподалёку от этого места лежит груда камней мани (плоских или округлых камней, с высеченными на них мантрами. — *Прим. ред.*)». Также он сказал: «Семья родом из Кхама; имя матери начинается со слога “Да”; имя отца начинается со слога “Лха”, а сам ребёнок был рождён в Год Собаки».

Закончив писать, Кармапа отдал письмо Цевангу. «Я отправился к Друпону Дечену Ринпоче, чтобы обсудить с ним, как осуществлять поиск. Он посоветовал мне: “Самому тебе лучше не ездить, потому что все знают, что ты из монастыря Ньенанг. Паво Ринпоче — очень высокий лама, и всё должно быть сохранено в тайне, иначе возникнет множество препятствий”». Было решено, сказал Цеванг, что на поиски отправятся лама Ньима, кхенпо из Цурпу, и один из учителей Кармапы, вместе с ещё одним ламой, также из монастыря Цурпу. Их путешествие будет храниться в тайне от властей.

На следующий день оба ламы выехали в Нагчу, что примерно в 300 километрах от Лхасы. Прибыв на место, они обследовали его северные окрестности. Там, в соответствии с инструкциями Кармапы, они обнаружили развалины ценкхара, его красная крыша ясно виднелась среди валунов. «Мы прошли немного дальше, — продолжал Цеванг, — и нашли большую груду камней мани.

Итак, два пункта в точности совпали с описанием. Затем ламы нашли дом с дверью, смотрящей на север. Из дома навстречу им вышла старая женщина. Они назвались торговцами и попытались побольше узнать о семье. Женщина сказала именно то, что говорилось в письме: нас десять человек, но двое сейчас отсутствуют — один уехал в паломничество, а ребёнок находится в школе. Когда ламы спросили имя матери в доме, то узнали, что оно действительно начиналось со слога “Да”, а отца звали Лхапа. Ламы спросили, есть ли в доме младенец. Женщина сказала: да, и он родился в год Собаки. У обоих лам больше не оставалось никаких сомнений, что они у цели». Ничего не сказав старухе, лама Ньима и его спутник поспешили обратно в Цурпу. Вместе с Друпоном Деченом и Цевангом они вновь встретились с Кармапой, чтобы обо всём ему рассказать.

«Его Святейшество сказал: “Это, безусловно, истинная инкарнация Паво Ринпоче”. Так Его Святейшество принял окончательное решение». Вскоре лама Цеванг вместе с Вангду, управляющим из Ньенанга, отправились в Нагчу, чтобы объявить эту новость семье. «Мы им всё объяснили. Мы показали им письмо, написанное Его Святейшеством. Семейство было потрясено, потому что всё настолько точно совпало. Затем я сказал: “Это — истинная и подлинная реинкарнация Паво Ринпоче. Я приехал из монастыря Ринпоче. Вы позволите мне забрать ребёнка с собой в монастырь?” Они сказали: “Конечно. Как мы можем отказать? Ведь он был узан Его Святейшеством, а Паво Ринпоче — один из верховных лам традиции кармакагью. Если мы можем сослужить службу учению Будды и всем живым существам, мы должны сделать это. Поэтому вы можете забрать его в монастырь в любое время, когда захотите”. Вот так они сказали». Затем лама Цеванг совершил очистительные ритуалы с водой, которую заранее благословил Кармапа. — «Я не могу проводить эту цере-

монию для ринпоче такого высокого ранга» — и преподнёс ребёнку его первое монашеское одеяние.

Цеванг замолчал. Он поднялся со своего места, взял со стола термос, наполнил две чашки крепким зелёным чаем и жестом предложил мне взять одну, затем продолжил свой рассказ. «Вы можете спросить, что я почувствовал, когда впервые увидел инкарнацию Паво Ринпоче? Я никогда не встречался с предыдущим Паво Ринпоче, но, как только я увидел этого, я понял, что он — особенный. Хотя ему было всего пятнадцать месяцев, мне показалось, что он старше, что ему более двух лет. Он выглядел очень зрелым ребёнком и очень неординарным. Обычно маленькие дети в Тибете любят возиться в пыли, и всё такое прочее. А этому нравилось ходить в храм и делать простирания. В общем, он с самого начала обладал особыми качествами. Другая причина, по которой я был убеждён, что это именно тот мальчик, заключалась в том, что все детали в точности совпали с тем, что было написано в письме. Даже если бы ребёнок оказался самым обычным, я всё равно был бы счастлив. Но, помимо всего прочего, с ним происходили поистине удивительные вещи.

«Вангду был монахом ещё при предыдущем Паво Ринпоче и однажды посетил его, когда тот жил во Франции. Тогда Паво Ринпоче сказал ему: «Мы увидимся в Тибете». Предшествующий Паво Ринпоче не вернулся в Тибет; он завершил свой жизненный путь в Непале. Но когда Вангду впервые увидел его реинкарнацию, ребёнок, казалось, узнал его. Он привлёк Вангду к себе, и они соприкоснулись лбами — это особое приветствие в Тибете. Мы предложили ребёнку торма (ритуальная скульптура из теста и масла. — *Прим. ред.*) и рис, и он взял из чашки немного торма и положил в рот Вангду. Вангду был так растроган, что слёзы покатились у него по щекам». Затем лама Цеванг и Вангду покинули семейство, сказав им, что будет назначено время, когда мальчика заберут в

Ньенанг, и что до тех пор им следует хорошо заботиться о нём.

Пока Цеванг говорил, комната заполнилась людьми, отдыхающими между выполнением поручений, или, возможно, им просто не терпелось узнать, что заставило Цеванга так долго общаться с иностранцем. Молодой монах в экзальтированной, почти девичьей манере говоривший на ломаном английском, взял стул и принялся помогать с переводом. Другой, высокий и стеснительный, стоял, сложив руки, у двери. Потом вошла женщина, одетая в традиционную чубу и полосатый передник. Ей было около пятидесяти; лицо костлявое и изборождённое глубокими морщинами; в седеющие волосы вплетены бирюзовые украшения. Она примостилась на краешке кровати и тоже внимательно слушала. Кто же откажется послушать хорошую историю?

Теперь, когда Паво Ринпоче был найден, продолжил Цеванг, было необходимо поставить об этом в известность власти в Лхасе. «Лхасское правительство сказало мне, что, поскольку Паво Ринпоче является очень высокой инкарнацией в Тибете и поскольку он был признан Его Святейшеством Кармапой, одобренным нашим правительством, то я могу пригласить его в монастырь. Но они также сказали, что в настоящий момент не могут дать на это разрешение; сначала они должны переговорить с Пекином». Цевангу было предложено «негласно» забрать юного Паво Ринпоче, с тем чтобы он тихо жил в монастыре до тех пор, пока китайское правительство не одобрит его возведение на трон.

Наконец, торжественная делегация из восемнадцати монахов отправилась в Нагчу, чтобы забрать юного Ринпоче и сопроводить его в составе процессии в Ньенанг. В ту пору, вспоминает Цеванг, долгое, очень долгое время не шли дожди. «Все фермеры были сильно обеспокоены состоянием своих посевов. Но в тот день погода из-

менилась, и сразу же пошёл дождь. Все крестьяне преисполнились благодарности к Дхарме в целом и особо — к Ринпоче». При подъезде к Ньенангу ребёнка приветствовали, причём монахи прибыли и из Цурпу, и из Ньенанга. Вдоль дороги, ведущей к монастырю, уже стояли палатки: люди, одетые в свои лучшие одежды, проделали десятки километров верхом. «Все приехали с традиционными ритуальными предметами, — рассказывал Цеванг, — колокольчиками, флажками и барабанами. Таков тибетский обычай приветствия высоких ринпоче».

Женщина, которая подсела к нам, энергично закивала в знак согласия, «Да, да...» — очевидно, она была авторитетом в вопросах религиозного этикета, — и повторила вслед за ним: «Колокольчики, флажки, барабаны...»

Под главным навесом были установлены два трона, продолжил Цеванг, повыше — для Паво Ринпоче и пониже — для Друпона Дечена Ринпоче. «Паво Ринпоче не мог говорить, но очень ясно демонстрировал свои чувства. И совершенно неожиданно он прыгнул со своего трона на колени Друпона Ринпоче, совсем как младенец прыгает на колени матери!» — засмеялся Цеванг.

Несколько дней спустя мальчик впервые предстал перед Кармапой. «Он выказал явное благоговение перед Его Святейшеством. Когда старшие ламы делали простирания, Паво Ринпоче также пытался последовать их примеру. Затем он подошёл к Его Святейшеству и без посторонней подсказки склонил перед ним голову для благословения. Он выглядел очень счастливым». В главном храме проводились пуджи с участием монахов из обоих монастырей. Затем Кармапа произвёл над ребёнком церемонию пострижения в послушники и нарёк его именем Палден Паво Цуглак Драянг.

Рассказ ламы Цеванга длился почти час. В комнате стало очень душно, и высокий застенчивый монах открыл окно, чтобы мы могли вдохнуть свежего воздуха. Никто

не выказывал желания покинуть нашу компанию. Цеванг сказал, что хочет поведать мне ещё одну историю, свидетельствующую о величии Паво Ринпоче.

Преыдущий Паво Ринпоче был великим йогином; он любил медитировать в уединении. Возможно, это была память преыдущих жизней, сказал Цеванг, но, даже будучи ребёнком, теперешний Паво Ринпоче тоже предпочитал уединение и прогулки в безлюдных местах. Однажды он с небольшой группой монахов отправился на пикник в горы в окрестностях Ньенанга.

«Паво Ринпоче шёл самостоятельно, карабкаясь в гору. Один из монахов немного забеспокоился и пошёл следом за ним. В конце концов, когда он догнал ребёнка, Паво Ринпоче спросил: “Тебе нужен камень ци?” Камень ци — это совершенно особенный драгоценный камень. Он сказал: “Если он тебе нужен, копай здесь”. Монах ответил: “Не думаю, что мы найдём его здесь”. Паво Ринпоче сказал: “Да, да, ты найдёшь его”. Они взяли палку и отметили место, затем вернулись к остальным монахам. Старший служащий, цимпон, спросил: “Там действительно находится камень ци?” И Паво Ринпоче вновь ответил: “Да, да”. Цимпон сказал: “Если там нет камня ци, а ты утверждаешь, что он там, это будет для тебя большой оплошностью, ведь ты — Паво Ринпоче. Если ты изрёк нечто, и это оказалось неправдой, ты зальёшься краской стыда”. Они вернулись к отмеченному месту. Начав копать, они углубились примерно на метр, но ничего не нашли. Но затем они заметили что-то, сверкнувшее чёрным блеском. Когда копнули немного глубже, обнаружили два чёрных камня, один из которых был похож на птицу. Тогда оставив всё как есть, на следующий день они вернулись с лошадьми и на месте раскопки увидели камень ци, торчавший из земли, и ещё там были кораллы, и бирюза, и золото, — всё это появилось за время их отсутствия. Один камень ци был большой, а другой — поменьше, и ещё там было много разных вещей.

Они взяли их и привезли в монастырь. Затем Паво Ринпоче сказал: “Нам надо сделать пуджу Махакалы”. После её завершения все камни были завернуты в шёлк и помещены в стеклянный ларец со статуей Махакалы. Ларец опечатали. Было объявлено, что чёрный камень — это самовозникший Будда, а птица — его эманация. Там также нашли белую конусообразную раковину, и она была объявлена самопроявленной эманацией Гуру Ринпоче».

Лама Цеванг замолк, театрально откашлялся — искусный рассказчик! — и поправил монашескую накидку. «Я был в то время в Ахасе. Вернувшись и услышав эту историю, я прямо спросил Паво Ринпоче: “Откуда ты знал, что нужно искать именно там? И кто спрятал эти вещи?” Он сказал: “Их спрятал 8-й Паво Ринпоче”. То есть это было почти двести лет назад!»

Я посмотрел на людей, окружавших меня. Взгляды всех присутствующих, замороженных рассказом, были прикованы к ламе Цевангу.

— Вы можете спросить», — продолжил он, — с какой целью были спрятаны эти вещи? В них нет ничего особенного, да и какая от них практическая польза? Несколько лет спустя Бокару Ринпоче задали этот вопрос, и он ответил, что бывают периоды, когда доверие к ламам ослабевает, и тогда появляется необходимость в чём-то, что поддержит людей в их вере.

— И именно поэтому, — спросил я, — 8-й Паво Ринпоче спрятал эти вещи?

— Да, — сказал Лама Цеванг. — Чтобы позже их могли найти.

Я вновь и вновь прокручивал в уме историю о том, как был найден Паво Ринпоче. Как и все подобные истории, она ставила меня в тупик и заставляла задаваться вопросом: как такое могло произойти? Ламы предпочитают не говорить о таких вещах и не давать объяснений.

Подобные сверхъестественные явления, предсказания, пророчества, видения, выходят за рамки рациональных объяснений. Но они считались и считаются очевидными доказательствами высокой духовной реализации великого ламы. Необычные, паранормальные — да, но вовсе не «чудесные» — в том смысле, который мы, люди Запада, вкладываем в это слово.

Однажды я попросил Кармапу объяснить мне этот процесс. Я не ожидал, что он ответит, но после короткого обдумывания он кивнул и начал рассказывать.

Традиционно, сказал он, полагается попросить ламу произвести опознание. Затем лама входит в глубокую медитацию. «В этой тишине практически нет обычного потока мыслей. В этот момент сознание ламы пребывает в спокойствии и ясности, и появляются определённые видения. Чистота самого видения зависит от уровня личных достижений йогина. Все ламы находятся на разных уровнях просветлённости, или реализации внутреннего видения. Если кто-то очень хорошо развил его, то в этот момент он может воспринимать картину исключительно ясно. Но даже если лама не достиг подобных высот в медитации, у него всё равно может появиться определённое видение, пусть и не столь чёткое. И затем он даёт описание, согласуясь со своим видением».

Он помолчал, чтобы удостовериться, что я поспеваю за ним. «В общем, то, о чём я вам сейчас говорю, в большей степени основано на том, что я сам делаю и как я опознаю тулку и ринпоче. Это не означает, что данный метод — единственный. Но я не знаю, как делают это другие ринпоче. Я не могу делать такие обобщения. Этому не обучают. Просто, когда человек медитирует, подобные вещи происходят спонтанно».

— Является ли подобная ясность признаком чистоты ума, или же она зависит от кармических связей из предыдущих жизней, или и то и другое?

Он обдумал мой вопрос:

— Это может зависеть и от того и от другого, то есть от уровня вашей практики, но также и от человека, которого вы должны опознать. Однако самым важным и решающим фактором является человек, который пытается опознать чью-либо реинкарнацию, — это происходит с помощью его силы, через его медитацию и мудрость. Например, может случиться, что у вас нет никаких прошлых связей с ринпоче, которого вам нужно опознать, и тогда всё будет зависеть только от того, насколько чисты ваша мудрость и ваше восприятие.

— Являются ли эти видения формой всеведения?

— Нельзя сказать, что эта форма познания безгранична и универсальна. Например, вы можете задать мне вопрос, относящийся к повседневной жизни, о том, чего вы, к примеру, хотите достичь. Я могу дать вам ответ. Но причины и условия вашего намерения могут по разным причинам сильно измениться. В этот момент я могу видеть всё очень ясно, но кармические причины и условия того, что вы хотите совершить, могут многое изменить, поэтому не всё будет соответствовать тому, что я предсказывал. Признание ринпоче или тулку — это совсем другое. В зависимости от уровня их достижения они принимают решение вновь вернуться в этот мир, чтобы приносить пользу другим существам. Благодаря ясности, присутствующей в их сознании, однажды приняв такое решение, они уже не изменяют его. Поэтому, когда я или другой лама узнаёт ринпоче, то та картина, которую мы видим, — это чистое намерение, которое не может измениться.

— Таким образом, присутствуют два чистых разума, постигающие друг друга?

Он кивнул:

— Да, участвуют обе стороны.

— А в каком возрасте, — спросил я, — вы впервые осознали, что у вас есть эта способность?

Он улыбнулся вопросу:

— Я не знаю, в каком возрасте, но когда я впервые признал тулку, тогда я и ощутил её присутствие.

— Паво Ринпоче?

— Да, Паво Ринпоче. Но самое ясное и сильное видение, думаю, было при опознании Джамгона Конгтрула Ринпоче...

Я читал рассказ об этом, опубликованный лабрангом Джамгона Конгтрула в Непале. В 1994 году, через два года после смерти Джамгона Ринпоче в автокатастрофе в Силигури, делегация из его монастыря в Непале обратилась к Кармапе с предварительной просьбой об установлении местонахождения его реинкарнации. На поиски и подтверждение ушёл почти год, после чего Кармапа даровал признание двухлетнему мальчику, жившему в тибетской деревне Карак Шанг. Все детали прорицаний и указаний Кармапы в точности соответствовали требованиям многовековой традиции опознания тулку, с одним существенным отступлением. Чтобы лучше описать дом, где будет найден мальчик, Кармапа построил его копию с помощью своего конструктора «Лего».

ГЛАВА 11

«Кандидат от оппозиции»

Возведение нового Кармапы на трон в Цурпу поставило Шамара Ринпоче в условия всё возрастающей изоляции. Шамар утверждал, что он является жертвой заговора. Тай Ситу не только сфабриковал письмо-предсказание, твердил Шамар, но ещё и ввёл в заблуждение Далай-ламу. Представив Его Святейшеству документы во время его пребывания в Бразилии, Тай Ситу намеренно создал впечатление, что все ринпоче линии кагью находятся в согласии относительно подлинности письма и достоверности выбора, хотя он, Шамар, был категорически против. И Далай-лама дал своё формальное подтверждение именно на основе этой дезинформации. Далай-ламу обманули!

Однако сам Далай-лама отрицал подобную версию событий. В июле 1992 года его офис опубликовал письмо-разъяснение, в котором утверждалось, что, когда возникли «определённые разногласия» по поводу Священного письма, «со стороны Далай-ламы не было допущено никакой ошибки или отступления от традиции в одобрении признания 17-го Кармапы». Далай-лама, говорилось в разъяснении, прежде чем принять решение, изучил все документы, имеющие отношение к процессу идентификации перерождения, — копию Священного

письма, интерпретации его содержания, подробный отчёт о ходе работы поисковой группы и другие прилагающиеся материалы. 29 июня он в первый раз встретился с Тай Ситу Ринпоче и Гьялцабом Ринпоче и — в тот же день, но позднее — с Шамаром Ринпоче, чтобы обсудить вопрос до того, как на следующий день окончательно даровать свою Печать одобрения и признание подлинности нового воплощения. «Таким образом, — заключалось в письме, — Его Святейшество Далай-лама даровал свою окончательную Печать одобрения и признание подлинности 17-го Кармапы не опрометчиво или необдуманно, но после того, как был полностью удовлетворён, выслушав череду разъяснений от всех, кто имел отношение к делу; после того, как рассмотрел и внимательно изучил вопрос в целом. Проведя впоследствии традиционные ритуалы для определения подлинности предложенного кандидата, он вновь подтвердил достоверность окончательных указаний относительно новой реинкарнации Кармапы».

Тогда Шамарпа сменил тактику. Теперь он предположил, что Далай-лама и Тибетское правительство в изгнании с самого начала участвовали в заговоре. Сидя в вестибюле отеля «Хайят Редженси» в Дели, Шамар заказал ещё кофе и затем принялся тщательно обрисовывать ситуацию. Мне следует понять, настаивал он, что этот спор не имеет ничего общего с религией. Это чистой воды политика, сведение старых счётов, это дело рук тщеславных людей, которые ни перед чем не остановятся, чтобы упрочить свою власть.

Его обвинения заключались в следующем: Тай Ситу, объединив усилия с Далай-ламой и Тибетским правительством в изгнании, тщательно спланировал «обнаружение» и признание Ургьена Тинлея, чтобы отнять контроль над школой карма-кагью у её законного лидера — у него, Шамарпы. Этот замысел восходил ещё к 1960-м годам и со-

противлению 16-го Кармапы попыткам Далай-ламы и его Правительства в изгнании объединить все разрозненные школы тибетского буддизма. Вместе с Правительством в изгнании, предположил он далее, Тай Ситу сговорился с Китаем о признании реинкарнированного Кармапы в Тибете. Таким образом, новый Кармапа был под контролем Китая и, следовательно, не представлял потенциальной угрозы тибетскому правительству в Дхарамсале, в то же время позволяя Тай Ситу занять главенствующее место в школе карма-кагью за пределами Тибета. Замысел состоял в том, утверждал он, чтобы отрезать буддийским общинам Гималайского региона доступ к истинному Кармапе и упразднить офис Кармапы в Румтеке.

«Итак... — Шамар подался вперёд, пристально глядя мне в глаза. — Правительство в изгнании применило тактику “разделяй и властвуй”. Они нашли человека, готового последовать за ними. Нашли того, который сказал: “Хорошо, в угоду вам я разрушу мою традицию”. И таким человеком стал Тай Ситу, и заодно с ним Гьялцаб Ринпоче. Именно они объединились с Далай-ламой в этом заговоре. Целью Тай Ситу было, сказал он, «закрытие Румтека. Он хотел, чтобы его монастырь, Шераб Линг, стал главной резиденцией карма-кагью. Правительство в изгнании также стремилось закрыть Румтек, поскольку в противном случае вся власть отходила к Кармапе и он вновь становился соперником Дхарамсалы. Каждый преследовал свои цели; вот они и объединились».

Признание Ургьена Тинлея в качестве Кармапы, продолжал он, находилось в вопиющем противоречии с многовековыми традициями школы кагью. В качестве старшего регента внутри школы кагью Шамар, и только он один имел право признания Кармапы. Следовательно, продолжал он, официальное подтверждение, данное Далай-ламой, в действительности было лишено какого-либо смысла: «традиционно и исторически» Далай-ламы

никогда не участвовали в признании Кармап; это являлось исключительной прерогативой иерархов школы кагью.

На самом деле это была только часть правды. Хотя Далай-лама традиционно не принимал участия в магических ритуалах поисков и опознания Кармап, тем не менее начиная со времени становления школы гелуг в качестве главенствующей политической силы в тибетской политике в XVII веке, Далай-лама как светский и духовный правитель Тибета традиционно даровал свою Печать одобрения после того, как Кармапа был опознан, и до того, как его возводили на трон. 16-й Кармапа, например, получил санкцию от 13-го Далай-ламы. На самом деле, 14-й, то есть нынешний, Далай-лама в 1960-х годах по просьбе Кармапы официально утвердил восстановление линии самого Шамарпы. Не совсем верно и то, что исторически Шамарпы единолично отвечали за идентификацию и признание воплощений Кармапы. Согласно традиции, Кармапы сами опознавали себя либо с помощью писем-предсказаний, либо путём «самопровозглашения» в весьма юном возрасте. При этом в различные времена многие из держателей линии вовлекались в процесс узнавания и возведения Кармап на трон. До XV века, то есть до времени правления 5-го Кармапы, Шамарпы вовсе не участвовали в этом процессе. И хотя впоследствии Шамарпы действительно принимали участие в подтверждении реинкарнаций Кармап и были держателями линии передачи учения и наставниками в их линии на протяжении последующих трёхсот лет, после 1792 года их вновь отстранили от этого процесса вследствие «запрещения» самой линии Шамаров.

Сегодня, спустя более двухсот лет, эхо тех судьбоносных событий отзывается вновь. В своих обвинениях против Далай-ламы Шамарпа вновь вернул к жизни призрак далёкого прошлого — истребление «красношапочников» «жёлтошапочниками» — и выставил себя в роли истин-

ного защитника кагьюпинской веры. Политическая комбинация XVIII столетия разыгрывается вновь. Подобно 10-му Шамарпе, репрессированному гелугпинцами за то, что он осмелился встать на защиту учения кагью, и он, нынешний Шамар, по его словам, стал жертвой гелугпинского заговора.

Голос Шамара звенел негодованием, а жестикауляция становилась всё более энергичной. Он утверждал, что с самого начала он действовал исходя из лучших побуждений. Он не поддержал предложение поместить стихи, написанные 16-м Кармапой, в шкатулку-гау. «Джамгон и Гьялцаб — вот кто сказал, что нам, возможно, следует воспользоваться ими в качестве подлинника письма. Я не согласился, так же как и Тай Ситу». Он утверждал, что стал жертвой лжи и наветов. «Много, много обвинений навесили на меня...» Его уличили в том, что он пытался представить сына короля Бутана в качестве реинкарнации Кармапы. Его обвинили в смерти Джамгона Конгтрула. «Они сказали, что это я подложил бомбу в автомобиль Джамгона Конгтрула и убил его! Слухи ползли отовсюду. Я говорил: “Я не убивал!” Но люди повсюду продолжали твердить об этом, потому что слухи намеренно распространялись. Мне уже некуда было деваться!».

Он глубоко вздохнул и пожал плечами. Слухи, истории, наветы, которые приносились в его адрес... «Это так жестоко. Так ведут себя безжалостные политики, а вовсе не буддийские учителя. А уж порядочные политики так не поступают! Но потом, постепенно, я осознал: возможно, они некоторым образом одержимы. В буддийских учениях описываются козни демона Мары и говорится, что, когда дурные намерения сильны в умах некоторых бодхисаттв, они могут превратиться в рабов своих пагубных страстей. Такое может случиться...»

Шамарпа сделал паузу. Я должен понимать, продолжил он, что это вопросы не только религии и духовной

практики. Речь идёт о культуре, политике, лжесвидетельстве и сговоре, и всё это было скрыто от глаз западных наблюдателей. «Люди, которые поддерживают Его Святейшество Далай-ламу, точно знают, что они должны делать это по политическим соображениям. Их не волнует, кто является подлинным или не подлинным перевоплощением Кармапы. Среди последователей [кагью], возможно, есть те, кто слепо всему верит, но все остальные всё же открыты для трезвого понимания. И тогда вступают в силу соображения социального характера: “Да, Ситу Ринпоче поступает неправильно, но, поскольку он гуру моей матери или отца, я должен поддерживать его”, или “Шамар Ринпоче — гуру моего дедушки, поэтому я должен следовать за ним”. Он печально улыбнулся: «Вообще-то, это больше относится к Ситу, чем ко мне, ведь поскольку Шамар был восстановлен в правах лишь по прошествии двухсот лет, у Шамара меньше последователей...»

По крайней мере в этом он был прав. Его противодействие признанию Ургьена Тинлея в качестве Кармапы и его неприятие авторитета Далай-ламы постепенно сделали Шамара изгоем не только внутри школы карма-кагью, но и внутри тибетского буддийского сообщества в целом. Фактически все значимые фигуры школы кагью признали подлинность письма-предсказания и приняли Ургьена Тинлея в качестве истинной реинкарнации 16-го Кармапы. Главные центры кагью в Британии и Америке — Самье Линг в Шотландии и американская резиденция 16-го Кармапы в Вудстоке — немедленно приветствовали его признание, равно как и большинство центров по всей Азии и на Дальнем Востоке. Для подавляющего большинства тибетцев одобрение Далай-ламы означало решение вопроса раз и навсегда. Сколько бы Шамар ни приводил доводов в пользу того, что Далай-лама не играет роли в политике кагью, его одобрение — вердикт бесспорного

духовного лидера тибетского буддизма — было решающим, и его честность и порядочность ни у кого не вызвали сомнений. Для большинства тибетцев (а в этом случае и для большинства западных людей) если вопрос касается тибетского буддизма, слово Далай-ламы является истиной в высшей инстанции. У Шамара было относительно мало сторонников. Он мог рассчитывать на преданность своего брата Джигме, который управлял центром 16-го Кармапы в Дордони; у него была поддержка незначительной части лам и ринпоче карма-кагью в Индии и Непале и последователей в Малайзии и на Тайване. И у него оставался ещё один могущественный союзник.

Оле Нидал прошёл долгий путь со времени открытия в 1973 году своего первого Дхарма-центра в Дании. Обладающий, казалось, неиссякаемой энергией, яркой харизмой и миссионерским рвением, Нидал основывал центры в Европе, Австралии, Северной и Южной Америке. Он также открыл первый буддийский центр за «железным занавесом» — в Польше. Затем последовало открытие центров в Венгрии, Чехословакии и России. К началу 1990-х годов под эгидой своей организации «Алмазный путь» им было основано по всему миру более 150 центров. Из просто Оле Нидала он стал «ламой Оле», добавив ещё один титул к своему званию «буддийского мастера», дарованного ему Шамаром Ринпоче в 1983 году.

Отчаянный жизнелюб, Нидал без устали купался в нехитрых радостях бытия. Он любил прыгать с парашютом, с ветерком прокатиться на мощном спортивном автомобиле и мотоцикле. В своих мемуарах он изображал себя наполовину викингом, наполовину тибетским воином, таким буддийским Жан-Клодом Ван Даммом, без устали колесящим по миру, толкователем и защитником учений Ваджраяны. Книги «Алмазного пути» пестрели фотографиями Нидала, часто с обнажённым торсом, чтобы от внимания заинтересованных читателей

и читательниц не ускользнуло его атлетическое телосложение бывшего боксёра, позирующим в стиле Зелига¹, в окружении высоких тибетских лам. Как и в бестселлерах мистификатора-любителя Лобсанга Рампы, в жизнеописании Нидала прослеживалась страсть к наиболее фантастическим и таинственным аспектам тибетского буддизма. Нидал намекал на то, что в прошлой жизни он был воинствующим тибетским правителем, и заявлял о своей особой связи с главным божеством — защитником линии карма-кагью Махакалой, или, как называет его Нидал, «Чёрным Плащом». Если верить рассказам Нидала, то сам 16-й Кармапа провозгласил его «Генералом Дхармы» линии карма-кагью и однажды, обернувшись к нему посреди толпы, сказал: «Вот Носитель Чёрного Плаща». Создавалось впечатление, что повсюду, где бы ни появлялся Нидал, происходило что-то из ряда вон выходящее. Его приезд в Исландию в 1984 году, очевидно, стал причиной целого ряда метеорологических аномалий. «Ничего нового в этом не было. Это часто происходит, когда я приношу силовое поле Кармапы и Чёрного Плаща в новое место. Каждые четверть часа возникала новая комбинация из дождя, снега, ветра, солнца и града». Во время поездки в Тибет, два года спустя, за стенами храма Джонанг его осаждали «тысячи верующих, жаждущих благословения».

Стиль провинциальных турне «заезжей звезды ламы Оле», в духе гастролей легендарного авантюриста Элмера Гантри, нравился не всем. В 1984 году Осэл Тензин, глава Дхармадхату — организации, основанной Чогьямом Трунпгой, — издал распоряжение, запрещающее центрам в Америке принимать Нидала в качестве учителя. В письме говорилось, что учитель-датчанин «благословляет людей чудотворным амулетом, в котором, по его утверж-

¹ Культовый фильм Вуди Аллена, с режиссёром в главной роли.

дению, содержатся пряди волос каждого из шестнадцати Кармап и другие реликвии». Он обвинялся и в том, что «вносил большую смуту» в умы студентов в центрах, расположенных в Бэй Эриа, Калифорния.

«Согласно общему мнению, стиль его учения более, нежели содержание, противоречит всему, чему нас учили и что считается подлинной Дхармой. Наши студенты восприняли его подход как самовозвеличивание, сопровождаемое так называемым “духовным эпатажем и ажитацией”, которые, судя по всему, передавались от него слушателям... В прошлом имели место ситуации, когда студенты по незнанию неправомерно использовали эти бесценные учения [ваджраяны], чтобы воздвигнуть собственную цитадель из самовлюблённого шарлатанства. То же самое, по всей видимости, произошло и в случае с мистером Нидалом».

Оле высмеял эту критику, опубликовав письмо-запрет в своей книге в качестве доказательства узости мышления и реакционности руководства Дхармадхату. Как утверждает один бывший ученик, публичные выступления Нидала, казалось, больше напоминали театр одного актёра, «рок-концерты с ламой Оле в главной роли», чем традиционное буддийское учение. Основное внимание в его учениях, как правило, уделялось пхове — эзотерической практике Ваджраяны, направленной на подготовку йогина к процессу умирания. Она включает обучение студентов особой визуализации, которая мобилизует энергию во всём теле и иногда приводит к появлению особого знака — небольшого отверстия на макушке головы, откуда сочится кровь. Традиционно при её проведении требуется восемь или девять дней интенсивных наставлений от опытного ламы, чтобы студент смог достичь столь значительного

результата. Однако Нидал, который впервые преподавал эту практику своим последователям в 1987 году, казалось, смог сделать это за половину упомянутого срока. Его рассказ о визите в Россию в 1990 году повествовал о типичной для него «индустриализации»: «Никогда я не трудился так тяжело, — писал Нидал. — Работа заключалась в том, чтобы дать семидесяти хронически разочарованным людям первое в их жизни введение в буддийское учение, [даровать им] Прибежище, установить доверительный контакт с Кармапой как с Буддой Безграничного Света, и проделать дырки в головах, — и всё это за пять дней! В течение третьего дня перелом был налицо. Мы за получили Россию».

Нидал даровал первое посвящение в буддизм многим молодым людям, особенно в Восточной Европе. Изначально в его центрах могли давать учения ламы всех четырёх школ тибетского буддизма. Но Нидал быстро начал выказывать растущее разочарование традиционными тибетскими мастерами, изображая их в своих книгах и статьях как реакционно настроенных, лицемерных обскурантистов, торгующих усечённым буддизмом и увязших в феодальном менталитете. «Поначалу его группа была единственным местом, куда приезжали тибетские учителя, — вспоминает один бывший студент из Польши. — Но затем она стала более сектантской, и он начал возражать против приглашения учителей гелуг, сакья и ньингма. Провозглашалось, что “карма-кагью — лучшие”. Затем выяснилось, что к “лучшим” относятся не все учителя кагью. А потом выяснилось, что, собственно, есть только один по-настоящему хороший учитель... Критика его ранних учений заключалась в том, что там было слишком много от мифической Шангри-Ла — обожествления и возвеличивания тибетских учителей в совершенно нереалистичной, гипертрофированной манере. Затем маятник пошёл в обратную сторону, и развилась другая крайность.

Буддисты стали делиться на последователей тибетского буддизма и последователей Оле Нидала. И в конце концов оказалось, что в центрах приветствуются только те люди, которые являются последователями Оле Нидала».

Однако одному ламе удалось чудесным образом избежать суровой критики Нидала, направленной на тибетских учителей. На протяжении 1970—1980-х годов Шамар Ринпоче был частым гостем в центрах Оле, и именно его благословение во многом помогло Нидалу получить штамп «авторитетной личности». Ханна, жена Оле, также сдружилась с Шамаром и сопровождала его в путешествиях по Европе, Америке и Азии, выступая в качестве переводчика, консультанта и доверенного лица. После событий, произошедших в Румтеке в 1992 году и приведших к обнаружению и возведению на престол Ургьена Тинлея, Нидал бросился на защиту Шамарпы, вслед за ним требуя, чтобы письмо-предсказание было подвергнуто судебной экспертизе, и всячески поддерживая того в его убеждённости, что «в качестве старшего регента» он и только он уполномочен признавать инкарнации Кармапы.

Нидал изложил свою позицию в открытом обращении к центрам «Алмазного пути»:

«Когда сталкиваешься с подобными проявлениями вопиющего эгоизма, как в случае с недавними поисками официального претендента на трон Кармапы... когда отказывают в проверке письма, на которой должен настаивать любой разумный человек... Когда распространяется такое множество отвратительных слухов и домыслов... Кому, спрашивается, можем мы в этой ситуации доверять? Кто из лам по-прежнему соответствует стандартам западного идеализма?.. Кунзиг Шамарпа не является ни народным трибуном, ни победоносным генералом, ни

скользким политиком....Однако проявляемые им качества бодхисатвы произвели на меня и Ханну неизгладимое впечатление. Он выказал уравновешенность и стойкость, достойные святого».

Отныне, продолжил Нидал, он передаёт все свои центры по всему миру под управление Шамарпы.

17 ноября 1992 года Шамар сделал официальное заявление о том, что он не возражает против решения китайского правительства «признать ребёнка Кармапой, поскольку у меня нет прав и полномочий в Китае и я никак не могу остановить этот процесс». Однако впредь, продолжал он, «я буду направлять все свои усилия на то, чтобы и далее следовать подлинным указаниям 16-го Кармапы, когда бы ни пришло для этого время». Он заявил, что слагает с себя полномочия в Румтеке и монастырь будет предоставлен исключительно в административное управление монашеской общины и Благотворительного фонда Кармапы. Шамар объявил, что резиденция его переносится в Дордонь — в центр, находящийся под управлением его брата Джигме. Топга к тому времени уже покинул Румтек и возвратился домой в Бутан.

30 ноября 1992 года, когда Шамара и Топги не было в Румтеке, там состоялась встреча делегатов, известная под названием Международной ассамблеи кагью. В ней приняли участие представители из центра КТД в Вудстоке, из Самье Линга, Австралии, Тибета, Индии, Непала и Бутана. Также присутствовали делегаты из пяти монастырей кагью, шести буддийских организаций и восьми тибетских организаций в Сиккиме. Бросалось в глаза отсутствие Шамара Ринпоче и кого-либо из представителей многочисленных групп Оле Нидала в Европе, Америке и Австралии. В своём приветственном обращении Тай Ситу предложил распустить действующий совет директоров

Благотворительного фонда Кармапы и назначить на их место новых лиц.

Благотворительный фонд Кармапы был создан 16-м Кармапой в 1961 году. После его смерти фонд отвечал за управление делами в Румтеке, вплоть до времени обнаружения его реинкарнации. Первоначальный состав был смешанным, в него входили приближённые к Кармапе люди, включая Секретаря по общим вопросам Дамчо Йонгду, местных покровителей и последователей. За годы, прошедшие со времени ухода 16-го Кармапы, «лицо» фонда изменилось, поскольку прежние попечители покинули этот мир или сложили с себя полномочия и на смену им пришли новые фигуры. Так, после кончины Дамчо Йонгду председателем стал Топга. Шамар Ринпоче, как и Тай Ситу, регулярно избирался в состав попечительского совета фонда. Однако перевес голосов членов совета в последовавшем противостоянии оказался на стороне Шамара. Теоретически только попечители фонда или сам Кармапа по достижении соответствующего возраста могли изменить состав совета. Тем не менее резолюция Тай Ситу была принята делегатами.

В то же время Топга был освобождён от обязанностей Секретаря по общим вопросам. В резолюции содержались обвинения в его адрес. Так, утверждалось, что Топга отказался принять подлинность письма-предсказания и отрицал подтверждение Далай-ламой признания Ургьена Тинлея истинной реинкарнацией 16-го Кармапы. Он «постоянно» пытался провозгласить Шамара Ринпоче «хозяином Румтека» и сам делал попытки изъять имущество, принадлежащее 16-му Кармапе, и «продал за предложенную ему цену» Таши Чолинг, бутанский монастырь 16-го Кармапы в Бумтанге. Его поступки, говорилось в резолюции, постоянно вносили раздоры во взаимоотношения между учителями Дхармы и их последователями. Одним словом, гласила резолюция, со времени ухода 16-

го Кармапы Топга был повинен в «разрушении Дхармы» и более не может выполнять обязанности казначея и генерального секретаря учреждений карма-кагью. На его место был назначен Тензин Намгьял.

В последний день конференции была принята новая резолюция, в которой провозглашалась «абсолютная вера всех последователей линии кагью в Его Святейшество 17-го Кармапу, Ургьена Тинлея Дордже, и давался обет «никогда не признавать таковым никакого иного человека, которому может обманным путём приписываться этот титул».

В Румтеке установилось тревожное затишье. Топге было запрещено возвращаться в монастырь; правительство штата также издало приказ, запрещающий ему въезд в восточные области Сиккима. Старая администрация ушла. Однако раскол в монашеской общине, ставший очевидным в ходе выполнения погребальных пудж по Джемгону Конгтрулу, когда две фракции активно занимались «выуживанием» монахов, продолжал существовать. В то время как сам Шамар оставил монастырь, определённая часть лояльных по отношению к нему монахов осталась. Тем временем число сторонников Тай Ситу росло благодаря прибытию новых студентов, поступивших в Институт Наланда. Напряжение между двумя группировками нарастало. 27 июня 1993 года состоялись торжества по случаю дня рождения Ургьена Тинлея. Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче прочли молитвы о долгой жизни нового Кармапы в главном молитвенном зале. Над монастырём появилась радуга — как посчитали тогда, благоприятный знак. Четыре недели спустя Румтек взорвался насилием.

Ярне, или летний ретрит продолжительностью шесть недель, традиция которого восходит ещё ко временам Будды Шакьямуни, выполнялся в Румтеке со дня основания монастыря. Традиционно начало его отмечалось церемонией открытия. 12 июля Шамар Ринпоче сооб-

шил студентам Института Наланда, что институт будет закрыт на каникулы с 1 августа до 1 сентября. Причиной, говорилось в письме Шамара, было то, что в этот период в Европе — каникулы и преподаватели из института поедут туда, чтобы давать учения. В конце июля сам Шамар отправился с лекциями в турне по европейским центрам Оле Нидала. Закрытие института означало, что традиционные ритуалы ярне в конечном итоге в Румтеке проводиться не будут. Но Тай Ситу заявил, что, согласно уставу монастыря, церемония должна состояться. Следуя указаниям Шамара, в ночь на 1 августа монахи из числа его сторонников заперли двери Главного алтарного зала. На следующее утро Тай Ситу и Гьялцаб обнаружили, что стоят перед запертыми дверьми. Начала собираться толпа, к которой вскоре присоединились и представители местной полиции. Когда монахам было приказано отдать ключи от алтарного помещения, завязалась драка. Окна были выбиты; монахи из соперничающих группировок при поддержке возбуждённой толпы перешли в рукопашную, швыряя друг в друга бутылками и камнями. В итоге полиция усмирила бунтовщиков, ключи были возвращены администрации, и церемония была проведена. Побитые и озлобленные, монахи — сторонники Шамара, а их было более 150 человек, покинули Румтек и укрылись в его резиденции, в полутора километрах от монастыря. Они останутся там, разбив палаточный лагерь, в ожидании лучших времён. Теперь, когда Румтек оказался под управлением Гьялцаба Ринпоче, в монастыре наконец воцарились мир и спокойствие. Но через пять месяцев в нашей истории произойдёт новый, ещё более драматичный поворот. Шамар готовился разыграть свою козырную карту.

Новости о том, что Шамар обнаружил кандидата, который, по его мнению, является 17-м Кармапой, были

изложены в кратком заявлении от 26 января 1994 года. «Настоящим заявляю, — говорилось в нём, — что подлинная реинкарнация 16-го Кармапы Ранджунга Ригпе Дордже найдена. Его Святейшество Кармапа находится в Индии. Детали, касающиеся традиционной процедуры его признания, станут известны в ближайшее время». Мальчик-претендент, как оказалось, прибыл в Индию из Тибета двумя неделями раньше и содержался в строго засекреченном месте, под защитой Шамара. Среди последователей Шамарпы быстро распространились слухи. Жена Оле Нидала, Ханна, была в Дели во время прибытия мальчика. Сам Нидал находился в России, но Ханна сообщила ему, что видела «Кармапу» и не сомневается в его подлинности. Она показала ему фотографии Оле, и тот сразу заметил, как сильно изменилась причёска Оле за прошедшие годы.

В конце февраля студентов Международного буддийского института Кармапы в Дели (МБИК) пригласили встретиться с ребёнком. Два автобуса со студентами прибыли в парк в окрестностях Дели. Во время этой любопытной церемонии он сидел на пластиковом стуле, пока студентов приглашали поочерёдно подходить к нему для получения благословения. Двое западных студентов из числа присутствовавших на церемонии записали свои впечатления, которые позже в форме письма были размножены и циркулировали среди последователей традиции кагью. Мальчик, говорилось в письме, был «бледен и дрожал. Он был явно растерян». Ребёнка звали Тензин Кхьенце; Шамар Ринпоче впоследствии даст ему монашеское имя Тинлей Тхайе Дордже (Тинлей означает «просветлённые деяния будд»; Тхайе — «безграничный», а Дордже — «нерушимый»).

Но кем же в действительности был Тензин Кхьенце и откуда он вообще появился? На собрании своих сторонников в МБИК в марте 1996 года Шамар долго объяс-

нял, как он обнаружил мальчика, которого считает Кармапой. По словам Шамара, матерью Тензина Кхьенце была Дечен Вангмо, дочь из знатной семьи, восходящей, как утверждали, корнями к легендарному Гесару, королю Линга — тибетской аналогии короля Артура. Его отцом, утверждал Шамар, был 3-й Мипхам Ринпоче. Это было уже любопытно. 1-й Мипхам Ринпоче, родившийся в 1846 году, был преданным последователем традиции ньяннга, который непосредственно перед своей смертью в 1912 году по меньшей мере дважды недвусмысленно заявлял, что не намерен перерождаться («Я определён не собираюсь оставаться, равно как и перерождаться. Я должен отправиться на север, в Шамбалу»). Однако высокий духовный статус, очевидно, не терпит вакуума, и заявление Мипхама не помешало целому ряду людей впоследствии объявлять себя его реинкарнацией.

Шамар поведал, что впервые услышал о Тензине Кхьенце в 1986 году, когда его посетил в Дели именитый лама линии сакья Чобгье Три Ринпоче. Незадолго до ухода 16-го Кармапы Чобгье Три Ринпоче сказал, что ему было видение Кармапы, бродящего вокруг ступы в Боднатхе, расположенной в долине Катманду, в Непале. Он казался печальным. Затем, совсем недавно, Чобгье вновь увидел Кармапу, который снова совершал обход вокруг ступы. В этот раз, сказал он, Кармапа пребывал в радостном расположении духа.

В тот же день из Лхасы приехал родственник Чобгье Ринпоче и привёз фотографию ребёнка, который, как говорили, объявил себя Кармапой. Эта новость была настолько важной, сказал Чобгье, что он поспешил в Дели, чтобы сообщить её Шамарпе. Основываясь на этой информации, продолжал Шамар, он попросил своего друга Лопона Цечу Ринпоче, который собирался в Лхасу, навести дальнейшие справки. Лопон Цечу обнаружил, что отец мальчика владеет ритуальными предметами и письмами,

принадлежавшими предыдущему Мипхаму Ринпоче; среди них было и письмо, в котором утверждалось, что в следующем воплощении Мипхама у него будет сын, Ригпе Еше Дордже. Шамар сопоставил слова «Ригпе Дордже» с именем 16-го Кармапы, Ранджунг Ригпе Дордже. Рукописная копия этого письма, продолжал он, теперь находится у него. Затем Шамар отправил в Тибет ещё одного посланника, чьё имя он отказался назвать, чтобы продолжить расследование. По прибытии в Лхасу этот человек вступил в контакт с семьёй для того якобы, чтобы попросить о духовном наставлении, и, когда он вошёл в их дом, мальчик немедленно сказал ему: «Ты ищешь меня». Это, сказал Шамар, было явным знаком «высокого духовного развития» ребёнка.

Затем Шамар организовал собственное «духовное расследование». Во время медитативного ретрита, сказал он, ему явился покойный Кармапа, исполняющий ритуал освобождения умершего человека от страданий этого мира. В видении Кармапа сказал ему: «Я освободил человека, которого должен был освободить. Теперь я могу идти, куда ты захочешь». Убеждённый этими знаками, что мальчик из Лхасы и есть подлинная реинкарнация, продолжал Шамар, он сам отправился в Лхасу инкогнито, но во время поисков дома нужной ему семьи осознал, что при контакте с ними остаться неузнанным ему будет невозможно и что любое общение может иметь «нежелательные последствия». Я выяснил, что китайским властям известно о моём пребывании в стране и что они, возможно, следят за моими перемещениями». Тогда «чтобы отвлечь внимание властей от истинной цели визита» он отправился в туристский район Намцо, прежде чем вернуться в Лхасу и покинуть страну. После этой поездки он дал указания ещё одному ламе по имени Цултрим Дава отправиться в Парпинг, возле Катманду, где местная святыня — самопроявившийся образ Тары служил объектом всеобщего поклонения.

Там Цултрим Дава выполнил ритуал пророчества с использованием шариков из теста, которое показало, что Тензин Кхьенце является инкарнацией Кармапы. Тот же результат повторился и в трёх других святых местах. Всё это, сказал Шамар, укрепляло его веру в то, что выбранная им кандидатура является верной.

Эта история сразу же вызывает множество вопросов. Если Шамар впервые узнал о Тензине Кхьенце в 1986 году — в то время, когда все духовные сыновья дружно трудились в поисках письма-предсказания, — почему он не поделился этой важной информацией с остальными? И почему он продолжал держать в секрете все те шаги, которые он предпринимал после этого? Шамар объяснял, что встречи четырёх духовных сыновей, созываемые для обсуждения поисков реинкарнации, «постепенно становились всё более политизированными» и он чувствовал, что не может поделиться информацией, которой обладает. «Я не был уверен, что могу доверить её другим. И это не потому, что я их не уважаю».

Но как тогда быть с его более ранним выступлением с речью в Румтеке в июне 1992 года, когда он не только «увековечил» ложное утверждение о «первом» письме-предсказании в шкатулке-гау, но и заявил, что ему известен неназванный человек, у которого предположительно есть письмо-«ключ», разъясняющее все (несуществующие) указания? Здесь, признал Шамар, имелось определённое «противоречие» между сведениями, которые он сообщил в Румтеке в 1992 году, и его теперешними заявлениями. Но в 1992 году, объяснил он, он всё ещё чувствовал необходимость сохранять «видимость согласия» среди духовных сыновей Кармапы. «Тогда я чувствовал, что не могу раскрыть правду о нашем решении. Я чувствовал, что не могу нарушить обещание, данное другим».

А как же насчёт безымянного человека, обладающего «ключевым» письмом? Шамар дал разъяснения и по

этому поводу. В 1987 году, сказал он, к нему обратился человек, который был учеником покойного Кармапы и «которого многие глубоко уважают». Этот человек сказал, что Кармапа оставил ему указания относительно того, кто будет следующей инкарнацией. В ходе его, Шамара, собственных расследований относительно Тензина Кхьенце он часто советовался с упомянутым человеком, «чтобы узнать, нет ли у него возражений. Он всегда отвечал, что нет, — продолжал Шамар, — но он не мог раскрыть информацию, которую ему предоставили, до тех пор, пока не придёт указанное время». В 1992 году, после того как Тай Ситу обнаружил письмо в защитном амулете, Шамар вновь связался с неназванным господином и спросил, является ли письмо подлинным. «Он ответил, что это фальшивка, но, поскольку ничего нельзя сделать, мне следует предоставить остальным поступать так, как они собирались поступить». Он подождал ещё год, продолжил Шамар, прежде чем решил, что пришло время пригласить Тензина Кхьенце в Индию. Неназванная особа, сообщил Шамар слушателям, не возражала против этого. «Он сказал: “Ты являешься инкарнацией Шамара; я не вижу ничего неправильного в твоих действиях”. Но когда Шамар ещё раз попросил этого человека раскрыть детали указаний, доверенных ему 16-м Кармапой, тот вновь ответил, что до определённого времени не может этого сделать. «Он настаивал на том, что должен поступать в точности так, как ему было сказано». Покойный Кармапа, продолжал Шамар, «преследовал определённые цели, оставляя подобные инструкции. Его намерения и замыслы недоступны пониманию обычных людей...»

Но кто был тот человек, которому отводилась столь значимая роль в установлении подлинности реинкарнации Кармапы? Это был вопрос, на который Шамар всё ещё отказывался отвечать. «Но, — сказал он слушателям, — если вы — каждый в отдельности или все вместе —

чувствуете, что раскрытие его личности обернётся благом, я могу представить его вам. Правда, сначала вы должны чётко определиться, будет ли это благом или нет». Знаменательным является тот факт, что никто, казалось, не посчитал это благом. Никто не попросил Шамара назвать имя «таинственного незнакомца».

Существуют, однако, некоторые данные, позволяющие предположить, что остальные духовные сыновья знали о Тензине Кхьенце задолго до его приезда в Дели в 1994 году. В 1980-х годах монах по имени Гендун Гьяцо привёз письмо для Тай Ситу, Джамгона Конгтрула и Гьялцаба Ринпоче, написанное от имени отца Тензина Кхьенце, с просьбой выяснить, не является ли его сын реинкарнацией Кармапы. Если верить письму, в возрасте трёх лет Тензин Кхьенце заявил: «Мои учителя — Марпа и Миларепа, мой монастырь — Цурпу». А впервые увидев дворец Потала в Лхасе, он сказал: «Сегодня хороший день. У меня есть две птицы, и они прилетели в Цурпу». Местные жители, сообщалось в письме, «сказали, что это чудо и что ребёнок является реинкарнацией Кармапы, и выказали ему знаки почтения». Когда 16-й Кармапа был жив, говорилось далее в письме, он говорил своей родственнице, Дордже Кхандро, что, несмотря на её преклонный возраст, она ещё увидится с ним. «Он произнёс эти слова, но ей больше не удалось встретиться с 16-м Кармапой. Она считала, что те невероятные вещи, которые теперь говорит великий сын Джо Мипхама, означают, что мальчик, должно быть, является реинкарнацией Гьялванг Кармапы. И в соответствии с тем, что говорил 16-й Кармапа, ещё до своей смерти она смогла увидеться с ним вновь. Эта пожилая женщина, Дордже Кхандро, затем сняла дом возле Института Мипхама, чтобы прислуживать ему. Позже она умерла».

Могло ли это быть то самое письмо, которое оказалось у Чобгье Тричена Ринпоче? «Мы сели и все вместе об-

судили его, — сказал мне Тай Ситу, — Я не уверен, об-суждали ли мы его с Шамарпой. Возможно, да. Но мы отклонили это письмо, как не заслуживающее доверия. Если кто-то утверждает, что его сын является Кармапой, то совершенно ясно, что это не так».

ГЛАВА 12

Согнутый клинок

Дели. Ноябрь 2000 года.

17 марта 1994 года в храме Международного буддийского института Кармапы (МБИК) в Нью-Дели была проведена церемония возведения Тхайе Дордже на трон. Большинство присутствовавших составляли западные ученики, в основном из различных групп Оле Нидала. Снаружи большая группа монахов и мирян из многочисленных буддийских объединений, собравшихся, чтобы протестовать против этой церемонии, громко свистела и кричала, размахивая знамёнами. Пока демонстранты толпились у ворот монастыря, некоторые из них начали через стену швырять камни и бутылки в здание института, разбив окна и ранив несколько человек, находящихся внутри. Юный Тхайе Дордже был срочно эвакуирован в верхние покои алтарного помещения. В конце концов на место событий прибыли отряды полиции, чтобы положить конец беспорядкам.

После церемонии возведения на трон Тхайе Дордже, чтобы начать своё обучение, переехал в предоставленный Шамарпой дом в Калимпонге.

В 1997 году он совершил паломничество в Бодхгаю — место, где Будда обрёл просветление, — и в том же году отправился в Бутан, чтобы присутствовать при

кремации Топги, прежнего Секретаря по общим вопросам Румтека.

Запрет на пребывание Топги в Сиккиме, вынесенный в 1992 году, действовал почти три года. В декабре 1994 года Н. Б. Бхандари проиграл выборы и потерял должность премьер-министра. Опала Топги закончилась. В августе 1995 года он повёл 100 монахов, которые всё ещё жили в доме Шамара, вместе с другими сторонниками в поход на Румтек. Администрация и монахи Румтека не позволили им войти на территорию, и в итоге полиция разогнала собравшихся. Это была последняя попытка Топги взять реванш у судьбы. В сентябре 1997 года он умер от рака в Дели, как сообщалось, в состоянии медитации. Бывший монах и контрабандист был кремирован со всеми почестями в присутствии королевской семьи Бутана.

В 1999 году было решено, что Тхайе Дордже готов давать первые учения, и он отправился в продолжительное турне по европейским странам, включая Францию, Австрию, Венгрию, Германию, Польшу, Данию и Швейцарию. Многие из его лекций были организованы под эгидой организации Оле Нидала, который был «гвоздём программы» в каждом выступлении Тхайе Дордже. К концу 2000 года Тхайе Дордже возвратился в Индию и остановился в МБИК, где продолжил своё духовное обучение. Институт располагается несколько неудобно, в коммерческой зоне южных районов Нью-Дели. Это было большое здание в традиционном тибетском стиле, обнесённое высокой кирпичной стеной, по соседству с кварталами офисных зданий и учреждений.

Главные ворота были заперты. Я изложил своё дело охраннику у ворот и терпеливо ждал, пока информация передавалась дальше по цепочке. Наконец мне было позволено войти. Широкие ступени вели в Главный алтарный зал, по бокам которого располагались трёхэтажные

помещения, состоящие из спален и комнат для занятий. Можно было видеть студентов, сидящих на балконах; все они были европейцами. Казалось, там было совсем мало монахов.

Заведующим учебной частью МБИК и старшим наставником Тхайе Дордже был кхенпо Чодрак Тенпел Ринпоче. Двоюродный брат Шамарпы, Чодрак занимал должность кхенпо в Румтеке вплоть до печально известных событий 1993 года, после чего навсегда оставил монастырь. Он обосновался в комнате на втором этаже, которая служила ему спальней, рабочим кабинетом и гостиной. К одной из стен была придвинута деревянная кровать. На полках были книги, фотография 16-го Кармапы и изображения Шамара Ринпоче в детстве. В центре комнаты стояли диван и низкий стол, окружённый стульями. Над открытой дверью, ведущей в смежную комнату, висела занавеска, из-за которой доносились запахи готовящейся еды и женские голоса. Пока мы разговаривали, люди входили и выходили: студенты с Запада, роняющие бумаги; две племянницы кхенпо, которые принесли еду и чай. Высокий молодой человек европейской наружности, которому было не больше двадцати, темноволосый, с ангельским лицом, развалился в кресле с выражением томного безразличия. Мне сказали, что это был Гинлей Тулку, опознанный 16-м Кармапой; это один из первых западных людей, признанных реинкарнацией тибетского ламы.

Кхенпо Чодрак был невысоким крепким сорокалетним мужчиной с напористой и целеустремлённой манерой поведения. Его переводчиком была энергичная женщина-шведка примерно того же возраста, которой, очевидно, нравилась близость к ламе: она щебетала и подтрунивала над ним на хорошем тибетском, как преданная жена. Чодрак, казалось, благосклонно принимал всё это. Оказывается, западные женщины определённого возраста были

широко представлены и имели вес в кругах тибетских буддистов, выступая в роли переводчиков или секретарей лам, особенно в кругу, близком Шамару; полагаю, это было следствием его близких отношений с организацией Оле Нидала.

Мы заговорили о политике. Кхенпо Чодрак некоторое время импровизировал на тему исторической борьбы между кагью и гелуг, всячески подчёркивая авторитет своего кузена Шамарпы в иерархии карма-кагью. Когда в 1964 году 16-й Кармапа возвёл Шамара на престол, сказал Чодрак, он объявил, что Шамар будет следующим держателем линии, и в подтверждение этого написал для Шамара молитву благопожелания. «В ней говорилось: “Провозглашаю тебя абсолютным владыкой учения этой линии махасидх”». Это, сказал Чодрак, было доказательством того, что 16-й Кармапа хотел, чтобы Шамар возглавил линию. «Я вырос с Кармапой. Он неоднократно подтверждал то же самое и в других своих заявлениях. Это одна из причин, почему я являюсь последователем Шамара Ринпоче».

Я должен понять, продолжал Чодрак, что этот спор является «борьбой за власть. Это вопрос, корнями уходящий в политику. Он не имеет ничего общего с религией, с линией карма-кагью. Это результат деятельности людей, чьи помыслы сконцентрированы на политике и жажде власти». На самом деле, сказал он, это была попытка школы гелуг обрести контроль над кагью; старый вопрос, борьба вокруг которого идёт уже более пятисот лет. Тай Ситу и Гьялцаб Ринпоче продали кагью гелугпинцам, преследуя свои личные цели. «Мы с Ситу Ринпоче дружили с детства, — сказал Чодрак. — Он знал о моих родовых связях, и он знал, что я их никогда не предаю. Я вырос под руководством 16-го Кармапы. Вот кому я предан. Я поддерживаю только те действия, которые направлены на поддержание независимости школы кагью во главе с Кар-

мапой. Ситу Ринпоче знал, что я никогда не соглашусь пойти на поводу у гелугпы, отдав Далай-ламе право признавать Кармапу».

Наш разговор вернулся к Ургьену Тинлею. Переводчица Чодрака спросила, читал ли я сообщение, в котором раскрывалось, что он был вовсе не мальчик, а вполне взрослый мужчина? Да, читал. Речь шла о статье, которая якобы была напечатана на хинди в газете «Амар Уджала» и перевод которой я прочёл на веб-сайте организации Оле Нидала «Алмазный путь». В апреле 2000 года, через четыре месяца после приезда в Индию, Кармапа был помещён для проведения планового медицинского обследования в больницу в Чандигархе. Такое действительно было. Однако далее в статье говорилось, что врач, который обследовал Кармапу, сделал вывод, что «согласно данным, содержащимся в медицинском заключении, а также строению вен, тимуса, щитовидной железы и всего тела в целом» Кармапа вовсе не четырнадцатилетний мальчик, но «вполне сформировавшийся мужчина, который перешагнул свой 21-летний рубеж». Я проверил эту информацию, связавшись с главным администратором больницы в Чандигархе, и он сказал, что вся эта история была откровенной выдумкой.

Но у переводчицы был наготове ещё более фантастический и лихо закрученный сюжет. Отец кхенпо Чодрака, сказала она, был министром короля Держье. По своим каналам он выяснил, что сразу после своего восшествия на трон в качестве Кармапы в 1992 году молодой Ургьен Тинлей перенёс серьёзный инсульт. Он был наполовину парализован и не мог говорить. Его скрывали от посетителей в надежде, что его состояние улучшится. «К нему пускали людей, — сказала она, — но он лишь благословлял их своим жезлом. Нам сообщили, что монахи, которые знали обо всём, пробовали разные варианты лечения: им сказали, что человеку после инсульта можно помочь

восстановить некоторые способности, поэтому прилагались огромные усилия. Они перепробовали всё, что можно, и пришли к выводу, что ничего уже нельзя поделаться». В 1997 году, продолжала она, Ургьен Тинлей ушёл в годовой ретрит. «И когда он вышел из него, он изменился. Он стал очень высоким молодым человеком. И эту перемену в нём якобы приписали неким мистическим силам, приобретённым в ходе медитаций, и всё такое. Но, если верить источникам кхенпо, ходили слухи, что Ургьена Тинлея заменил его старший брат».

Я даже не знал, что на это сказать. Я разговаривал с бесчисленным количеством людей, которые неотлучно были с Кармапой с 1992 года. Никто никогда не упоминал о каком-либо инсульте. Несомненно, история была просто очередным абсурдом. Вместо комментария я спросил о Тхайе Дордже. Как, спросил я, он был привезён из Тибета в Индию?

Шамар Ринпоче, ответил Чодрак, сохранил детали в тайне, чтобы защитить всех, кто имел отношение к этому делу. «Я не могу раскрыть, как это было сделано. Это поставит под угрозу слишком многих людей».

— Но он прибыл в Дели на самолёте?

— Да! Он приземлился в аэропорту Индиры Ганди.

— А откуда прилетел самолёт? — спросил я.

Чодрак похлопал меня по колену и рассмеялся.

Тогда, спросил я, что убедило самого Чодрака в том, что Тхайе Дордже является Кармапой? Он хорошо знал 16-го Кармапу: видит ли он какое-либо сходство между ними?

«Если говорить о манере поведения и прочих внешних факторах, то — нет, — сказал он, — я не вижу особого сходства». Однако, добавил он, случилось одно знаменательное событие, которое убедило его в правильности выбора. В 1977 году 16-й Кармапа, при котором Чодрак был секретарём, описал череду своих предыдущих вопло-

щений. Чодрак записал это. Тогда создалось впечатление, что Кармапа намеревался опубликовать эти записи, но затем он передумал. «Он сказал, что большинство людей всё равно не поверит и публикация будет бесцельной, не принесёт никому пользы. Его Святейшество сказал, чтобы я сжёг рукопись, и я должен был сделать это в его присутствии». Чодрак засмеялся. «Он знал, что я хотел бы сохранить её. Так вот, в одной из этих историй, — продолжал он. — Кармапа рассказал мне, что он родился в Африке, — это было ещё до существования современной цивилизации, во времена, когда ещё не было письменности. И в том перерождении он собирал в лесу травы и основал систему траволечения. В 1995 году я давал Кармапе Тхайе Дордже учение; и он нарисовал какой-то ландшафт и сказал мне, что это Африка, место, где он когда-то очень давно родился, и затем рассказал мне ту же историю».

Пока мне переводили это, Чодрак наблюдал за мной с улыбкой, предвкушая моё изумление. «Как он мог знать это? — продолжал он. — Я был единственным, кто знал эту историю. Это убедило меня».

Он сказал, что были и другие знаки. Тибетские ламы часто прибегают к ритуалу прорицания, при котором, в зависимости от конкретной техники, могут использовать буддистские чётки или игральные кости. Но прежний Кармапа никогда не пользовался подобными средствами гадания. «Ему просто задавали вопрос, а он давал ответ. И этот Кармапа поступает так же. Я не припомню случая, чтобы молодой Кармапа когда-либо ошибся». Я спросил, опознавал ли Тхайе Дордже реинкарнации других тулку?

Чодрак кивнул: «Одно или два. Он признал реинкарнацию одного мастера линии друга кагью и одну реинкарнацию ламы из граничащей с Тибетом области Непала».

Пока мы беседовали, вошёл ещё один монах и тихо присел в глубине комнаты. Это был брат Чодрака, Цул-

трим Намгьял. Он, как мне говорили, также был служителем при 16-м Кармапе. После смерти Кармапы Цултрим Намгьял остался в Румтеке и покинул его вместе с Чодраком и Шамаром после бурных событий 1993 года. Теперь он был слугой Тхайе Дордже.

Цултрим достал из складок своего одеяния охотничий нож. Его лезвие длиной около двадцати сантиметров было согнуто вдвое. Переводчица сказала, что этот нож Кармапа Тхайе Дордже дал Цултриму Намгьялу. Затем взял его и голыми руками согнул лезвие пополам. «Он сказал монаху-прислужнику: “Это тебе дар за твою преданность”. Позже один человек из Сиккима тщательно осмотрел нож и пришёл к выводу, что согнуть металл таким образом, не сломав его при этом, невозможно». Цултрим с улыбкой спрятал нож обратно в складки мантии.

Если я хочу встретиться с Тхайе Дордже, сказал кхенпо Чодрак, я могу прийти завтра.

На следующий день я возвратился в МБИК. Австрийская переводчица Шамара Ринпоче уже встречала меня. Она повела меня через двери рядом с главным храмом, затем мы поднялись на два пролёта вверх по лестнице и оказались в пустынном коридоре, где она и оставила меня ждать. Кармапа, сказала она, скоро будет. Отсутствие привычных формальностей сбивало меня с толку. Я, конечно, не думал, что придётся иметь дело с таким же плотным кордоном охраны, каким в Гьюто окружён Кармапа, но я ожидал, по крайней мере, хоть какой-то церемонии. В Гьюто Ургьен Тинлей, вне всяких сомнений, является центром всеобщего внимания. В Институте Кармапы случайный посетитель может даже и не знать, что здесь находится Тхайе Дордже. Эта аудиенция странным образом напоминала рутинную деловую встречу.

Через несколько минут в коридоре появился высокий молодой человек, одетый в коричневую чубу и коричне-

вую льняную рубашку. Это был Тхайе Дордже. Цултрим Намгьял шёл в нескольких шагах позади него. Тхайе Дордже нерешительно протянул мне руку. Его глаза застенчиво щурились за стёклами очков в тонкой металлической оправе; на верхней губе виднелся налёт юношеской сыпи. Я преподнёс хадак. Он принял его, безразличным жестом набросил мне на шею и затем провёл меня в комнату. Там был стол, вокруг которого стояли четыре стула, и книжный шкаф у стены с горсткой брошюр. Никакого алтаря, никаких занавесок, вообще ни единого украшения. Это, как объяснил Тхайе Дордже, была его комната для занятий. Окна выходили на веранду — продолжение коридора, в котором мы встретились. Я мог видеть стоящего там в терпеливом ожидании Цултрима Намгьяла.

«Прежде чем мы начнём, — сказал Тхайе Дордже, — хочу, чтобы вы знали, что я не могу обсуждать вопросы, касающиеся политики. Я уверен, что вы отнесётесь к этому с пониманием». Его английский был на удивление беглым, но манера говорить — застенчивая, почти извиняющаяся. В ней ощущалась лишь малая толика той силы, которая столь очевидна в Ургьене Тинлее. Тхайе Дордже, скорее, напоминал стеснительного и вежливого студента-тибетца, успешно изучающего английский.

Наш разговор продвигался «спотыкающимся аллюром». Мы поговорили о его обучении, о лежащих на нём обязанностях, о текущем распорядке его дня. Он сказал, что в данный момент находится в середине ретрита: девять минут медитации утром и два часа после обеда.

Я спросил о его увлечениях. Он ответил, что в свободное время любит путешествовать и читать «тибетские книги, компьютерные журналы, «Ньюсуик» или «Нэйшнл джеографик».

— Сейчас у меня нет компьютера. Это не приветствуется, когда вы находитесь в ретрите. Но я играл в компьютерные игры — «стратегии».

— Но не в «стрелялки», надеюсь, — сказал я.

Он улыбнулся. «А по-моему, компьютерные стрелялки — отличная штука. Они ведь не настоящие».

Ему нравится играть в крокет и слушать музыку — «классическую или обычную, джаз или техно. Мои ученики приносят мне много разных вещей». Он улыбнулся: «Иногда слишком много...» Ещё он любит фотографировать, особенно природу. «Я много снимаю и хочу стать фотографом для «Нэйшнл джеографик»! Фотографии там просто потрясающие».

Ещё мне говорили, сказал я, что он особенно интересуется медициной.

— Я бы хотел выучиться этому, да...

— Может, в университете на Западе?

— Такой вариант возможен. Если это понадобится в будущем, я мог бы это сделать. Но моя главная цель — учить, и для этого я должен знать ответы на все вопросы.

Он сказал, что следующие четыре года будет очень серьёзно заниматься.

И затем, пошутил я, он будет свободен?

«На самом деле я не буду свободен. — Он застенчиво улыбнулся. — Думаю, что я более свободен сейчас, пока учусь. Но я бы хотел выучить и узнать как можно больше».

Я почувствовал растущую симпатию к Тхайе Дордже. Мне нравилась его спокойная, несколько самоуничижительная манера разговаривать, его страсть к крокету и поп-музыке. Он производил впечатление обычного юноши с обычными юношескими интересами, умного и располагающего к себе. Но его ситуация, конечно, была далека от обычной. Я не в состоянии был даже отдалённо представить себе всю сложность причудливых поворотов судьбы, которая привела его в гущу этих событий, равно как не мог понять и его истинное отношение к происходящему. Я был удивлён, что он встретил меня один, без

переводчика или человека, проверяющего мои вопросы и его ответы. Интересно, это было его решение или чьё-то ещё?

Я спросил о его детстве. Я читал, сказал я, что он объявил себя Кармапой в раннем возрасте.

— Так говорят люди. Я точно не помню. Думаю, я был слишком мал.

— А как насчёт отъезда из Тибета? Тяжело ли было покинуть родные края?

Он некоторое время смотрел на меня, как бы ища подвох в моём вопросе. «Не очень тяжело. Как я уже сказал, я люблю путешествовать, поэтому поездка была интересной. Но я хотел бы съездить в Тибет, если получится».

Должно быть, продолжал я, признание его Кармапой наложило на него огромную ответственность?

— В тот момент я очень удивлялся тому, что происходит со мной. Но затем я почувствовал, что да, это мой долг, и это стало казаться совершенно естественным.

Я осмелюсь предположить, что он видел фотографии и фильмы с 16-м Кармапой; что он чувствовал, когда смотрел их?

Он пожал плечами:

— Не могу точно сказать. Не могу объяснить.

Возможно, определённую связь?

— Не знаю, можно ли назвать это связью или как-то ещё, я просто чувствовал себя очень естественно. Вполне нормально.

Я вспомнил о разговоре с кхенпо Чодраком и его рассказ о предыдущих жизнях 16-го Кармапы. Правда ли, спросил я, что Кармапы традиционно обладают способностью заглядывать в прошлое и будущее?

— Большинство великих лам записывали свои пророчества, но они не делали этого открыто. Такие вещи не принято делать публично из-за обетов-самай, связан-

ных с практикой. Говорить об этом не стоит, потому что тогда предсказание может не сбыться. Но если что-то из пророчеств относится к данному моменту, о них скажут.

Есть ли у него воспоминания о прошлых жизнях?

Он кивнул:

— Иногда я помню что-то, но мне не разрешают об этом говорить.

А опознавал ли он другие инкарнации?

— Нет, ещё нет.

Какие чувства, спросил я, он испытывает к Ургьену Тинлею? (И вновь этот взгляд...) Рассматривается ли это как «политический» вопрос? Вероятно, да.

«На самом деле, — сказал он наконец, — я ничего особенного не чувствую. Чего бы я действительно хотел и чего я жду, так это чтобы он делал то же, что и я. Поскольку он также является Кармапой, он должен помогать всем живым существам, давая учения Дхармы. Полагаю, это главная обязанность Кармап. Поэтому он должен продолжать это делать, вот чего бы я хотел».

Слова, которые он произнёс — «поскольку он также является Кармапой», — удивили меня. Разве не вокруг этого разгорелся весь спор? Неужели он говорит, что Ургьен Тинлей является Кармапой?

— Что касается меня лично, я не могу сказать, Кармапа он или нет. Я думаю, это зависит от людей, то есть от того, кем они его хотят видеть. Другими словами, по-моему, говорить, что я являюсь Кармапой, а он — нет, достаточно глупо. Кроме того, это было бы довольно эгоистично. В общем, людям решать, кого они видят в этой роли.

Я был поражён той лёгкостью, с которой он дал ответ, как будто по меньшей мере этот спор был чем-то, к чему не стоит относиться слишком серьёзно. Хотел бы он встретиться с Ургьеном Тинлеем, — спросил я?

— Хммм... — Он подумал немного. — Я не против. Это для меня вовсе не проблема. Было бы интересно.

Возможно, рискнул предложить я, вам обоим следует сесть и поговорить, и вся «политика» сама собой улетучится.

— Конечно! Я хотел бы, чтобы именно так и произошло. Думаю, это было бы наилучшим решением вопроса».

Теперь, когда их новый протест обосновался в Калимпонге, Шамар Ринпоче и его сторонники открыли новый фронт, переведя конфликт в судебную плоскость. В промежутке между 1993 и 1998 годами в индийские суды различными истцами был подан целый ряд исков, в которых оспаривалось признание Далай-ламой и Тай Ситу 17-го Кармапы и вновь вызывались к жизни события, произошедшие в Румтеке в августе 1993 года.

Самым неутомимым из истцов был некий Шри Нараян Сингх, бывший монах из Румтека, который в 1998 году подал в офис Главного муниципального магистрата в Дели заявление о возбуждении уголовного дела, обвиняя в числе прочего Тай Ситу, Гьялцаба Ринпоче и иже с ними в том, что они «организовали заговор с целью нарушить территориальную целостность Индии путём отделения штата Сикким и включения его в состав Тибетского автономного района Китайской Народной Республики». Сведения об этом коварном заговоре, утверждал Сингх, содержались в конфиденциальном докладе от 24 мая 1997 года, предположительно написанном Шри Шридхаром Рао, чиновником правительства Сиккима, представленном на рассмотрение Секретарю кабинета правительства Индии, Шри Т. С. Р. Субрахманьяму. В этом докладе излагались события, сопровождавшие признание Ургьена Тинлея в качестве 17-го Кармапы, и раскрывались «истинные причины», стоявшие за ними. Всё это звучало в духе обвинений Шамара Ринпоче, которые он озвучил в разговоре со мной в отеле «Хайятт Редженси».

«Группировке Тай Ситу Ринпоче, — утверждалось в докладе, — удалось сделать так, что их кандидат был одобрен Далай-ламой и Китайской Народной Республикой, несмотря на то что существовали большие сомнения в подлинности так называемых указаний, оставленных 16-м Гьялва Кармапой». «С тех пор, — говорилось далее, — группировка Тай Ситу Ринпоче постоянно воздействовала на настроения в Сиккиме, оказывая давление на власти, с целью подготовки почвы для приезда реинкарнации Кармапы в Румтек и возведения его на трон в качестве официального главы монастыря». Всё это, как явствовало из доклада, было частью растущего стремления Китая влиять на процесс признания старших реинкарнаций и на тибетский буддизм в целом, контролируя монастыри по всему Гималайскому региону. В докладе сообщалось, что «китайцы пытаются проникнуть в эти монастыри и что на сегодняшний день не менее одиннадцати монастырей возглавляют ламы, которых можно считать китайскими ставленниками». В докладе имена этих лам или названия монастырей не уточнялись. «Учитывая тот факт, что Сикким занимает важное стратегическое положение, — говорилось далее в докладе, — весьма нежелательно, чтобы создалась ситуация, при которой реинкарнация-тибетец, но являющийся по сути китайским подданным и признанный Китаем, формально занял бы пост настоятеля в монастыре Сиккима». Такое событие, говорилось далее, могло бы «привести к совершенно непредсказуемым последствиям и негативно сказаться на интересах национальной безопасности». Сообщение завершалось риторическими вопросами: «а) Может ли быть оказано влияние на Далай-ламу с тем, чтобы тот признал реинкарнацию [Тхайе Дордже]? и б) Могут ли быть предприняты шаги по возвращению членам попечительского совета их законной власти в монастыре (Румтек)?»

Впоследствии выяснилось, что, хотя этот документ был составлен на официальном бланке, правительство Сиккима не подтвердило его подлинности. В ноябре 1997 года Сонам Вангди, главный секретарь правительства Сиккима написал в своём заявлении Секретарю кабинета правительства Индии, что в файлах его офиса нет никаких упоминаний об этом письме. Сонам Вангди исключил причастность правительства Сиккима к этому докладу и вновь подтвердил, что правительство всецело поддерживает Ургьена Тинлея в роли 17-го Кармапы. После запроса из Криминального бюро расследований дело Сингха в 1999 году было закрыто.

Но суть голословных заявлений, сделанных Сингхом и изложенных в докладе Шри Шридхара Рао, найдёт своих сторонников в кругах индийских спецслужб. Предположение, что 17-й Кармапа может являться проводником китайских интересов в Сиккиме, будет явно проследиваться в оценке индийским правительством ситуации после его бегства из Тибета в 1999 году и в отказе ему в возможности занять законное место на троне Румтека.

Что касается Тай Ситу, то удар «доброжелателей» достиг цели. После опубликования ряда статей в индийских газетах, намекавших на то, что он является агентом Китая, в августе 1994 года министр внутренних дел Индии издал приказ о запрете его въезда в страну на основании данных о его «антииндийской деятельности». Тай Ситу узнал об этом, находясь на Тайване. Ему не было дано никаких объяснений. «Кто-то сказал мне, что это потому, что индийское правительство сочло меня китайским шпионом, — поделился он со мной. — Но это смешно». Не имея возможности вернуться в Индию, он отправился в Лондон, чтобы навести справки в Верховном представительстве Индии. «Они были очень любезны. Но также не смогли объяснить мне причины запрета на въезд». Следующие три года Тай Ситу вёл кочевую жизнь, путешествуя по Америке, Канаде,

Британии, Франции, Германии, Скандинавии, Тайваню и Малайзии. В каждой стране он подавал запрос о выдаче въездной визы в Индию и всегда получал отказ. В июле 1998 года запрет был наконец снят. Тай Ситу разрешился въезд в страну с запретом посещения северо-восточных областей Индии, а также Сиккима, и при условии, что он не будет участвовать ни в делах монастыря Румтек, ни в вопросах, касающихся преемственности Кармапы.

В мае того же года сам Шамар Ринпоче подал иск, который будет иметь далеко идущие последствия в истории конфликта, касающегося 17-го Кармапы. В Верховный суд Сиккима был подан подписанный Шамаром и Благотворительным фондом Кармапы иск против правительства штата Сикким, его Департамента по религии и Гьялцаба Ринпоче. Причиной послужили драматические столкновения в Румтеке во время церемонии открытия летнего ретрита ярне в августе 1993 года и собрание Международной ассамблеи кагью, в ходе которой весь прежний состав попечительского совета Благотворительного фонда Кармапы был смещён, а Топга лишился своего поста секретаря по общим вопросам. В иске утверждалось, что правительство штата вступило в тайный заговор с Гьялцабом с целью незаконного захвата Румтека. Закрыв официально избранным членам Благотворительного фонда Кармапы доступ в монастырь, они таким образом препятствовали исполнению ими своих обязанностей законных попечителей. В иске выдвигались требования изгнания Гьялцаба Ринпоче, возвращения ключей от Главного алтарного помещения и принятия юридически обязывающего решения о том, что лишь Шамару и его соратникам-попечителям позволено владеть и распоряжаться имуществом Румтека до тех пор, пока 17-й Кармапа не достигнет возраста 21 года. По сути, речь шла о том, кто станет управлять Румтеком, и — что ещё важнее, — о том, у кого будет ключ от сокровищ, хранящихся

в сейфах монастыря, среди которых — бесценная Ваджр-ная корона. Дело гремело и кочевало по судам в течение шести лет и впоследствии стало ещё одной причиной, по которой Кармапе после его бегства из Тибета не было позволено въехать в Румтек.

Эта тяжба стала кульминацией усилий Шамара по укреплению позиций его кандидата Тхайе Дордже. Тремя годами ранее, в 1995 году, на встрече с министрами Сиккима он представил «компромиссное решение» вопроса с Кармапой. Поскольку китайское правительство дало Ургьену Тинлею — «китайскому Кармапе», по выражению Шамара — полномочия управлять Цурпу, то логичным решением было бы позволить Тхайе Дордже, «индийскому Кармапе», управлять Румтеком. «Согласно уставу Благотворительного фонда Кармапы, — продолжал Шамар, — фонд должен вручить всё имущество в ведение Кармапы по достижении им 21 года. Следовательно, фонд должен вручить имущество и индийскому, и китайскому Кармапам, когда им исполнится двадцать один год. И Кармапы сами должны решить, кому какая часть будет принадлежать. Разумеется, при этом я хотел бы уточнить, — подчеркнул Шамарпа, — что для вступления в права владения недвижимым имуществом в Индии китайский Кармапа должен являться гражданином Индии». Возможно, он также «уточнил» и то, что его кандидат, Тхайе Дордже, достигнет 21-летия на два года раньше Ургьена Тинлея.

В то же самое время, вопреки своим собственным утверждениям, что Далай-ламе не место в делах кагью, Шамар стал активно искать у него одобрения своего кандидата. В январе 1997 года на встрече в Дхарамсале Шамар напомнил историю опознания Тхайе Дордже и обратился к Далай-ламе с просьбой встретиться с мальчиком и даровать ему начальные монашеские обеты. В то же время он вновь озвучил свою идею о том, что Ургьен Тинлей должен занять трон в Цурпу, а Тхайе Дордже — в Румтеке.

Казалось, существовали определённые сомнения насчёт того, основывается ли Шамар в предложенном им «решении» спора на политических или же на метафизических соображениях. В тибетском буддизме в изобилии встречаются случаи, когда учителя, достигшие высокой духовной реализации, одновременно перерождались в разных «эманациях», или аспектах их тела, речи и ума. Эта теория множественных перерождений часто использовалась при решении спорных вопросов опознания в прошлом, что свидетельствовало не только об эффективности учений бодхисаттв и достижений великих йогоинов, но также и об искущённости тибетцев в вопросах религиозной политики. Могло ли следующим шагом Шамара стать заявление, что и Ургьен Тинлей, и Тхайе Дордже оба являются эманациями 16-го Кармапы? Очевидно, Далай-лама полагал именно так.

3 февраля офис Далай-ламы в развёрнутом письме изложил его позицию. В нём говорилось, что на встрече в конце января с делегацией высоких представителей карма-кагью, возглавляемой Тай Ситу и Гьялцабом Ринпоче, Далай-ламе напомнили, что никогда прежде история не знала множественных реинкарнаций Кармап. Более того, в интересах сохранения мира внутри линии представители кагью просили Далай-ламу не принимать Тхайе Дордже и не давать ему монашеского посвящения. «Поэтому, — говорилось в письме, — чтобы не создавать дополнительных проблем и помочь примирению сторон, Его Святейшество Далай-лама не будет в настоящее время принимать вновь реинкарнированного или даровать тому обеты монаха-послушника». Затем в письме затрагивался вопрос о представленных Шамарпой доказательствах того, что Тхайе Дордже является подлинной реинкарнацией Кармапы. Шамар Ринпоче, говорилось в нём, в прошлом неоднократно сообщал Далай-ламе о существовании некоего человека, которому покойный Кар-

мапа якобы оставил достоверные указания, не называя при этом его имени. В ходе их личной беседы, во время январской встречи, у Далай-ламы создалось впечатление, что Шамар ведёт речь о Чобгье Три Ринпоче. Далай-лама связался с Чобгье Три Ринпоче, который ответил, что не имел и не имеет никакого отношения к обнаружению реинкарнаций. «Изложенные выше аргументы не оставляют сомнений, что ваши заявления не подкреплены надёжными источниками. Следовательно, разговоры о возможности существования второй реинкарнации Кармапы лишены каких-либо оснований».

7 февраля Шамар опубликовал свой ответ. Далай-лама, писал он, неправильно его понял и поспешил с выводами о том, что в опознании Тхайе Дордже в качестве 17-го Кармапы он опирался на Чобгье Три Ринпоче. В действительности, писал Шамар, «подсказки» Чобгье Три были только одним источником из великого множества других, которые он, Шамар, исследовал. «Собственно говоря, я пришёл к этому решению на основе моих собственных данных». И лишь с целью засвидетельствовать своё уважение, продолжал он, и сделать шаг к примирению, он просил Далай-ламу даровать Тхайе Дордже монашеские обеты. Он не просил о том, чтобы Далай-лама признал Тхайе Дордже в качестве инкарнации тела, речи или ума Кармпы. «Я вовсе не нуждаюсь в подобном признании». Офис Далай-ламы, продолжал он, заявил, что «возможно допустить существование реинкарнации тела, речи или ума 16-го Кармапы, основываясь на заслуживающем доверия письме с указаниями самого Кармапы. Всё это очень напоминает деспотичный средневековый диктат, и для меня очевидно, что ближе всего именно такой подход. Но для меня это совершенно неприемлемо».

Из этой переписки стало ясно, по крайней мере, одно: кем бы ни был загадочный обладатель «подлинных ука-

заний» 16-го Кармапы, Шамар не намерен раскрывать его имени.

Во время беседы в вестибюле отеля «Хайятт Редженси» я прямо спросил его: кто он?

Шамар улыбнулся моему вопросу. Он сказал, что встретил этого человека в Варанаси на собрании лам, со званном Далай-ламой. «Он сказал, что у него есть некие указания, но он огласит их только тогда, когда придёт время. Он сказал то же самое Джамгону Конгтрулу. Я знаю, что...» Он умолк. «Он очень старый лама. Они с Кармапой были близкими друзьями. Ему сейчас около семидесяти, он лама традиции карма-кагью. Он — йогин...» Я почувствовал, что он просто тянет время. «И затем состоялась конференция в Дели [в МБИК в 1996 году], и я сказал её участникам: “Если все вы желаете, я раскрою его имя. Но дело в том, что он не хотел, чтобы я это делал. Однако если вы, собравшиеся здесь люди, того хотите, я раскрою его”. Но никто не захотел».

Он пожал плечами, как бы говоря, что решение совершенно от него не зависело.

Я спросил его, скажет ли он это имя мне?

И вновь Шамар улыбнулся. «Нет... Я подумываю о раскрытии его имени. Но для этого должны произойти два события. Сейчас ходит много слухов о возрасте Ургьена Тинлея. Люди говорят, что его подменили старшим братом».

Я сказал, что слышал об этом.

«Так вот: чтобы я раскрыл это имя, должны случиться две вещи: первое — письмо Тай Ситу должно быть подвергнуто судебной графологической экспертизе, это раз. Второе: Ургьен Тинлей должен пройти процедуру проверки костного мозга. И тогда я смогу назвать имя этого человека». Смысл того, что он хотел сказать, был предельно ясен. Он в принципе не собирается называть имени.

ГЛАВА 13

Аудиенция у Далай-ламы

Дхарамсала. Март 2001 года.

Охранник у ворот, ведущих в личную резиденцию Далай-ламы, проверил мой паспорт. Меня тщательно обыскали, попросили пройти через металлодетектор, и повели вверх по крутому склону, мимо пышных, ухоженных клумб и кустов к самому дому. Сначала мы попали в комнату ожидания, заполненную всевозможными наградами, грамотами, медалями, почётными профессорскими дипломами и прочими регалиями, полученными Его Святейшеством за долгие годы жизни и активной деятельности. Затем помощник личного секретаря Далай-ламы провёл меня в саму приёмную. Просторный зал был залит ярким светом, проникавшим через огромные окна, от пола до потолка, которые вели на примыкающую к дому террасу. В одном углу комнаты располагался алтарь, на котором возвышалась великолепная золочёная статуя Будды. В другом стоял журнальный столик, окружённый уютными креслами. Помощник секретаря объяснил, что Его Святейшество вскоре присоединится к нам. Он также вежливо указал мне на кресло: «Вы, пожалуйста, располагайтесь здесь, а Его Святейшество всегда сидит в этом кресле».

В саду Далай-лама проводил аудиенцию с большой группой западных учителей медитации. Теперь эта встре-

ча, по-видимому, закончилась, и из окна было видно, как гости идут к воротам. У каждого на шее хадак, у многих на губах слегка потрясённая улыбка, а на лицах можно прочесть то выражение блаженства, которое обычно по-является у людей, находившихся какое-то время в присутствии Далай-ламы.

За ними быстрыми шагами спускался с холма личный секретарь Его Святейшества. Через несколько минут на горизонте появился, бодро шагая, и сам Далай-лама, а с ним двое сопровождающих его монахов, которые с трудом переводили дыхание, чтобы не отстать от него. Далай-лама вошёл в комнату для аудиенций, энергично пожал мне руку, принял принесённый мною хадак и автоматическим жестом передал его помощнику. Он был не из тех, кто настаивает на соблюдении формальностей тибетского протокола. Рукой указав мне на стул, он уселся сам и выжидательно взглянул на меня. Первый вопрос?

«Что бы вы, — спросил я его, — могли рассказать о 16-м Кармапе?» Он откинулся на спинку стула и на минуту задумался. «Мой предшественник, 13-й Далай-лама, — начал он, — с большой сердечностью относился к 16-му Кармапе, когда тот был ещё молод. Их знакомство состоялось, когда Кармапа впервые приехал из провинции Кхам в Лхасу ещё в совсем юном возрасте. Когда Кармапа уже жил в монастыре Цурпу, Далай-лама время от времени посылал ему гостинцы, фрукты и тому подобное. 16-й Кармапа рассказывал, что каждый раз при звуке колокольчиков подъезжающей лошади он бросался к окну в надежде увидеть гонца от Далай-ламы... Ой, опять лакомства!»

Далай-лама рассмеялся. Он и сам был совсем юным, когда началось их знакомство с 16-м Кармапой. Тогда, в Лхасе, Далай-лама дал Кармапе несколько учений, а в 1954 году Кармапа сопровождал его в поездке в Китай, где произошла решающая встреча с Председателем Мао. В 1956 году Далай-лама навестил Кармапу в Цур-

пу, проведя там несколько дней. «Одно событие я помню очень хорошо. У него был кинопроектор с генератором, но генератор был сломан. Тогда мой водитель, который чинил генераторы во Дворце в Норбулингке и знал, как это делается, смог за один день починить генератор Кармапы. Кармапа был очень доволен! В тот вечер мы смогли посмотреть фильм — какое-то индийское кино со множеством драк! — Далай-лама захохотал и восторженно хлопнул в ладоши. — Вот после этого мы и стали очень близкими друзьями. И конечно же, он был очень приятным, очень хорошим человеком».

После того как они оба бежали из Тибета, продолжал Далай-лама, их отношения по-прежнему оставались сердечными. Пару раз Кармапа навестил Далай-ламу в Дхарамсале и останавливался в резиденции у его матери: «вот как близки мы были...»

Он замолчал. «Но ведь мы хотим восстановить картину исторических событий, и нам следует взглянуть в лицо правде».

Именно в то время возникли разногласия между Правительством в изгнании и беженцами из районов Кхам и Амдо, составляющими группу «Тринадцать поселений». Это были раздоры, обусловленные отчасти региональными, отчасти сектантскими причинами, и тянулись они ещё с первых дней образования школы гелуг, когда гелугпинские «жёлтошапочники» притесняли старые школы «красношапочников». Эти споры создали почву для подозрений, которыми пропиталась тибетская диаспора в изгнании. Главой Департамента по религии в то время был человек по имени Шасур Шанкар. «Человек очень искренний, — заметил Далай-лама. — Он был одним из членов правительственного кабинета в Лхасе, страстно верующий, но считавший «жёлтошапочников» лучшей школой по сравнению со всеми остальными. Одним из его заместителей был лама традиции ньингма. Позднее этот лама сравнил

Дхарамсалу с “жёлтым зонтиком с чуточку кривым наконечником”. — Он рассмеялся. — Он, таким образом, утверждал, что Далай-лама тоже слегка склонен к сектанству! На самом деле в основе моего подхода, конечно же, отсутствует разделение на линии и традиции. В то же время так получилось, что мои взаимоотношения с другими, «нежёлтошапочными» школами на тот момент были весьма ограничены. Так что, вполне возможно, какие-то основания для подозрений в мой адрес имелись».

В 1962 году в Дхарамсале, впервые за время изгнания, ламы всех четырёх школ собрались для совместного заседания. Среди них был и глава линии ньингма Дуджом Ринпоче. «Позже Дуджом Ринпоче рассказывал мне, что, когда он вернулся в Калимпонг, один из его последователей пришёл к нему в смятении и глубоко разочарованный. Этот человек сказал, что слышал о состоявшемся заседании, на котором было принято решение запретить все школы, помимо «жёлтошапочников»! Дуджом Ринпоче спросил его: “Кто тебе это сказал? Я лично принимал в нём участие и могу заверить тебя, что никаких решений такого рода и в помине не было”. Наоборот, было решено сохранять и поддерживать все религиозные традиции. Но таковы были слухи, гулявшие в то время, и, надо сказать, довольно живучие слухи».

В этой атмосфере подозрительности, продолжал Далай-лама, пострадали его отношения с Кармапой. «На личном уровне — никаких проблем: всё те же старые друзья, без вопросов. Но там, где дело касалось политики и тибетского сообщества, появились некоторые сомнения и некая дистанцированность...» Кармапа, по словам Далай-ламы, отказался внести свою лепту в создание буклета о независимости Тибета. «А позднее я слышал, что в своих лекциях в Европе и Америке он говорил, что борьба за свободу Тибета — это политика и что практикующим не следует в неё вовлекаться. — Далай-лама покачал го-

ловой: — У некоторых складывается ошибочное впечатление, что наша борьба — эта некая политическая игра, связанная с личными интересами отдельных чиновников тибетского правительства. Но эта борьба необходима. Это и есть Будда-Дхарма! Помню, во Франции один монах сказал мне, что они не хотят участвовать в политических действиях. Тогда я спросил его, молится ли он за процветание Будда-Дхармы. Он ответил, что да. В таком случае, — сказал я, — свобода Тибета — это важный фактор, влияющий на процветание буддизма. Без свободы Тибета у тибетского буддизма нет будущего”». Со временем он это осознал.

Далай-лама заметно оживился. Эта тема его явно занимала. «А ещё один мой китайский приятель-буддист, у которого в Тайване есть очень хороший центр, однажды рассказал мне, что один из его близких друзей, китайский предприниматель, как-то обмолвился: “Далай-лама — это политик, истинный лама — Кармапа”. — Далай-лама вздохнул. — И этот человек, кстати, так сильно в это верил, что даже не хотел со мной встречаться! Но потом он пришёл на одну из моих лекций и понял, что Далай-лама — не только политик. Прослушав моё учение, он увидел, что Далай-лама также весьма духовный человек! Так формируются неверные представления. Вот, думается мне, и Кармапа Ринпоче, возможно, ввёл людей в некое заблуждение, и это меня немного огорчало...» Далай-лама пожал плечами, будто говоря, что всё это уже давно в прошлом.

А теперь эти взаимоотношения возродились... Обдумывая это, я поразился той непрерывности, которую создаёт практика поочерёдных реинкарнаций. Взаимоотношения двух существ длятся даже не одну жизнь; они продолжаются на протяжении столетий, а их участники подобны актёрам в нескончаемой драме, которые лишь меняют разные маски и костюмы, с тем чтобы продолжать играть свои роли. Я поинтересовался: в чём Далай-лама

видит сходство между юным Кармапой и его предшественником?

Он ответил, что 16-й Кармапа не был учёным-философом, «но по самой своей природе, благодаря своей глубинной интуиции и богатому опыту, он нёс в себе особое благословение, обладая несомненным духовным величием. И в этом молодой Кармапа очень на него похож. Но в самом начале я сказал ему, что учение — очень важно. Время, когда можно было быть знатным ламой и сидеть на высоком троне, не обладая особыми знаниями, закончилось. Мы должны учиться! И Кармапа Ринпоче действительно прилагает много усилий в учёбе. Природа наградила его даром стихосложения. Поистине чудесным. Что касается сочинения поэм, то он заметно превосходит в этом меня! Я монах шестидесяти шести лет от роду, а тут пятнадцатилетний — и с гораздо большим даром! У него великий потенциал. Да и как человек он производит впечатление сильной, непреклонной и волевой личности. На самом деле мне кажется, что Тай Ситу Ринпоче и некоторые другие ламы его побаиваются! Думаю, что Тай Ситу проще сказать что-нибудь мне, нежели Кармапе!» Далай-лама от души расхохотался.

«Кстати, я сказал индийским чиновникам — некоторые из них подозревают, что Тай Ситу — личность ненадёжная и что его влияния на Кармапу стоит опасаться, — так вот, я сказал им, что, во-первых, Тай Ситу Ринпоче вовсе не ненадёжный или вызывающий подозрения человек. Совсем напротив — я на сто процентов ему доверяю. И нет ничего дурного в том влиянии, которое он может оказывать на Кармапу. Но даже если он и был бы человеком ненадёжным, то я сомневаюсь, что Тай Ситу мог бы повлиять на Кармапу, потому что он сам его боится! Я сказал это чиновникам!» Далай-лама снова рассмеялся.

Наш разговор перешёл к теме опознания Кармапы. Далай-лама ответил, что здесь всё было достаточно чест-

но и открыто. Ситу и Гьялцаб приехали в Дхармасалу, когда Далай-лама был в Рио. Они выслали ему необходимые документы, и Далай-лама остался удовлетворён их выбором, сочтя его правильным. «А перед этим мне приснился сон. Мне снилась долина, открывающаяся на юг, какой-то ручей, множество каменных утёсов и немного зелёной травы. В этом сне не было ни палаток, ни зданий — такое вот место. А потом во сне голос мне возвестил, что здесь — новое перерождение Кармапы. Это я и сказал Ситу Ринпоче, а позже он отыскал то место. Когда он позвонил мне в Бразилию, я уже практически ни в чём не сомневался. И затем, когда мальчик приехал в Лхасу, я полагаю, сама его манера себя держать не оставляла никаких сомнений, что он — настоящий Кармапа, и совершенно замечательный Кармапа. Он продемонстрировал сильную волю и довольно-таки твёрдую позицию по отношению к китайцам. Думаю, что это самый что ни на есть бесспорный аргумент в его пользу. Вот что такое настоящая реинкарнация».

Ситу Ринпоче всё сделал правильно, продолжал Далай-лама. Он отыскал Кармапу и добился одобрения китайских властей, но лишь после того, как Далай-лама сам убедился в правильности его выбора. «Мои предсказания говорили о том же самом, а после и китайцы его признали. Так что здесь налицо пример самого плодотворного сотрудничества между Далай-ламой и китайским правительством, о котором последнее даже и не догадывалось!» — расхохотался он.

«Но не было ли это слишком рискованным — решиться оставить Кармапу в Тибете, вместо того чтобы тайно вывезти его из страны?» — поинтересовался я.

Он какое-то время обдумывал вопрос. «Нет, не думаю...» После того как Ургьен Тинлей был найден, Далай-лама встретился с Тай Ситу и Гьялцабом, чтобы обсудить дальнейшие действия. «Сначала предполагалось оставить

Кармапу в Тибете, затем обратиться к китайским властям за признанием, после чего забрать его в Цурпу и в конце концов привезти в Индию для получения учений, устных передач и тому подобного. Таков был первоначальный план. Мы даже обсудили, как оформить запрос индийскому правительству. Ведь теоретически, так как Кармапа являлся китайским подданным, могли возникнуть некоторые сложности, связанные с его проживанием в Румтеке и вступлением в права владения монастырём. Мы обдумывали, как уладить все эти вопросы, и детально всё обсудили. Таков был наш первоначальный замысел. Тогда мы ещё надеялись, что китайские власти пойдут на это...»

По крайней мере таков был план. Но позднее китайские власти нарушили первоначальную договорённость и отказали Кармапе в разрешении покинуть Тибет. Да и Индия не проявила никакого желания позволить ему приехать. «А потом у меня осложнились отношения с китайским правительством, что создало дополнительные трудности», — Далай-лама пожал плечами.

«Но здесь есть как отрицательные, так и положительные стороны. Положительным является то, что всё-таки Тибет — наша земля, поэтому там должны быть наши духовные лидеры. Я часто говорил некоторым ламам, покидавшим Тибет, что это, конечно, их личное дело, но при этом, когда кто-нибудь из них выражал желание вернуться обратно, я всегда поддерживал их. Ведь это по-настоящему великое дело — жить там и работать ради сохранения тибетской духовности. Многие ламы так, кстати, и поступают, и это просто замечательно. Риск заключается в том, что приходится заниматься всеми делами с большой осторожностью, чтобы не спровоцировать китайцев, и в то же время способствовать сохранению буддийской культуры и религии, что очень важно. Крайне важно».

Наш разговор перешёл на Шамара Ринпоче и Тхайе Дордже. В июне 1992 года, после того как был найден

Ургьен Тинлей, Шамар нанёс визит Далай-ламе. Это произошло в тот же день, когда к Его Святейшеству приезжали Тай Ситу и Гьялцаб, но только Шамар появился в его резиденции после обеда. «Не думаю, что Шамар хотел быть с ними в одной компании!» — рассмеялся Далай-лама. На той встрече Шамарпа впервые заговорил о некоем «заслуживающем доверия человеке», у которого, как он заявлял, есть подлинные указания 16-го Кармапы. «Он сказал мне, что до определённого времени не хочет разглашать имени этого монаха». Далай-лама пожал плечами, как бы говоря: мол, ну и что же делать? «Я сказал ему: “Если сведения достоверны и убедительны, то мне будет легче опознать ещё одну эманацию Кармапы”. И всё же имени монаха Шамар мне не раскрыл».

В конце концов Шамар написал Далай-ламе письмо и упомянул имя Чобгье Три Ринпоче — ламы, который, по словам Шамара, первым рассказал ему об одном примечательном ребёнке из Лхасы. Далай-лама написал Чобгье Три Ринпоче, поинтересовавшись, был ли он тем самым ламой, который опознал Тензина Кхьенце в качестве реинкарнации 16-го Кармапы. Тот ему ответил, что ничего подобного он не делал! Он писал, что сказал Шамару Ринпоче всего лишь то, что этот мальчик, сын Мипхама Ринпоче, по слухам, может стать одним из кандидатов на роль Кармапы. В то же время Чобгье Ринпоче сказал Шамарпе, что опознать такого высокого ламу, как Кармапа, может только человек, равный Далай-ламе, а никак не он, Чобгье Ринпоче. Таким образом, мои мысли по поводу того, что этот мальчик, возможно, также может являться эманацией Кармапы, основывались на утверждении Шамара Ринпоче. Когда же оказалось, что заявления его безосновательны, исчезли и всякие причины для того, чтобы говорить о другой эманации Кармапы [Тхайе Дордже]». Далай-лама вновь пожал плечами: дескать, ничего не поделаешь. (Здесь стоит вспомнить заявление

Шамара о том, что он якобы говорил Далай-ламе, что при выборе своего кандидата он опирается не только на свидетельства Чобгье Ринпоче.)

Далай-лама очень чётко объяснил этот момент Шамару Ринпоче при встрече, в той самой комнате, где мы сейчас сидели. Далай-лама указал на моё место. «Он сидел вот здесь! Я сказал ему, что Ургьен Тинлей был официально признан 17-м Кармапой. По этому поводу никаких споров быть не может. Таково было решение, и говорить здесь больше не о чем. Тогда Шамар Ринпоче сказал мне, что поскольку его собственный кандидат не вызывает у него никаких сомнений, то у него не остаётся иного выбора, как позаботиться о нём. Он также добавил, что никаких видов на трон Кармапы он не имеет».

Это был последний раз, когда они виделись. И только в июне 2000 года, когда Далай-лама был с деловым визитом в Вашингтоне, Шамар, который также находился в это время в Америке, вдруг попросил у него аудиенции. «На той встрече он преподнёс мне уже несколько иную версию. Он объяснил, что, говоря о троне, он тогда имел в виду Цурпу в Тибете! — Далай-лама рассмеялся. — А Румтек должен принадлежать его кандидату. Я совершенно чётко дал ему понять, что это невозможно. Главной резиденцией покойного 16-го Кармапы в Тибете был монастырь Цурпу. Начиная с 1959 года, когда он стал беженцем, за пределами Тибета его основным местом пребывания является Румтек. Так что вполне логично, что Румтек принадлежит 17-му Кармапе. Я также выразил надежду, что примирение по данному вопросу произойдёт уже в их теперешних жизнях. Я ему сказал, что таковы мои чаяния».

Далай-лама глубоко вздохнул, словно не переставая удивляться неразумности представителей рода человеческого. Встрече нашей отводилось сорок пять минут; мы же просидели почти полтора часа, и казалось, что Далай-

лама всё ещё не исчерпал эту тему. Его секретарь волновался, что наш разговор никак не закончится. Наконец, Далай-лама, хлопнув ладонями по коленям, поднялся с места. Его помощник извлёк из складок одежды хадак, который Далай-лама накинул мне на шею.

Перед моим отъездом в Индию одна западная монахиня попросила меня взять с собой фотографию её умирающей матери для благословения Далай-ламой. Я передал ему конверт, ожидая, что он отдаст его своему помощнику, что тот обо всём позаботился. Время поджимало. Вместо этого он сам открыл конверт и внимательно прочёл письмо. Его помощник, едва сдерживая нетерпение, переступал с ноги на ногу и ждал, когда же Далай-лама завершит встречу. А Далай-лама тем временем переключил всё своё внимание на фотографию. Он держал её в сложенных ладонях, и мне показалось, что это длилось вечность. Далай-лама смотрел на изображение умирающей женщины с выражением безмерного сострадания, как будто ничего более важного в тот момент для него в мире не существовало. Наконец он убрал фотографию и письмо обратно в конверт и спрятал под монашеское платье где-то под сердцем. На протяжении всей нашей встречи меня терзали разрастающиеся в моём сознании сомнения: наш разговор о политике и раздорах заставил меня на мгновение забыть о сути буддийской практики, пробив брешь в защитном панцире моей веры. Моя вера дала течь. Но одним этим жестом Далай-лама полностью восстановил её.

Несколько дней спустя я обнаружил электронное письмо от моей подруги-монахини. На следующий день после моей встречи с Далай-ламой она получила e-mail от его личного секретаря. В нём Далай-лама сообщал ей, что получил от меня её послание, и что она и её матушка — в его мыслях.

ГЛАВА 14

Любовь к «большой семье народов»

Первые три года китайцы практически не вмешивались в жизнь Кармапы в Цурпу. Его эксплуатация в качестве ценного пропагандистского инструмента происходила в основном во время срежиссированных ими визитов в ключевые китайские города и в тибетские монастыри, во время отрепетированных встреч с председателем КНР Цзян Цзэмином, а также в непрерывном потоке заявлений, в которых, как сообщалось, Кармапа клялся в верности родине и делу социализма. Но при этом никто не вмешивался в его буддийское образование, практику и связанные с ними действия. Он мог свободно выполнять свои традиционные обязанности, признавая тулку и принимая посетителей, как на частных аудиенциях, так и публично.

Однако к 1996 году ситуация в Цурпу стала ухудшаться. Медовый месяц китайских властей и тибетского буддизма подошёл к концу. Главным камнем преткновения стал непростой вопрос о реинкарнации Панчен-ламы. С момента его смерти в январе 1989 года Далай-лама неоднократно обращался к китайскому правительству с просьбой дать ему возможность исполнить свою традиционную роль в процессе поиска следующего перерожде-

ния Панчен-ламы. В частности, Далай-лама предложил послать в Тибет делегацию для чтения молитв и проведения ритуалов-прорицаний на священном озере Лхамо Лацо. Китайцы ответили отказом, а в августе того же года заявили о собственном пятишаговом плане поиска, выбора и признания Панчен-ламы. Первые три шага признавали традиционные методы использования прорицаний для поиска потенциальных кандидатов. Среди них была и процедура, в ходе которой претенденты выбирают предметы, принадлежавшие их предыдущей реинкарнации, среди ряда других аналогичных предметов. Четвёртый шаг был для китайцев самым решающим: использование лотерейной системы — Золотой урны. Пятый шаг заключался в одобрении отобранного кандидата центральным правительством в Пекине.

Пытаясь закрепить собственное право на проведение процесса признания перерождения Панчен-ламы, китайские власти, очевидно, всё же желали на данном этапе использовать и авторитет Далай-ламы для одобрения выбранного ими кандидата. В июле 1993 года Чадрел Ринпоче, настоятель монастыря Ташилунпо и глава поисковой группы, сформированной китайским правительством, имея на то официальное разрешение от пекинских властей, написал Далай-ламе письмо о том, что традиционные прорицания подтвердили факт перерождения Панчен-ламы. Начался поиск его новой инкарнации. Однако в течение последующих нескольких месяцев настроение китайских властей изменилось, и стало очевидным отсутствие у официального Пекина какого-либо намерения вовлекать Далай-ламу в процесс признания нового Панчен-ламы. У Чадрела Ринпоче не оставалось иного выбора, кроме как продолжать поиски под юрисдикцией Китая и в то же время, на свой страх и риск, тайно информировать Далай-ламу о каждом проделанном шаге и в числе прочего передать ему окончательный список кандидатов.

14 мая 1995 года Далай-лама объявил о том, что, следуя соответствующим пророчествам и консультациям с оракулами, он формально признаёт шестилетнего мальчика по имени Гендун Чокьи Ньима Одиннадцатым перерождением Панчен-ламы. Китайские власти мгновенно выразили своё недовольство этим фактом. Через два дня после заявления Далай-ламы Чадрел Ринпоче и его секретарь Джампа были арестованы. В Ахасе, Шигаце и Нагчу были созваны собрания, на которых объявили о запрете собираться в группы более трёх человек и публично обсуждать тему реинкарнации Панчен-ламы. В Ташилунпо были откомандированы партийные работники для проведения «зачистки перевоспитательного характера», в ходе которой монахов вынуждали активно критиковать Чадрела Ринпоче и резко осуждать заявление Далай-ламы. Сорок восемь монахов были арестованы за отказ подчиниться. Несчастный Гендун Чокьи Ньима был взят под стражу и вместе с семьёй вывезен в Пекин.

8 декабря после чётко спланированной церемонии вытягивания жребия из Золотой урны Китай возвёл на трон собственного Панчен-ламу, мальчика шести лет по имени Гьялцен Норбу, родители которого являются образцовыми членами коммунистической партии. Судьба и местонахождение Гендуна Чокьи Ньима и его семьи до настоящего времени остаются неизвестными.

Всплеск народного сочувствия в адрес выбранного Далай-ламой претендента подкрепил растущую уверенность китайского руководства в том, что либеральные реформы 1980-х зашли слишком далеко. С 1989 года, в связи с избранием Цзян Цзэминя на пост генерального секретаря компартии и Президента КНР, главным пунктом политики Пекина по отношению к Тибету стало ускорение темпов экономического развития в этом регионе в качестве противовеса неослабевающей угрозе роста тибетского национализма. Стратегия, выработанная

в 1980-х Ху Яобаном, тоже была направлена на такое развитие, но проводимое силами самих тибетцев или, по крайней мере, с целью защиты интересов тибетского народа. Новый курс Цзян Цзэминя полностью отверг идею о существовании «индивидуальных особенностей» тибетского народа и необходимости учитывать специфику его положения. Основой нового курса была идея о том, что поощрение развития тибетского культурного самосознания — весьма опасное занятие. Постановление гласило, что отныне тибетский народ должен стремиться, питая любовь к «большой китайской семье», считать себя её частью. По отношению к тибетскому буддизму будет продолжена политика терпимости, но контроль за ним должен быть усилен.

Данный подход был сформулирован Цзян Цзэминем в так называемых «трёх фразах о религии»:

- 1) Политику партии в отношении религии претворять в жизнь безошибочно и в полном объёме.
- 2) В соответствии с законом усилить руководство религиозной жизнью.
- 3) Активно влиять на религию с целью её адаптации к реалиям социалистического общества.

Ключевым моментом этой политики была новая попытка искоренить всякое влияние Далай-ламы на духовную жизнь Тибета. Декларируемая прежде китайскими властями терпимость в духе «свободы веры» образца 1985 года проводила тонкую грань между критичным отношением к Далай-ламе как к политической фигуре и терпимостью к нему как к духовному лидеру тибетского буддизма — объекту преданной веры простых тибетцев. Теперь такое разделение исчезло, и критика Далай-ламы усилилась. В 1994 году, в продолжение политики «разрушения образа Далай-ламы», тибетцам, являющимся

членами партии, напомнили о присущем им атеистическом мировоззрении и приказали уничтожить в своих домах алтари и любые изображения Далай-ламы, а также избавиться от таких материальных атрибутов буддийской практики, как чётки и тому подобное. В среде простых тибетцев был введён запрет на продажу и хранение его портретов. Средства массовой информации усилили нападки на Далай-ламу как главу «раскольнической политической клики», стремящейся к отделению Тибета от «Великой родины». «Тибет дейли» в 1995 году писала, что Далай-лама более не является духовным лидером: «Из главаря бунта против Отчизны он деградировал в откровенно антикитайский инструмент, обменяв свою честь на покровительство враждебных сил Запада».

В следующем году всё внимание обратилось к монастырям как «цитаделям сепаратизма, откуда клика Далая ведёт свою подрывную и раскольническую деятельность». В июне 1996 года в три крупнейших тибетских монастыря (Сера, Дрепунг и Ганден) были откомандированы «воспитательные отряды» для проведения того, что в начальной стадии кампании власти именовали «возвращением любви к родине и религии». Принудительно были введены маоистские учебные программы, с особой миссией «искоренения отсталой феодальной атмосферы невежества, отравленной влиянием клики Далая». Монахов заставляли подписывать заявления, осуждающие Далай-ламу, и принуждали клясться в верности партии и правительству. В монастыре Ганден во время подавления бурной демонстрации против введения новых репрессивных мер один монах был убит, а сам монастырь на несколько месяцев закрыт. В январе 1997 года Китайское региональное радио Тибета радостно рапортовало, что монахи трёх монастырей с энтузиазмом восприняли программу по «проведению воспитания, развитию патриотизма и наведению порядка». Осознав, что Далай-лама их предал, большин-

ство монахов твёрдо встали на путь противления расколу и решительно осуждают деятельность Далай-ламы. Так, на транспаранте, переданном монахами монастыря Дрепунг Региональному оперативному комитету, говорилось: «Уроки патриотизма согрели теплом сердца монахов; спасение монастыря и его общины — доброе дело, благо от которого пребудет с нами тысячу лет».

Цурпу, как резиденция самого важного тибетского ламы-перерожденца, одобренного Китаем, избежал крайностей новой религиозной политики. Тем не менее и здесь закручивали гайки. Усилилось наблюдение за монахами, сопровождаемое ростом внушительной сети шпионов и доносчиков внутри самого монастыря. По словам одного очевидца, знающего ситуацию изнутри, от монахов требовали, чтобы они сообщали обо всех аспектах жизни своих сотоварищей, а в случае отказа им угрожали репрессивными мерами.

«Фиксировались даже самые мельчайшие подробности: “Карма Таши всегда ходит в уборную в три часа утра и проводит там две-три минуты, а потом возвращается обратно”. Все монахи должны были это делать, и в какой-то мере это значило, что всем им приходилось быть доносчиками, а в противном случае им не разрешалось оставаться в монастыре. В этой ситуации приходилось балансировать между служением Кармапе и необходимостью выживать. Это привело к тому, что Кармапе стало сложнее общаться приватно, так как всегда существовал риск, что разговор может быть подслушан и о нём будет доложено куда следует: “Кстати, примерно в три часа дня я был рядом с Кармапой, и он говорил каким-то иностранцам, что хотел бы съездить в Америку...”»

Ограничения на перемещения Кармапы становились всё строже. У дверей его комнат была выставлена охрана. Почта просматривалась, посетители проверялись и пере-

проверялись. Любая поездка за пределы Цурпу должна была одобряться местными властями, а любой маршрут далее Лхасы — согласовываться с центральным правительством в Пекине. Разрешение властей требовалось даже для прогулки до летнего дворца в пределах монастырских владений. Ежедневные публичные аудиенции теперь проходили под строгим контролем. Согласно официальному распоряжению, Кармапу отделял от посетителей барьер из хадаков. Не допускалось никакого физического контакта между Кармапой и его гостями; вместо этого благословение пришедших проводилось с помощью хитрого механизма: Кармапа дёргал за верёвочку — и головы человека касалась подвешенная на растяжках кисточка. «Народ быстро проходил вперёд за благословением, получал его и спешил обратно, — вспоминает один посетитель. — Невозможно было остановиться и взглянуть на Кармапу. Это не разрешалось».

И всё же даже за плотным кольцом охраны Кармапа был в состоянии вести некое подобие нормальной жизни. Он обзавёлся оленем, который бродил вокруг летнего дворца и стал настолько ручным, что порой следовал за Кармапой в его покои. Один из его итальянских учеников, музыкант, записал молитвы, читаемые юным Кармапой, после чего положил их на музыку и выпустил компакт-диск. Образование Кармапы вышло за пределы традиционной буддийской программы и включало в себя «патриотическое воспитание» — изучение китайского языка и культуры — занятий, в ходе которых подчёркивалась необходимость быть верным и послушным ламой, разделяющим политику коммунистической партии. В то же самое время на Кармапу постоянно оказывалось давление с тем, чтобы он осудил Далай-ламу и поддерживал тщетно раздуваемую кампанию популяризации недавно возведённого на трон марионеточного Панчен-ламы. В 1996 году Кармапу возили для первой встречи с китайским ставленником

в монастырь Ташилунпо. Толпа народа, собравшаяся по этому случаю, недвусмысленно продемонстрировала своё отношение к происходящему, почтительно склонившись перед Кармапой и нарочито игнорируя бедолагу — претендента на трон Панчен-ламы.

В тот же самый год Кармапе едва удалось избежать того, что могло вылиться в покушение на его жизнь. Один тибетец, который регулярно встречался с Кармапой в Цурпу, рассказал мне эту историю. Однажды Кармапа внезапно объявил о том, что намеревается отправиться в летний дворец на территории монастыря. Старший чиновник отказал в выдаче разрешения, но Кармапа проигнорировал приказ и убежал во дворец. После его ухода один из монахов обнаружил двоих мужчин, прячущихся в библиотеке рядом с покоями Кармапы. При них не было оружия, но их задержали и допросили. Задержанные сообщили, что они являются китайскими крестьянами из провинции Сычуань. В Лхасе к ним обратились неизвестные тибетцы, пообещавшие заплатить, если те убьют Кармапу. Сейчас они находились там с разведывательной целью. Один из близких людей Кармапы, Томо-Ла, предложил им денег, если они назовут заказчиков убийства, но, по их словам, имён этих людей они не знали. Мужчин передали лхасской полиции, и, любопытно, что впоследствии они бесследно исчезли. По поводу этого инцидента так и не последовало никаких объяснений, но стало очевидным, что над Кармапой сгущаются тучи и что жизнь его находится в опасности.

В 1998 году Агья Ринпоче, один из высших иерархов тибетского буддизма, поставил китайские власти в глупейшее положение, бежав в США во время визита в Южную Америку. Сорокадевятилетний Ринпоче был настоятелем монастыря Кумбум в провинции Цинхай (бывшая Амдо). Имея репутацию «верного» властям ламы, он был назначен на целый ряд ключевых постов, включая долж-

ность вице-председателя Политического консультационного комитета. Однако, незадолго до своего бегства, Агья Ринпоче попал под сильнейшее давление властей, вынуждавших его публично осудить Далай-ламу. Он также навлек на себя недовольство Пекина, препятствуя попыткам переезда марионеточного Панчен-ламы в Кумбум из монастыря Ташилунпо в Тибетском автономном округе, считавшегося традиционным местом пребывания Панчен-лам. В связи с побегом Агья Ринпоче в Соединённые Штаты усилился контроль за Кармапой и ситуацией в Цурпу. Теперь все инициативы Кармапы пресекались куда более жёстким образом.

После опознания Паво Ринпоче в 1995 году Кармапа также признал и ряд других реинкарнаций, среди которых в первую очередь обнаружение в 1996 году Четвёртого Джамгона Конгтрула Ринпоче, предшественник которого погиб в автомобильной катастрофе четырьмя годами ранее. Процесс признания кандидатур проходил по пятишаговой пекинской системе, в соответствии с которой тибетский лама находил и определял кандидата традиционными способами, а правительство официально выносило окончательный вердикт. Такая процедура в какой-то степени устраивала обе стороны: ламы были уверены в правильности своего выбора, а власти демонстрировали верховенство своей политической власти. Но неудача, связанная с опознанием Панчен-ламы, всё изменила. По мнению Китая, доверять тибетским ламам процесс нахождения «подходящих» кандидатов традиционными способами больше было нельзя. Количество «шагов» увеличилось с пяти до четырнадцати. Теперь духовным лицам не доверяли первоначальный поиск и опознание кандидата. Новые ограничения обязывали с самого начала консультироваться с правительством, которое, в сущности, не только определяло, какой ребёнок или дети

будут кандидатами на роль того или иного ламы, но также давало «разрешение» на само перерождение и опознание ламы. Иными словами, с этого момента все признанные воплощения лам теряли какую-либо легитимность и аутентичность в глазах верующих.

Был разработан ещё один способ серьёзно ослабить позиции Кармапы. Его историческая роль, или, другими словами, его *raison d'être* (фр. «смысл существования». — *Прим. пер.*) — заключается в том, чтобы быть связующим звеном в гирлянде «Золотых чётков» традиции карма-кагью. Для выполнения этой роли он должен получать важнейшие из учений и передач линии преемственности от её держателей — Тай Ситу и Гьялцаба Ринпоче. Без этих учений и посвящений, по признанию самого Кармапы, он будет не в состоянии выполнить своё духовное предназначение и тем самым будет являться «всего лишь простым монахом, который по воле случая носит титул “Кармапа”». Не только самому Кармапе были запрещены поездки в Индию для встреч со своими учителями, но и им был закрыт въезд в Тибет. Китайские власти отказали в визе как Тай Ситупе, так и Гьялцабу Ринпоче. Настоятельные просьбы Кармапы разрешить его учителям посетить Цурпу были встречены категорическим отказом. «Мне кажется, Китай полностью не осознавал, что значит быть Кармапой, — сказал мне Аконг Ринпоче. — Высокопоставленные чиновники не понимают системы обучения тулку и всего, что с ней связано. Они считают, что, как только тулку выбран и признан, дело сделано. А ведь это только начало». Без необходимых учений и посвящений, передаваемых держателями линии, Кармапа попросту не смог бы выполнить своей духовной миссии.

Летом 1999 года Кармапа дал монахам свои первые учения по трактату о деяниях бодхисаттвы. Ему было четырнадцать. Ученик обогнал своих учителей.

Вместе с тем его отношения с китайскими кураторами достигли критической точки. Когда член местной администрации попросил его зачитать подготовленную им речь, осуждающую Далай-ламу, Кармапа отказался. «Вы желаете, чтобы я сказал, что эта речь читается от вашего лица?», — спросил он. Чиновник пояснил: нет, речь должна быть прочитана «как бы от самого Кармапы». «В таком случае, — ответил Кармапа, — мне этот текст ни к чему». Выступление не состоялось.

Осенью 1999 года Кармапа возглавил пятнадцатидневную практику медитативного божества Серо Нгадра. Каждый день он давал по две большие лекции группе монахов, делая особый акцент на значимости Сангхи, или духовной общины, необходимости учиться и важности фигуры учителя, или гуру. В одной из своих бесед он сделал особый акцент на природе непостоянства. «Всё, что состоит из компонентов, обладает природой непостоянства. Возможно, вы сейчас смотрите на меня и думаете: он молод, и мы ещё не раз встретимся. Но поскольку всё непостоянно, то, может быть, я не так долго пробуду рядом с вами. И даже если проявления непостоянства создают проблемы в вашей жизни, вам следует продолжать учиться и поддерживать внутреннюю дисциплину. В будущем у нас появится возможность увидеться вновь».

В сентябре 1999 года один из его американских последователей, Ворд Холмс, посетил Кармапу в Цурпу. «Последнее, что он мне сказал, когда мы расставались, это чтобы я больше не возвращался сюда. Он сказал, что мы встретимся, но не в Тибете, — вспоминает Холмс. — Мне стало грустно. Я подумал, что сделал что-то не так или моя помощь ему больше не нужна».

В начале октября Кармапа призвал к себе своего самого доверенного учителя и помощника, ламу Ньима, и сказал ему, что собирается покинуть Тибет.

ГЛАВА 15

Побег

Гьюто. Ноябрь 2000 года.

Лама Цеванг сказал мне, что мы можем поговорить в его комнате. Одетый в монашескую жилетку-безрукавку, он примостился на своей кровати и налил чай из термоса. Сквозь окно струились лучи послеполуденного солнца.

Был октябрь, сказал он, когда пришёл его друг, лама Ньима, и сказал, что Кармапа рассматривает возможность побега. Как глава монастыря Ньенанг и организатор группы поиска перерождения Паво Ринпоче, Цеванг очень хорошо знал Кармапу.

«Мы с ламой Ньимой очень близкие друзья, и наша дружба основана на доверии, поэтому он рассказал мне об этом. Я отправился в Цурпу повидаться с Кармапой. Я сказал Его Святейшеству: “Мне стало известно, что вы планируете побег. Пожалуйста, подумайте хорошо и тщательно всё взвесьте”. Кармапа ответил: “Конечно”. Потом он добавил: — Думаю, вам сто́ит поговорить об этом с ламой Ньимой. На протяжении многих поколений моя семья испытывала глубочайшую веру и преданность к Кармапам, и 17-й Кармапа также проявлял особую заботу о монастыре Ньенанг. Поэтому моя преданность и доверие к нему абсолютны. Что бы он ни попросил меня сделать, я бы выполнил это не задумываясь. Итак, мы с

ламой Ньимой договорились встретиться в Ахасе. В монастыре он сказал, что заболел и ему необходимо отправиться к врачу в Ахасу. Так он смог покинуть Цурпу, чтобы встретиться со мной. У меня же всегда есть дела в столице — такая у меня работа — и я всегда могу перемещаться свободно. Никому до этого нет дела. Лама Ньима приехал ко мне домой. Разговор был долгим, но мы не пришли ни к какому решению. Он посоветовал, что “найти надёжных и преданных людей, которые могли бы помочь в организации побега, трудно. Мы даже колебались, привлекать ли к этому тебя, потому что ты отвечаешь за монастырь Паво Ринпоче, а также за его воспитание, за школу и так далее. В общем, у тебя хватает забот”. Но я считаю, что Кармапа уезжает в Индию на благо Дхармы и на благо всех живых существ. Я — его ученик и преданный последователь, поэтому я сказал ламе Ньиме: “Если ты хочешь, чтобы я поехал, я поеду. Моя работа в Ньенанге незначительна по сравнению с размахом деяний Его Святейшества”».

И всё же, сказал лама Цеванг, двух человек было недостаточно. Нужны были надёжные люди. Вместе они привлекли к этому делу ещё одного монаха из Цурпу, ламу Цултрима Гьялцена, близкого друга ламы Цеванга. «Итак, теперь нас было трое. И мы решили, что всем сердцем, верой и правдой будем служить Кармапе. И никому не скажем ни слова о побеге, даже если на карту будет поставлена наша жизнь. Таковую мы дали себе клятву».

Они договорились между собой о распределении сфер ответственности. Лама Ньима отвечал за то, чтобы, минув охрану, вывести Кармапу с территории монастыря. Как только стены монастыря останутся позади, задачей Цеванга и Цултрима будет доставить Кармапу до границы и переправить его в Индию. «Во время того разговора, в Ахасе, я сказал ламе Ньиме, что это не детские игры и что задача перед нами стоит сложная. И если мы сами попадём в руки китайцев, то это не страшно — мы люди маленькие,

но для Кармапы это будет чревато серьёзными осложнениями». Затем лама Ньима добавил: «Кармапа обладает особым даром предвидения, он знает события наперёд. Он сказал: “Если я не уеду в этом году, то не смогу этого сделать никогда. Настало время уходить”. Ещё он сказал: “У нас всё получится. Вне всякого сомнения, мы доберемся до Индии”. Я ответил: “Я ученик Кармапы. Если он так говорит, я не раздумывая пойду за ним”. Лама Ньима был очень рад, что я отправляюсь вместе с ними».

Говорят, что ежегодно около трёх тысяч тибетцев совершают опасную для жизни попытку перейти южную границу. Зимний сезон считается лучшим временем для побега.

В самое суровое время года, при температуре ниже нулевой отметки и при постоянном риске схода лавин пограничная охрана наименее бдительна. Оставшиеся в живых после такого путешествия часто лишаются пальцев рук или ног из-за обморожения. Но стихия пугает людей меньше, чем риск быть схваченными.

Ближайший от Цурпу переход через границу находится всего в 320 км от монастыря. Но Цеванг понимал, что если переходить там, то им придётся пересечь скованное льдом ущелье вблизи горы Эверест. Самый прямой путь из Тибета и при этом популярный среди беглецов, был также и самым опасным. Другим вариантом было поехать на запад и пересечь границу Королевства Мустанг, примерно в 640 км от Цурпу, после чего преодолеть горный массив Аннапурна в его северо-западной части. Дорога из Лхасы к границе Мустанга не очень удобна, но вполне проходима, если выбрать подходящий транспорт. Да и сам пограничный пост зачастую пустует. Всего в четырёх часах езды от границы располагается столица древнего Королевства Мустанг — Ло-Мантанг, поселение, раскинувшееся в долине в верховье реки Кали-Гандаки. С 1992 го-

да путешественники могли попасть в этот район только по специальному разрешению, а в южной части долины находится западный отрезок треккерской тропы, проходящей далее по территории Непала вокруг Аннапурны, где можно будет найти приют и транспорт. Именно на этом маршруте и останутся в конечном итоге беглецы.

Пока лама Ньима оставался в Цурпу, рассказывал Цеванг, он и лама Цултрим Гьялцен организовали вылазку, чтобы разведать выбранный ими маршрут. Цултрим сообщил монастырским властям, что ему необходимо поехать в западную часть Тибета, где надо навестить спонсоров монастыря и прочитать для них молитвы долгой жизни. Кроме того, он намекнул, что монастырю требуется новая машина взамен старого разбитого грузовика, которым они обычно пользовались. Лама Цеванг без лишнего шума выдал ему денег для покупки джипа «Тойота». Сам же лама Цеванг был вынужден придумать отдельный предлог, чтобы покинуть Ахасу. Он сказал, что Бокар Ринпоче, который был родом из Западного Тибета, строит там несколько домов и что его попросили присмотреть за ходом строительства и убедиться, что всё идёт нормально. И коль скоро, сказал он, «у меня машины нет, но она есть у ламы Цултрима Гьялцена, мы поедем вместе».

Получив разрешение, монахи отправились в сторону Западного Тибета по запланированному маршруту, внимательно отмечая любые потенциальные трудности, поджидающие их на пути, — такие, как контрольно-пропускные пункты дорожной полиции и военные лагеря. Приблизившись к границе с Мустангом, они заглянули в Кьюг Гомпа — представительство Цурпу, которым руководил лама Пема. Цеванг объяснил ламе Пема, что они проводят пуджи в разных монастырях для преодоления препятствий в связи с предстоящим возведением на трон Паво Ринпоче. «Затем я сообщил ему, что в Мустанге у меня есть родственники и я бы хотел их навестить, но для

этого мне нужно специальное разрешение. Не мог бы он мне помочь с этим? Лама Пема сказал, что поможет. Нам нужно было пойти в военный лагерь и получить специальный пропуск на четверых человек: на нас троих и водителя. Лама Пема показал, куда идти». С китайским пропуском на руках группа направилась через границу в Мустанг.

В Ло-Мантанге лама Цеванг нашёл своих родственников. Он сказал им, что скоро у него может возникнуть необходимость попасть в Непал, но у него нет китайского загранпаспорта. Помогут ли они ему? Те ответили, что да. «Сохранив пропуск, выданный мне ламой Пема, мы вернулись в Тибет. Лама Пема поехал в свой монастырь, а лама Цултрим и я — в Цурпу. На протяжении всей поездки я отмечал все дорожные посты, фиксируя количество солдат, время отбоя, куда они уходят со своих постов, и многое другое. При этом я ничего не записывал, полагаясь только на свою память». Вернувшись в Ахасу, Цеванг встретился с ламой Ньимой и рассказал ему о поездке. В это же время в Цурпу Цултрим Гьялцен подробно передал Кармапе всё, что им удалось выяснить. «Сразу Кармапа ничего не сказал, он просто выслушал, но решения не принимал. Мы ждали пару дней, понятия не имея о том, что будет дальше. Затем раздался телефонный звонок, вызывающий меня в Цурпу. Я встретился с Кармапой, и он спросил меня: “Как там? Что с дорогой?” Я описал ему ситуацию и сказал Его Святейшеству: “Поедем мы или нет — выбор за вами. Чтобы вы ни решили, мы готовы отдать за вас свою жизнь”. На что Кармапа сказал: “Еду. Готовьтесь”. И я немедленно вернулся в Ахасу».

Вместе с ламой Ньимой он приступил к завершающей стадии организации побега. Телефонная линия Ахаса — Цурпу прослушивалась, сказал он, и они изобрели свой код для общения, основанный на коммерческой лексике. «Мы могли, к примеру, сказать, что если мы не совершим сделку в кратчайшие сроки, то не получим товара». Це-

ванг тоже готовился к отъезду. Хотя у него был собственный бизнес, сказал он, богатым человеком он не был. Он потратил свои деньги на строительство дома в Ахасе, а также постройку жилищ для монахов вблизи монастыря Ньенанг. И теперь он начал одалживать деньги где только мог, чтобы не оставить монастырь и школу в сильной нужде. «Я сказал им, что должен уехать по делам, и дал им денег, которых должно было хватить на еду на полгода, а также оставил немного на жизнь учителям». Цеванг заготовил провизию и для путешествия, купил одежду и одеяла, в то время как лама Цултрим провёл последний перед поездкой осмотр машины, прежде чем в полной готовности вернуться в Цурпу.

За несколько дней до этого Кармапа сообщил администрации монастыря, что с 27 декабря уходит на двадцать один день в уединённый ретрит. Такая практика не являлась чем-то необычным. Во время ретрита охрана и соглядатаи в монастыре не следят за его передвижениями. При счастливом стечении обстоятельств это давало Кармапе запас времени для побега, поскольку его длительное отсутствие не вызовет подозрений. Согласно плану повар Тубтен будет продолжать приносить еду и напитки в комнату Кармапы, как если бы он был там. А лама Ньима, который часто оставался в покоях Кармапы, будет в определённое время звонить в колокольчик и использовать дамару, ритуальный ручной барабанчик, а также получать танки и защитные верёвочки для благословения Кармапой, как если бы тот был на месте.

Второго декабря 1999 года лама Цеванг позвонил Кармапе в Цурпу. «Я спросил у него, готовы ли деньги, которые он хотел одолжить своему другу?» Кармапа сказал: «Да, всё упаковано и готово к отправке». На следующее утро Кармапа ушёл в ретрит. Лама Ньима из Цурпу позвонил Цевангу: «Сегодня в пол-одиннадцатого вечера по китайскому телевидению будут показывать специаль-

ную передачу. Не хочешь посмотреть?» На самом деле он передал время, когда Кармапа отправляется в путь.

Лама Цеванг замолчал. В дверь постучали, и в комнату вошёл ещё один монах. Это был Друбнгах, распорядитель Кармапы. Он тоже совершил путешествие из Тибета, хотя, глядя на него, такого крохотного, тщедушного и хрупкого, просто не верилось, что он преодолел почти полторы тысячи километров, пройдя через самые суровые территории, существующие на земле, и остался в живых. Тибетцы — удивительно выносливый народ, и в худощавом теле Друбнгахка чувствовался стальной стержень. К его монашескому одеянию был приколот значок с изображением Кармапы. Лама Цеванг лёгким кивком головы указал ему место на кровати. Старый монах примостился в уголке, по-птичьи вытянув шею, и принялся перебирать чётки, внимая рассказу Цеванга.

28 декабря в девять часов вечера, продолжал Цеванг, он покинул Ахасу на такси, загруженном провизией, необходимой для их путешествия. С ним был его водитель. «Я сказал ему, что уезжаю по делам и что он мне нужен». Выехав из Ахасы, они взяли курс на Шигаце. На пересечении с дорогой, ведущей в Цурпу, они остановились и стали ждать. Как только стрелки часов перевалили за половину одиннадцатого, раздался звонок на мобильный Цеванга. «Это был лама Ньима. Он сообщил, что цель достигнута».

За полчаса до этого в своих личных покоях Кармапа и Друбнгах расстались с монашескими одеяниями. Кармапа облачился в толстый пуховик и коричневые брюки. Шерстяной шарф скрывал нижнюю часть лица, шапка была глубоко натянута на уши, а очки ещё больше изменили его внешность. На столике в своей комнате Кармапа оставил письмо, написанное заранее, где он объяснял причины своего побега. Он писал, что его отъезд никак не связан с неприязнью к китайской нации; он уезжает,

так как хочет продолжить своё духовное образование. Он уже не раз просил дать разрешение на приезд его учителей, но все просьбы были отклонены. Вместе с этим письмом он также оставил ещё одно, полученное от Далай-ламы несколькими годами ранее, в котором Далай-лама особенно подчёркивал важность обучения и служения буддийскому учению на территории Тибета. Открыв дверь, Кармапа и Друбнгахк неслышно проскользнули из комнаты вниз по ступенькам на следующий этаж. Спешно миновав комнату для аудиенций, где Кармапа обычно принимал посетителей, они скрылись в складском помещении. Отсюда окно выходило на крышу соседнего здания, храм божеств-защитников. Выбравшись через окно, они спрыгнули прямо на крышу и замерли.

Я бросил взгляд на Друбнгака. Он слушал внимательно и кивал, подтверждая рассказ Цеванга.

«Ночь выдалась очень холодная», — продолжал Цеванг. Большая часть монахов была на занятиях, как всегда по вечерам. Те же, кто не занимался, последовали совету ламы Ньима: в такую ночь нет ничего лучше, чем вместе с китайскими охранниками собраться перед телевизором за тарелкой горячего супа. От крыши алтарной комнаты до узкого прохода, ведущего во внутренний двор монастыря, их отделял один прыжок, примерно с трёхметровой высоты. Только Кармапа и Друбнгахк приготовились прыгнуть, как услышали голос ламы Цултрима. Ожидавший их внизу во дворе лама Цултрим Гьялцен увидел внезапно появившегося откуда-то монаха. Быстро сообразив, что делать, он крикнул ему: «Ты не видел моего водителя?» Кармапа с Друбнгаком застыли на крыше как вкопанные. Снизу до них донеслись обрывки фраз, и затем монах вернулся в дом. Бесшумно спрыгнув в проход, беглецы бросились к поджидавшей их машине.

«Лама Цултрим Гьялцен ждал в автомобиле прямо за монастырём, — сказал Цеванг. — Все считали, что он от-

правился в Западный Тибет для чтения молитв о процветании спонсоров монастыря. Должно быть, с нами было благословение Кармапы, так как начальник полиции Цурпу в это время был в отпуске. А в отсутствие начальника его сотрудники не особенно усердствовали в несении службы». Он засмеялся. «Такси я уже отослал обратно, и мы с водителем ждали на перекрёстке. Затем подъехала машина с Кармапой, ламой Цултримом Гьялценом, Друбнгаком и их водителем. Перед самым их приездом я сказал своему шофёру: “Вообще-то я еду в Индию!” Тот остолбенел. Я сказал: “Тебе решать, хочешь — оставайся, хочешь — поехали со мной”. Тогда он ответил: “Ладно. Я еду”. Другому водителю лама Ньима сообщил ту же новость, только утром в день отъезда. Так что никто ничего не знал до самой последней минуты». Теперь, когда все были в сборе, машина, набирая скорость, направилась в сторону Шигаце. Кармапа вместе с Цевангом и Друбнгаком сидели на заднем сиденье, а лама Цултрим и два водителя, Таши и Даргье, — на переднем. В дневное время суток Шигаце — многолюдный город, кишачий китайскими полицейскими. Но посреди морозной ночи улицы города были совершенно безлюдны, и машина проехала его не останавливаясь. «На другом конце города шоссе раздваивается, — рассказывал лама Цеванг. — Одна дорога ведёт в Драм. Этот путь выбирает большинство путников, держащих курс на Непал. Другая — в Западный Тибет. Именно этот маршрут и был нам нужен. Обычно на развилке стоит патруль, а дороги перекрывают опущенные шлагбаумы. Полицейские проверяют разрешения у пассажиров и пропуск, выписанный на транспортное средство. Нам несказанно повезло: шлагбаум на дороге в сторону Непала был опущен, а на дороге, ведущей в Западный Тибет, — поднят. И вокруг — ни души». Он перевёл дыхание. «Это было благословение Его Святейшества».

Друбнгах внимательно слушал рассказ Цеванга, перебирая бусины чётки, и хранил молчание. Но в этом месте он кивнул головой и улыбнулся в знак согласия: «Благословение Его Святейшества».

Весь следующий день они ехали к границе, останавливаясь только для того, чтобы водители поменялись местами. В сумерках подъехали к Брахмапутре, большой реке, пересекающей почти весь Южный Тибет. Более часа ушло на то, чтобы найти кого-нибудь из местных и выяснить, где лёд был достаточно прочным, чтобы выдержать вес джипа, и затем проехать по этому скользкому маршруту. Ещё час был потрачен на то, чтобы снова выбраться на дорогу на другой стороне реки. Был уже поздний вечер 29 декабря, когда они подъехали к границе, к тому месту, которое, как предполагал лама Цеванг, будет самым опасным отрезком их пути: нужно было пройти через военный лагерь Дранго.

«Охрана лагеря обычно не ложится спать до половины второго ночи. Поэтому мы остановили машину и стали ждать, — рассказывал лама Цеванг. — И как правило, охранники стоят у дороги, но в ту ночь было так холодно, что они сидели в будке, находившейся неподалёку. Наконец мы решились ехать, но у меня вдруг возникло какое-то плохое предчувствие, и мы снова остановились. Габаритные огни автомобиля мы выключили, чтобы нас не было видно. Потом мы разделились: я взял с собой Кармапу, Друбнгака и водителя Даргье, чтобы подняться пешком вверх по холму. А лама Цултрим с водителем Таши должны были медленно ехать вперёд. Мы обойдём гору и встретим их на другой стороне. Луны в ту ночь не было, и тьма стояла кромешная». Как только машина исчезла в ночи, Кармапа и его сопровождение отправились в обход военного лагеря. На ощупь, в полной темноте карабкались они вверх по склону, спотыкаясь, натываясь на камни, продираясь сквозь колючие кустарники, которые

впивались в руки и рвали одежду. Прошло около четырёх часов, прежде чем, измученные, все в ушибах, они смогли наконец спуститься вниз по другую сторону холма и снова выйти на дорогу.

Но дорога была совершенно пустой. Где остальные? «Моей первой мыслью было, что китайцы что-то заподозрили и их арестовали», — продолжал лама Цеванг. Оставалось на выбор три варианта: пойти в обратную сторону по дороге, рискуя быть схваченными, остаться ждать на месте или же идти дальше вдоль дороги, надеясь, что машина просто проехала далее намеченной точки. Решили идти вперёд в сторону границы, опасаясь, что в любой момент нагрянут китайские солдаты. И через час заметили мерцающие в темноте фары стоящего впереди автомобиля! Это была их «Тойота». «У нас камень упал с души, — сказал лама Цеванг, — ведь мы уже считали, что их схватили. В то время как лама Цултрим Гьялцен и водитель думали, что схватили нас! Так что мы сильно поволновались друг за друга».

Спустя два часа подъехали к Чонгья, следующей развилке на дороге. Правое ответвление вело на запад — по ней путешественники попадают к священной горе Кайлаш, а левое, южное — в Мустанг. Здесь группе беглецов пришлось миновать ещё один небольшой армейский пост, но дорога была свободна, и удалось проехать без помех. Затем беспрепятственно пересекли границу, отмеченную одним-единственным камнем. Но при съезде вниз по ледяному переезду колесо джипа намертво застряло в яме. Двигаться далее стало невозможно. Другого выхода, кроме как взвалить на себя ту провизию, которую можно унести, и отправиться пешком, у них не оставалось. Наконец добрались до деревушки Нечунг, где проживал родственник ламы Цеванга. «Была поздняя ночь. Нам пришлось поднять беднягу с постели. Я сказал ему, что мы едем в паломничество в Непал и нам нужны ло-

шади. Довольно быстро удалось всё организовать». Водители и родственник Цеванга отправились вытаскивать застрявшую машину из ямы, чтобы оставить её потом у кого-нибудь из местных. Цеванг проинструктировал родственника, чтобы тот берёт машину в целости и сохранности до его возвращения. «Я сказал: “Хорошо приглядывайте за машиной, потому что она будет нужна мне на обратном пути” — и дал родственнику немного денег. Если бы я сказал, что машина больше не понадобится, это могло бы вызвать подозрения».

Далее Кармапа, Друбнгах, Цултрим и Цеванг отправились в Ло-Мантанг, в дом ещё одного родственника ламы Цеванга, которого тот навестил ещё в прошлую поездку. Здесь, впервые с момента отъезда из Цурпу, они смогли наконец выспаться. «Мои родственники стали интересоваться, кто это со мной, — рассказывал лама Цеванг. — С ламой Цултримом всё было понятно: он — монах из Цурпу; к тому же они его уже встречали раньше. Что касается Друбнгака, я сказал, что он нярпа, т. е. человек, который присматривает за имуществом в монастыре. Водители — это водители, с ними всё ясно. А про Кармапу я сказал, что он один из моих молодых послушников из монастыря Ньенанг. Все мы были одеты в мирскую одежду. Мне нужно было играть роль старшего ламы, а все остальные были обязаны держаться как более низкие по рангу. Кармапа подносил мне чай и подавал одежду. Он отлично справлялся со своей ролью! Когда нам нужно было поговорить с ним наедине, мы переходили на китайский, который оба хорошо знаем. Многие жители деревни заходили с нами повидаться. Они знали, что я большой лама, поэтому говорили: “Нам так хотелось бы увидеть Кармапу. Может, когда-нибудь в будущем мы сможем приехать в Цурпу... Помогите нам встретиться с ним, чтобы установить кармическую связь”. Я отвечал им: “Не сомневайтесь, Кармапу вы непременно встретите!”»

На следующее утро, найдя проводника из местных жителей, вся группа отправилась в путь верхом на лошадях. «Путь в долину занял целый день, — продолжил свой рассказ лама Цеванг. — Тропа была трудной и очень извилистой. Иногда мы ехали верхом, а иногда приходилось идти пешком, ведя лошадей следом». Примерно в половине одиннадцатого вечера они подошли к небольшой деревне, стоявшей на распутье. Одна тропка вела на юг, в Джомсом, один из крупных городов королевства Мустанг. Вторая вела на восток, через грозный перевал Торонг-Ла и далее в Мананг. В последние годы этот маршрут был открыт для опытных треккеров из западных стран. Однако путеводители серьёзно предупреждали о трудностях прохождения через перевал Торонг-Ла, о возможности схода лавин, о горной болезни и риске погибнуть в этом суровом высокогорном районе. Сезон переходов обычно завершается к ноябрю, и единицы рискнут взойти на перевал в середине зимы. Но именно этот маршрут выбрали Кармапа и его спутники.

«Проводник считал, что идти через столицу слишком опасно, — продолжал Цеванг. — Он сказал, что надо двигаться через перевал в Мананг и там арендовать небольшой вертолёт. Но для вертолёта нас было слишком много. Поэтому водители, которые помочь нам больше не могли, отправились в Джомсом, а Кармапа, Друбнгах, Цултрим Гьялцен и я пустились в путь в сторону Мананга. У нас было немного еды, и, прошагав целую ночь и весь следующий день, мы подошли к горе высотой 6 тысяч метров, которую нам предстояло преодолеть. И снова дорога стала очень трудной. Где-то получалось ехать верхом, где-то можно было идти только пешком. Когда мы перебрались через перевал, нас ожидал изматывающий спуск. Это была крайне опасная горная тропа. Удобно усевшись на лошади, можно провалиться в сон — и тогда прямая дорога вниз со скалы. Так что никакого сна. Нам всё время приходилось

быть начеку. У Его Святейшества было расстройство желудка, поэтому он плохо себя чувствовал. В общем, здесь сказались всё вместе: и экстремальная высота, и отсутствие сна, и тяготы пути. А также плохая еда».

Цеванг замолчал и потянулся за стаканом воды. За окном уже сгустились сумерки. Друбнгах привстал с кровати и включил свет, затем снова уселся на прежнее место, продолжая методично перебирать чётки. Лама Цеванг говорил уже почти час, не разрешая перебивать себя и упреждающе поднимая палец всякий раз, когда я пытался вклиниться с каким-нибудь вопросом. Но здесь у меня получилось спросить его, как им удавалось поддерживать бодрость духа во время такого тяжёлого испытания.

Он улыбнулся: «Если бы мы были западными людьми, то в подобной ситуации наш моральный настрой был бы хуже некуда и мы бы старались как-то приободриться. Но для нас уныние означало бы, что мы сомневаемся, думаем, что мы совершили ошибку, решившись на побег. А у нас не было сомнений. Ничего подобного нам и в голову не приходило. И всё же нас терзало беспокойство. Мы тревожились за здоровье Его Святейшества, думали о том, что случится, если ему станет хуже, и что мы бы могли для него сделать. Мы также опасались, что китайцы узнают о побеге и попытаются нас схватить. Глядя на Кармапу и осознавая, что он — Будда в человеческом облике, видеть, как в таком юном возрасте он претерпевает суровые испытания ради блага всех живых существ, — это причиняло мне душевную боль. Я плакал, видя, как Его Святейшество изо всех сил старается держаться на ногах. В какой-то момент, когда он шёл впереди, он оглянулся на нас и сказал: “Мы идём на свободу!” Он пытался нас приободрить. Он сказал: “Вам приходится ползти на четвереньках. Побег — не самое приятное времяпрепровождение. Это как раз тот случай, когда нам приходится столкнуться с настоящими трудностями”».

И в этот момент впервые заговорил Друбнгах: «Его Святейшество спас мне жизнь. Это было ночью; мы двигались по узкой тропе, проходя тот перевал. Идти было очень тяжело, и я поскользнулся. Я вскрикнул, Кармапа схватил меня за руку и спас мне жизнь».

Цеванг закивал головой и продолжил свой рассказ. Пройдя через перевал и оказавшись по другую сторону горы, сказал он, они наконец достигли Мананга и остановились на ночь в приюте для путешественников. Оттуда проводник позвонил в Джомсом и заказал вертолёт. В этом районе, где нет дорог, вертолёты — это, как правило, списанные военные машины российского производства — излюбленный вид транспорта. Оттуда же лама Цеванг позвонил ближайшему помощнику Тай Ситупы — ламе Тенаму, чтобы рассказать ему о побеге и договориться о том, как связаться с ним в Индии. Он также рискнул позвонить в Цурпу, в комнату Кармапы, чтобы проверить, всё ли в порядке у ламы Ньима. На другом конце линии ответил незнакомый голос. Цеванг сразу же повесил трубку. Теперь было понятно, что о побеге уже знают. Вертолёт прибыл на следующее утро в девять.

Потребовалось два перелёта, чтобы добраться до ещё одной туристической базы в Нагаркоте, рядом со столицей Непала — Катманду. Распрощавшись с проводником, они взяли такси и, подкупив индийских пограничников, в ночь на 3 января пересекли индийскую границу в местечке Роксал. Оттуда беглецы направились к ближайшей железнодорожной станции в Горакпуре, где сели на поезд, следующий в Лакнау. Там, в отеле, их приветствовал лама Тенам. Едва отдохнув, они заказали два такси, которые за ночь довели их до Дели. Потом двенадцатичасовое путешествие на север уже в другом такси — и, на последнем дыхании, они прибывают в Дхарамсалу. По иронии судьбы в конце пути в почти полторы тысячи километров трагедия чуть не подстерегла их всего лишь в нескольких

часах езды от места назначения: машину, на которой они ехали, занесло и выбросило в кювет. К счастью, никто не пострадал, и они задержались ровно на столько, сколько времени ушло, чтобы вызвать другое такси. И наконец, 5 января в 7.30 утра такси проползло последний отрезок полной выбоин дороги, ведущей к отелю «Бхагсу» в Верхней Дхарамсале. Так закончилось это эпохальное, полное опасностей путешествие через Гималаи.

«Находясь рядом с Его Святейшеством в Тибете, я понимал, что он всеведущ, я воспринимал его как Живого Будду, — говорил лама Цеванг. — И после всех тех испытаний, которые выпали на нашу долю, всего того, через что мы прошли, моя вера и преданность лишь укрепились. Обычно, когда люди мало чего знают о буддизме, они, услышав истории о великих ламах, способных летать, оставлять отпечатки рук на камнях или творить другие чудеса, думают: “Да неужели?...”» Он рассмеялся: «Но я сам был рядом с Кармапой, я мог наблюдать его долгое время, и я знаю, что это правда. Например, тот перевал в Мустанге. В предыдущем году там шли мощные снегопады и дули такие сильные ветры, что детей приходилось привязывать верёвками, чтобы их не унесло. Сугробы были настолько глубокими, что невозможно были идти. А когда мы шли через перевал, не было ни ветра, ни снега! Обычно там проверяют пропуска и выставляют блокпосты. В этот раз не было никого, и шлагбаумы были подняты. Всё это было знаком деяний Кармапы. Я действительно планировал побег и сопровождал Его Святейшество. Но именно он принимал все решения в пути. Именно благодаря ему наш план увенчался успехом.

Обычным людям приходится сначала учиться, а потом уже можно сказать, что они что-то знают. И чтобы добиться этого, им необходимы прилежание, трудолюбие и ясный интеллект. Некоторые люди очень старательны, но им не хватает ясного понимания; другие об-

ладают умом, но им недостаёт прилежания. Не часто оба эти качества идут рука об руку. Гьялва Кармапа, несмотря на свой юный возраст, просто необычайно прилежен, очень старателен и усерден. И объясняется это тем, что он трудится на благо учения Будды и на благо всех живых существ, и, постоянно держа эту цель в уме, он просто горит усердием. Что касается его интеллекта, то у него светлейший ум. Когда речь идёт о Кармапе, то мы говорим о воплощении просветлённых качеств тела, речи, ума и деяний будд трёх времён и десяти направлений. Или же можно сказать, что Кармапа — это сущностный ум, средоточие сознания всех будд и бодхисаттв — их умы неразделимы. Он обладает невероятным трудолюбием, и ум его непостижимо велик, и эти качества в нём неразделимы».

Лама Цеванг замолчал. Наступил вечер, и пора было ужинать. Оба монаха поднялись со своих мест. Друбнгах спросил меня, знаю ли я о том, что Кармапа заранее ничего не рассказывал своим родителям о побеге. Он сказал: «Не говори им, что я уезжаю... Они будут волноваться». Он переживал, что они будут беспокоиться, и считал, что лучше им ничего не знать. Проявление таких качеств, присущих великому уму, принявшему рождение в этом мире, является естественным знаком, по которому можно распознать благородную личность».

Я спросил Друбнгака, переживал ли он сам. «Меня терзало сильное беспокойство, так как я покидал родину и ехал в Индию, страну, в которой раньше никогда не бывал. Но мой долг всегда быть рядом с Кармапой, куда бы он ни отправился».

Я также поинтересовался у самого Кармапы, было ли ему страшно во время побега.

Он задумался на мгновение: «Вообще-то... Я не тот, кто боится умереть...» — «Но наверняка были моменты,

когда вам казалось, что вы не доберётесь до Индии» — «Это точно.

Побег создаёт много беспокойства в уме. Необходимо тайком пересечь границы и каждый раз нужно тщательно всё взвесить, так как можно попасться в руки военных или полиции не только на территории Тибета, но в самом Непале. Следует понимать, как правильно поступить в каждой ситуации: то ли действовать с помощью денег, то ли искать особый подход к человеку, то ли каким-то иным образом. По множеству разных причин в уме поселяется страх. В том числе и страх перед грозной стихией гор».

Было ли так необходимо покидать Тибет именно в тот момент?

Кармапа подумал. «Да, это было необходимо. Я понял, что, когда стану старше, китайские власти могут забрать меня в Пекин. Сейчас я ещё слишком молод, и поэтому им от меня не так много пользы. Но по достижении мною зрелого возраста всё стало бы совсем по-другому. Мне бы вменили определённые обязанности, связанные с политикой и борьбой китайского правительства против Его Святейшества Далай-ламы. А мне бы этого очень не хотелось. Я мог бы много чего ещё рассказать о моей жизни в Цурпу, но сейчас не время. Это может поставить под угрозу тех, кто остался в Тибете». Он бросил взгляд в сторону охраны в дальнем углу комнаты.

Что же стало с его родителями?

После побега Кармапы Китай объявил о том, что его родители покинули Лхасу и вернулись в родной Кхам. И больше никаких известий от них он не получал.

Тень печали пробежала по его лицу. «Мои родители — люди очень добрые и сейчас уже достаточно пожилые. Надеюсь, что однажды я смогу их снова увидеть... Всё зависит от кармы, но я молюсь и верю, что увижу их вновь».

Спустя почти год после того эпического перехода через Гималайский хребет мало что изменилось. Кармапа бежал из тибетского заточения и попал в весьма схожую ситуацию в Индии, оказавшись за стеной молчания и неопределённости. Индийское правительство всё ещё не определилось с его статусом. Согласно закону об иностранцах, проживающих в Индии он оставался лицом без статуса, т. е. не являлся ни беженцем, ни индийским гражданином. Кармапе всё ещё было запрещено выезжать в Румтек по причинам, которые индийское правительство отказывалось официально комментировать. Несмотря на несколько допросов в индийской секретной службе о причинах его побега, невзирая на просьбы и увещевания Далай-ламы, а также обращения правительства штата Сикким, индийское правительство в Дели, казалось, всё ещё имеет определённые подозрения как относительно самого побега Кармапы, так и относительно стоявших за ним мотивов, а также опасается возможных последствий его восшествия на трон в таком крайне беспокойном районе, как Сикким.

В личном письме премьер-министру Индии Бихари Ваджпайи Кармапа попытался рассеять опасения индийского правительства, в который раз ссылаясь на тот факт, что он покинул Тибет «по собственному желанию», намереваясь отправиться в Сикким, в Индию, чтобы выполнить желания своих многочисленных последователей. Такая осторожная формулировка и тщательный подбор слов свидетельствуют о том, что Кармапа осознавал все политические нюансы и подтекст происходящего. Но запрет на выезд всё ещё оставался в силе.

Сказались годы козней и пересудов, которые окружали Кармапу и Тай Ситу, вызывая к жизни фантом «китайского заговора». У индийского правительства была и ещё одна причина занять уклончивую, выжидательную позицию. Судебным разбирательствам по иску, поданному Шамарпой против Гьялцаба Ринпоче и сиккимско-

го правительства и требующему признания за ним права собственности на Румтек, не было видно конца. Шамар продолжал делать всё возможное, чтобы не дать Кармапе вступить во владение монастырём своего предшественника, а также заявлял свои права на главную святыню карма-кагью — Чёрную корону.

К этому постепенно добавился ещё один клубок интриг и домыслов: слухи о том, что содержание Кармапы под неусыпным контролем в Гьюто на руку не только индийскому правительству, но и Тибетскому правительству в изгнании. Выступая с открытыми обвинениями в «заговоре» против школы карма-кагью, Шамар Ринпоче и его последователи окончательно рассорились с Далай-ламой и тибетским правительством. Определённые сомнения в намерениях гелугпинцев и Правительства в изгнании всё ещё витают даже в среде некоторых последователей Ургьена Тинлея, которые почитают Далай-ламу как высшего духовного лидера Тибета и с радостью встретили одобрение им кандидатуры Ургьена Тинлея в качестве нового Кармапы. Подобные рассуждения я постоянно слышал в ресторанах и чайных Дхарамсалы. За всем этим стоит следующая идея: вместо того чтобы позволить Кармапе развивать в себе качества самодостаточного и независимого духовного лидера, Правительству в изгнании выгоднее держать его под присмотром и воспитывать в нём будущего преемника Далай-ламы с тем, чтобы впоследствии он не только встал во главе тибетского буддизма во всём мире, но и возглавил движение за независимость Тибета. По этому сценарию Кармапа якобы променял одну политическую тюрьму на другую: вырвавшись из-под китайского контроля в Тибете, он стал объектом манипулирования Тибетского правительства в изгнании в Дхарамсале.

Для тибетцев кончина Далай-ламы — событие печальное, но, как это ни прискорбно, неизбежное — является чем-то невообразимым, об этом трудно даже подумать.

Более сорока лет этот человек, имея в своём активе лишь непоколебимую силу духа и безмерное обаяние, не только боролся за свободу Тибета, но и неустанно привлекал внимание мировой общественности к тяжёлой судьбе тибетского народа. Он находится в окружении безликих бюрократов, чьи способности и мотивации разнятся, а сам вопрос «тибетского национализма» — это немислимое эклектическое нагромождение плохо согласующихся друг с другом взглядов и планов — держится как целое только благодаря всеобщему уважению и непрекаемому авторитету, которым пользуется Далай-лама. Болезненно осознавая собственную смертность, а также ту сумятицу и тревожную неопределённость, которые последуют за его уходом, Далай-лама в последние годы стремился значительно уменьшить свою роль в тибетской политической жизни, постепенно выводя Правительство в изгнании на путь демократии. Он ввёл систему прямых выборов, призванную обеспечить плавный переход и преемственность власти после его смерти. Он ясно дал понять что, после того как его не станет, функция Далай-ламы в качестве временного правителя тибетского народа исчезнет навсегда и что отныне роль будущих Далай-лам будет сугубо духовной. С тем чтобы пресечь попытки китайских властей в будущем использовать его духовное положение, он публично заявил о том, что не будет перерождаться в оккупированном Тибете.

Кто же тогда заполнит пустующее место? Даже если запланированный Далай-ламой переход тибетской диаспоры на демократические принципы управления окажется успешным, политическая жизнь тибетцев настолько расколота давними региональными распрями, что найти политика, подобного Далай-ламе, который бы пользовался всеобщим уважением и искренней любовью тибетского народа и который действительно встал бы во главе всего «тибетского движения», просто невозможно.

В кафе в Дхарамсале один молодой политический активист, последователь школы кагью, разложил всё по полочкам: «Даже и не тешьте себя иллюзиями о единстве тибетской общины в изгнании. Предположим, Далай-лама умирает. И какой-нибудь харизматичный политик, хороший лидер, скажем, из У — центральной части Тибета — приходит к власти. Не думаю, что беженцы из регионов Кхам и Амдо будут этому очень рады. При таком положении дел, друг мой, только по-настоящему сильная и значимая религиозная фигура будет способна снискать всеобщее уважение, став бесспорным лидером тибетского народа и выразителем их чаяний». Таким человеком является Кармапа. «Харизматичная личность, Кармапа, принимаем всеми. Об этом знает как Далай-лама, так и его Правительство в изгнании. Они видят, что Кармапа достаточно зрел, чтобы взять на себя этот груз. Он молод и умён. Далай-ламе нужно вывести его на нужный путь, подучить, а потом он может спокойно покинуть этот мир. Далай-лама стремится держать Кармапу при себе, чтобы обеспечить себе политического преемника. Но такова цель других людей, и это никак не входит в намерения самого Кармапы. Исторически Кармапы никогда не были политическими правителями Тибета, они всегда оставались только духовными учителями. Они никогда не жаждали власти».

Версия о том, что Кармапу намеренно удерживают рядом с Далай-ламой для обеспечения преемственности руководства, имеет и своё продолжение: раз Кармапе запрещено посещать не только Румтек, но более того и Шераб Линг монастырь его старшего регента Тай Ситупы, — то самое простое тому объяснение: что со стороны индийского правительства сохраняются подозрения относительно Тай Ситу. Это результат распространявшихся против него слухов, которые на какое-то время даже привели к наложению запрета на его пре-

бывание в Индии. Но, как кем-то было замечено, этот запрет уж очень удачно совпадал с интересами правительства в изгнании. Конфликт между Шамарпой и Тай Ситупой не пошёл на пользу тибетскому буддизму. И кто бы ни был виноват в этом конфликте, публичное присутствие такой противоречивой фигуры, как Тай Ситу, в близком окружении Кармапы было не самым желательным моментом с точки зрения пиара и грозило подпортить имидж тибетскому буддизму в глазах общественно-го мнения. Именно по этой причине, как говорят, Тай Ситу практически перестал появляться в жизни Кармапы. Он продолжает посещать учения в Гьюто, но его редко видят рядом с Кармапой во время публичных выходов и церемоний.

Насколько можно доверять этой паутине версий и интерпретаций, сплетённой из всевозможных домыслов и слухов? Однажды во время ужина один из старших чиновников Тибетского правительства в изгнании, глубоко вздыхая и с болезненным выражением лица размышлял об этих обвинениях. Мысль о том, что из Кармапы «лепят» будущего политического лидера и что у правительства в изгнании «зреет план» взять лам линии кагью под свой контроль, он назвал абсолютной чепухой. «Что касается нашей позиции, то мы не раз публично заявляли о том, что существует только один Кармапа и что Румтек является его законным местом пребывания. Поэтому будет справедливо и правомерно, чтобы он отправился туда, как только это станет возможно. Такова наша официальная позиция, такова правда. И второй момент... У Тай Ситу Ринпоче особые взаимоотношения с Кармапой, а Шераб Линг — монастырь этой линии, поэтому Кармапа имеет полное право как посещать это место с визитами, так и пребывать там постоянно. Мы так считаем и на том стоим. Но в настоящее время индийское правительство не может с этим согласиться...»

Он сделал паузу, тщательно подбирая слова. «Это всего лишь личная точка зрения. Но между Шамаром и Ситу Ринпоче налицо разногласия. По сути, в связи с тем, что Кармапа был признан Далай-ламой, причин для подобных разногласий быть не должно. Но, с другой стороны, кажется, существует некая... борьба. Поэтому вполне возможно, что индийское правительство желает видеть Кармапу вблизи Далай-ламы, подальше от всех этих проблем. Так им, скорее всего, спокойнее. Если бы Кармапа ездил в Шераб Линг, его бы ассоциировали с Тай Ситу. Мы зависим от воли индийского правительства, а там считают, что, пока ситуация не прояснится, Кармапе уместнее оставаться в Гьюто».

Он снова вздохнул. На протяжении вот уже сорока лет Тибетское правительство в изгнании поддерживает конструктивные рабочие отношения с правительством Индии. «У нас есть взаимопонимание. Если там считают, что необходимо что-то сделать, то мы не можем заявить, что не хотим этого. Но как только индийское правительство предоставит Кармапе свободу передвижения, он сможет немедленно отправиться как в Шераб Линг, так и в Румтек. Впрочем, чего они захотят от Кармапы — это не нам решать...»

Плана же подготовить Кармапу в качестве преемника Далай-ламы никогда не существовало. «Что касается Далай-ламы, то наша конституция даёт точные указания на предмет политического управления: в отсутствие Его Святейшества будет осуществляться коллективное руководство на основе демократических выборов. Примерно через год будет найдено его воплощение, поэтому весь фокус религиозной преемственности будет сосредоточен на его новой инкарнации, а между тем тибетское правительство будет осуществлять политическую власть. Поэтому вакуума власти не будет. Естественно, нам будет очень не хватать Его Святейшества 14-го Далай-ламы. Но что

касается единения тибетского народа, то он, безусловно, пребудет с нами в качестве фокуса нашего ментального и эмоционального единства. Его Святейшество — фигура настолько важная, и его влияние столь велико, что, я думаю, наш народ сможет сохранить своё единство».

Он помолчал. Если говорить о Кармапе, его роли и участии в тибетской политике, то этот вопрос следует оставить на его собственное усмотрение. «Кармапа сильно обеспокоен политическими проблемами. Он очень предан интересам тибетского народа и имеет сложившееся мнение по всем вопросам. Но о том, чтобы мы специально готовили его к этому, и речи не идёт. Наш долг и обязанность — всего лишь хорошо заботиться о нём. И, кроме того, он должен принять на себя собственные религиозные функции в качестве Кармапы — главы школы карма-кагью. Мы никогда не будем пытаться помешать ему в этом».

Впрочем, каковы бы ни были слухи, сам Кармапа открыто заявил о своей верности Далай-ламе и преданности делу независимости Тибета. Он и не скрывал, что побег в Индию был отчасти вызван его желанием быть ближе к Далай-ламе. Во время своего путешествия через Гималаи Кармапа сочинил стихотворение «Радостное устремление», которое было опубликовано сразу после его приезда. Там есть несколько трогательных строф, посвящённых Далай-ламе:

«Вдохновляя торжества добродетелей в Стране снегов,
Ты, Величайший, держишь в руке своей чистый белый
лотос,
Излучающий красоту всех благих качеств.
Ты — сокровище, отрада для взора.
Да будет жизнь твоя долгой и
Нерушимой, как Алмазная Ваджра».

Кармапа заявил, что не вернётся в Тибет до тех пор, пока туда не вернётся Далай-лама. Свободный Тибет — это залог свободной практики буддийского учения. Никто не знает этого лучше его самого.

В гостиной своего дома Далай-лама размышлял о настоящем и будущем Кармапы с характерными для него чувством юмора и беспристрастностью. Далай-лама всем сердцем желал того, чтобы Кармапа как можно скорее смог отправиться в Румтек или же при невозможности этого — в Шераб Линг. «Я не раз говорил это индийским чиновникам. Какой смысл ему быть так близко от этих мест и при этом не иметь возможности туда поехать?» Он выразительно пожал плечами, что свидетельствовало о его неудовольствии по поводу запутанных лабиринтов светской и религиозной политики, которые заставляют Кармапу томиться в Гьюто. «Вообще-то, я непрестанно подшучиваю над Кармапой и его помощниками на этот счёт. Его собственный монастырь, Румтек — место очень хорошее, и он должен находиться там. Недалеко отсюда находится ещё один замечательный монастырь линии кагью — Шераб Линг. Но он не может поехать ни в один из них! Поэтому вынужден арендовать гелугпинский монастырь Гьюто. Я шучу, что им уже пора выставить крупный счёт тибетскому правительству!» — веселился Далай-лама.

А какую роль, спросил я, как ему кажется, будет играть Кармапа в духовной и политической жизни Тибета?

Об этом, ответил он, ещё слишком рано говорить: «Я сказал Кармапе, а вместе с ним и Ситу Ринпоче, Гьялцабу, Трангу, Тенга и Понлопу Ринпоче, что я старею и мне уже шестьдесят шесть и что лет через двадцать будет абсолютно иная картина. Тогда и наступит очень важное время для Кармапы, да и не только для него, но и для других подрастающих лам. К примеру, хочется упомянуть очень достойного молодого ламу, перерождение моего

учителя, Линга Ринпоче. Или сыновей Сакья Ринпоче — это многообещающие и прекрасно образованные ламы. Так что в новом поколении молодых лам — скажем, тех, которым сейчас от пятнадцати до двадцати, есть замечательные представители всех четырёх тибетских традиций — гелуг, сакья, ньингма и кагью. Это то поколение, которое примет на себя ответственность за духовное развитие Тибета после того, как я окончательно попрощаюсь. Но подготовка занимает лет пятнадцать-двадцать как минимум. Не так это просто, правда? Как только Кармапа приехал в Индию, я посоветовал ему взять опытного наставника, чтобы всесторонне изучать практические и философские аспекты буддизма. В современном мире уже недостаточно просто обладать титулом важного ламы; величие учителей должно подтверждаться их духовной практикой. Таковы мои мысли по поводу его будущего».

Я поинтересовался насчёт Тхайе Дордже.

Далай-лама задумался: «Думаю, сначала нужно позволить настоящему 17-му Кармапе, официально признанному, должным образом обосноваться в Румтеке. Позволить утвердиться в своём новом положении и в мыслях, и психологически. Но сейчас Шамар Ринпоче вместе со своим кандидатом тоже находится там. Такова реальность. Поэтому думаю, что эти два молодых человека в конце концов найдут выход из ситуации, выстроив свои собственные отношения. Истинный Кармапа останется в Румтеке и продолжит свою духовную работу. Тхайе Дордже останется в Дели и будет трудиться вместе с Кармапой Ринпоче на благо буддизма и тибетского народа... — он сделал паузу. — Именно это действительно важно. Когда речь заходит о подлинных высококвалифицированных учителях, то их много не бывает, и даже сотни будет недостаточно».

ГЛАВА 16

Пустота есть наполненность

Бодхгайя. Март 2001 года.

В феврале 2001 года, после года томительной неизвестности относительно положения Кармапы, индийское правительство наконец предоставило ему статус беженца и вместе с ним официальное разрешение остаться в Индии. При этом ограничения на его передвижения по всем районам, кроме Румтека и Шераб Линга, снимались. Было объявлено, что первым местом, куда отправится Кармапа, будет Бодхгайя — его первое паломничество по стопам Будды.

Предусмотрительно наградив помощника водителя чаевыми, я выезжал ночным автобусом из Дхарамсалы в Дели, где, как мне стало известно, находился Тай Ситу. Мы не виделись уже несколько месяцев, и, когда я связался с ним, он предложил встретиться за ужином в отеле «Амбассадор». Тай Ситу сказал, что совсем недавно встречался там с другом и они заказывали в номер отменное тали, так что кухня не должна нас разочаровать.

В назначенное время я объявился в вестибюле отеля и стал ждать. За столиками роились бизнесмены, тараторя в мобильные телефоны и заключая сделки. Появилась и исчезла свадебная процессия. Наконец снаружи притормозил белый микроавтобус, и в вестибюль вошёл Тай Ситу

в сопровождении молодого помощника, а также ламы преклонного возраста, плотного телосложения и с тонкой бородкой в стиле *fu manchu*, и водителя. Я не ожидал увидеть целую компанию, но, похоже, тибетские ламы не ездят в одиночестве. Мы направились в сторону ресторана. Ожидания, навеянные описанным Тай Ситу отличным сервисом в номере отеля, рассеялись в одно мгновение. Это не было похоже на традиционное индийское заведение. Мы оказались в причудливой нью-йоркской закусочной индийского формата, с кричащим декором в псевдоамериканском стиле. Оглушительно громко звучала песня в стиле диско — *Rock the Boat*.

На мгновение Тай Ситу остановился в замешательстве, затем пожал плечами и целеустремлённо направился к столу. Официант принёс меню, живописно стилизованное под газету, со «статьёй» про каждое блюдо. Компаньоны Тай Ситу робко изучили меню, оставшись, пожалуй, неуверенными насчёт порядков, царивших в подобной «закусочной». Тай Ситу сказал мне, чтобы я заказывал себе сам, а он закажет остальным. Официант вернулся с двумя тарелками тушёной баранины для пожилого ламы и юного помощника и цыплёнком — для водителя. Я давно заметил, что тибетцы не разделяют угрызений совести, обычно свойственных буддистам из западных стран, на предмет поедания мясных блюд. Тай Ситу присоединился к моему вегетарианскому выбору, думаю, скорее из вежливости. Несколько минут мы молчали. Песня *Rock the Boat* уступила место *Crazy Little Thing Called Love*. Пожилой лама, медленно пережёвывавший пищу, выглядел озадаченным...

Я спросил Тай Ситу, что он думает о западной культуре.

Он ответил, что ему нравятся опера и симфоническая музыка, но больше всего — балет. Когда он впервые оказался на Западе, его пригласили на современный балет Рудольфа Нуреева.

— Имени балерины я не запомнил. Помню только, что она была очень красивая. Но самым поразительным было наблюдать за Нуреевым: казалось, он просто парил и зависал в воздухе.

Бывал Тай Ситу и в опере.

— Это была итальянская опера. Названия не помню... Там был король, какие-то люди, брошенные в тюрьму... и необыкновенно красивые костюмы. Но многое из того, что я видел, — это, на мой взгляд, зрелище весьма невротичное. — Он рассмеялся, изучая еду на тарелке.

Я поинтересовался его мнением о западной беллетристике.

Тай Ситу ответил, что прочитал одну книгу... *Far Pavilions*¹. Выражение его лица говорило о том, что особого следа это произведение в его душе не оставило. Однако он оказался большим поклонником периодики: журналов *The Newsweek*, *Time* и *National Geographic*.

— А журнал *Mad Magazine*²... Как он мне нравился! Альфред Ньюман! — Тай Ситу покотился со смеху, изобразив лошадиную улыбку Альфреда Ньюмана. — Я просто обожаю *Mad Magazine*!

Что, по его мнению, приобрёл Запад от встречи с тибетским буддизмом?

— Благословение линии передачи учения... Отношения между наставником и учеником... Понимание того, что знание — это дар, передаваемый с состраданием и получаемый с благоговением. Эта идея, центральная в буддизме Ваджраяны, была, кажется, утеряна на Западе.

¹ *The Far Pavilions* («Далёкие шатры») — эпический роман периода британско-индийской истории, написан британской писательницей Mary Margaret Kaye. Впервые вышел в свет в 1978 году. Экранизированная версия также известна в России под названием «Далёкие казармы». (*Прим. пер.*)

² «*Mad Magazine*» — журнал комиксов. Обычно издаётся с комической зарисовкой лица Альфреда Ньюмана (Alfred E. Neuman) на обложке.

Он на мгновение замолчал.

— Знаете, когда я впервые приехал на Запад, больше всего меня удивляло, когда люди говорили, как они себя ненавидят. Я никогда этого не понимал. Но теперь думаю, что понимаю. Мне кажется, за фразой «Я ненавижу себя» на самом деле стоит «Я себя слишком сильно люблю». Люди постоянно разочаровываются, будучи не в силах удовлетворить те ожидания, которые они сами и формируют на свой собственный счёт. Думаю, что на самом деле они имеют в виду «Я всё время в себе разочаровываюсь».

Пока мы разговаривали, компаньоны Тай Ситу ели в почтительном молчании. Мне трудно было сказать, понимал ли кто-нибудь из них нашу беседу. Во всяком случае, с самого начала нашего разговора ни один из них не произнёс ни слова.

Я был в раздумье, в какое русло направить разговор. Тай Ситу не брал инициативу в свои руки. И я снова оказался в роли собеседника, изо всех сил пытающегося вникнуть в сложнейший для понимания мир буддийской философии — роль особенно сюрреалистичную в данных обстоятельствах, когда отовсюду из окружавших нас колонок по барабанным перепонкам била оглушительная западная музыка. Впрочем, Тай Ситу этого, похоже, даже не замечал.

— Кармапа, — говорил он, — может иметь миллион проявлений, в любой форме по своему усмотрению — в виде человека, животного, птицы, даже моста или капли дождя, — лишь бы от этого была польза. Но это не значит, что в определённый момент времени может существовать более одного человека, именуемого Кармапой.

— А как, — спросил я, — могли бы мы понять, что какая-то птица или мост или капля дождя есть проявление Кармапы?

— Нам этого не определить.

— Но будет ли сам Кармапа осознавать, что он проявляется в этих формах?

— Да. Непременно.

— А вы его об этом когда-нибудь спросили бы?

— Нет. Потому что я и так в это верю.

— А разве спрашивать означает сомневаться?

— Конечно.

— Но сам Будда учил нас проверять его учение, подобно тому, как ювелир проверяет золото...

— Только если вы в него не верите! — Тай Ситу рассмеялся.

— Теперь, с 17-м Кармапой, вы перестали быть сыном отца, став вместо этого отцом сына.

— Ну... — Он подбирал слова. — Насчёт этого я не уверен. Я просто делаю всё, что могу... Что касается роли отца... Это не было моим намерением. Я всего лишь стараюсь помочь во всём, что от меня зависит. Если в будущем Кармапа решит, что он хочет получить от меня передачу нашей линии, то это будет просто прекрасно. Но решать ему, а я не ставлю себе это целью... Я просто делаю всё, что в моих силах. Как и все мы. Трангу Ринпоче, я, досточтимый Гьялцаб Ринпоче — все мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы передать Кармапе то, что у нас есть, чего бы он ни пожелал. Так работает преемственность линии. А в нашем понимании, если пропадает линия, пропадает и всё остальное. Но Кармапа — человек поразительный. Уровень его знаний просто невероятен. Его поэтический дар, его практика, его воззрения и знание текстов — в это просто трудно поверить. Я ничуть не преувеличу, если скажу, что он раз в десять превосходит меня; ну если не во всём, то по многим позициям. Я один раз наблюдал, как он составлял текст пуджи, с молитвами, разными божествами и защитниками... так за один последний месяц он составил почти 200 страниц. Кармапа просто диктовал, а монах вслед за ним печатал

на компьютере. Он вот так спонтанно за один раз надиктовывал тогда страниц десять, абсолютно совершенно, легко и непринуждённо. Это просто невероятно.

— А как быть с Шамаром Ринпоче и Тхайе Дордже?

Тай Ситу глубоко вздохнул и ответил, что не хотел бы опускаться до препираний, так как подобное «перетягивание каната» может длиться бесконечно. Обвинения Шамара в наличии сговора между самим Тай Ситу и Далай-ламой — полный вздор.

— Оpozнание Кармапы было очень простым делом. Я нашёл письмо в амулете. Его Преосвященство Джамгон, Гьялцаб и Шамарпа собрались все вместе, и я представил им письмо. После этого Джамгон должен был отправиться на поиски. Но он погиб. Мы собирались обсудить, что делать, но Шамарпа просто взял и уехал. Поэтому я и Гьялцаб Ринпоче обсудили всё между собой, затем сделали заявление в Румтеке и отправили людей в Тибет. Люди из Цурпу организовали поиски, и Кармапу нашли. Я получил известие об этом, и довёл его до сведения Далай-ламы. Далай-лама подтвердил подлинность обнаруженной реинкарнации. Вот и всё. Эта история — стопроцентная правда о том, как всё произошло на самом деле.

— Невозможно даже представить себе, чтобы письмо 16-го Кармапы было передано на какую-то криминалогическую судебную экспертизу, — сказал Тай Ситу. — Это просто неприемлемо. Шамар Ринпоче заявляет, что я подделал письмо Кармапы, но зачем мне это нужно? Что бы я получил, подделав такую вещь? Это письмо Кармапы, и поэтому — это священная реликвия нашей линии. Проводить экспертизу письма — это всё равно как если бы вы поехали в Бодхгаю, чтобы с помощью судебной экспертизы определить, достиг ли Будда просветления именно там или нет.

Он замолчал и покачал головой:

— Это просто безумие.

Ссора с Шамаром вызывала у Тай Ситу глубокую грусть и сожаление.

— Я действительно считаю его лучшим другом. И он относится ко мне так же — во всяком случае, так я предпочитаю думать. Но дело в том, что у нас есть самая, которую следует соблюдать. И с моей точки зрения, и с точки зрения всей школы карма-кагью он нарушил самую с нашим учителем и линией, поэтому у нас с ним больше не может быть ничего общего. Всё, что мы теперь можем, — это желать ему всего наилучшего и молиться за него. Мы не в силах больше ничего сделать, если только он не пройдет очищение. Что касается меня лично, то я нахожу в этой ситуации много чего позитивного. Шамар Ринпоче многому меня научил. Он смиряет моё эго, он заставляет меня быть более осторожным. Много чего. Я знаю, что не совсем справедливо это говорить, так как ситуация сейчас далеко не из лучших, и многих это сбивает с толку и, может быть, плохо отражается на самом Шамарпе. Но меня эта история по-настоящему изменила! Как же я могу считать его своим врагом?

Песня Hotel California гремела во всю мощь. Тай Ситу сказал с едва заметной улыбкой:

— Он мой друг, который думает, что я — его враг.

Бодхгайя — это центр буддийского мира, самое святое место для паломников. Именно здесь две с половиной тысячи лет назад молодой непальский принц Гаутама обрёл просветление, медитируя под деревом Бодхи, и стал Буддой, или Просветлённым. Дорога к храмовому комплексу Махабодхи в Бодхгае напоминает нам о суровой правде жизни, увиденной Буддой: все мы стареем, страдаем и умираем, но у всех нас есть возможность достичь освобождения. Самые жалкие и отверженные из людей поджидают вас здесь на каждом шагу, тянут к вам обрубки рук, изуродованных проказой, или волочат по пыли и

отбросам свои искалеченные тела, выклянчивая милостыню. Остановиться здесь на мгновение — значит потеряться, погрузившись в бушующее море вытянутых рук, требований и проклятий. Монахи и монахини безмятежно проходят сквозь эту бурлящую толпу, невосприимчивые к оскорблениям, бросая пригоршни монет в каждую кружку, встречающуюся на их пути.

Вступив на территорию храма Махабодхи, вы как бы смотрите вниз, в естественное углубление, в котором и стоит сама главная ступа — одно из наиболее величественных сооружений Древнего мира — башня медового цвета, достигающая в высоту 55 метров, со множеством ниш и башенок, сужающаяся кверху и венчаемая остроконечным шпилем. На каждой стороне сгруппировано множество алтарей и колоколообразных реликвариев меньших размеров. Воздух наполнен чтением молитв и шелестом шаркающих ног, босых и обутых. Это сотни паломников медленно, по кругу обходят храм. Внутри находится позолоченная статуя Будды, сидящего в позе медитации. Его правая рука в мудре бхумиспарша вытянута и касается земли, свидетельствуя о достижении им просветления. Считается, что возраст статуи — более 1700 лет, а лицо вырезано по памяти ремесленником, который в предыдущем перерождении был одним из учеников Будды.

За храмом растёт само дерево Бодхи. Именно здесь Гаутама, сев со скрещёнными ногами в позе лотоса и обратившись лицом на восток, принял обет не двинуться с места, пока не достигнет просветления. Оставаясь недвижим, он просидел всю ночь напролёт, от заката до восхода солнца, противостоя искушениям демона Мары, и, наконец, с приходом рассвета обрёл наивысшее просветление. Как повествует легенда, в тот момент небеса наполнились цветами и ослепительным светом, а земля семикратно содрогнулась. Это дерево просто удивительно: его ветви, увешанные сотнями молитвенных флажков, выцветших

от солнца и дождя, на 9—12 метров раскинулись во все стороны от широкого искривлённого ствола. У его основания находится алтарь Ваджрного трона — места, на котором, по преданию, сидел Будда. Теперь здесь покоится огромная золотая подушка, усыпанная подношениями в виде цветов и благовоний, оставленных паломниками. За низкой каменной стеной, примыкающей к алтарю, под раскидистой кроной дерева сотни тибетских монахов сидят сомкнутыми рядами, читая молитвы, и голоса их разносятся подобно журчанию воды, сбегаящей по камням, то поднимаясь, то ниспадая в созвучии с птичьим гомоном. Здесь же паломники простираются на земле и, касаясь грубой коры дерева тончайшей золотой фольгой, оставляют на нём отпечатки позолоты — совершая ритуал, столь же древний, сколь и само дерево. Рядом с ваджрным тронem в умиротворённой медитации сидит тайский монах. Складки его коричнево-жёлтого монашеского платья симметрично перекинута через плечо в своей совершенной простоте, руки покоятся на коленях, а глаза устремлены вниз — шагнувшее через тысячелетия зеркальное отображение самого Будды.

Процессия во главе с Кармапой приблизилась к алтарю. Со дня нашей последней встречи прошло около трёх месяцев. Тяжёлая фигура озабоченного мыслями человека, которая осталась у меня в памяти, исчезла. Свободный наконец после четырнадцатимесячного заточения, Кармапа казался лёгким, более подвижным и оживлённым, подобно отпущенной пружине. Он вошёл в главный храм, за ним вереницей проследовала дюжина монахов. Охрана преградила путь остальной толпе, устремившейся следом за ним. Кармапа пробыл в храме полчаса, читая молитвы, затем снова появился в дверях, чтобы обойти вокруг храма и дерева Бодхи. Остановившись перед деревом, он сложил ладони в почтительном молитвенном жесте. На мгновение прикрыл глаза и снова открыл. И по-

явилось ощущение, что что-то произошло. Он как будто бы видел не дерево, не монахов и не толпу людей, собравшихся вокруг него, а нечто, находящееся за пределами этого, — взгляд его словно охватывал всех паломников, когда-либо приходивших сюда в поисках пробуждения со времён самого Будды Шакьямуни, и всех тех, кто придёт сюда в будущем. В памяти всплыло имя первого Кармапы, и за ним вереницей потянулись имена всех последующих... Дусум Кхьенпа, тот, кому было ведомо прошлое, настоящее и будущее. Кармапа моргнул, словно очнувшись, и продолжил своё шествие.

Остановился Кармапа в отеле «Махаяна», который был построен рядом с монастырём Намгьял и им же управлялся. Это просторное современное двухэтажное здание. У ворот, ведущих на территорию, стояли вооружённые полицейские, а к дверям отеля была приставлена охрана. В фойе располагался алтарь, увенчанный огромным портретом Далай-ламы, к которому кто-то пристроил фотографию Кармапы. Фойе превратилось в место встречи последователей Кармапы, приехавших сюда со всего мира, чтобы присоединиться к его паломничеству. Здесь были студенты из Малайзии и Тайваня, сорокапятидесятилетние, много поездившие искатели Дхармы из Европы и Америки, многие из которых учились ещё у 16-го Кармапы, а также группа из Бразилии. Индийские охранники сидели, развалившись, на пластиковых стульях. Выражение их лиц сменялось от откровенно скучающего до враждебного. Приходили и уходили монахи; иногда останавливались передохнуть, непринуждённо обнимая друг друга за плечи или кладя друг другу руки на колени. (Эта лёгкая, совершенно безобидная и неосознанная тактильная интимность при общении между мужчинами была местной отличительной чертой. Во время разговора с одним ламой я был удивлён, когда он взял меня за руку

и держал её всё время, пока мы прогуливались с ним по фойе, будто вёл меня на танцплощадку!). Иногда в неурочное время вдруг неожиданно появлялся лама Пунцок, секретарь Кармапы, и его тут же засыпали градом просьб. В этот раз его осаждали, как никогда прежде. Мне он сказал, что возможности для частной беседы с Его Святейшеством нет, этого не позволяет его плотный график.

Кармапа уединился на втором этаже отеля; вход на лестницу, ведущую к нему, блокировали телохранители и индийская полиция. Причём охрана здесь была даже строже, чем в Гьюто. Внизу у лестницы стоял металлоискатель, возле которого ежедневно выстраивалась очередь из последователей Кармапы, ожидавших его благословения. Народу было так много, что для того, чтобы попасть на аудиенцию, нужно было предварительно записаться у ламы Пунцока. Посетителей, прошедших через металлоискатель, обыскивали, и, прежде чем им удавалось добраться до верхней ступени лестницы, обыск повторялся ещё дважды. Почитатели тихо жаловались друг другу на то, как мешает им эта охрана. Один мужчина, приехавший из Тайваня, чтобы получить благословение Кармапы на постройку школы, рассказывал, как был торопливо вытолкан за дверь охраной, так и не успев изложить свою просьбу.

Это было время Холи — индуистского праздника цвета, который символизирует преодоление эгоизма, жадности и ненависти, а также триумф победы праведности над демоническими силами. Магазины и рестораны были увешаны разноцветной мишурой, блёстками и флажками, а толпы молодых людей с остекленевшими от чараса¹ и алкоголя глазами бродили по городу, вооружившись горшками цветной пудры, с неистовой стремительностью осыпая этой пудрой каждого, кто по глупости переходил им

¹ Местное название гашиша (*Прим. пер.*).

дорогу. Впрочем, лишь самые отважные решались в такое время показать нос на улицу. Кармапа не покидал своего номера. Фойе было битком набито монахами, паломниками и дхарма-туристами, группками рассеянными по диванам и обменивавшимися историями в ожидании прекращения цветного ливня, бушевавшего снаружи.

Подошла моя очередь, и после обеда, пройдя через металлоискатель, я поднялся по лестнице и присоединился к веренице людей, ожидавшей рядом с комнатой для аудиенций. Один за другим их приглашали войти получить благословение, и спустя несколько минут они появлялись снова с зажатым в руке красным защитным шнурком. Наконец и я оказался в комнате. Там царил полумрак и было очень душно. В глубине у стены находился большой алтарь. Слева я совершенно ясно увидел целую шеренгу людей — монахов и одетых в штатское телохранителей. Но нигде не было видно Кармапы. Я отправился в самый дальний угол комнаты, пытаясь его разглядеть. Слишком поздно я осознал, что прошёл прямо мимо него, так и не заметив. Чувствуя себя в глупейшем положении и потеряв всякую ориентацию, я сделал несколько шагов назад, поклонился ему и протянул хадак. Он выглядел не менее смущённым, чем я, но смог выдавить сочувствующую улыбку. Впоследствии лама Пунцок дразнил меня: «Кажется, в тот Холи ты неплохо повеселился».

На следующий день Кармапа давал посвящение долгой жизни в находившемся неподалёку монастыре Намгьял. Процедура была стандартной. Непосредственно рядом с алтарём рядами расположились монахи и монахини. Покашливая и перешёптываясь между собой, они ожидали начала церемонии. За ними сидели тибетцы, прижимая к себе детишек, пластиковые пакеты и одеяла, — все атрибуты, необходимые для того, чтобы провести день вне дома. Среди них была женщина, которая в одной руке держала хадак, в другой — бутылку кетчупа. Европейцы ютились

позади всех. Те, кто не поместился в храме, сидели снаружи в небольшом дворике; они толкались и вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть происходящее внутри. Кармапа прибыл под звуки гьялинга. Пройдя через толпу, он занял место на троне перед алтарём, водрузив на голову богато расшитый церемониальный убор. Он прочитал несколько молитв, сопровождая их последовательностью чётко выверенных жестов с использованием колокольчика, барабана дамару и павлиньего пера. Затем он обратился к аудитории.

Кармапа вспомнил о линии достигших просветления великих махасиддхов, которые все были индийцами, и отдал дань уважения Индии как родине буддизма. Он восхвалял линию Далай-лам, особо выделив 5-го Далай-ламу, который в своё время основал монастырь Намгьял и с кем, как он сказал, он имеет особую духовную связь. Он обратился с просьбой вознести отдельные молитвы за тех тибетцев, которые подвергаются гонениям на своей многострадальной родине. В этой речи были искусно соединены воедино и благодарность Индии как принимающей стороне, буддийский подход, не предусматривающий разделения на отдельные традиции и секты, и тема тибетского патриотизма. Мы делим людей, сказал Кармапа, на три группы: друзья и близкие нам люди, враги, и незнакомцы, не относящиеся ни к первой, ни ко второй категории. Нам следует всем им одинаково желать долгой и счастливой жизни.

Верующие стали медленно продвигаться вперёд за получением посвящения. Кармапа дотрагивался реликвией, которую он держал в руках, до головы каждого проходящего перед ним. Церемония подошла к концу, и вся толпа выплеснулась наружу, на яркое послеполуденное солнце. Настроение было празднично ликующее. Я заметил всё ту же тибетскую женщину, которую видел в храме. Она отдала свой хадак, но всё ещё сжимала в руках бутылку кетчупа.

По преданию, после обретения просветления в Бодхгае Будда отправился в Сарнатх. Именно там он дал своим первым ученикам учение, впоследствии ставшее известным как «Первый поворот колеса Дхармы» и сформулированное в Четырёх благородных истинах. Первые две — «Истины, которые надлежит постичь», — говорят о том, что жизнь есть дукха, то есть неудовлетворённость и страдание. Она преисполнена трудностей, борьбы и боли, а причиной дукхи являются страстные желания, или привязанности, произрастающие от незнания истинной природы вещей. Третья и Четвёртая истины являются «Истинами, которые надлежит воплотить на практике». Третья истина говорит о том, что существование дукхи можно прекратить, достигнув нирваны, или просветления. Четвёртая благородная истина — это Путь, ведущий к прекращению дукхи, воплощённый Буддой в Восьмеричном пути: правильное действие, правильная речь, правильный образ жизни, правильные воззрения (понимание), правильная осознанность, правильная медитация, правильная мотивация (намерение) и правильное усилие. Считается, что после Первого поворота Колеса Дхармы Будда начал проповедническую деятельность, собирая вокруг себя учеников. Шестнадцать лет спустя он пришёл в город Раджгир, где дал учение, известное как «Второй поворот Колеса Дхармы», или «Праджняпарамита-сутра», которая содержит самую суть его учений о природе пустотности — иллюзорной природы всего сущего.

Сведений о том, как Будда добирался до Раджгира, не сохранилось. Кармапа же совершил это путешествие из Бодхгаи в сверкающем белом «амбассадоре». Его флаг развевался на крыше автомобиля, а маленькая гирлянда из ноготков болталась на зеркале заднего вида. За ним в беспорядке двигался эскорт из джипов, автобусов и машин, битком набитых полицейскими, монахами, последователями и учениками всех мастей. Подпрыгивая на

разбитых колеях усеянных рытвинами дорог, эскорт прокатился по провинции Бихар, минуя аккуратные прямоугольные поля пшеницы, обрамлённые пальмами и коническими стогами сена, чуть сбрасывал скорость, проезжая, окутанный облаками пыли и какофонией автомобильных сигналов, сквозь придорожные деревни.

Сначала мы прибыли в древнейший университет Наланда — первое буддийское учебное заведение, процветавшее с V по XII столетие. На пике своей славы университет служил домом для десяти тысяч монахов-студентов и двух тысяч учителей. В наши дни это место является памятником истории и включено в археологическое наследие Индии. Именно здесь в XI веке проходил обучение индийский монах Наропа — один из величайших патриархов линии кагью, ставший впоследствии выдающимся учёным-пандитом. Позднее он отправится на поиски своего учителя Тилопы, положив, таким образом, начало линии преемственности учений, которая затем приведёт к образованию школы кагью.

На воротах висел знак в индийском стиле: «VIP-персона дня: Преподобный Ургьен Тинлей Кармапа». Окунувшись в толпу почётных гостей, Кармапа двинулся вокруг развалин. За его перемещениями издали можно было наблюдать по раскачивающемуся зонтику, защищавшему его от солнца, и по беспорядочной веренице полицейских, шествующих за ним с перекинутыми через плечо винтовками. Кармапа остановился на возвышении, чтобы произнести благодарственную речь, а затем спустился сфотографироваться с монахами на память. Какая-то женщина на протяжении всего обхода вокруг развалин университета пыталась подобраться поближе к Кармапе. Европейка, с коротко стриженными волосами и одетая в пурпурное монашеское платье, теперь она попыталась присоединиться к группе фотографирующихся, но охранник преградил ей дорогу:

— Только для лам; для иностранцев проход закрыт.

— Я не с иностранцами, — сказала она, пытаюсь протиснуться мимо него. — Я — тулку ринпоче.

Тулку ринпоче? Я в жизни не слышал такого словосочетания, не говоря уже о том, чтобы кто-то использовал его по отношению к себе. Возбуждённость в поведении женщины заметно возрастала.

Охранник стоял на своём:

— Проход закрыт. Только для лам.

Я решил вступить за неё.

— Она монахиня, — сказал я.

Она повернулась ко мне с лицом, полным злобы.

— Я тулку ринпоче, идиот! — прошипела она.

Солнце начинало припекать, когда вереница машин продолжила своё путешествие в Раджгир. Во времена Будды Раджгир был самым важным городом Индо-Гангской равнины. А сегодня, как бы в подтверждение буддийского учения о непостоянстве, — это всего лишь средних размеров деревня. Гора, на которой Будда давал свои учения, возвышается посреди равнины подобно восклицательному знаку. Кортёж автомобилей припарковался у её подножия. Сопровождаемые монахами, несущими связки благоволий для окуривания дороги, Кармапа и его свита медленно начали подъём по горной тропинке. Пик Грифа — так называется скальный выступ на вершине склона, где, как говорят, Будда преподавал своё учение. Тут же, немного ниже, расположено множество пещер, которые исторически служили паломникам местом для медитации, и где сейчас монахи совершают простирания и оставляют белоснежные хадаки. Авангард группы приблизился к вершине. Место это было отмечено развалинами небольшого храма с внутренним двором, вымощенным плитами. На камнях лежал большой вышитый ковёр. Какой-то европеец в белой фетровой шляпе подошёл к нему и придирчиво под-

ёргал за кисточки, проверив, насколько ровно они лежат. На ковёр в ожидании прихода Кармапы была водружена искусно вышитая подушка. Небольшое пространство уже было заполнено учениками, сидящими вокруг плит со скрещёнными ногами. Некоторые из них вскарабкались на близлежащие камни, чтобы обеспечить себе наилучшую для обзора позицию. Звучные голоса мелодично запели «Кармапа Кхьенно»: «Кармапа, услышь меня».

Отсюда было хорошо видно процессию, медленно поднимавшуюся вверх по склону, и церемониальный зонтик, отливавший на солнце золотом, который то появлялся, то исчезал среди камней, и, наконец, приблизился к алтарю. Сначала подошёл одетый в гражданское охранник с рацией, потом солдат с винтовкой, а затем сам Кармапа. Он широко улыбался, и можно было слышать пощёлкивание бусин его чёток. Пройдя по ковру из цветов, разбросанных учениками, он уселся на подушку, и вокруг него по обе стороны расположились монахи. На мгновение воцарилась тишина. Затем воздух заполнил шёпот молитв.

Согласно учению махаяны, на этом месте Будда давал учение по «Праджняпарамита-сутре». «Праджняпарамита» означает «глубокое совершенство запредельной мудрости» — мудрость, которая выходит за рамки относительной реальности, дуалистического восприятия мира, и распознаёт сущностную природу всех вещей. Считается, что Будду слушали пять тысяч человек, включая монахов, монахинь, мирян, и бесчисленное количество бодхисаттв, в том числе и бодхисаттва сострадания, Авалокитешвара. И теперь Авалокитешвара вернулся, проявившись в образе Кармапы, для того, чтобы снова повернуть Колесо Дхармы. Суть учения Праджняпарамиты заключена в так называемой Сутре сердца, которая дошла до нас в виде диалога между Авалокитешварой и его учеником Шари-путрой. Созерцая глубокую запредельную мудрость, Авалокитешвара увидел, как утверждается в Сутре, что пять

составляющих личности [скандх, или совокупностей бытия] — форма, ощущения, распознавание, кармические образования и сознание — «пустотны», что свидетельствовало о преодолении им страданий. «Пустотность» в буддийском понимании не имеет никакого отношения к физической пустоте, или вакууму. Скорее, речь идёт об изначальном состоянии, о природе бытия, из которой возникает всё сущее. В действительности это и есть полнота. Авалокитешвара обратился к своему ученику, Шарипутре:

«Форма не отлична от пустотности, и то, что пустотно, не отличается от формы. Форма есть пустота, пустота есть форма. Так же [пусты] ощущения, распознавание, кармические образования и сознание...»

Монахи читали строфы Сутры в унисон.

«Все явления, обладая природой пустотности, не имеют ни начала, ни конца, они не ущербны и не совершенны, они не возрастают и не убывают. Таким образом, в пустоте нет формы, нет ощущения, распознавания, кармических образований и сознания. Нет глаза, уха, носа, языка, тела, ума. Следовательно, не существует видимого, слышимого, осязаемого, вкушаемого, осязаемого, так же как нет и объектов познания. Не существует ничего, начиная от визуальных элементов и кончая элементами сознания.

На абсолютном уровне мудрости не существует различий между наблюдателем и объектом наблюдения.

Нет неведения, нет пресечения неведения, и далее, нет старости и смерти, и нет пресечения старости и смерти. Нет ни страданий, ни их источника, ни их

пресечения; нет Пути, нет мудрости, нет достижения, нет недостижения.

Поскольку бодхисаттвы не устремлены к достижениям, а следуют совершенству запредельной мудрости, их умы не обременены препятствиями. Коль скоро нет препятствий для их умов, они не ведают страха, и, выходя за пределы ошибочного [понимания], они достигают полной нирваны».

Кармапа сидел в позе лотоса с закрытыми глазами, его голова слегка раскачивалась в такт молитве. Я думал обо всём том, что привело его к этому моменту. Драма, разыгрывавшаяся на протяжении последних двадцати лет, а до этого — столетиями, проходящая через бесчисленные перерождения и не поддающиеся исчислению эоны; святость и алчность, смирение и жажда власти, правда и лживость двуличия. Сила устремлённости человека и хрупкость его природы.

«...Коль скоро нет препятствий для их умов, они не ведают страха, и, выходя за пределы ошибочного [понимания], они достигают полной нирваны...»

Низкие голоса монахов сливались в унисон и уносились ветром.

«Поэтому глубокое совершенство запредельной мудрости известно как великая божественная мантра, мантра великого просветления, наивысшая мантра, несравненная мантра, мантра, разрушающая все страдания, мантра, наделённая истиной, без тени лжи. И эта мантра глубокого совершенства запредельной мудрости такова:

«Гате гате парагате парасамгате бодхи сваха».

«Ушедший, ушедший, ушедший за пределы, полностью ушедший за пределы. Пробудись! Да будет так!».

Речитатив остановился, и на мгновение в воздухе повисла тишина. Мне на ум пришёл ещё один отрывок, повествующий об иллюзорности всех явлений:

«...Окончен праздник. В этом представлении
Актёрами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И, как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь...»¹

Подобрав складки своего монашеского одеяния, Кармапа медленно поднялся. Чары разрушились. В сопровождении монахов он вновь прошёл сквозь толпу. За развалинами алтаря вокруг него собрались монахи и ученики, чтобы сфотографироваться на память. Все смеялись и толкались, как дети. Я отправился в обратный путь. Солнце уже вышло из зенита, и всё равно было видно, как с тропы, по которой я спускался, поднимается волнами жаркий воздух. Остановившись, я обернулся и увидел Кармапу. Ритуальная часть подошла к концу, и, спрятавшись в тени каменного выступа, он, как обычный подросток, пил минеральную воду из бутылки, отдыхая перед тем, как спустившись с горы, вернуться к ожидающему его миру.

¹ Уильям Шекспир, «Буря» (акт IX, сцена 1), в переводе Михаила Донского.

ЭПИЛОГ

В апреле 2001 года, спустя шестнадцать месяцев после побега из Тибета, Кармапе наконец разрешили встретиться с представителями СМИ, и свою первую официальную пресс-конференцию он провёл в алтарной комнате монастыря Гьюто.

Позднее описываемый в выражениях «буддийский мальчик-бог» и «самый влиятельный тинейджер в мире», Кармапа потряс журналистов, собравшихся со всех уголков мира, своей зрелостью, авторитетом и чувством юмора.

Он впервые рассказал свою версию побега, подчеркнув, что бегство из Тибета было организовано по его собственной инициативе, и сухо прокомментировал заявление китайского правительства о том, что он якобы уехал всего лишь затем, чтобы вернуть Чёрную корону и некие музыкальные инструменты. «Зачем мне нужно забирать Чёрную корону из Индии и везти её обратно в Китай? Единственное, что можно было бы с ней сделать после этого, так это водрузить на голову Цзян Цзэминя». Когда его спросили, намеревается ли он сотрудничать с Далай-ламой «в борьбе за независимость и получение Тибетом статуса автономии», он ответил, что поддержать «религию и культуру Тибета... со всей своей решимостью» есть

его «долг и ответственность». «В этом смысле я буду помогать Его Святейшеству Далай-ламе, как только могу».

Позднее в интервью журналу «Тайм» Кармапа впервые публично высказал своё мнение о ситуации в линии карма-кагью и «конкурирующем Кармапе», Тхайе Дордже, выразив озабоченность возможными последствиями существующего раскола для буддийского учения. «Но я непрестанно молюсь о благополучии всех живых существ, не делая различий между теми, кто на моей стороне, и всеми остальными». Когда его спросили, является ли он «подлинным Кармапой», он ответил, что «идентичность Кармапы устанавливается не народным голосованием или дебатами, а только предсказанием предыдущего Кармапы».

Вскоре после побега Кармапы из Тибета шестилетний Паво Ринпоче был насильно вывезен китайскими солдатами из монастыря Ньенанг. В течение четырёх последующих лет он посещал светскую школу; ему запрещалось носить монашеское платье. В Ньенанг он вернулся только в апреле 2004 года, где он и живёт в настоящее время под пристальным надзором тибетских властей.

В сентябре 2001 года, в соответствии с проводимым Далай-ламой политическим курсом на демократизацию политики Тибетского правительства в изгнании, шестидесятиоднолетний Самдонг Лобсанг Тензин Ринпоче принял присягу в качестве первого демократически избранного премьер-министра (Калон Трипа) Тибетского правительства в изгнании. На июльских выборах 2000 года, в которых приняли участие тибетские общины, живущие в изгнании по всему миру, он получил 84% голосов. Задачей Самдонга Ринпоче являлось придание бóльших полномочий функциям Премьер-министра, но в своём первом заявлении он признал, что, когда Далай-лама

их покинет, тибетский народ, скорее всего, будет искать вдохновение в ярком духовном лидере. Он не исключал, что такую роль возьмёт на себя Кармапа. «Он молод, динамичен, обладает разносторонним потенциалом. Но пока слишком рано говорить о том, сможет ли он один заполнить ту пустоту, которая образуется с уходом Его Святейшества. Мы можем только надеяться, но декларировать это ещё не время...»

В январе 2002 года Кармапа вернулся в Бодхгаю на ежегодно проводимую церемонию Монлам Ченмо, главного молитвенного фестиваля традиции карма-кагью. Сидя под деревом Бодхи перед огромным собранием людей, он давал учение по каноническому тексту Ддже Гампопы «Драгоценное украшение освобождения». Он с гордостью сказал о выпавшей ему чести быть первым из жителей деревни Бакор, кому посчастливилось посетить Бодхгаю. Кармапа проявил тонкое, почти сюрреалистичное чувство юмора, сказав о своём предшественнике: «Многим из вас посчастливилось встречаться с 16-м Кармапой... Мне — нет...»

В январе 2003 года Кармапа снова приехал в Бодхгаю и Сарнатх для проведения очередного Монлама. Вместе с десятками тысяч своих последователей, съехавшихся со всего мира, он присоединился к Далай-ламе, который давал посвящение в практику Калачакры. В публичном заявлении Далай-лама подтвердил свою позицию относительно Кармапы, который «имеет все права на его историческую резиденцию» Румтек, и сказал, что он снова лично подал запрос индийскому правительству с просьбой позволить Кармапе поехать в Сикким и взойти на принадлежащий ему по праву престол своих предшественников.

В июне 2003 года Кармапа отметил своё восемнадцатилетие и весь последующий месяц путешествовал по тибетским поселениям в районе Шимлы. Он в очередной раз подал прошение о посещении монастыря Румтек, вы-

ражая грусть по поводу того, что «существующие обстоятельства и санкции политического свойства» препятствуют осуществлению его духовной миссии.

Тай Ситу Ринпоче теперь по полгода проводит в закрытом ретрите. В остальное время он продолжает давать посвящения и учения в своём монастыре Шераб Линг, а также часто ездит в Дели по просьбам его многочисленных индийских последователей, число которых постоянно растёт. В марте 2003 года Тай Ситу отметил своё пятидесятилетие. В связи с этим в Шераб Линге прошли празднования, и Тай Ситу провёл недельный ретрит с наставлениями, на который съехались более тысячи учеников со всех концов земного шара.

Оле Нидал продолжает колесить по миру, с маниакальным упорством пропагандируя идею, что «переживание истинной природы ума есть процесс гораздо более волнующий, чем переживание радостей любовных объятий или мгновений свободного падения перед раскрытием парашюта». Нидал — опытный парашютист. 31 июля 2003 года при попытке совершить восьмидесятый прыжок он получил тяжёлые травмы из-за того, что его парашют вовремя не раскрылся. Его госпитализировали, и он провёл в больнице несколько месяцев. Сейчас он возобновил свои учения.

Шамар Ринпоче также непрестанно путешествует, давая учения и продвигая своего кандидата на трон Кармапы, Тхайе Дордже. В июне 2003 года он сопровождал его в поездке в Америку для проведения посвящений в буддийском центре в Менло Парк (штат Калифорния).

В Сиккиме всё ещё рассматривается судебный иск о праве собственности на монастырь Румтек, по которому Шамар Ринпоче вместе с Благотворительным фондом

Кармапы выступает против Гьялцаба Ринпоче, штата Сикким и секретаря Департамента духовных дел сиккимского правительства. В августе 2003 года Верховный суд Сиккима отклонил ходатайство, поданное организацией «Цурпу лабранг», представляющей 17-го Кармапу Тинлея Дордже, о том, чтобы быть допущенным к судебному разбирательству в качестве ответчика. Принимая это постановление, судья поддержал решение, вынесенное ранее окружным судом Гангтока на основании того, что ходатайство от лица большинства представителей истца было фактически подано с целью «возврата и восстановления имущества и ремонта собственности» и что заявитель («Цурпу лабранг») «не сумел установить рамки собственных интересов в данном деле». Это решение было вынесено Верховным судом Индии в июле 2004 года вслед за апелляцией, после чего дело вернулось в окружной суд, где и продолжает рассматриваться.

В январе 2004 года Кармапа вновь прибыл в Бодхгаю на Монлам Ченмо. В октябре индийское правительство выдало ему разрешение на поездку в монастырь Бокар Нгедон Чокхор Линг (Мирик, Западный Бенгал), чтобы присутствовать на погребальной церемонии одного из своих учителей, Бокара Ринпоче. Мирик находится всего в 80 километрах от границы с Сиккимом. Никогда ещё Кармапа не был так близко к Румтеку. Более пятнадцати тысяч человек прибыли из Сиккима и близлежащих районов, чтобы увидеться с ним. Обращаясь к многотысячной толпе, он выступил с самым прямым призывом, который он когда-либо делал, о том, чтобы ему было разрешено наследовать трон своего предшественника: «Я знаю, вы хотите, чтобы я был в Сиккиме. Мне хотелось бы увидеть вас там же». На момент написания этих строк он всё ещё продолжает жить в монастыре Гьюто, окружённый вооружённой полицией и круглосуточной личной охраной.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

- 6 век до н.э. Будда обретает просветление под деревом Бодхи.
- 8 век н.э. Гуру Ринпоче основывает первый буддийский монастырь Самье Линг в Тибете.
- 1110 г. Рождение Дусум Къхенпы, 1-го Кармапы.
- 1923 г. Рождение Рангджунга Ригпе Дордже, 16-го Кармапы.
- 1949—1950 гг. Завоевание Тибета китайской народной освободительной армией Мао Цзэдуна.
- 1951 г. Нгабо Нгаванг Джигме подписывает «Соглашение из семнадцати пунктов по мирному освобождению Тибета» (соглашение между китайским центром и правительством Тибета).
- 1954 г. Признаётся перерождение 12-го Тай Ситу Ринпоче в возрасте одного года.
- 1956 г. Признаётся перерождение 14-го Шамара Ринпоче в возрасте 4 лет.
- 1959 г. Далай-лама вместе с Кармапой и десятью тысячами тибетцев покидают Тибет, эмигрируя в Индию.

- 1974 г. 16-й Кармапа впервые посещает Америку и Европу.
- 5 ноября 1981 г. 16-й Кармапа уходит из жизни в возрасте 58 лет.
- декабрь 1981 г. Достижение соглашения о том, что по системе «ротационного регентства» каждый из духовных сыновей занимает пост регента по очереди сроком на три года.
- 26 июня 1985 г. Рождение Апо Гага, который впоследствии будет признан 17-м Кармапой и будет наречён Ургьеном Тинлеем Дордже.
- Февраль 1986 г. После встречи четырёх духовных сыновей в Румтеке объявляется о том, что обнаружены два письма: так называемые внешнее и внутреннее, которые, как сообщается, должны помочь установить личность 17-го Кармапы.
- 28 января 1989 г. Смерть 10-го Панчен-ламы.
- Сентябрь 1989 г. Во время своего ретрита в Шераб Линге Тай Ситу обнаруживает письмо, которое, как он полагает, является письмом-предсказанием 16-го Кармапы.
- 19 марта 1992 г. В Румтеке на встрече с остальными духовными сыновьями Кармапы Тай Ситу показывает письмо-предсказание. Шамар Ринпоче обвиняет его в том, что письмо поддельное.
- 26 апреля 1992 г. Джамгон Конгтрул погибает в автомобильной катастрофе.
- 12 мая 1992 г. Поисковая группа отправляется из Цурпу, следуя указаниям, содержащимся в письме.
- 9 июня 1992 г. Его Святейшество 14-й Далай-лама неофициально подтверждает, что Ургьен Тинлей Дордже является 17-м Кармапой.

- 15 июня
1992 г. 17-й Кармапа прибывает в Цурпу.
- 30 июня
1992 г. Далай-лама ставит официальную Печать одобрения (Букхам Ринпоче).
- 27 сентября
1992 г. Ургьен Тинлей возведён на трон в Цурпу в качестве 17-го Кармапы.
- Март 1993 г. Цзян Цзэминь становится президентом КНР.
- 26 января
1994 г. Шамарпа провозглашает собственного кандидата на трон Кармапы, Тхайе Дордже.
- 17 марта
1994 г. Тхайе Дордже возведён на трон в Дели, в Международном буддийском институте Кармапы (МБИК).
- 28 декабря
1999 г. Кармапа Ургьен Тинлей под покровом ночи покидает Цурпу и совершает побег из Тибета.
- 5 января
2001 г. Кармапа и сопровождающие его лица прибывают в Дхарамсалу.
- Февраль
2001 г. Правительство Индии предоставляет Кармапе статус беженца и снимает запрет на его передвижения по территории Индии. Кармапа совершает паломничество в Бодхгаю и другие святые места.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Avedon, John F., *In Exile from the Land of the Snows* (New York, Alfred Knopf, 1984).
- Batchelor, Stephen, *The Awakening of the West: The Encounter of Buddhism and Western Culture* (Berkeley, California, Parallax Press, 1994).
- Butterfield, Stephen T., *The Double Mirror: A Skeptical Journey into Buddhist Tantra* (Berkeley, California, North Atlantic Books, 1994).
- Chogyam Trungpa, *Born in Tibet* (London, George Allen & Unwin, 1966).
- Craig, Mary, *Kundun* (London, HarperCollins, 1997).
- H. H. Dalai Lama, *Freedom in Exile* (London, Hodder & Stoughton, 1990).
- Douglas, Nik and Meryl White, *Karmapa, The Black Hat Lama of Tibet* (London, Luzac, 1976).
- Dowman, Keith, *The Sacred Life of Tibet* (London, Thorsons, 1997).
- Fields, Rick, *How the Swans Came to the Lake: A Narrative History of Buddhism in America* (Boston, Shambhala Publications, 1992).
- Foster, Barbara & Michael, *The Secret Lives of Alexandra David-Neel* (Woodstock, New York, The Overlook Press, 1998).
- French, Patrick, *Tibet, Tibet: A Personal History of a Lost Land* (London, Harper Collins, 1003).

- Goldstein, Melvyn C, *A History of Modern Tibet, 1913-1951* (Berkeley, California, University of California Press, 1989).
- Hilton, Isabel, *The Search for the Panchen Lama* (London, Viking, 1999).
- Hollingshead, Michael, *The Man Who Turned on the World* (London, Blond & Briggs, 1973).
- Holmes, Ken, *His Holiness the 17th Gyalwa Karmapa Urgyen Trinley Dorje* (Forres, Scotland, Altea Publishing, 1995).
- Jamgon Kongtrul Labrang, EMA HO! *The Reincarnation of the Third Jamgon Kongtrul* (Pullahari Monastery, Nepal, 1998).
- Jamgon Kongtrul Lodro Thaye, tr. and with a foreword by Ngawang Zangpo, *Enthronement: The Recognition of the Reincarnate Masters of Tibet and the Himalayas* (Ithaca, New York, Snow Lion Publications, 1997).
- Kagyü Thubten Choling, *Karmapa: The Sacred Prophecy* (Wappingers Falls, New York, Kagyü Thubeten Choling Publications, 1999).
- Kalu Rinpoche, *The Dharma that Illuminates all Beings Impartially Like the Light of the Sun and the Moon* (Albany, New York, State University of New York Press, 1996).
- Karma Thinley, *The History of the Sixteen Karmapas of Tibet* (Boulder, Colorado, Prajna Press, 1980).
- H.H. the 16th Gyalwa Karmapa, *Dzalendara and Sakarchupa: Stories from the former lives of the Gyalwa Karmapa* (Langholm, Scotland, Kagyü Samye, 1981).
- Lehnert, Tomek, *Rogues in Robes* (Nevada City, California, Blue Dolphin Publishing, 1998).

- Levine, Norma, *Blessing Power of the Buddhas* (Shaftesbury, Dorset, Element, 1993).
- Lopez, Donald S. Jr., *Prisoners of Shangri-La: Tibetan Buddhism and the West* (Chicago, University of Chicago Press, 1998).
- Lopez, Donald S. Jr., *Buddhism: An Introduction and Guide* (London, Allen Lane, 2001).
- Maheshwari, Anil, *The Buddha Cries! Karmapa Conundrum* (New Delhi, UBSPD, 2000).
- Maraini, Fosco, *Secret Tibet* (London, The Harvill Press, 2000).
- Martin, Michele, *Music in the Sky: The Life, Art & Teachings of the 17th Karmapa, Ogyen Trinley Dorje* (Ithaca, New York, Snow Lion Publications, 2003).
- Nydahl, Lama Ole, *Riding the Tiger* (Nevada City, California, Blue Dolphin Publishing, 1992).
- Nydahl, Lama Ole, *Entering the Diamond Way* (Nevada City, California, Blue Dolphin Publishing, 1999).
- Ray, Reginald A., *Indestructible Truth: The Living Spirituality of Tibetan Buddhism* (Boston, Shambhala Publications, 2000).
- Ray, Reginald A., *Secret of the Vafra World* (Boston, Shambhala Publications, 2001) Richardson, Hugh, *Tibet and its History* (Oxford, Oxford University Press, 1962).
- Richardson, Hugh, *High Peaks, Pure Earth: Collected Writings on Tibetan History and Culture* (London, Serindia Publications, 1998).
- Rinchen Palsang, *Tsurphu Gon Gyi Karchag Kunsai Melong* (Beijing, Nationality Press, 1995).

- Rumtek Sangha Duche, Document of the International Karma Kagyu Conference (New Delhi, March 1996).
- Rumtek Sangha Duche, The Siege of Karmapa (New Delhi, 1999).
- Santideva, tr. Vesna A. Wallace and B. Allen Wallace, A Guide to the Bodhisattva Way of Life (Ithaca, New York, Snow Lion Publications, 1997).
- Schuhmacher, Stephan & Ger Woerner (eds.) The Rider Encyclopaedia of Eastern Philosophy and Religion (London, Rider, 1989).
- Shakabpa, W.D., Tibet, A Political History (New York, Potala Publications, 1984).
- Shakya, Tsering, The Dragon in the Land of the Snows (London, Pimlico, 1999).
- The 12th Tai Situpa, Relative World, Ultimate Mind (Boston, Shambhala Publications, 1991).
- The 12th Tai Situpa, Awakening the Sleeping Buddha (Boston, Shambhala Publications, 1999).
- Tibet Information Network/Human Rights Watch, Cutting off the Serpent's Head: Tightening Control in Tibet 1994-95 (Jackson, Wyoming, 1996).
- Tibet Information Network, Relative Freedom (London, 1999).
- Various, Karmapa Khenno (Rumtek, 1992).
- Various, The Karmapa Papers (Paris, 1992).

ГЛОССАРИЙ

«*Золотые чётки*» — линия учений Махамудры.

«*-па*» — суффикс, прибавляемый к названиям религиозных школ и обозначающий последователей данной духовной традиции, например: гелугпа или кагьюпа.

Садху (от санскр. «*садх*», что означает «вести к удовлетворению») — святой человек, отрёкшийся от всех мирских благ.

Авалокитешвара (санскр. букв. «*Владыка, взирающий с небес*») — бодхисаттва сострадания. По-тибетски — Ченрези. Проявлениями Авалокитешвары считаются и Далай-лама, и Кармапа.

Бардо (тибет. букв. «*промежуточное состояние*») — состояние между смертью и следующим рождением, во время которого практикующий имеет возможность познать природу ума и достичь освобождения.

Бодхисаттва (санскр.) — человек, который взял на себя обязательство не только достичь просветления, но и из сострадания помогать всем живым существам.

Будда (санскр. букв.: «*пробуждённый*», или «*просветлённый*») — в соответствии с буддийским учением на протяжении многих эонов в мир являлись четыре «исторических Будды». Последним из них стал индийский принц Сиддхартха Гаутама (приблизи-

тельно 6 век до н. э.), известный в Тибете как Шакьямуни, или «мудрец из клана Шакья». Следующим Буддой, который появится в неопределённое время в будущем, будет Майтрейя, или «грядущий Будда».

Буктхам Ринпоче — документ, скреплённый печатью, который формально ратифицирует признание новой инкарнации, или тулку, Далай-ламой.

Ваджрный венец, или *Чёрная шапка* — церемониальная корона, традиционно носимая Кармапами. Когда Кармапа надевает эту корону во время церемонии Ваджрной короны, считается, что он становится живым воплощением Авалокитешвары. Также во время некоторых церемоний Кармапа носит меньшую по размеру чёрную «корону деяний», являющуюся символом его линии.

Гомпа (тибет.) — небольшой монастырь, храм или место для медитации.

Гуру (санскр.) — учитель, в особенности духовный наставник.

Гьялва (тибет. букв. «Победоносный») — говоря о Кармапе, используются титулы Гьялва Кармапа или Гьялванг Кармапа, что означает соответственно «Победоносный» и «Могущественный».

Гьялинг (тибет.) — музыкальный духовой инструмент с характерным монотонно-заунывным звуком. Используется для приветствия важных лам и в религиозных церемониях.

Дакини (санскр. «шагающая по небесам», тибет. Кхандрома) — божество женского рода, играющее важную роль в практике тантрического буддизма.

Дордже (тибет.) — миниатюрный скипетр, используемый в буддийских ритуалах вместе с колокольчиком. Колокольчик — символ женского принципа или *мудрости*, а дордже (на санскрите — ваджра,

что означает «алмаз», или «удар грома») олицетворяет то, что не поддается разрушению и является символом мужского начала или метода. Союз мудрости и метода символизирует достижение просветления. Дордже — также мужское имя, часто встречающееся в Тибете.

Дукха (пали) — страдание, не только в общепринятом значении неприятных ощущений, но и как основополагающее условие омраченного бытия. Первая благородная истина гласит, что все объекты, как материальные, так и ментальные, всё, что является обусловленным и чему свойственно появляться и исчезать, есть дукха. Вторая благородная истина говорит о том, что причиной дукхи являются наши страстные желания и привязанности.

Дхарма (санскр. букв. «несущее» или «держашее») — весьма обширный термин, используемый для определения нашей подлинной сути, этического основания вселенной и закона кармически предопределённого перерождения. И в частности, учение Будды, который открыл этот вечный закон. Путь, способ действия.

Живой Будда — термин, используемый китайским правительством применительно к тулку, или ламе-перерожденцу.

Институт Наланда — монастырский колледж в Румтеке. Назван так по имени первого в мире буддийского университета в Северной Индии, который процветал в период с V по XII век.

КТД — Карма Трияна Дхармачакра. Главная монастырская резиденция Кармапы в Северной Америке. Расположена в Вудстоке, на севере штата Нью-Йорк.

Кхенпо (тибет.) — высокоуважаемый учитель, стоящий в тибетском буддизме на одном уровне с доктором

богословия или наставником, ответственным за процесс обучения в монастыре.

Лабран (тибет.) — подворье какого-либо тулку или высокого ламы.

Лама (тибет., букв. «непревзойдённый») — духовный наставник, или гуру, в тибетском буддизме.

Мала — чётки.

Мантра (санскр.) — священные слоги, которые повторяют во время духовной практики, прося о защите или с целью фокусирования ума. У каждого бодхисаттвы есть своя мантра. «Ом мани падме хум» является мантрой Ченрези, бодхисаттвы сострадания.

Махакала (санскр. букв. «Великий Чёрный») — гневное проявление Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания, и изначальный Дхармапала, или божество-защитник в тибетском буддизме. Обычно Махакала изображается в виде устрашающей фигуры чёрного или темно-синего цвета, со свирепым выражением лица, украшенной короной из человеческих черепов. Несмотря на свою пугающую внешность, Махакала считается неотделимым от качеств сострадания и любящей доброты. В одной руке он держит кинжал, которым отсекает ненависть и неведение, при этом обычно Махакала изображается стоящим на двух мёртвых человеческих телах, что символизирует полный отказ от всех негативных эмоций и стереотипов поведения.

Махамудра (санскр. букв. «Великая печать») — высшая духовная практика в школе кагью, ведущая к пониманию истинной природы ума, часто определяемой как союз блаженства и пустотности.

Махаяна (санскр.) — великая колесница, вторая из трёх «колесниц», или учений, выделяемых в тибетском буддизме, — хинаяны, махаяны и ваджраяны. Хи-

наяна, или «Малая колесница», делает упор на достижение личного просветления. Практика махаяны фокусируется на сострадании и пустотности, делая акцент на идеале бодхисаттвы, стремящегося к освобождению всех живых существ. Ваджраяна, или «Алмазная колесница», концентрируется на тантрических практиках, которые, как полагают, способны привести к скорейшему искоренению всех заблуждений и полному постижению истинной природы ума.

МБИК: (KIVI — Karma International Buddhist Institute) — Международный буддийский институт Кармапы в Нью-Дели, основанный 16-м Кармапой и находящийся в настоящее время под руководством Шамара Ринпоче.

Намасте (санскр. букв. «Я кланяюсь тебе») — форма приветствия, при которой ладони складываются вместе у сердца, а голова слегка склоняется, при произнесении слова «намасте».

Норбулингка — летний дворец Далай-лам в Лхасе. Институт Норбулингка — учреждение, основанное Тибетским правительством в изгнании с целью сохранения тибетской культуры и искусства. Расположен вблизи Дхарамсалы.

Падмасамбхава — индийский сиддха, которому приписывается заслуга принесения буддийской дхармы в Тибет. В VIII веке основал в Самье первый буддийский монастырь. Всенародно почитаем во всём Тибете, где известен под именем Гуру Ринпоче.

Пуджа (санскр.) — религиозная церемония или ритуал.

Ринпоче (тибет. букв. «Драгоценный») — почтительное обращение ко всем реинкарнированным ламам, а также иногда к высокопочитаемым учителям, которые не обязательно являются признанными тулку.

Румтек — монастырь в Сиккиме, основанный 16-м Гьялва Кармапой после побега в 1959 году из Тибета. Его основная монастырская резиденция вплоть до смерти в 1981 году.

Самадхи (санскр. букв. «установить», «укрепить») — глубокая медитативная осознанность, лежащая за пределами состояний бодрствования или глубокого сна, при которой ум пребывает в исключительной ясности.

Самая (санскр. тибет. дамциг) — узы преданности и верности, связывающие ученика с его учителем или учением. Считается, что нарушение самайи подвергает опасности не только целостность линии передачи учения, но и последующие перерождения нарушившего её.

Сангха (санскр. букв. «группа», «община») — буддийское сообщество, состоящее из монахов, монахинь и практикующих мирян. Также Сангха — одна из Трёх драгоценностей буддизма, две другие — это Будда как Учитель и Дхарма, его учение.

Сансара (санскр. букв. «путешествие», «блуждание») — цикл рождений, смертей и перерождений, в котором «вращается» каждое живое существо. В буддизме махаяны сансарой называют мир явлений, и сансара считается ничем не отличающейся от нирваны, в том смысле, что обе они — не что иное, как всего лишь ярлыки, обозначения, не имеющие реальной сущности.

Сиддха (санскр. букв. «превосходный, завершённый») — духовно реализованное существо, достигшее освобождения.

Сиддхи (санскр. примерный перевод — «совершенные способности») — сверхъестественные способности, которые появляются в результате духовной практики и внутреннего развития. Существует два вида

сиддхи: мирские сиддхи, такие как: ясновидение и проч., и высшие, т. е. реализация истинной природы ума.

Танка (тибет.) — икона-свиток с изображением мандалы или божества, обычно обрамлённая шёлком.

Тантра (санскр. букв. «континуум», «поток», «нить») — термин, используемый в тибетском буддизме для описания собрания текстов и эзотерических учений, приписываемых Будде. Эти учения являются основой традиции Ваджраяны.

ТАР — Тибетский автономный район. Был образован китайским правительством в 1965 году и охватывает территорию Тибета к западу от реки Янцзы, которая прежде находилась под юрисдикцией правительства Далай-ламы и в английском языке описывалась как Центральный Тибет. Старые тибетские провинции Кхам и Амдо были поглощены китайскими провинциями Цинхай, Сычуань, Юннань и Гансу.

Тулку (тибет., букв. «тело трансформации», санскр. нирманакайя, «проявленное тело») — термин, обозначающий человека, идентифицированного в качестве реинкарнации ранее умершего мастера.

Хадак (тибет.) — тончайший церемониальный шарф, обычно из белого шёлка, который традиционно подносится ламе при встрече и в знак уважения.

Цурпу — историческая резиденция Кармап, расположенная в Тибете в долине Толунг, недалеко от Лхасы.

Ченреси (тибет.) — см. Авалокитешвара.

Чуба (тибет.) — традиционная одежда мужчин и женщин в Тибете.

БЛАГОДАРНОСТИ

В процессе написания этой книги множество людей помогли мне в моих изысканиях. Некоторые из них не захотели афишировать своего имени. Я нахожусь в долгу перед этими людьми за проявленную ими доброту и терпение, за то время, которое они потратили, чтобы помочь мне. Мне бы хотелось выразить особую благодарность Норме Левин, которая с самого начала стала моим наставником, указывая мне путь в многообразном лабиринте тибетского буддизма. Она открыла для меня двери, которые в противном случае остались бы плотно закрытыми, и щедро делилась своими знаниями и мудростью. Без её участия эта книга никогда не была бы написана.

Я в долгу перед Ани Чодрон, чья вера вдохновила запуск этого проекта, а неослабевающая поддержка и содействие стали ключевыми факторами, которые помогли довести его до конца.

Я также признателен Ани Иа за советы, помощь и неиссякающий поток электронных писем. Я благодарен Ринчен Кхандро и Ламе Сангмо. Я выражаю особую признательность Мишель Мартин за её рекомендации и за то время, которое она потратила на перевод, советы и корректуру. Собственная книга Мишель о Кармапе, «Музы-

ка в небесах»*, явится ценным источником информации для всех тех, кто захочет узнать больше о жизни Его Святейшества 17-го Кармапы и его учениях. Я с благодарностью вспоминаю Эдварда Хеннинга, который великодушно поделился своим богатым опытом специалиста-буддолога и сделал ряд ценных замечаний по части тибетской терминологии и тибетскому буддизму в целом. Я безмерно благодарен Робби Барнетту за увлекательный экскурс в историю китайско-тибетских отношений.

Я также признателен всем тем, кто оказал мне помощь, поделился знаниями и драгоценным временем. Это: Кабир Беди, Рахул Беди, Роберт Чалмерс, Тьерри Додин, Кит Доуман, Мартина Дразчик, Мэри Финниган, Луиз Фурнье, Хлое Фокс, Патрик Френч, Клэр Гэйлз, профессор Е. Харалдсон, Кен Холмс, Ворд Холмс, Еше Джунгне, Франклин Кьермэйер, Клеменс Кьюби, Митчелл Леви, Мартин Марвет, Джок Миллер, Биргитт и Юрген ван ден Мойзенберг, Дэйвид Натт, Ричард Оппенгеймер, Эрма Паундз, Лама Пунцок, Джон Рекрофт, Рингу Тулку, Тубтен Сампел, Кэйт Сондерс, Клэр Скоби, Церинг Шакья, Джин Смит, Эмма Соамс, Эндрю Стэлбоу, Терри Салливан, Тензин Такла, Лодро Тарчин, Лама Тенам, Дипак Такур, Далха Церинг, Тензин Геше Тетонг, достопочтенный Трангу Ринпоче, Лама Цеванг, Таши Вангди, Наоми Уэст, Алекс Уилдинг, Кэтрин Уилсон и Лама Еше.

Я также хочу выразить благодарность Уиллу Элсуорт-Джонсу, Ричарду Брэнсону и Хамишу Девару за их дружбу и поддержку, а за наше совместное путешествие — ставлю огромную кружку холодного пива Хамишу!

Я особенно признателен Каролине Донэй за её помощь и понимание. Также очень благодарен Лиз Калдер и Рут

* Книга Мишель Мартин готовится к публикации в издательстве «Открытый Мир».

Логан из издательства «Блумсбери» за их веру в этот проект с самого его начала, за доверие и поддержку, и отдельное спасибо Кэтрин Гринвуд за тщательную редактуру и безграничное терпение.

Я очень многим обязан моей жене Патрисии и моим детям: Селесте, Доминику и Клементине за их безмерную помощь, терпение и любовь.

В заключение хочу сказать, что остаюсь в глубоком долгу перед Его Святейшеством 17-м Кармапой, чьи слова при нашей первой встрече послужили мне путеводной звездой во время написания этой книги и которые, надеюсь, я смог оценить по достоинству.

Более подробную информацию о деятельности центров традиции карма кагью 17-го Кармапы Ургьена Тинля Дордже в России вы можете получить по следующим электронным адресам:

www.karmakagyru.ru

www.kagyru-kdl.ru

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мик Браун, родившийся и живущий в Лондоне, работает журналистом и радиоведущим, а также является автором четырёх книг: «Richard Branson: The Inside Story», «American Heartbeat: Travels from Woodstock to San Jose by Song Title», «The Spiritual Tourist: A Personal Odyssey Through the Outer Reaches of Belief» и «Performance».

В настоящее время он занят написанием биографии Фила Спектора (Phil Spector) для издательства «Блумсбери».

Серия «САМАДХИ»

Научно-популярное издание

Мик Браун
ТАНЕЦ 17 ЖИЗНЕЙ

Невероятная и правдивая история
17-го Кармапы Тибета

Перевод с английского
Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова
Под общей редакцией *А. Нариньяни*
Корректоры *О. Соколова, Е. Степанович*
Оригинал-макет *Е. Ниверт*

ООО «Открытый Мир»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18, стр. 1
Тел.: +7 495 789 82 31
Наши электронные адреса:
<http://www.ombooks.ru>,
E-mail: samadhi@ombooks.ru

Подписано к печати 26.06.2008
Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68
Тираж 3000 экз. Заказ №

«Открытый Мир» — это пространство, объединившее под одной крышей центр с многочисленными развивающими программами и семинарами, чайную студию, издательство, туристическое бюро, магазин и интерактивную зону для встреч и общения с известными мастерами, музыкантами и интересными личностями.

Практики работы с телом

Йога, восточные единоборства, оздоровительные программы, массаж, а также специальные занятия для женщин и детей.

Психология и саморазвитие

Конференции, обучающие и развивающие семинары по психологии личности, системные расстановки. Широкий спектр трансперсональных практик, семинары по буддизму, традиционному и современному шаманизму и другим направлениям духовного развития.

Арт-события

Фестивали, выставки, перформансы, концерты, спектакли и танцевальные джемы. Регулярные занятия в арт-лаборатории: работа с голосом, рисование, танец и пластика.

Чайная студия

Комфортное и гостеприимное пространство с прекрасными чаями для общения с друзьями или деловых встреч. Здесь регулярно проходят занятия чайной школы, дзен-чаепития, концерты живой музыки — по средам.

Бюро путешествий

Увлекательные нестандартные путешествия, захватывающие экспедиции по самым уникальным местам планеты.

Магазин-галерея

Оригинальные сувениры, книги, музыкальные и видеодиски, предметы для телесных и духовных практик. На площадке Магазина-галереи постоянно проходят мастер-классы, концерты, открытые встречи с известными людьми.

Центр интегрального развития

ОТКРЫТЫЙ @ мир

ул. Павловская, 18
Тел.: +7 495 725 58 65
info@openw.ru
www.openw.ru